ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ АЛИСЫ

Кто меня убил?

18+

Алена Тимофеева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

МИСТИЧЕСКАЯ НОВИНКА ОТ АЛЕНЫ ТИМОФЕЕВОЙ!

ФИЛЬМЫ ДЭВИДА ЛИНЧА ВСТРЕЧАЮТСЯ С КНИГАМИ СТИВЕНА КИНГА!

Жить нужно научиться, это главный навык, который человек приобретает в течение долгих лет.

Что вы будете делать, если узнаете о собственной смерти? А если вам предложат занять место проводника душ в стареньком трамвайчике посреди лондонского леса? Алиса мертва, но она вернулась в мир живых, чтобы найти своего убийцу.

Загадочный парамедик, который вытащил Алису с того света, все больше занимает ее мысли. Он – злой рок или судьба?

У Алисы столько вопросов. Действительно ли ее пытались убить? Грань между реальностью и фантазией стирается. Сможет ли она узнать правду?

«По другую сторону Алисы» – новый роман писательницы молодежной прозы Алены Тимофевой. Автор сталкивает реальность и фантазию, искусно переплетая судьбы героев и ведя читателя по разным дорогам. Но все они ведут к одному – к себе.

Погрузитесь в атмосферу туманного Лондона, где вы встретите своего проводника в мир мертвых, откроете занавес бытия и вспомните, что такое любовь.

Роман понравится поклонникам Стивена Кинга, Шерли Джексон, Холли Блэк.

«Гипнотическая история, загадки которой заставят вас оторваться от реальности и пуститься в удивительное путешествие! Смена городов, «игры разума» и стертая грань реальности! После этой книги вы на многое посмотрите другими глазами!» – *Летучая мышка, блогер, dark_side_of_the_bat.*

«Что, если сомнения в собственном рассудке – лишь верхушка айсберга всех загадок? Каждое новое открытие становится еще более шокирующим, и Алисе предстоит распутать клубок необъяснимых событий и раскрыть все тайны, прежде чем время окончательно исчерпает себя. Погружаясь в эту историю, вы не сможете предугадать следующий сюжетный поворот, пока он не столкнется с вами лицом к лицу, заставляя задуматься о скрытых гранях реальности.» – *Ксения Хрони, книжный блогер kseni_horny.*

«Погружение в эту историю неизбежно! Тайны и загадки, которые, словно пазл, складываются в единое целое по кусочкам, увлекая нас в интригующую игру разума, в которой до самого конца не угадаешь происходящее. Эта книга без сомнений покорит каждого, кто обожает необычные сюжеты и стремится

испытать своё чутьё и стойкость нервов.» – *Полина Резникова, книжный блогер, your_dream_in_books.*

Читайте в авторской серии: «Одержимость Беллы Холл».

Обложка от известного молодежного художника VIS.

- АленаТимофеева
  -
  - Дисклеймер
  - Пролог
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Часть IV
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть V
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5

        - Глава 6
    - Часть VI
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
    - Часть VII
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
    - Часть VIII
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
    - Часть IX
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
    - Часть X
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 5
        - Глава 6
    - Часть XI
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
    - Эпилог
    - Плей-лист
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

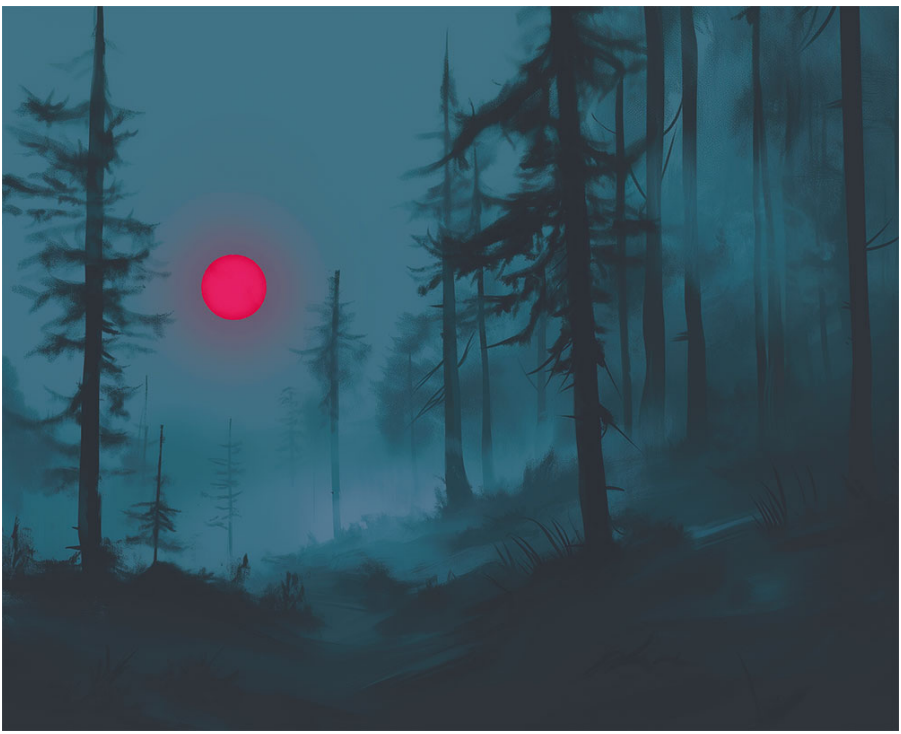
«Что, если сомнения в собственном рассудке – лишь верхушка айсберга всех загадок? Каждое новое открытие становится еще более шокирующим, и Алисе предстоит распутать клубок необъяснимых событий и раскрыть все тайны, прежде чем время окончательно исчерпает себя. Погружаясь в эту историю, вы не сможете предугадать следующий сюжетный поворот, пока он не столкнется с вами лицом к лицу, заставляя задуматься о скрытых гранях реальности».
КСЕНИЯ ХРОНИ,
книжный блогер, kseni_horny
«Погружение в эту историю неизбежно! Тайны и загадки, которые, словно пазл, складываются в единое целое по кусочкам, увлекая нас в интригующую игру разума, в которой до самого конца не угадаешь происходящее. Эта книга, без сомнений, покорит каждого, кто обожает необычные сюжеты и стремится испытать свое чутье и стойкость нервов».
ПОЛИНА РЕЗНИКОВА,
книжный блогер, your_dream_in_books

АленаТимофеева
По другую сторону Алисы

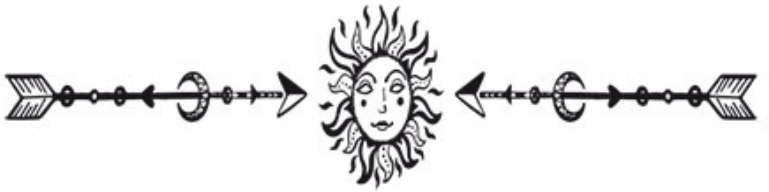
Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© galunga.art / Shutterstock.com / FOTODOM
© Тимофеева А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

* * *

Моей бабушке, бесконечно люблю и скучаю



Дисклеймер



Автор предупреждает, что в романе присутствуют сцены употребления психотропных препаратов, психологического и физического насилия, если для вас подобные темы являются триггерными, пожалуйста, читайте с осторожностью. Все происходящее в книге – вымысел.

Пролог

Я никогда не любила романы, истории, рассказы, новеллы – все, что могли придумать писатели, где повествование велось от первого лица. Подобный стиль подачи сюжета сильно сказывался на моем впечатлении о самой книге, словно автор пытался навязать собственное мнение, не оставляя для меня никакого выбора. Вот главный персонаж – протагонист, герой, ты должен любить его и сопереживать ему! Но могу вам сразу сказать: любить меня вы не обязаны, сопереживать – только на ваше усмотрение, и я уж точно не герой. Но пишу от первого, непосредственно от своего лица, так как это безумное приключение произошло именно со мной и больше ни с кем другим… хотя кто знает, возможно, в этом я не одинока.

Часть I
Трамвай в лесу

Глава 1
День рождения

Верный смартфон, который заменял мне все на свете, в том числе и самое отвратительное изобретение в мире – будильник, проиграл, не знаю, в какой раз, мою любимую композицию Вивальди. Впервые мне так отчаянно не хотелось слышать звук этих музыкальных инструментов. Голова раскалывалась, скрипки, словно маленькие пилы, совершенно беспощадно раскраивали мой мозг пополам. Не открывая слипшихся глаз, я пыталась нащупать в этой кромешной темноте маленькое пыточное устройство, именуемое телефоном. Уронив вазу с удивительно прекрасно вписавшимся в эту атмосферу звоном и разлив остывший кофе из забытой кружки на тумбочке, я наконец-то прекратила этот незапланированный концерт. Или… запланированный, вот только для чего, не могла вспомнить. Попыталась нащупать ногой на полу тапочки, потерла глаза, вздохнула от собственного бессилия и… так и не нашла обувь на полу. Более того, на мне было надето платье, совершенно потрясающее, розово-пудровое, цвет определила интуитивно, только по ощущению – всего одна вещь в моем гардеробе из чистого шелка, и, что особенно радовало, оно, похоже, не сильно помялось.

Разумеется, все могло измениться, если включить свет. Как же мне это сделать? Я осмотрелась, увидела огромные панорамные окна, дрожащие на портьерах тени от веток. Не у многих моих друзей хватило бы денег на коттедж в лесу, да еще и с подобными окнами. Возможно, он даже назывался не коттеджем, откуда мне, бедной иммигрантке, знать, как называются такие дома? Сарказм проснулся, осталось проснуться моей памяти. Медленно встала с кровати, не сдержав короткого «ой!», вызванного, скорее всего, неудобной позой во сне. А может, меня просто вчера избили? Мои нерадостные размышления были бесцеремонно прерваны внезапно распахнувшейся дверью. Свет, озаривший мою кровать, добавил еще одну печальную новость – платье безнадежно измялось.

– Ты проснулась? А я не верила, что услышишь будильник после вчерашнего представления, – обладательница этого стеклянного дома сложила свои неприлично пухлые губы в понимающую ухмылку. Из-за желтого света копна ее кудрявых медных волос казалась огненной. Человек-факел. Я абсолютно по-дурацки хихикнула.

Ева, по всей видимости, решила, что я отреагировала таким образом на шутливое высказывание, и ее ухмылка стала еще более «понимающей». В моей памяти хаотично всплывали фрагменты вчерашнего веселья. Весь «стеклянный дом» был наполнен людьми. Откуда взялось столько друзей и знакомых? Как вообще нескромная обитель выдержала и не лопнула под давлением толпы и громкой музыки, творчества диджея, который как мог поиздевался над песнями известной поп-звезды? Вопрос.

– Малыш Джейми так хотел дождаться твоего пробуждения, даже строил героические планы охранять твой сон, сидя всю ночь под дверью твоей комнаты, – Ева рассмеялась так естественно и красиво, что я невольно позавидовала, как у нее это вышло. Мой смех больше походил на истеричные вопли утренних чаек.

– И что же могло помешать ему совершить этот подвиг? – Я удивилась, как хрипло прозвучал мой голос. Разве я скандировала вчера спортивные речевки?

Подруга сдвинула идеальные изогнутые брови и картинно вздохнула:

– Непредвиденные обстоятельства, смею предположить, что невероятная русская водка, которую он собирался пить весь вечер, а на самом деле осилил две рюмки, оказалась действительно невероятной, хотя и не в том смысле, в котором он ожидал. Срочная эвакуация домой, – она развела руками. – Но ты же не расстроена?

Ева была обеспокоена на полном серьезе. Позволив себе откашляться, я криво улыбнулась:

– Конечно нет, он не в моем вкусе. Его огромная машина, модный лофт и чудесный кокер-спаниель никак не могут привлечь такую девушку, как я!

Мы залились, казалось, еще пьяным смехом. Отсмеявшись, я с самым наисерьезнейшим видом спросила подругу:

– Как там, за тридцать? Песок не сыплется?

Казалось, аристократично-бледное лицо хозяйки дома потемнело. Всего на мгновение. Ева выдала подобие улыбки и с достоинством тридцатилетней незамужней девушки ответила:

– Ждала от тебя в подарок совок и ведерко, чтобы за собой песок убирать, но, увы, от своей лучшей подруги я получила лишь жалкий сертификат на прыжок с парашютом. – Она сделала театральную паузу. – Ты хочешь меня убить?

Именно день рождения Евы, который мы так безудержно отмечали вчера вечером, стал причиной моих провалов в памяти.

– Дорогая, я лишь хочу отвлечь тебя от разговоров о поисках избранника и обратить твое бесценное внимание на новые цели, связанные только с тобой! – Я абсолютно искренне ей

улыбнулась.

Она вновь вздохнула и посмотрела на меня, слегка прищурив зеленые глаза. Ну просто вылитая ведьма из Салема!

– Лучше бы сертификат к профессиональной свахе подарила, и тогда бы я со своим молодым, красивым и богатым мужем с удовольствием прыгнула с парашютом!

От нашего смеха, казалось, могли лопнуть эти великолепные панорамные окна. Но, к несчастью, моя память по мне соскучилась и начала постепенно возвращаться. Я перевела взгляд на предмет моей недавней ненависти – десять пропущенных. Черт. Забыла сказать Джо, что останусь у подруги. Хотя я и сама не знала, что меня будет ожидать такой финал. И как только я не услышала десять рингтонов великого Имперского марша, а скрипочки Вивальди возымели на меня такое безотказное действие с первого раза? Вопрос на миллион фунтов. Надо бы ему перезвонить. Мужу, конечно, Антонио мне вряд ли ответит.

– Мой благоверный звонил десять раз, десять! Радуйся, что не замужем, тебе не грозит участь быть расстрелянной по приезде домой от подруги.

Она не преминула со мной не согласиться:

– О, бедненькая Элис, ее *муж,* – она сделала невероятный акцент на этом слове из трех букв, – звонил своей любимой жене, потому что волновался! – Она даже всплеснула руками для усиления эффекта негодования.

И как только своей красивой, умной, молодой подруге внушить, что замужество – еще не показатель успеха. Но из моих уст для нее это звучало бы как издевка. Я откровенно завидовала Еве, ее одиночеству. Мне порой действительно казалось, что мой некогда возлюбленный планирует огреть меня чем-нибудь тяжелым по голове и скинуть мой труп в Темзу. Переезд в Англию представлялся мне мечтой, настолько романтизированной, что я даже не заметила, как оказалась замужем за суровым, мрачным и весьма агрессивным человеком. С виду, особенно когда мы вместе посещали наших, вернее сказать, его друзей, которые жили в этих домах из фильмов – больших, с красивым садом, мы производили впечатление невероятно счастливой пары, а он сам – истинного джентльмена и заботливого мужа. Конечно, позаботился о бедной русской сироте, живущей с единственным оставшимся в живых родственником, любимой бабушкой. Ох, как обманчива бывает внешность и тот имидж, что мы создаем для окружающих! Ева вот, например, пребывала в уверенности, что я счастлива в браке и без ума от своего муженька. Поэтому мне оставалось только вымученно улыбнуться и согласиться с ней:

– Ты права, конечно. Как думаешь, он не сильно разозлится, если я позвоню ему прямо сейчас? Все-таки двадцать минут четвертого на часах.

Ева недоуменно взглянула на меня:

– Да какой нормальный муж будет спать, когда его жены ночью нет дома! – Она так разволновалась, что голос стал выше и звучал гораздо громче обычного. На ее глазах выступили слезы – возможно, алкоголь еще не выветрился и усилил восприятие ситуации раз в двадцать, либо она на самом деле жалела моего мужа и считала меня безответственной.

– Я все-таки позвоню ему, когда буду выезжать, вдруг спит, у него какое-то важное совещание утром, не хочу будить. – Я решительно отложила телефон и встала. – Приму душ, ты не против?

Подруга только хлопала длинными ресницами. Наконец она кивнула и сказала:

– Как знаешь, полотенце в шкафу около окна, найдешь.

Поджав губы, Ева удалилась из комнаты. Четыре утра. Вооружившись пушистым белым полотенцем, я отправила свое многострадальное тело в ванную. Устало прислонившись спиной к закрытой двери, я закрыла глаза, задумавшись о том, есть ли у меня вообще друзья.

Глава 2
Двое в лодке

Неспешно приняв животворящий душ, горячие струи которого немного привели меня в чувство, я завернулась в полотенце. С потемневших от влаги волос капли воды стекали на черный кафель. Я протерла кругляшок в запотевшем зеркале, чтобы оценить ущерб, нанесенный неистовым празднеством. Вроде выглядела я не так ужасно, как представляла. Алкоголь явно еще не выветрился. Синяки под глазами проступали не сильно, даже тоненький шрам, что тянулся от скулы вдоль щеки до самого угла челюсти, не так бросался в глаза. Он вообще обычно был незаметен, особенно если у меня имелся загар, настолько он тонкий и расположен близко к уху, да еще и постоянно скрыт слегка вьющимися мягкими волосами, спадающими ниже узких плеч почти до лопаток. Красотка. Послав зеркалу неуклюжий воздушный поцелуй, я отступила на шаг. И осталась недовольна. Поэтому снова подошла к зеркалу, на этот раз вплотную, и, перегнувшись через раковину, смачно чмокнула свое отражение. Каким-то чудом уцелевшие остатки розовой помады украсили запотевшее зеркало. Идеально. Ева, конечно, будет злиться, да и отправит мне письмо счастья вдогонку, но я уже буду на полпути к дому, когда она заметит. Я хихикнула уже второй раз за ночь, или, скорее, первый за утро.

В голову прокралась манящая мысль: «А может, и вовсе не ехать домой?» Позавтракаю в кафе, прогуляюсь по городу, а потом… До «потом» надо дожить. Дав моей мысли окрепнуть, я пришла к выводу, что пора ее воплощать. Жаль, на работу не могу пойти: у меня ее не было. Мой благоверный решил, что мне будет не по статусу трудиться рядовой медсестрой в городской больнице, когда к нему самому обращаются за консультацией весьма высокопоставленные граждане. Вопрос только в том, почему работающая жена хуже безработной домохозяйки. Да и образование у меня высшее имелось, между прочим, подтвердила диплом в Лондоне, добрала кредиты, получила лицензию. Джо и детей не хотел… спрашивается, зачем ему жена дома, если и то, как готовлю, ему тоже не нравилось? Каждый вечер приходил домой с едой навынос. Сплошные загадки. Вернувшись в комнату, я обнаружила рыжеволосую хозяйку дома, восседающую на уже застеленной кровати. Ее лицо приняло задумчивое выражение, одну ногу она закинула на другую, и левая нервно подергивалась. Подбородок с ямочкой поддерживала рука, украшенная алым

маникюром, опирающаяся локтем на колено. Сама печаль. Я закатила глаза. Видимо, мое присутствие вывело ее из прострации.

– Я тебе приготовила джинсы и футболку. Не поедешь же ты к Джо в мятом платье, еще закрадутся в его светлую голову подозрения.

Она просто обожала врачей, считала их чуть ли не божествами. Правда, ее любовь распространялась только на мужчин. Какой сексизм. Чувство бессильной злобы накатило лавиной. Я постаралась успокоить эту неукротимую стихию и стала отсчитывать от десяти.

– Ты так и будешь стоять? Уже покрылась гусиной кожей, я отсюда вижу, не хватало только, чтобы ты заболела.

Я посмотрела на нее. Наверное, что-то в моем взгляде напугало подругу, поэтому она спешно поднялась с кровати и со словами «ну, ты переодевайся, не буду мешать» вышла из спальни. Гостевая комната некогда принадлежала младшему брату Евы, который, к слову, быстренько в свои двадцать пять женился по залету на обычной, ничем не примечательной девушке и теперь, несмотря на полное отсутствие высшего, да и вообще какого-либо образования (школу-то с трудом окончил), а также не имея работы, приносящей стабильный заработок, стал предметом гордости семьи Блум. Просто чудесно.

С Евой я познакомилась в книжном магазине, когда потерялась среди стеллажей и пыталась найти историю Великобритании в отделе фэнтези. Добрая рыжеволосая ведьма меня вывела, а заметив у нее в руках мою любимую книгу, я осмелилась предложить ей выпить со мной кофе в кафе неподалеку. Так она и стала моим первым другом в этой чужой для меня стране. При воспоминании об этом злоба, так внезапно нахлынувшая, так же резко меня и оставила. Уф. Так, джинсы. Минут через тридцать я была окончательно готова покинуть дом подруги. Спустившись по деревянным широким ступеням, позвякивая ключами от моего, ладно, моего мужа «Порша», я могла думать только о кофе. Его запах, разносившийся по всему дому, весьма способствовал этим размышлениям.

– Кофе? – лучезарно улыбаясь, Ева протягивала мне коричневый одноразовый стаканчик с черной крышечкой. Как предусмотрительно. Ну да, я же тороплюсь домой.

– Прости, я думала, ты спешишь, – быстро подтвердила мои догадки подруженька, и мне оставалось только со словами благодарности взять у нее из рук ароматный напиток. На вкус он оказался чудесным, с корицей. Зная, что она терпеть не может корицу и добавила ее только ради меня, я чуть не расплакалась.

– Спасибо за столь прекрасный вечер, перетекающий в ночь, – с ухмылкой обняла я Еву на прощание и под ее «передавай привет Джо» вышла на улицу.

Ах, лето. В воздухе слышался запах леса, кофе и раннего утра, который просто нельзя передать. К сожалению, ансамбль дополнял и утренний туман, что мог весьма осложнить мне дорогу. Отхлебнув волшебно пахнущего напитка, я опустила стакан в подставку и завела двигатель. Включила плейлист на айфоне. Под торжественный хит середины восьмидесятых я взяла курс в сторону Лондона. Как же еще долго ехать.

Прошло минут сорок, когда меня осенило – я окончательно заблудилась. Ладно, навигатор, помоги. Но, похоже, сегодня мобильный не числился в списке моих друзей, так как в отчаянных попытках переключиться с музыкального приложения на карту смартфон решил, что вот он, тот самый момент, когда настал его черед умереть. А день так хорошо начинался. Я вспомнила все известные ругательства на английском, а когда мой ограниченный запас скверных слов иссяк, я дополнила их на русском. Ладно, не стоит унывать, Алиса. Я с опаской поглядела на кофе. Только ты не подведи. Остыл, но я хотя бы в руках его удержала и не разлила. Интересно, что там по гороскопу? Львам сегодня нельзя выходить из дома, потому что велика вероятность, что вам на голову свалится пианино? Я почти рассмеялась. И заплакала. Хорошо, надо попробовать вернуться, может, пропустила поворот? Развернувшись, я поехала в обратную сторону, вдоль озера.

Солнце тем временем взошло, и вода поблескивала на свету. Так и тянуло искупаться. А что, собственно, меня останавливает? К мужу я не спешила, дел никаких не планировала важных. Решено. Раз я заблудилась, позволю себе эту радость. Припарковавшись, я прямо так и вывалилась из машины. Ауч. Хорошо, что в джинсах. Не буду я больше столько пить. Но кого я пытаюсь обмануть. Прихрамывая и вздыхая о своей судьбе, я направилась к озеру. Издалека оно поражало своим цветом и казалось просто огромным. Водоем спрятался в высокой траве, и к нему нужно было спуститься по небольшому склону. Предвкушая теплую водичку, я осторожно начала спуск. Однако я, кажется, упустила ту вероятность, что могу в половине шестого утра здесь находиться не одна. От берега оттолкнулась зеленая лодка, а я почему-то пригнулась, повинуясь непонятному инстинкту, и, более того, осталась наблюдать. Лодкой управлял молодой человек, разглядеть его, конечно, не представлялось возможным, но я смогла отметить длинные темные волосы, как у моего мужа, собранные в небольшой хвост. В самой лодке что-то лежало. Не

видно. Я сделала несколько осторожных шагов ближе к воде. Показалось нечто бело-синее. Мужчина греб весьма интенсивно, и его уже было не различить, только лодку и голубое пятнышко, усердно орудующее веслами. Минут через пять, а именно столько времени я потратила зачем-то на непонятные наблюдения, незнакомец остановился, затем поднялся и перекинул свой груз за борт. Невольно мне вспомнилась злая шутка о моей возможной кончине от руки Джо. Ладно, купание, видимо, отменялось, черт с этим парнем и его лодкой, мне и правда пора было вернуться к поискам дороги.

Я приготовилась идти обратно, но в последний раз взглянула на молодого человека в лодке. Мне, возможно, привиделось, что он смотрел на меня, но как я могла знать наверняка, если даже лица его не было видно? Стало жутко, на небе появились тучи, и я ускорила шаг в сторону своего автомобиля. Сев в машину, я отпила ледяного кофе, завела двигатель и приготовилась выезжать. Посмотрев в зеркало заднего вида, я не сдержала крик. Из отражения на меня смотрели холодные голубые глаза моего мужа.

Глава 3
Эйч

Не повторяя ошибок героинь фильмов ужасов, я резко нажала на педаль газа. В зеркале никого не было. Алкоголь? Воображение? Стресс? Слезы лились по щекам. А тем временем погода, решив, что сделает мне приятно, если подстроится под мое настроение, устроила проливной дождь. Аккомпанементом стал гром, от звуков которого я подпрыгивала на сиденье и еле удерживала скользкими от слез пальцами руль. Я понимала, надо остановиться, так я врежусь во что-нибудь или в кого-нибудь. Припарковалась на обочине. Заметила только сейчас, что мне не встретилось ни одной машины. Ни одной легковушки, грузовика, «скорой». Уже пробило семь. Должен же был хоть кто-нибудь проехать по этой проклятой дороге? Но я находилась в такой глуши, что даже движения не было. Ехала неизвестно куда, позвонить не могла, даже из машины было не выйти! Но хоть двигатель работал. Трясло меня мелкой дрожью. Врубила печку и радио. Плевать хотелось даже на бензин. Пыталась реанимировать телефон. Тщетно. Передумав насчет бензина, выключила двигатель, тем самым прекращая проникновенные завывания блюза шестидесятых. Бесило в тот момент даже то, что обычно радовало. Нашарив на заднем сиденье цветастый палантин, явно не мой, завернулась в него. Он пах чем-то свежим, акватическим. Даже немного отдавало арбузом. Странно, Ева любила тяжелые пудровые запахи, чей он? Неужели Джо завел себе бедную любовницу с плохим вкусом? Я все-таки рассмеялась. Будь это так, я только обрадовалась бы, даже на их свадьбу сервиз бы подарила, по русской традиции. Вспомнив о муже, поняла, что так ему и не позвонила. Огорчил меня этот факт или нет, не понимала. С одной стороны, он бы меня отправился искать, я так думала и надеялась, а с другой – столько бы пришлось выслушать о себе… Лучше смерть в лесу. Судя по обстоятельствам, такой исход был вполне вероятен. От пережитого за столь короткий промежуток времени мой измотанный организм стремительно обволакивала дрема, веки налились свинцом, и я начала проваливаться к своему второму лучшему другу – Морфею.

Тук-тук-тук – стучала мне за дверью Ева. Тук-тук-тук – еще громче и настойчивей. Мне все приснилось и я не услышала будильника? Так бывает, когда собираешься куда-то и засыпаешь с мыслью, что тебе скоро вставать. Тук-тук-тук – я распахнула глаза. За лобовым стеклом било в глаза солнце, добро пожаловать

в реальность, в страну кошмаров. Зевнув, я медленно повернула голову на источник звука и снова чуть не вскрикнула – в окно водительской двери заглядывало улыбчивое лицо мужчины средних лет. Темнокожий, в забавной шапочке. В забавной шапочке летом. Но хоть кто-то. Может, подскажет, как вернуться к дороге в Лондон. Опустила стекло, сощурилась, и руку пришлось сделать козырьком.

– Сэр?

Мужчина подмигнул.

– Проснулась, красавица? Знаешь, что у тебя колесо спустило?

Хорошие новости, приключения не заканчивались. Я постаралась взять себя в руки.

– Сэр, я Элис. Как к вам можно обращаться?

Мужчина помедлил, разогнулся, должно быть, ему надоело нагибаться к моему спорткару, и произнес:

– Зови меня Эйч, мое имя редкое и сложное, поэтому все так и зовут – Эйч, – он вновь дружелюбно улыбнулся.

Я обратила внимание на его голос – низкий с хрипотцой, таким только блюз исполнять. Вышла из машины.

– Вы не на людей в черном работаете? – не удержалась я. – Как там Кей с Джеем поживают?

Эйч с удивлением на меня посмотрел и ласково произнес своим удивительным голосом:

– О чем ты, девочка? Я не знаю этих людей, – покачал головой мужчина. Причем его голова, простите за тавтологию, возвышалась надо мной на целую голову. Несмотря на его полное незнание таких великих персонажей, я почему-то сразу к нему прониклась доверием. Ну не мог же человек с таким завораживающим голосом и в забавной шапке летом оказаться серийным убийцей. Хотя мог. Но я очень быстро прогнала эту мысль.

– Сэр. Мистер Эйч, понимаю, странно, но можно мне позвонить с вашего телефона? Мой сломался, а я никого не успела предупредить, заблудилась, и вот… что имеем. – Я с надеждой поглядела на Эйча.

Он хмыкнул и достал из заднего кармана мобильный телефон, ту самую, неубиваемую модель.

– Просто Эйч, без «мистер». Держи, – он протянул мне раритет.

– Спасибо. – Я начала трясущимися руками набирать номер. Гудки. На удивление мне ответил бархатный, родной женский голос: «Здравствуйте. Вы позвонили Еве Блум. Сейчас я не могу ответить на ваш звонок. Оставьте, пожалуйста, сообщение после

сигнала». Отлично. Просто отлично. Но сообщение я все-таки оставила:

– Ева, это твоя глупая подруга Элис. Очень глупая. Я так и не позвонила Джо. Предупреди его, колесо пробило, запаски нет, телефон сдох, я почти тоже, нахожусь около… Эйч, где я? – прикрыв ладонью трубку, спросила я.

– Ты недалеко от водохранилища Кинг Джордж, – странно на меня глянув, вымолвил он.

Ах вот где я, так это было не озеро, я на правильном пути. И продолжила:

– Я недалеко от водохранилища Кинг Джордж, по сути, не настолько далеко от Лондона, пожалуйста, перезвони потом на этот номер, владельца зовут Эйч, – нажав отбой, я вернула телефон доброму самаритянину. И на всякий случай уточнила у Эйча:

– Можно подруга перезвонит вам? Я боюсь, что обязательно еще что-нибудь случится, – как же жалобно звучали мои слова.

– Если будешь об этом думать, конечно, случится. Пусть звонит, другого варианта у тебя пока нет, – улыбнувшись, он полез во внутренний карман куртки. Я отступила. Дура. Он, заметив мою реакцию, хрипло рассмеялся и достал сигареты.

– Будешь? – предложил он, протягивая мне пачку сигарет.

Я замахала руками.

– Что вы, что вы, я не курю, – поспешила заверить мужчину.

Блеснул огонек сигареты. Эйч с чувством затянулся.

– Я лесничим работаю, недалеко отсюда моя хижина, – произнес он, выдыхая сизый дым. – Не хочешь пока там переждать?

Задумавшись, я не успела ответить, и он продолжил:

– Выпьешь чаю, дождешься помощи и поедешь с богом, – он улыбнулся. Ровные зубы его сияли белизной, несмотря на вредную привычку. Счастливчик.

Осознавая свою усталость и возможную опасность такого предложения, я все равно согласилась. Да и страшно одной на дороге. Пустой. До сих пор не проехало ни одного вида транспорта. Я уже и лодке была бы рада, гребущей по асфальту. Вспомнив о лодке, я поежилась.

– А вы не в курсе, трассу перекрыли или что? – спросила я единственную живую душу на милю вокруг.

Эйч пожевал сигарету, затем потушил ее о землю и оставил бычок в руке. Какой молодец, не зря лес охраняет.

– Нет, красавица, ни о чем таком не слышал, – помпон на его макушке покачался в такт.

– Просто странно, если бы случилась авария, уже летели бы

вертолеты, хоть какие-то звуки, опять же сирена «скорой», – продолжала я размышлять вслух. Но Эйч шел впереди и словно меня не слышал. Мы зашли довольно глубоко в лес. Сухие ветки хрустели под ногами. Солнце пробивалось сквозь зеленую листву, с нее же мне на нос капнула дождевая вода. Морщась, я вытерла каплю.

– Эйч, долго еще? Далеко хижина? – Я вела себя как ребенок, но я так устала, что не могла ничего поделать.

Внезапно лесничий остановился, и я, не успев затормозить, врезалась в его широкую спину.

– Пришли, девочка. – Он указал рукой на старый, невероятно старый трамвай. Опустив взгляд, я обнаружила трамвайные пути. Все это время мы шли по ним.

Глава 4
Трамвай «желание»

Пока мои глаза силились покинуть глазницы от удивления, погода вновь сменила милость на гнев – ох, непостоянная она женщина – и хлынул сильный дождь. Такой сильный, что в спину ударяли тяжеленные капли, волосы и одежда мгновенно вымокли. Эйч, воспользовавшись моим ступором, уже открыл двери старинного трамвая, показалось, даже деревянного, и громогласно провозгласил:

– Ну, красотка, думаешь, пневмония скрасит твое одиночество? – Он жестом показал заходить внутрь.

Одиночество? У меня кольцо на пальце! Машинально опустила взгляд на безымянный палец левой руки – обручального кольца из платины с бриллиантом не было. На правой, кстати, тоже, вдруг по русской привычке надела на другую. Джо точно меня убьет. Хотя, может, я забыла на тумбочке в спальне брата Евы? Эта чистюля обязательно его найдет и вернет, поругав при этом за неосмотрительность. Я обреченно вздохнула, неизвестно уже в который раз, и проследовала в трамвай. Чертыхнувшись, пока забиралась в импровизированную хижину, я вновь чуть не получила травму колена. Даже гравитация сегодня настроилась против меня. Эйч по-джентльменски помог мне подняться, и я наконец смогла оценить его рабочее и в то же время жилое пространство. Как он мастерски обустроил жилище! Никаких пассажирских сидений, конечно, не было. Зато их место занимала удобная на вид кровать; почему-то, глядя на нее, я невольно покраснела. Странно. Стены украшали полки с книгами, на небольшом письменном столе красовалась банка с окурками, куда он не забыл добавить новый. Меня это восхитило. Хотя зачем хранить банку с окурками? Где мусорка? А куда остальные отходы девать? Тут я заметила два пластиковых контейнера около кухонной тумбы. И плиточка для готовки есть, и кофеварка, и мини-холодильник. Ну просто дом на колесах. Или что там у трамвая. Я задала лесничему наиболее важный для меня вопрос:

– А туалет в этом чудо-трамвае имеется? – Прозвучало несколько раздраженно, словно это Эйч был виноват во всех моих сегодняшних злоключениях.

Мужчина стоял около той самой плитки и ставил на нее чайник. Вот же я неблагодарная.

– Конечно, имеется, пройди до конца, видишь деревянную

дверь? Там и душ, и биотуалет. Полотенца лежат в шкафчике, бери, не стесняйся, – вполне миролюбиво ответил он, так и не повернувшись ко мне. Зато наконец-то снял свою дурацкую вязаную шапку и явил миру наполовину седую голову.

Подумав о том, что неплохо бы начать ходить к психологу, я отправилась приводить себя в порядок.

В узенькой комнатке, максимум два квадратных метра, были вплотную размещены биотуалет и небольшой душ, без кабины, даже без занавески, внизу находился слив. Теперь возник новый вопрос. Точнее, сразу несколько. А вещи как он стирает? Отвозит в местную прачечную? А продукты где покупает? На чем он передвигается? Насколько все сложно и чудно. Очень. Выполнив все необходимые для меня на данном этапе жизни действия, я вышла из «ванной», замотав голову полотенцем.

Эйч разливал по чашкам чай.

– У меня есть бисквиты, вафли. Будешь? – учтиво предложил он.

Такой он милый, хоть и странноватый. Хотя это нормально, наверное, особенно если живешь один в лесу.

– Спасибо, Эйч, не откажусь, – я ощутила, что еда, в том числе и быстрые углеводы, моему организму не помешают.

– Угощайся, девочка, – лесничий подвинул ко мне вазочку с печеньем и вафлями. Я вновь почувствовала внезапный приступ гнева.

– Меня зовут Элис, не «девочка», – я гордо вскинула подбородок. – А вот вы так своего имени и не назвали. Эйч это сокращение от… Генри? Хотя, вы сказали, сложное и редкое. Хм, Гарольд? – Я выдохнула и сразу ощутила стыд: ну чего я цепляюсь к нему?!

Эйч рассмеялся и потер рукой волевой подбородок. Почему он все время смеется?

– Хорошо, любопытная Элис, или правильнее сказать Алиса? – Он назвал меня русским именем без всякого акцента. Вдруг до меня дошло, что все это время было не так. Мы говорили на русском. Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. В его темных глазах вспыхивали искорки смеха. Чему все-таки он так радуется?

– Меня зовут Харон, – кратко ответил лесничий.

Я была в замешательстве. Как проводника в мир усопших из греческой мифологии? Переправлявшего души через реку Стикс на лодке? Сегодня этот вид транспортного средства меня преследует. Но если он Харон, почему Эйч, это же вторая буква?

О чем я не преминула его уведомить.

– Но если ваше имя *Харон*[1], то почему Эйч? – спросила я с

недоверием мужчину.

Он лукаво на меня посмотрел и потянулся снова во внутренний карман куртки. На этот раз я не дернулась, молодец, вот она, работа над доверием к людям. Он вытащил очередную сигарету, чиркнул спичкой. Огонек от спички осветил хоть и не молодое, но весьма привлекательное лицо «проводника».

– Дорогая Алиса, а как, по-твоему, мне стоило сократить имя? Арон? СиЭйч? – кажется, лесничий смотрел на меня уже с усталостью. Даже мифического персонажа я утомила. Стоп. Не думаю же я правда, что он герой из древних мифов?! Конечно нет, догадался, что я русская, по акценту, а язык выучил, может, в России учился. Эти доводы меня успокоили.

«Сисси», пронеслось у меня в голове, принцесса Сисси. Я хмыкнула. Очень подходит высокому афроамериканцу.

– И кто же вас так назвал? Я понимаю, что родители, но почему у них столь оригинальная идея появилась? Откуда так хорошо знаете русский? И как так получилось, что вы работаете лесничим? Где вы покупаете продукты? Как стираете одежду? И откуда здесь, черт меня побери, трамвайные пути посреди леса?! – Вопросы из меня полились не хуже недавнего дождя с неба.

Харон затянулся, медленно выпустил дым из своих толстых темных губ и ответил:

– Назвала мама, увлекаясь в молодости греческой мифологией, русский выучил в университете, когда встречался с очаровательной девушкой из России в Бруклине, переехал в Лондон, не выдержал, – лесничий замялся, – расставания с возлюбленной. – Он серьезно посмотрел на меня, сигарета в пальцах чуть дрогнула. – За продуктами езжу в местный магазин, вещи отвожу в прачечную, а трамвайные пути не знаю, как здесь очутились, просто они существуют, и все. – Эйч затушил сигарету в пепельнице и бросил бычок в банку.

Я ощутила, как меня накрывает волна жгучего стыда. Ну почему я такая? Что мне сделал этот лесничий? Надо бы извиниться перед ним. Но не успела я начать поток заикающихся извинений, как Эйч опередил меня своим вопросом, застигшим врасплох:

– Моя очередь. Как так получилось, что симпатичная девушка оказалась на дороге одна и могла позвонить только подруге? Кто такой Джо? – Его карие, почти черные глаза внимательно смотрели на меня.

И правда. Как так получилось? Несчастливый брак? Все друзья, если они могут называться моими друзьями, и бабушка остались в Санкт-Петербурге? А в Лондон меня привело

одиночество и незнание, кем я хочу быть в жизни, поэтому я вцепилась в Джозефа, как в спасательный круг?

Снова мой вздох. Услышала, словно со стороны.

– Наверное, я пока не знаю, чего хочу от жизни… – неуверенно начала я.

– Не задумывалась, что, когда ты поймешь это, может быть слишком поздно?

Я перестала изучать собственные руки и подняла взгляд на Харона. Что он хочет услышать?

– Да. Но это не имеет значения сейчас, я просто хочу домой, – твердо заявила я. Эйч откинулся на спинку стула и склонил голову.

– Это означает, что дом у тебя есть? Где тебя ждут? – Он говорил медленно, словно общался с умственно отсталой.

Назвать домом особняк из серого камня, что принадлежал семье Андерсон и находился совсем недалеко от Лондона, я, конечно, не могла. Главное, долго приходилось жить вместе со всеми родственничками моего благоверного, пока они гостили у главы семейства. Мы с ними нечасто пересекались, но впечатлений от этих недолгих встреч хватит на всю жизнь. Каждый раз мечтала, что встреча будет последней. Они, моя дорогая семья, пришли к мнению, единственному, в чем они сошлись, что я появилась лишь для того, чтобы откусить себе кусочек от гнилого пирога – капитала их неприятной семейки. Ни пенса мне не нужно. Я бы заплатила даже, только бы их больше не видеть. Но такими ресурсами я не обладала. Оно, может, и к лучшему. До сих пор помню лицо его матери, достопочтенной Элизабет (ну просто королева Великобритании), когда я посмела перешагнуть порог их дома. Как она скривила тонкие губы в подобии дружелюбной улыбки, у нее даже верхняя губа едва заметно подрагивала от отвращения. Их семья аристократов, кем они себя считали, а на самом деле обычных нуворишей, несмотря на полученные регалии от королевы, не могла допустить, чтобы их кровь и плоть связал себя узами брака с какой-то там медсестрой из Петербурга. Даже забавно вспоминать. С каким притворным сочувствием ко мне относилась его сестрица по отцу Виктория – дамочка с лошадиным лицом, блеклыми рыбьими глазками и вечно прилизанными волосами:

«О, дорогая, наверное, так сложно тебе будет найти работу… Не будешь же ты трудиться медсестрой? Пойми, Джозефа очень ценят на работе, над ним и так смеются, что у него девушка – сирота из России, ну ты понимаешь…»

Я, конечно, не понимала. Может, это Джо следует поменять свою работу? Зато ее сын был единственным, кого я

воспринимала с искренней симпатией. Чудесный мальчишка Ричи одиннадцати лет, с черными волосами и зелеными глазами. Я ему читала по вечерам любимые мною в детстве книги, хорошо, что оригиналы были на английском. Его вечно недовольной мамаше это, конечно, не понравилось, и она прервала единственное нетоксичное общение в этих старых стенах.

А моей золовке стоило лучше бы последить за своим мужем, который во время семейных обедов любил пускать в ход потные ладошки по маршруту от моего колена до бедра, пока однажды я не оставила четыре красные точки на тыльной стороне его руки, нанесенные одной из серебряных вилок.

С каким лицом потом ходила Виктория! Зато ее сочувственные речи прекратились. Почему я не уведомила об этом вопиющем поведении своего дорогого Джо? Любила, как это ни странно, не хотела беспокоить. Да и он обещал, что это вынужденное проживание со всем его фамильным древом скоро прекратится и мы переедем в квартиру в центре Лондона. И мы как раз въехали около полугода назад. Но домом модно обставленные апартаменты мне не стали. Так как отношения за время проживания в их чудесном родовом гнезде, тянувшееся целую вечность, испортились настолько, что даже уединение в новом месте не спасло положение. Агрессия и раздражение возрастали, и мои походы в ванную в слезах и полном отчаянии участились. Я подозревала, что у Джо кто-то появился. Возможно, и шарф как раз тому подтверждение. Машина в самом деле его, я лишь одолжила ее для поездки к подруге. Своей нет, потому что, как он выразился, «зачем два автомобиля в семье». И правда. Может, чтобы я не видела чужие шарфы, пахнущие дешевым парфюмом… Ему, скорее всего, я настолько осточертела, что совершенно этот факт не заботил. А может, он оставил его нарочно. Чтобы все закончить. Для чего мы играли такую дорогую свадьбу? Было столько незнакомых мне людей, его друзей, коллег. Всех, кроме моих, даже бабушку не позволил привезти. Допустил до присутствия на этой сакральной церемонии только Еву. Ну-ну. О чем я только думала? Я покинула чертоги моих воспоминаний и воззрилась на Харона. Он все еще терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

– Нет, не могу. Мой дом в Петербурге, в старой квартире моей бабушки, единственного родного человека. – Почему я осознала это только сейчас?

Эйч предсказуемо обнажил в улыбке свои идеальные зубы:

– Так почему ты здесь? – Никак он не мог успокоиться. Отличная замена походам к психотерапевту. Невольно вспомнился «Трамвай, который называется желанием», и я

почувствовала себя героиней этого произведения. Еще немного, и меня сдадут в психушку. А дорогой Джозеф со своей новой пассией будут жить в квартире, в которую я вложила столько сил. Одна из самых радостных вещей, которой я занималась в этом тоскливом городе. Даже чувствовала себя полезной.

– Не знаю… возможно, пора навестить бабулю… для начала, – я неожиданно для себя улыбнулась собеседнику. – Может, еще по чашечке?

Глава 5
Свет в конце тоннеля

Мы с Хароном опустошили, кажется, весь чайник, и мой не ожидавший такого поворота мочевой пузырь резко дал о себе знать. Я, извинившись, удалилась в ванную. Не успела я умоститься, как меня настигло странное ощущение движения. Нет, серьезно. Трамвай тронулся. И мой разум, похоже, вместе с ним. Как такое возможно? Стараясь не поддаваться захлестнувшей меня с головы до ног панике, я с абсолютно не присущей мне отвагой закончила начатый процесс, и мои руки почти не дрожали, когда я застегивала молнию на джинсах. Не удосужившись даже вытереть руки, я вылетела пулей из уборной, распахнув при этом дверь с такой силой, что та ударилась с оглушающим стуком о стену, и, покачиваясь, прошла к виновнику этих невероятно странных дел.

– Как?! – только и смогла я выпалить. Думаю, мой IQ понижался в его глазах с каждым произнесенным мной словом.

Эйч тем временем читал «Парфюмера» Зюскинда. Надеюсь, он не собирается меня добавить в коллекцию? Но смею предположить, что парфюм бы из меня получился получше, чем тот, что оставила незнакомка вместе со своим палантином. Как меня зацепила эта мысль. Неужели я еще продолжала любить мужа?

– Полагаю, тебя удивляет, что трамвай движется? – Эйч оторвал от книги взгляд. Но по выражению его лица можно было судить, что сделал он это с большой неохотой. Неужели его так поглотила история об убийце?

Набрав в легкие побольше воздуха, я приготовилась разразиться обвинительной тирадой. Но лесничий вновь прервал мою неудавшуюся попытку с ним поссориться.

– Алиса, прости, что не предупредил сразу. Я не хотел тебя пугать. Боюсь, теперь мне необходимо начать рассказ о себе, – смотрел он на меня весьма серьезно.

Это что, розыгрыш? Я настолько достала муженька, что он решил таким образом мне отомстить? Какой-то ненормальный увезет меня далеко в лес на том, что по определению двигаться не может. Его же компания и проложила трамвайные пути. Ага, все складывалось. Ну что же, послушаем. Не пропадать же деньгам Джо, потраченным на перформанс. Поэтому я заставила себя успокоиться, села верхом на стул, сложив руки на спинке, водрузила на них свою голову и сказала:

– Я вся внимание.

Лесничий наконец-то выложил сигареты на стол, и ему не пришлось тянуться в карман куртки. Медленно вытащив сигарету из пачки, он сосредоточил свой взгляд на ней. Покрутив немного ее в руках, словно думая, курить ему или нет, он принял в итоге решение – курить. В трамвае источником света была лампа, расположенная в кухонном углу, в остальных частях «хижины» царил полумрак, за окном стемнело. Поэтому спичка, поджегшая сигарету Эйча, показалась ослепительной, даже заворожила меня. Харон выпустил из себя дым, откинув голову назад.

А он ведь не такой старый. На вид сорок с небольшим. Скорее всего, просто рано поседел. Но я ждала интригующего рассказа, который этот, без сомнения, актер, нанятый моим мужем, мне задолжал.

– Все, к сожалению, проще и тем временем невероятней, чем ты можешь себе представить, – начал лесничий. Сделав еще одну мощную затяжку и отпустив на свободу дымовое полупрозрачное колечко, продолжил: – У меня в должностных обязанностях не только функции лесничего. Ты ведь заметила, что никакого движения на дороге не было? – спросил он, немного придвинувшись вперед, ближе ко мне.

Я задумалась. Ни одного транспорта мне не повстречалось. Хотя нет, один я все-таки встретила – лодку. Этим доводом я и решила разрушить его мистическое настроение:

– Позволь не согласиться. Лодка тоже вид транспорта, – я победно посмотрела на Эйча.

Но, похоже, собеседник не разделял моего оптимизма. Напротив, его лицо помрачнело, а сигарета была бесцеремонно размозжена в пепельнице, даже более того – в ней оставлена. Дело, вероятно, принимало серьезный оборот.

– Ты видела лодку, плывшую по водохранилищу Кинг Джордж? – он очень странно взглянул на меня. Похоже, IQ снижался не только у меня.

– Нет, что ты. Она плыла по асфальту! – Я начинала злиться. Хоть бы текст этим актеришкам-неудачникам прописывали логичней. Может, Джо и не так много денег отдал за этот спектакль? Но Харон пропустил мой сарказм мимо ушей. А ведь его точно не Харон зовут. Зуб даю. Лишь бы не лишиться его.

– Скажи, кого ты видела в той лодке? – Эйч продолжал смотреть на меня настороженно, даже с некоторой опаской.

– Я не разглядела толком. Мужчину, молодого. Он что-то скинул в озеро, прости, в водохранилище, – я поглядела на псевдолесничего. Ну, что ты там еще сможешь сымпровизировать?

Но Эйч не спешил с ответом, он поднялся с насиженного места и прошелся дважды до конца дома на колесах и обратно. Наконец он прекратил свое нервное шествие и негромко произнес:

– Что было после? Ты еще что-нибудь заметила, что не могла бы объяснить? – Под его испытывающим взглядом я вспомнила отблеск глаз Джо в зеркале заднего вида автомобиля. Если здесь установлены скрытые камеры, вряд ли стоит рассказывать о своих внезапных галлюцинациях. А то точно загремлю в дурдом. Но абсолютно против воли я напугала себя своими же словами:

– Да, взгляд глаз-убийц моего мужа в зеркале машины меня чуть не свел в могилу, – я быстро закрыла рот ладонью. Хотя все было сказано. Бригаду скорой психиатрической помощи, скорее всего, уже вызвали. Мне конец.

– О, Алиса. Все хуже, чем я думал. Хотя, наверное, для тебя это лучший вариант, – с некоторым сожалением прокомментировал мое высказывание Эйч.

Я в полном недоумении уставилась на Харона. Да что он несет? Джо хочет довести меня до инфаркта? О, как он близок к этому!

– Хватит туманных заявлений! Ближе к делу, и вообще, куда мы едем? – Я начала терять те крохи терпения, что у меня остались. И так настрадалась за сегодня.

– А ты оглянись по сторонам, присмотрись внимательней и найдешь ответ. – Харон пришел к мысли, что наступила пора пить кофе. От звука внезапно заработавшей кофемашины я встрепенулась. Я осмотрелась, подошла к окну. И в этот момент поняла – за окном не стемнело, это мы ехали по темному тоннелю.

– Что за чертовщина тут происходит?! Ну, признавайся, сколько тебе заплатил Джо?! Тысячу, две, три? Сколько нужно бедному невостребованному актеру, чтобы пойти на сделку со своей совестью и заставить умереть от страха незнакомую девушку? – Я в мгновение ока подскочила к нему и схватила за лацканы куртки. Кажется, даже тряхнула немного. Поскольку он был гораздо выше меня, со стороны это явно выглядело комично. Но мистер сама невозмутимость лишь накрыл мои руки теплыми ладонями и абсолютно спокойно сказал:

– Сядь, Алиса. Мне никто не платил. И я совершенно не хотел, чтобы ты умерла. Но кто-то другой очень этого желал. И ты его видела, – он отрешенно смотрел на меня, – в этом-то вся и проблема.

Кофеварка издала противный писк, напоминая о недавних намерениях Эйча испить кофе. Нашел время тоже. Выдохнув, я

отпустила его куртку и села обратно на стул. Просто сдалась. Лесничий вернулся к столу с двумя чашками ароматного кофе, в трамвае немного начало светлеть.

– Ты умерла, Алиса. Это сложно принять. Все воспринимают по-разному, но реакция всегда одинакова: никто не верит. Ты вот решила, что это спектакль, а предыдущий мой пассажир придумал реалити-шоу, – Харон печально улыбнулся. – Но ты оказалась особенной.

– И в чем же моя особенность? – тупо спросила я, понимая, что этот фарс зашел слишком далеко, а от Джо дома останутся только кости, потому что больше в пожаре ничего не уцелеет.

– В том, что у тебя есть шанс вернуться… Найти своего убийцу, уладить все дела, – он методично размешивал в чашке сахар, звонко постукивая ложкой о стенки фарфоровой чашки со слоненком.

Я внезапно рассмеялась. Боги, он либо потрясающий актер, либо я еду с психом неизвестно куда. Возможно, он все-таки маньяк.

– И в чем же подвох в таком шикарном раскладе? – весело спросила я.

Он же, закончив с сахаром, отпивал кофе мелкими глотками. Затем мой потенциальный маньяк переключил внимание на меня:

– В том, что мне нужен преемник. Ты, конечно, можешь просто вернуться, прожить это год, как тебе хочется. Но судьба тебя настигнет, и ты уйдешь из жизни окончательно от предначертанной тебе аневризмы. Это может случиться здесь, когда после приведения твоей жизни в порядок ты вернешься сюда, чтобы я передал тебе дело, а может в любом другом месте. И тогда тот проводник, которого тебе посчастливится встретить, проводит тебя до последней станции.

Звучало все абсолютно безумно. Самое страшное, что я начала в это верить. И я смогла спросить Эйча только одно:

– Что за последняя станция?

Ответ последовал незамедлительно:

– Смерть.

Вот так просто. Смерть. А что я ожидала? На тебе, трамвай. В нашей движущейся хижине становилось все светлей и светлей. Потрясающая инсценировка. Я решила подыграть:

– Ладно, если ты хочешь, чтобы я вступила в ваш клуб проводников, – я даже не заметила, когда перешла с ним на «ты», – расскажи поподробней. У вас есть карта с локациями «порталов», имеется ли система связи с друг другом? Кто у вас босс? Аид? – Я опять рассмеялась. Может, все дело в сигаретах? Надышалась и тоже начала смеяться без повода.

Харон на удивление разделил мое веселье. Может, и не убьет, в конце концов. Подхватив мой смех, он ответил:

– Нет никакой системы, мне передал этот трамвай предыдущий проводник, я попал сюда так же, как и ты. С одним отличием: я искал причину смерти своей девушки; когда нашел, вернулся к трамваю, у меня случился сердечный приступ на шоссе, и я, проводив моего предшественника на последнюю станцию, занял его место. – И на этом он поднялся со стула и подошел к кофемашине, чтобы дополнить свою кофейно-сигаретную диету еще одной порцией черного яда.

Я медленно осмысливала сказанное, в трамвае стало светло как днем.

– Как тебя зовут на самом деле? – только и оставался мне этот вопрос.

Все так же улыбаясь, Эйч ответил:

– Меня правда зовут Харон. Такое уж невеселое совпадение, – он развел руками и вернулся к своему обычному беспричинному смеху.

– Погоди, – до меня только дошло, – я должна буду тебя проводить в последний путь?

– Несомненно. – Харон кивнул. – Ровно через год ты должна будешь оказаться около Кинг Джордж.

– И как же я пойму, что настал тот самый час? Утром, днем, вечером? – Я так устала от этого нелепого диалога с явно умалишенным господином, что была готова поверить во что угодно, лишь бы разговор закончился. Вообще это все закончилось.

– Не имеет значения, главное, успеть в этот день. Иначе ты просто уйдешь, – грустно резюмировал Эйч.

Понятно. Может, членство в этом закрытом клубе проводников давало какие-то привилегии? И как только я собралась об этом спросить, меня, в который раз за день, бестактно прервали. Ослепительный белый свет заливал все пространство трамвая.

– Алиса, пора.

И я открыла глаза.

Часть II
Обратный отсчет

Глава 1
Остаться в живых

Солнце, видимо, так сильно по мне соскучившись, решило со всей радиоактивной мощи засветить мне глаза. Легкие раздирало. Я закашлялась. Слух тоже начал возвращаться ко мне. Неразборчивые крики, звук лопастей вертолета донеслись до моего сознания. Я отплевывала воду. В скором времени я привыкла к почему-то ставшему для меня таким непривычным свету и увидела светло-голубые глаза. Я взвизгнула. Вернее, думала, что завизжала, а на самом же деле издала хриплое бульканье. Ну и реакция же на голубоглазых. К слову, это оказался не мой муж. Он бы не смог так низко пасть со своего пьедестала и опуститься до помощи простым смертным. На меня с невероятным беспокойством смотрел парамедик.

– Не волнуйтесь, вы живы, все хорошо. Сейчас нужно доставить вас в госпиталь. – С этой воодушевляющей речью он попытался перевернуть меня на бок, чтобы придать мне безопасное положение и я не захлебнулась бы собственной рвотой, не до конца вышедшей из меня водой и еще бог знает чем. Я решительно запротестовала. Какое там безопасное положение, мне всего год осталось жить! Некогда отлеживаться. Но мои мышцы самым наглым образом предали меня, я не смогла даже оторвать свой, ставший таким неподъемным, корпус от земли. Или гравитация усилилась в разы за время моего отсутствия на этом свете. Пока коллега моего спасителя тащил в нашу сторону носилки, я смогла осмотреть место происшествия. Я лежала недалеко от «Порша», вокруг меня развели целую спасательную операцию. Рядом валялись мешок Амбу с маской и медицинская сумка. Я заметила полицейскую машину. Законники в форме со смешными шашечками, по всей видимости, дожидались команды медиков «фас», чтобы растерзать меня своими вопросами. Интересно, какие у них версии? Что я решила искупаться и во время плавания потеряла сознание и утонула? Очень подходящая и удобная версия, их допрос будет лишь формальным, для себя, скорее всего, они уже все решили. И что мне им сказать? «Сэр, мэм, извините. Меня на том свете навещал проводник в мир мертвых и сообщил мне пренеприятнейшее известие – видите ли, меня пытались убить». И здравствуй, дурдом.

На другой стороне мне удалось его избежать. Пока в голове прокручивались мыслительные шестеренки, меня переместили на

носилки и теперь готовили к транспортировке. На вертолете доставят, я прямо такая важная. А может, и не было никакой другой стороны? Буду еще жить долго и счастливо. Разведусь, поеду к бабушке, а после того, как навещу ее, найду здесь работу, в конце концов, столько усилий было брошено на переезд. Да и к жизни в Лондоне я успела привыкнуть, друзья найдутся и любовь… надеюсь. Разработав столь гениальный план, мой мозг, похоже, выдал на тот момент все, на что он был способен, и отключился.

Ah, ha, ha, ha, stayin' alive, stayin' alive
Ah, ha, ha, ha, stayin' alive[2].

Я отчаянно пыталась разлепить веки, чтобы прекратить это ужасное диско.

– Выключите, пожалуйста, – прозвучал мой надломленный и хриплый голос.

– Ноэль, возьми уже трубку! Мы пациента везем! – раздался низкий гудящий баритон. Почему так хорошо слышно, мы разве не на вертолете летим?

Открыв глаза и сумев сфокусировать свое зрение, я поняла, что командный голос принадлежал голубоглазому парамедику, надо признать, весьма симпатичному. Русые волосы, стройная фигура. Хоть он и сидел, но я оценила его внушительный рост. Красавчик. Его коллега, полноватый темноволосый молодой человек, отключив источник моих мучений, надулся:

– Между прочим, гимн реаниматологов. Жена звонила, – обиженно пробурчал медработник. Его привлекательный напарник, не сменив раздраженного тона, ответил:

– Хоть ее величество под гимн Соединенного Королевства! Мы на работе, будь добр, ставь на беззвучный или отключай совсем! – Красавчик в гневе попытался сдуть прилипшую ко лбу прядку. Усилия не увенчались успехом, и ему пришлось убрать ее длинными пальцами. Я чудом выжила, а думаю о чьих-то длинных пальцах. Соберись.

– Мы не на вертолете? – не сумела я сдержать удивления.

Я смогла обратить на себя внимание симпатичного парня. Ура. Подумаешь, при смерти была, главное – результат. И вновь встретилась с взглядом небесных глаз моего спасителя. Он мне улыбнулся, и я поплыла. Вернул к действительности все тот же низкий гудящий голос:

– Нет, мисс. Мы в машине скорой помощи, направляемся в Университетскую больницу Северного Миддлсекса.

Я хотела было спросить, почему туда. А потом несчастные

нейроны моего головного мозга напряглись, и я поняла, что это ближайшая скоропомощная больница от места происшествия. А вертолет? Я же его видела?

– Сэр, прошу прощения, но я видела вертолет, что-то еще произошло в том месте? – Я не отрывала от красавчика внимательного взгляда.

– Майк, мисс. Да, к сожалению, сегодня утром была крупная авария – грузовик столкнулся с легковым автомобилем, и зацепило при ударе еще несколько машин. Движение пришлось перекрыть, – он замолчал, нахмурился, казалось, собираясь с духом, и продолжил: – Были жертвы, мы приехали на другой вызов, поэтому подробностей катастрофы я не знаю. – Майк еще сильнее сдвинул брови и отвернулся. Наверное, жалеет, что потратил время на меня вместо возможности помочь стольким пострадавшим. И, словно опровергая мои домыслы, он произнес:

– Но я рад, что оказался там и смог помочь вам. – Майк вновь озарил машину «скорой помощи» очаровательной улыбкой. Флиртует? Или просто профессиональная вежливость? Но на эти слова второй парамедик Ноэль закатил глаза, разве что языком не цокнул, и я сделала вывод – значит, для Майка это не типичное поведение. Флиртует. Абсолютно удовлетворенная этим фактом, я откинулась на тонкую подушку. Жизнь прекрасна. Главное, дорога была и в самом деле перекрыта, голубые глаза принадлежали парамедику. Значит, мне все привиделось? Не было Эйча, леса, трамвая? И констебли прибыли на место катастрофы, а не ко мне. Но что-то не сходится.

– Майк, а как меня нашли? Я не помню даже того, что спускалась в воду, – решилась я сказать правду. Майк кивнул:

– Такое иногда случается от шока, кратковременная амнезия, врач вам все объяснит. Мисс Андерсон, вас обнаружил сторож парусного клуба, когда делал обход. Увидел, как вы заходите в воду, а затем не выплываете на поверхность. Он вас вытащил на берег, вызвал «скорую».

Я заметила беспокойство в его прекрасных глазах. Надо будет расспросить этого сторожа подробно. А может, я вспомню? И лодки никакой не было. Мне даже показалось, из того, что я успела отметить, пока меня готовили к госпитализации, водохранилище несколько отличалось от «озера», которое я видела. Странные дела. Разберемся, сначала здоровье. И я позволила себе потерять сознание.

Проснулась я от типичных больничных звуков, которые наполняли почти все госпитали, что я знала. В светлой палате никого, кроме меня, больше не было, я попыталась нащупать сзади на стене кнопку вызова медперсонала. После десятого

нажатия в палату ворвалась запыхавшаяся медсестра в белой униформе. Ох, не переношу белую форму.

– Мисс Андерсон, очнулись? Вам что-нибудь нужно? Я должна сообщить врачу о вашем пробуждении, – сестра выжидающе уставилась на меня.

– Нет, спасибо, – ответила я, покачав головой. Та сразу отозвалась болью. Медсестра удалилась, я пялилась в белоснежный потолок. Неизвестно, сколько прошло минут с момента ее ухода. Я успела немного задремать. Сестра вернулась, вкатывая медицинский столик в палату.

– Доктор Белл придет через десять минут. Мне нужно сделать забор крови, вытяните руку, пожалуйста, и зажмите кулак, – медсестра, Аманда Кросс, если верить ее бейджу, готовила все необходимое. Не люблю иголки. Зачем им моя кровь? Разве это входит в перечень оказания неотложной помощи? Я нахмурилась. Когда медсестра приготовилась вывозить добытый трофей, в палату вошла доктор Белл. Светловолосая, худощавая, совсем невысокая. Ей на вид было около тридцати пяти. С невероятно уставшим видом она открыла мою карту.

– Мисс Андерсон? Как вы себя чувствуете?

За этим последовал целый град вопросов, половина из которых, на мой взгляд, совершенно не относилась к делу. Например: *«Были ли у вас в последнее время суицидальные мысли?»,* «*Замечали ли вы за собой подавленное настроение?»* Неужели по мне не видно, что я даже не помышляла о возможном лишении себя жизни. Скорее наоборот. В чем я поспешила уверить доктора Белл. Вот зачем им понадобилось проводить дополнительное исследование. Они могут подозревать попытку суицида, тогда они обязаны это сделать. Что же, я сильно удивлюсь, если, кроме алкоголя, они обнаружат что-то еще. Мы практически закончили нашу беседу-пытку, когда двери моей палаты распахнулись и в проеме показался огромнейший букет белых роз. Следом за букетом вплыла рыжеволосая заплаканная девушка, в которой я узнала свою подругу Еву. Слава богу. Хоть один адекватный человек подтвердит абсурдность предположений моего врача. Не успела я обрадоваться, как букет оказался на моей кровати, а меня сдавили руки моей подруги. Я чуть не задохнулась в удушающем пудровом запахе, поскольку волосы Евы были пропитаны насквозь тяжелым парфюмом.

– Боже, я так испугалась, дорогая! Услышала твое сообщение, одна на дороге, с пробитым колесом, какой ужас! Да еще рядом с незнакомцем.

Тут я оторопела. То есть мой звонок с того света дошел до нее? Немного отодвинув Еву и высвободившись из ее объятий, я

спросила:

– Милая, а номер у тебя высветился? – Я продолжала смотреть на подругу.

Она лишь покачала кудрявой головой:

– Неизвестный номер, это меня напугало еще сильней, – она посмотрела на доктора Белл. – Как она, доктор? Мы очень за нее волнуемся, в последнее время такая грустная ходит, когда узнали о сегодняшнем событии, грешным делом, подумали… – Ева прервала поток своих переживаний, заметив мое наверняка красное от гнева лицо. Что она несет? Какая грустная? Но моему врачу этих слов вполне хватило, чтобы сделать какие-то пометки в карте и выйти из палаты, пообещав навестить меня позже.

– Ева, что ты такое говоришь? У меня с настроением все отлично. Жизни я себя точно лишать не собиралась. Поверь, – немного успокоившись, проговорила я, наблюдая за тем, как глаза моей лучшей подруги начали снова наполняться слезами.

– Прости, Элис, я не знала, что и думать, выехала сразу, как услышала сообщение, а потом мне позвонили из «скорой»… я же твой экстренный контакт. Почему не Джо? – Зеленые влажные от слез глаза с тревогой смотрели на меня. Я вздохнула. Может, сказать ей уже?

– Знаешь, у нас с мужем все не так гладко в последнее время, не хотела бы сейчас затрагивать эту тему. – Я отвернулась к окну. Темнело. Это навеяло воспоминания о тоннеле. Я вздрогнула.

– Ева, ты мое обручальное кольцо не находила? Кажется, оставила его у тебя на тумбочке, – вновь повернулась я к подруге.

Она задумчиво закусила губу, затем ответила:

– Я сразу убрала комнату, пока горничная разбирала завалы в гостиной. Кольца не находила. Но я попробую спросить Констанцию, вдруг оно было в гостиной или на кухне. – Ева ласково сжала мою руку. – Отдыхай, вот, кстати, тебе телефон. – Она положила современный смартфон на столик у кровати. – Прости, дорогая, надо идти, выздоравливай. – Поцеловав меня в макушку, подруга поднялась с моей койки и направилась к двери. Что же, черт побери, происходит?

Глава 2
Возвращение домой

Долго занимать место в госпитале и портить им коечный оборот мне не позволили, поэтому готовили к выписке. Лучшая подруга, конечно, не могла не поставить в известность моего благоверного. Джо приехал, как только закончил дела, что были важнее его жены. Зато он привез одежду и обувь. И на том спасибо. Я сидела на больничной койке, ждала, когда мне позволят покинуть это чудное место. Задерживаться не хотелось ни на минуту. Джозеф все это время сидел на стуле, широко расставив колени и сложив руки в замок. Взгляд был устремлен в пустоту. По приезде он не проронил ни слова. Кроме, конечно, сухого «привет, Элис, почему не позвонила?». А ты бы приехал? Бросив моментально все свои дела. Прямо так и вижу, как он бросает в воздух бумаги, срывает с себя белый халат и выбегает из клиники под удивленные возгласы коллег. Ага, ну да.

Уже сидя в машине (как он только так быстро вытащил «Порш» с городской стоянки?), я задала мужу так волновавший меня вопрос:

– Ты бы расстроился, если бы я умерла? – Слезы подкатывали к горлу, я такая ничтожная рядом с ним.

Его руки, лежащие на руле, напряглись.

– Что за глупый вопрос? Не думай об этом, ты жива, благо здесь не худшие врачи работают. – Я подняла брови от удивления и подумала: «Он нормальный?»

– Меня спасли парамедики, а изначально сторож, обычный сторож парусного клуба. Не врачи, – я решила не продолжать бессмысленные попытки вывести его на нужный мне разговор, но все равно пришлось нарушить тишину еще одним, не менее важным вопросом: – А как так быстро колесо заменили? У нас не было даже запаски. – Я взглянула на него. Он ответил, не отрывая взгляда от дороги:

– Какое колесо? Все были целые, – он включил радио. Ситуацию это не прояснило. Но звонок был? Нужно добыть запись сообщения на голосовой почте у Евы. Иначе я правда сойду с ума.

Родные стены встретили той же серой пустотой, как и всегда. Только один лучик света радовал меня в этой квартире – кухня, туда я и направилась. Джо даже не перешагнул порог дома. Извинившись, он сообщил, что у него остались дела в госпитале и ему нужно вернуться. Ну и пожалуйста, иди. Когда за ним закрылась входная дверь, я облегченно вздохнула – без него,

наверное, и лучше. У меня чесались руки от одной возникшей в моем воспаленном мозгу идеи – отыскать Харона. Это будет сложно, учитывая тот факт, что, кроме его имени и города, я ничего не знаю. Ладно, просмотрю университеты Бруклина. Приготовив себе допинг – черный кофе с сахаром, я уселась на диван с ноутбуком. Так, начнем поисковую операцию «найди Харона».

Потратив полчаса и две чашки кофе, я наконец вбила в поисковую строку: Лонг-Айленд Юниверсити Бруклин Харон и нажала enter, особо не надеясь на результат. Но, на удивление, ответ лежал на первой строке. У Харона была страничка в одной из известных социальных сетей. Почти уткнувшись от предвкушения лбом в экран, я открыла ссылку. Аккаунт украшала фотография уже знакомого мне афроамериканца. Последняя запись сделана в 2010 году под фотографией темноволосой светлокожей девушки, целующей Харона в щеку: «*Любимая Катрина, я буду всегда о тебе помнить*». Мне не привиделось? Я точно знаю, что никогда не заходила на эту страницу, я и данной соцсетью не пользовалась, был аккаунт, но очень старый, без фотографий. Прочитала комментарий к записи: «*Эйч, дружище, прими мои соболезнования, мне очень жаль*». Ну и дела. Я разглядывала страницу Эйча, постукивая по столешнице ногтями. И что мне делать с этой информацией?

Поизучав еще страницу Харона, у него в друзьях нашла профиль некой Екатерины Нестеровой. Зашла; ее последняя запись была представлена той же фотографией с Эйчем, но текст был следующий: «*Жду не дождусь, когда мы увидимся!*» Пост сопровождала дата 05.08.2015 и геолокация – Москва. Все сходится. Интересно, успела ли она вернуться в Штаты? Интуиция подсказывала мне, что нет. Устав от компьютера, я захлопнула крышку. Надо, наверное, позвонить бабушке. Номер бы вспомнить, мой телефон так и остался в машине мужа. Потом его нужно вытащить и проверить, может, работает? И платок посмотреть. Хотя Джо, скорее всего, его уже убрал. После трех длинных гудков послышался холодный голос женщины, которая пятьдесят лет отдала на благо воспитания и образования школьников:

– Слушаю вас. – Пауза. Борясь с желанием разыграть бабулю, я проговорила:

– Привет! Это Алиса, у меня с телефоном были проблемы, как ты? Как себя чувствуешь? Я так по тебе соскучилась, – я едва не подпрыгнула от захлестнувших меня эмоций.

– Ох, Алисочка, моя хорошая, у меня все неплохо, как ты, дорогая? Когда приедешь? – Тон бабушки сразу переменился, я

буквально почувствовала, как она улыбается. От этого сразу стало теплей на душе.

– На самом деле планирую навестить тебя в скором времени, – я едва не светилась от этой мысли.

– Солнышко, я так рада, ты не представляешь! Как там Йозеф? Не обижает тебя? – Голос бабушки поменялся, она единственная знала, что у меня с ним сейчас не самый лучший период в жизни. Я помялась. Говорить о том, что случилось, наверное, пока не стоит. Не хочу, чтобы она приняла это близко к сердцу. Будет потом переживать.

– Я этого не допускаю, все в порядке. Что тебе привезти?

Проговорив с бабулей о всяких пустяках, различных болячках и выслушав рассказ про соседей по дому, мы пожелали друг другу спокойной ночи. Немного стало легче. Я вновь включила компьютер и занялась поисками подходящего рейса. Лечу завтра. Отыскав лучший вариант, прямой рейс из Гатвик[3] в Пулково на двенадцать тридцать, я оплатила билет сразу же. И взяла только в один конец, будучи безработной замужней женщиной – я могу себе это позволить. Какие-то плюсы все-таки есть. Жаль, квартиру получше не могу купить женщине, которая меня вырастила. Я вздохнула и отправилась собирать чемодан.

В аэропорт я выдвинулась пораньше, поскольку для меня одна из лучших вещей в мире – выпить вкусный кофе, глядя на улетающие и прилетающие самолеты. Именно этим я и занималась, пока потягивала капучино, сидя уже у гейтов с посадочным талоном, зажатым в руке. Дом, родной дом, жди меня, я буду через каких-то четыре часа. Через час посадка. Скорее бы.

Санкт-Петербург меня встретил дождем, ветром и толкающимися людьми, что спешили к своим такси. Я едва не прослезилась от родной атмосферы. Найдя свой транспорт, успев при этом вымокнуть под проливным питерским дождем, я запрыгнула в машину и отправилась на Васильевский остров, попутно строча бабушке сообщение об удачном прибытии. Мужу я до этого сообщила по телефону, что срочно улетаю в Россию, сославшись на бабушку. Джо даже не пришел ночевать, опять спал в кабинете на диване, наверное. Ну или у новой возлюбленной. Я искренне надеялась, что хотя бы ее он любит.

Бабушка встретила меня у парадного, отчаянно пытаясь отобрать мой чемодан. И не скажешь, что ей уже семьдесят четыре. Такая бойкая, глаза яркие, волосы собраны в пучок. Ростом я пошла в нее, именно из-за своих ста семидесяти пяти сантиметров Алевтина Анатольевна совершенно не казалась старушкой, а, напротив, весьма статной стройной женщиной. Она

вполне могла обойтись в день творогом, тарелкой супа и горсткой овощей. Мне бы так. Но когда приезжала я, ее стол на кухне превращался в скатерть-самобранку. При мысли о бабушкиных пирожках я едва не подавилась слюной. Пока мы поднимались по лестнице на четвертый этаж – дом был старым, как и многие дома Питера, не имел лифта, бабуля щебетала о сыне своей подруги. Не женат, кандидат филологических наук, завуч в местной школе. Ску-ука. Наверняка жуткий зануда. Но бабушке я об этом говорить, разумеется, не стала.

Как же вкусно пахло в квартире! Занеся чемодан в комнату и вымыв руки, я плюхнулась за стол. Я хотела помочь, но это совершенно неблагодарное дело, хозяйка категорически не допустит.

– Ешь, дорогая, вот тут еще булочку возьми с корицей, ты так похудела в своем Лондоне! – Она усердно двигала ко мне блюдо с выпечкой. А я и не откажусь, здесь-то уж точно можно. С удовольствием вонзила зубы в наисвежайшую сдобу. Как я по этому скучала. Болтая и попивая чай, я почти не услышала звонок телефона, того самого, который мне оставила Ева.

– Алло, – осторожно ответила я.

– Мисс Андерсон? Вас беспокоят из Университетской больницы Северного Миддлсекса, это доктор Белл.

Я немного растерялась.

– Слушаю, правда, я сейчас нахожусь даже не в Великобритании.

– Мисс Андерсон, в вашей крови обнаружили огромное количество сильнодействующего препарата, передозировка которого может вызвать летальный исход. Вам необходимо явиться на повторный прием. К сожалению, мы должны будем сообщить в полицию, поэтому разговор будет происходить в присутствии представителей закона. И, боюсь, будет необходима психиатрическая экспертиза, – голос на том конце провода выдержал паузу. – Когда вы возвращаетесь в Лондон?

Моим большим желанием было ответить «Никогда», но у меня могут быть проблемы. Поэтому я сказала:

– Постараюсь вернуться в ближайшее время, в течение трех дней.

– Это было бы очень кстати, мисс Андерсон, – раздалось на том конце провода. А откуда у них этот номер, может, это мошенники?

– Простите, а номер как вы узнали? – поинтересовалась я.

– Мисс Блум указана вашим экстренным контактом, через нее мы получили ваш номер. Всего доброго, мисс Андерсон, постарайтесь скорее вернуться в Лондон. – И на этом доктор

повесила трубку.

Я не могла отвести взгляд от телефона, из которого доносились гудки. Бабушка с невероятной тревогой глядела на меня.

– Детка, что случилось? Кто тебе звонил? – Она отложила кухонное полотенце.

– Кажется, меня пытались убить, – только и смогла проговорить я, забыв о слабом сердце моего самого близкого человека.

Глава 3
Убийство без убийцы

Цвет лица моей дражайшей бабушки сменил все оттенки офисной бумаги разных фирм. Пришлось прояснить ситуацию. Пытаясь ее успокоить, я рассказала про странное шоссе, водохранилище-озеро, лодку, Харона и свет в конце тоннеля. Я обладаю уникальным свойством мгновенно и очень эффективно успокаивать людей. Когда мой рассказ закончился, бабуля на удивление не проявила бурной реакции и осталась сидеть на своем деревянном стуле, оставшемся еще с советских времен, в полнейшем молчании. Тишину разбивало лишь ритмичное тиканье часов с кукушкой, хотя мне уже стало казаться, что звук раздается прямо у меня в голове. Наконец она молча поднялась со стула, открыла верхний шкафчик, немного пошарив рукой в его недрах, выудила бутылку армянского коньяка и с грохотом водрузила ее на стол. Я вздрогнула. Нервы ни к черту. С таким же немилосердным звуком компанию одинокого алкогольного напитка разбавили два стакана, обычных, совершенно не предназначенных для распития этой янтарной жидкости. Щедро плеснув в каждый из них коньяка, бабушка заговорила:

– И какие у тебя предположения? Как ты думаешь, кто мог пожелать тебе зла? – Взгляд ее темно-серых глаз изучал мое лицо. – Не могу поверить, ты же такая добрая, кому могла помешать? – Она сердито сдвинула седые брови.

Бабушка мне так быстро поверила? Не засомневалась даже на секунду?

– Не знаю, не могу, конечно, всерьез воспринимать то, что мне привиделось во время моей так называемой клинической смерти, но исходя из этого, думаю, что это Джо. – Я с волнением посмотрела на свое временное средство связи, словно боясь, что оно мне вновь сделает какую-нибудь пакость. – Правда, если рассуждать логически, к чему у меня сейчас совершенно нет предрасположенности, каким образом он мог бы это сделать? Муж находился слишком далеко от меня. – Я смело глотнула коньяка. Закашлялась. Ну и как это можно пить? Бабуля не разделяла моих вкусов, а потому, разделавшись с первой порцией, которую она прикончила почти залпом, налила себе еще этого жуткого пойла. Причмокнув от удовольствия, бабуля мне ответила:

– Если, как ты говоришь, рассуждать логически, осмелюсь предположить: единственное, что ты пила тем утром это кофе?

Верно? – Глаза Алевтины Анатольевны слегка прищурились, а щеки порозовели от огненного содержимого ее стакана.

Я задумалась. И правда, все, что попало в мой организм, – это кофе «с собой», который мне заботливо приготовила в то злополучное утро Ева. Корица. Может, то, что я восприняла как жест безграничной любви ко мне, было на самом деле уловкой, чтобы отбить вкус и запах смертельной дозы снотворного? Поняв абсурдность данной гипотезы, я нервно рассмеялась:

– Конечно, я пила кофе. Да, он пах корицей. Но, уверяю тебя, моя лучшая, подчеркиваю, *лучшая* подруга никак не могла этого сделать. – Я предприняла еще одну попытку проникнуться к янтарной жидкости симпатией. И вновь неудачно. – Есть такая вероятность, что анализы могли просто-напросто перепутать.

Эта версия меня устроила. Я даже немного расслабилась, но, когда я столкнулась со строгим взглядом школьной учительницы, поняла, что, скорее всего, я себя только успокаиваю. Все сходится, конечно. И кофе, и разговор с врачом. Но вот ее цветы, телефон и слезы – никак не вписывались в данный сценарий, о чем я незамедлительно поделилась с бабушкой. А главное – какой мотив?

Моя любимая учительница задумчиво почесала острый подбородок и, немного помедлив, проговорила:

– Не знаю, дорогая. Ты сказала, она довольно часто упоминает Йозефа? Возможно, я повторяю, лишь возможно, она испытывает к нему чувства. – Бабушка выставила ладони в миротворческом жесте, заметив мои поднявшиеся брови и открытый от удивления рот. – И все же стоит рассмотреть все вероятные версии; если анализ действительно твой, тебе грозит большая опасность. Кто бы это ни был, скорее всего, он попытается достигнуть своей цели, – она замолчала и посмотрела на свой опустевший стакан.

Господи, неужели, неужели меня и правда пытались убить? Я никак не могла воспринять идею о покушении на мою жизнь в исполнении Евы. Только не она. Девушка из книжного магазина. Нет. Я с тяжким вздохом откинулась на спинку стула. Ева и Джо? А что, неплохая пара. Совет да любовь. Но вновь несостыковка. Цветастый палантин, пахнущий ужасными духами. От нее в больнице отчетливо слышался совершенно другой парфюм. Может, мне стоит навестить подругу еще раз? И необходимо снова спросить рыжеволосую ведьму про кольцо. Вот у нее дома все и выясню. Итог моих рассуждений казался вполне приемлемым, и я решила остановиться на этом варианте. Стоит посмотреть рейсы до Лондона на ближайшие дни. Не хочется, конечно, так скоро возвращаться, но другого выбора пока нет.

Пройдусь завтра по Питеру, а послезавтра отправлюсь распутывать этот непонятно откуда взявшийся клубок проблем. Утро вечера мудренее, да и, как говорила Скарлетт О'Хара, не буду думать об этом сейчас. Подумаю об этом завтра. Пожелав бабушке спокойной ночи и обняв ее перед сном, я отправилась в свою бывшую комнату. Хотя она до сих пор оставалась моей. Бабуля решительно не хотела с ней ничего делать. Войдя в уже приготовленную к моему приезду спальню, я ощутила запах, который не замечала, когда жила в ней. Пахло старой мебелью, ветхими книгами и немного лавандой из-за запрятанных бабушкой во всех возможных местах саше. Еле заставив себя раздеться, я упала звездочкой в мягкую перину и почти мгновенно провалилась в страну снов.

Я шла по оживленной улице. Солнечные лучи отражались от стеклянных витрин. Утренний воздух был еще недостаточно прогрет, довольно свежо – любимая температура. А вот и моя новая семья. Рыжий бородатый мужчина держал за ручку девочку лет четырех, светловолосую, как и я. Неторопливо направилась к ним.

– Алиса, дочка! Иди скорее, так хочется наконец-то тебя обнять. – Мужчина раскрыл объятия, отпустив руку малютки. Я подумала, что было бы невежливым ему отказать в простом жесте дружелюбия. От мужчины пахло чем-то невероятно знакомым, хотелось зарыться носом в его клетчатую рубашку. Почему-то я заплакала. Слезы пропитывали рубашку незнакомца, моего отца в этой нелепой игре.

– Зайка, не плачь, скоро придет мама. – Он указал крупной ладонью в сторону приближающейся полноватой блондинки с белой сумкой в руках.

Я отстранилась от лжеотца и устремилась в противоположном от «мамы» направлении, даже перешла вскоре на бег. Поднявшись в старый многоквартирный панельный дом, я направилась в самую последнюю квартиру, дверь была не заперта. Апартаменты заливал солнечный свет, особенно красиво выглядела комната с фортепиано. Пройдя по скрипучему темному паркету на лоджию, я полюбовалась открывшимся видом на город из окна. Телефон в кармане завибрировал, звонила некая Мэй. Откуда у меня ее номер, кто это? Да еще и по видеосвязи. С экрана мобильного телефона на меня смотрела красноволосая девушка лет тридцати с худым бледным лицом. Мелодичное меццо-сопрано задало мне вопрос:

– Не хочешь прогуляться со мной и услышать кое-что интересное? – Пока я в замешательстве медленно обрабатывала

полученную информацию, подлый телефон, воспользовавшись моей заминкой, высветил уведомление поверх видеозвонка:

a) конечно, я хочу!
b) спасибо, но пока я не готова
c) может быть, в другой раз?

Как это понимать? Не успела я осмыслить сообщение, в мое сознание вновь проникла композиция Вивальди, и я проснулась.

Глава 4
Скелеты в шкафу

Лицо было мокрым от слез, из распахнутого настежь окна капало на пол – ночью начался ливень. Выключив раздражающие скрипки, закутавшись в халат, что висел на спинке стула, и поеживаясь от холода, я поспешила захлопнуть окно. Что за кошмар мне приснился? Почему мужчина казался невероятно знакомым? На часах снова застыли стрелки на половине шестого утра. Все тот же проклятый час. В комнате стало неуютно, даже страшно, и я отправилась на кухню, сделать себе кофе, который должен был помочь мне выпутаться из щупалец липкого ужаса сна. Шум кофеварки, по всей видимости, нарушил покой моей бабушки, и она прошла на кухню в теплом стеганом халате кремового цвета – мой подарок из Лондона. Бабушка, зевая, медленно и слегка неразборчиво проговорила:

– Алисочка, ты чего проснулась в такую рань? – Она скосила глаза на часы. – Всего пять тридцать! Ты давно стала вставать с петухами? – Алевтина Анатольевна грозно сдвинула брови и включила тон учительницы средних классов.

Я держала в руках чашку, украшенную рисунком хризантем, затем вдохнула аромат кофе. Напиток тут же вылился коричневой лужицей в раковину. Больше никогда. Отставив чашку в сторону, я повернулась к еще больше нахмурившейся родственнице.

– Доброе утречко. Бабушка, вопрос, конечно, странный, но… рыжеволосый, с бородой, крепкого телосложения и любитель клетчатых рубашек – ты никого не знаешь, подходящего под это описание? – выпалила я, прекрасно осознавая глупость своего вопроса.

Алевтина Анатольевна непроизвольно дернулась, губы ее побледнели. Интересно. Неужели она знает? Бабушка не торопилась с ответом.

– Хочешь, кофе налью? Так что насчет рыжеволосого мужчины?

Тяжело вздохнув, бабушка опустилась на излюбленный стул.

– Дорогая, я знала одного поистине чудесного мужчину, обладавшего перечисленными тобой характеристиками, – твоего отца. – Она грустно взглянула на меня и поджала губы.

Дело в том, что отца я никогда не видела. По словам бабушки, он покинул нашу семью, когда я была еще совсем малышкой. А мать… мама решила, что не готова воспитывать ребенка одна, и занялась поиском замены пустующей ячейки, а

именно нового мужа. Она настолько увлеклась поисками, что уехала куда-то в Европу, не сказав своей матери – моей бабушке – ни слова. Только бросив на стол прощальное короткое письмо с извинениями и мольбами позаботиться обо мне, но в котором не был указан адрес, да что там адрес, даже название страны своего нового места пребывания не значилось. Мобильных в широком пользовании не было в то время, а потому мама пропала в никуда. Фотографии папы не сохранились, а на мамины смотреть я не хотела. Лишь перечитывала письмо, оставленное бабушке. Последний раз я его брала в руки перед переездом в Лондон, втайне надеясь встретить ее там.

Я продолжала смотреть в ожидании на бабушку. Сердце бешено колотилось в груди. Так давно я не поднимала эту тему, которая не давала мне долгие годы спокойно спать по ночам. Вдруг в этот раз бабушка решится сказать мне, где папа. Если, конечно, сама знает. А он может знать, где находится мать. Существует же такая возможность, что она могла ему сообщить об отъезде или даже звонить папе из Европы?

Бабуля нервно постукивала пальцами по обеденному деревянному столу, украшенному кружевной скатертью. Похоже, эта привычка мне досталась от нее, и создавалось впечатление, что бабушка собирается с духом. Приняв для себя какое-то решение, Алевтина Анатольевна грациозно поднялась со стула и отправилась в свою комнату. Я прошла следом. В помещении царила духота – теплолюбивая старушка, чтобы, не приведи господь, не простудиться, никогда не открывала окон в своей спальне, только когда долго находилась на кухне или вовсе отсутствовала в квартире. Гордо прошествовав к старенькому комоду, бабушка вытащила из самого нижнего ящика увесистый фотоальбом. До этого момента я его никогда не видела. Не без труда разогнувшись, бабушка шлепнула на кровать этого монстра в кожаном переплете. Таким и убить можно. Главное, не подавать идей моим возможным палачам. Я издала истеричный смешок. Алевтина Анатольевна обратила на меня внимание:

– Ну что, Алиса, весело тебе? – Она очень не любила вспоминать то время, и у нее были причины. Поднимать трехлетнюю девочку одной в пятьдесят лет – испытание не из легких. Да еще и на зарплату школьного учителя. Помню ее учеников, которых она брала себе готовить к экзаменам, когда подрабатывала репетитором, в то время как я сама училась в средней школе. Она делала это для того, чтобы у меня была красивая одежда, только появившийся в ту эпоху mp3-плеер и прочие блага цивилизации.

Я виновато взглянула на бабушку. А вдруг у меня

действительно совсем нет времени и мне нужно узнать правду, решить все вопросы, закрыть так называемый «гештальт», чтобы я могла уйти спокойно на тот свет? Главное, на этом свете разобраться. Алевтина Анатольевна что-то сердито бубнила себе под нос, пока искала в огромном фотоальбоме нужную ей фотографию.

– Нет, не эта, это мой покойный брат, царствие ему небесное, это двоюродная тетка… так, ага! – победно воскликнула бабуля. – Нашла.

Она протянула мне помятую, сильно потрескавшуюся фотографию, где мужчина с рыжими волосами и голубыми глазами, одетый в клетчатую рубашку, шутливо стоял на одном колене и держал в крупных ладонях руку моей матери, стоящей рядом с ним. Я осторожно взяла фото, словно боясь, что оно рассыплется от моего прикосновения. Невероятно, точно отец ожил из моего сна. Я вновь взглянула на бабушку.

– Эх, Игоряша, хороший был мужик, и по дому все делал, и Лизку на руках носил, черт его дернул пойти к этой ведьме проклятой, чтобы ей пусто было, прости господи. – Учительница перекрестилась.

Был? Я напряглась.

– Что ты имеешь в виду под словом «был»? Он же еще жив, разве нет? – Я с надеждой взглянула на бабушку. Она лишь грустно покачала головой в ответ и, шумно выдохнув, сказала:

– Умер он, Алиса, тебе еще четырех годиков-то не исполнилось… мама твоя не смогла смириться с адюльтером, уехала, а он, дурак, слишком поздно понял, что натворил. Но сделанного не воротишь, все меня расспросами донимал, где Лиза, как найти ее, но помочь ему в этом я не могла. – Подбородок пожилой женщины задрожал, по испещренной морщинками коже потекла одинокая слезинка. – Запил он с горя да помер вскоре. Не то инсульт, не то инфаркт. – Бабушка замолчала.

Тиканье часов с кукушкой, висящих на кухне, стало отчетливо слышно в комнате.

Глава 5
Мария

Я шла по оживленной улице. Солнечные лучи отражались от стеклянных витрин. Утренний воздух был еще недостаточно прогрет, довольно свежо – любимая температура. А вот и моя… шутка, мой любимый книжный магазин, со скульптурой на куполе. Погода в самом деле стояла теплая и солнечная, нетипичная для дождливого Санкт-Петербурга. Я жмурилась под лучами ласковой звезды, как домашний кот.

И вечно книжный наполнен иностранцами, гостями из других городов России, подростками, выбирающими газировку и жвачку, которая продается в этой книжной лавочке в три раза дороже рыночной цены. Но вопреки всем упомянутым выше фактам магазин являлся одним из моих самых любимых мест в Питере. Заглянув в отдел бестселлеров, я бегло прошлась взглядом по обложкам: «Что делать, если вас окружают идиоты?», «Доказательство загробной жизни», «Как встретить принца?». Хм, доказательство рая? Подлинная история путешествия невролога в загробный мир. Я взяла в руки печатное издание, полистала. Вдруг эта книга прольет свет на недавние события? Как раз вспомнилась лекция известного психотерапевта в университете.

Сам профессор был на удивление глубоко верующим человеком – редкость среди ученых. На наших занятиях он поведал нам о занимательных случаях, произошедших с ним во времена его работы реаниматологом. Историю о некой старушке, сразу после клинической смерти просившей вернуть ее к снохе, которая зовет ее с небес. Рассказ, ставший местной легендой, про пациента, что предсказывал ближайшие события, вроде разбившегося стакана или опрокинутого цветочного горшка. Не умолчал и о байке про молодого человека, страдавшего от психического расстройства и пророчившего катастрофу в Чернобыле. Мелочи, но в общей массе они могли пошатнуть убеждения самого закоренелого скептика. Сжав оранжево-желтую книжку в руках, я развернулась в сторону кассы.

После спонтанного шопинга нужно было взбодриться. Не весь же кофе в нашей необъятной вселенной отравлен? Да и был ли он отравлен, пока неизвестно. Со страхами нужно бороться и преодолевать. Поэтому я завернула в хорошо знакомую кофейню и уже через пять минут вышла счастливой обладательницей яркого стаканчика и едва его не лишилась, столкнувшись с ураганом из огненных волос.

– Ой, девушка, осторожней! – недовольно высказала я красноволосой нахалке, одновременно вытаскивая из глубины сумочки бумажный платок, чтобы убрать с крышечки капли кофе.

Девушка откинула с лица прямые длинные волосы, позвенев при этом множеством серебряных тонких браслетов на руке, и посмотрела на меня. Внезапно настигло предчувствие. *Дежавю*.

– Алиса? – Девушка в недоумении продолжала серыми, почти прозрачными глазами смотреть в мои серо-зеленые.

Мэй. Точнее, Маша, только сейчас вспомнила. Девушка из того страшного морока, который с трудом можно было назвать сном. Что-то слишком много необъяснимых случайностей происходит со мной в последнее время. Или я стала мнительной? Мы с Марией учились в одном классе, даже ходили когда-то друг к другу в гости. Бабушка тогда хорошо общалась с ее матерью, вроде как наши с Машей мамы были лучшими подругами, еще до нашего рождения. Странно на нее смотреть сейчас. Лицо казалось абсолютно таким же, только чуть больше вытянулось, заострилось, щеки впали. Сама Маша глуповато улыбалась, ожидая моего отклика. Не стоит разочаровывать людей.

– Машка! Почти не изменилась, ну как ты? – выдала я стандартный, вполне оправдывающий ожидания ответ. Ее он, по всей видимости, вполне удовлетворил, и глуповатая улыбка стала шире.

– Ничего, замуж вот недавно вышла, машину мне мой купил, в Москве живу, приехала на несколько дней родителей навестить, – хвастливо поведала мне бывшая одноклассница. – А что у тебя интересного? Как Алевтина Анатольевна поживает?

Я не осталась в долгу. Не все же должны знать, что брак вышел неудачным, работы у меня нет и находилась я на волосок от гибели. Ужасно по-детски, но ничего не могла с собой поделать. Необходимо срочно вспомнить номер моего психотерапевта. Я натянула на лицо фальшивую вежливую улыбку и сказала:

– Да я сама замужем уже пять лет, машинка «Порш», так… старая уже, конечно, три года езжу, менять надо, и жить, к сожалению, в Лондоне приходится, но что ради любимого мужчины не сделаешь, – я едко улыбнулась Машке. Дура я, конечно. И продолжила: – Бабуля хорошо, чувствует себя, слава богу, неплохо.

Ее улыбка уже не выглядела такой глупой, казалось, она была расстроена моими словами. Не про здоровье бабушки, естественно; но Машка быстро справилась с собой и как ни в чем не бывало поинтересовалась:

– Ты в какую сторону направляешься? – Она заправила

выбившуюся от недавнего столкновения прядку за ухо.

Сказать ей правду? Наверняка захочет прогуляться и поведать про свою счастливую жизнь. А что, может, удастся про маму узнать? И снова эта навязчивая идея. Я улыбнулась.

– В сторону Адмиралтейской. На самом деле просто хотела пройтись. Давно не была в родном городе, – я сделала небольшой глоток из стаканчика. Такая прелесть всего за сто рублей. Люблю Питер.

– Может, зайдем в то кафе, ну помнишь, мы после выпускного еще там пытались уснуть у них на диване, а ты хотела познакомиться с официантом, несмотря на то что он грозился вызвать милицию? – Она рассмеялась.

– Помню, – заверила я Машу, покраснев при одном только упоминании об этом инциденте. Нам было по семнадцать, алкоголя, конечно, не было на столах, но наши предприимчивые одноклассники заблаговременно принесли разбавленную колу с виски. Ох, и не стоило ее тогда нам пить.

Мы направились в сторону эпицентра моих постыдных воспоминаний. Дорога заняла у нас около тридцати минут ходьбы бодрым шагом. По пути вспоминали школьные годы, одноклассников, кто женился, кто развелся. Когда мы достигли нашей цели – а именно здания, построенного в непонятном стиле, в котором присутствовали и высокие широкие окна, подходящие, скорее, стеклянным офисам, и каменная кладка, и даже намек на восточный стиль, меня ждало разочарование. Заведение все так же работало, к моему великому сожалению. Надеюсь, хотя бы персонал сменился. Решили устроиться за небольшим круглым столиком на веранде. Подошедший, слава богам, незнакомый официант нас поприветствовал и открыл перед нами меню. Кофе я уже пила, может быть, по бокальчику красного? Вполне вероятно, это облегчит нашу беседу, и я смогу добиться от Маши стоящих фактов касательно канувшей в Лету матери. Мы сделали после долгих и мучительных выборов заказ. Я устремила свой взгляд на Марию, опершись локтями на поверхность стола и сложив руки в замок перед лицом. Из колонок фоном играла знакомая песня. Подруга качала в такт мелодии ногой под столом. Интересно, эта же самая мелодия играла на выпускном, я даже помню, как мы с ней в шутку вальсировали под нее, поскольку наши кавалеры достигли нужной кондиции и могли танцевать разве что лежа на полу, смешно дрыгая ногами, как кузнечики. А она помнит?

– Забавно было, когда мы с тобой кружили по залу на выпускном. У меня перед глазами просто картина, как мы через Валерку перепрыгивали, а он нам вслед размахивал бутылкой, –

мгновенно прочитала мои мысли бывшая одноклассница, тихонько посмеиваясь. Редкий в Питере гость, солнце, придавало пламенный оттенок волосам моей подруги. Правда, скорее, теперь уже только знакомой. И почему вокруг меня столько рыжих? Все оттенки собрала в коллекцию. Светло-рыжий, даже золотисто-песочный у отца, медный у Евы, и вот насыщенный махагон у Марии.

– Конечно, как можно вообще это забыть? Твоя мама тогда еще здорово тебе всыпала после вечера, мне даже было немного страшно за тебя. – Я тряхнула головой, словно пыталась выбросить из головы эти ненужные фрагменты проклятого события. – Повезло, что моя мать этого позора не застала, – поспешила я перевести разговор в нужное русло.

Маша сочувственно вздохнула и дотронулась до моего предплечья тонкими и холодными пальцами. Да здравствуют неблагородные сосуды.

– Зато у тебя совершенно потрясающая бабушка. Свою-то я не видела никогда. Алевтина Анатольевна столько раз прятала меня… моя мать могла иногда перейти черту со своими воспитательными методами, а я у тебя всегда могла укрыться, – подруга улыбнулась мне. На мои глаза стали наворачиваться слезы, я убрала руки, разорвав наш неловкий контакт, и закрыла ладонями лицо, буквально на секунду. Я надела солнечные очки, чтобы спрятать дорожки от слез, смешанных с тушью, да и желтый карлик разошелся сегодня не на шутку. Может, и правда мы просто не ценим того, что у нас есть. У меня потрясающая бабушка, а у Маши никогда не было ни заботливой мамы, ни тем более бабушки. Насколько знаю, отец тоже покинул их семью, но поддерживал с дочерью связь, и платье на выпускной было подарком от него. Довольно дорогим подарком. Успокоившись, я думала о цели нашего с ней диалога, может, это уже и неважно? Прошло столько времени. Эта женщина каждый день выбирает жизнь без меня. Почему тогда мысль о возможности узнать новости о матери так сильно учащает мой пульс? Ей же все равно?

Взвесив все за и против, я подумала, если спрошу Машку, хуже не станет. Подруга обронила, что приехала навестить родителей. Каждого по отдельности? Или мать вышла замуж, и она навещает их? Или новую семью папы? Мозг распухал от поступающих в него вопросов, и я решила расставить все точки над i.

– Маш, как у твоей мамы дела? Она смягчилась с возрастом? – Подруга, горько улыбаясь, отрицательно покачала головой, но я все равно осмелилась возобновить расспросы,

предварительно сделав немаленький глоток из бокала. – А она мою маму не упоминала? Конечно, это абсолютно безумная идея, но вдруг они поддерживали контакт, когда моя мать решила уехать подальше отсюда? – С нескрываемой надеждой и трепетом я поглядела на Машу. Удары сердца гулко шумели в ушах.

Мария сделала сложное лицо, взяла лежащую на столе металлическую зажигалку и стала перекатывать огниво между большим и указательным пальцами. Зрелище гипнотизировало, но молчание несколько затянулось, и не успела я уведомить об этом подругу, как она совершенно не к месту рассмеялась, немного введя меня своим поведением в ступор. Маша ответила с саркастичными нотками в голосе:

– Естественно, упоминала. Каждый божий день. Даже в Лондон твой ездила. Словно тетя Лиза ей дороже дочери была, – она оторвала взгляд от зажигалки и с невеселой ухмылкой посмотрела на меня. – Разве ты с ней не воссоединилась в вашем городе любителей чая с молоком? После твоих заявлений про Лондон я так и решила, что счастливое семейство снова вместе. – Подруга закончила монолог и, потеряв ко мне всякий интерес, вновь сосредоточилась на вращении зажигалки.

Чем дальше, тем страньше. Червоточина событий меня продолжала стремительно поглощать, и я падала в нее все глубже. Надежда выбраться таяла с каждой секундой.

Глава 6
Приземление в Лондоне

Я лишняя на этом свете,
Возможно, лишняя на том.
Нет места мне в моей же жизни,
Корабль мой уносит шторм.

Я упала на свои руки, что лежали на оптимистичных записях неудавшегося поэта, разбросанных на откинутом столике, который крепился к спинке кресла впереди сидящего пассажира. Пожилой мужчина, имеющий неудовольствие быть моим соседом в самолете, направлявшемся в туманную, ополчившуюся против меня столицу Англии, с невероятным подозрением покосился в мою сторону. Спасибо, не крестился. Я вернулась в обычное, приемлемое для окружающего меня общества положение и снова прочитала свои невеселые заметки, сделанные на вырванных листах блокнота, купленного в Питере.

Слышу отчетливо запах озона,
Виден за лесом молнии блеск.
Ветхие стены нашего дома,
Громом раздался неистовый треск.

Седовласый мужчина, казалось, с интересом поглядывает на мое творчество. А понимает ли? Одет стильно, но внешность такая, что может одновременно и за англичанина сойти, и за петербуржца. Не удивлюсь, если он собачку свою маленькую, какого-нибудь тойтерьера или йоркшира, на худой конец, выгуливает в шесть утра и по ходу прогулки покупает в киоске свежую газету. Дождавшись момента, когда я в очередной раз стала объектом внимания то ли петербуржца, то ли англичанина, я ласково улыбнулась ему. У джентльмена в возрасте покраснели кончики ушей. Он ответил на мою улыбку почти такой же и смущенно произнес:

– Да вы, сударыня, поэтесса! Летите в Лондон за вдохновением? – Искорки смеха плескались в его каре-зеленых глазах.

Я думала рассмеяться, но не смогла, мысли крутились вокруг моего приезда и его последствий.

– Нет, уважаемый, не хотелось бы опровергать вашу догадку,

но я подданная ее величества, – и, подарив попутчику еще одну вежливую улыбку, я отвернулась к иллюминатору. Как приятно лететь в облаках во время заката. Красный, розовый, багряный окрашивали крыло эйрбаса и нежные облака. Только пролетающего за окном единорога в блестках не хватает. Улыбнувшись этой мысли, я вернулась к записям, которые, вполне вероятно, следует в дальнейшем показать моему целителю душевных ран. И не бутылке хорошего розе, как ни прискорбно, а настоящему специалисту в области психотерапии.

Переполнена чаша терпения,
Крик превратился в отчаянный вой.
Меня не осудят за жажду возмездия,
Копья рвутся в праведный бой.

Отложив ручку, я прикрыла уставшие веки – железная птица пошла на снижение, и мои барабанные перепонки грозились лопнуть и навсегда избавить меня от страданий выслушивать третьих лиц. И вторых тоже.

Пока я изо всех сил сжимала подлокотники, мой разум старался отвлечь меня от тоскливых дум о крушении недавними воспоминаниями, что предшествовали моему горестному возврату в омут, полный чертей.

Машка оказалась еще той девушкой с низкой социальной ответственностью, и сей вывод я смогла сделать после ее категорического отказа в моей крохотной просьбе – спросить об адресе, телефоне, любых возможных контактах моей драгоценной матушки свою не менее ценную прародительницу. Номер своей матери она также не стала распространять. Видите ли, ей слишком больно обращаться к ней, а мое общение с Ольгой Алексеевной грозилось вылиться в новый повод потерзать родную кровиночку. Все может быть. Как я и предполагала, навещала она одних «родителей» – семью отца. Времени на бессмысленные уговоры у меня не имелось, и мы разбежались с красноволосой одноклассницей, словно этой скромной встречи выпускников никогда и не было. От дорогой Алевтины Анатольевны я тоже не смогла добиться заветных цифр ввиду того, что дамы прекратили поддерживать связь еще до моего отъезда, а в телефонной книге бабушки сам черт ногу сломит. И на этом я сдалась. Бабулино напутствие звучало еще более радостно, чем отказ моей Машки в небольшой услуге:

– Прилетишь, бегом на МРТ! Вдруг у тебя, не приведи господь, и правда что-то есть в твоей прекрасной белокурой головушке, – с этими ободряющими словами она меня трижды

перекрестила, поцеловала в лоб и напоследок пробормотала некую молитву. Что там может быть? Очень надеюсь, что мозг окажется в наличии, его отсутствие многое бы объяснило. С горечью расставания я покинула отчий дом.

Шершавая теплая ладонь накрыла мое запястье, вырвав тем самым из потока удручающих мыслей. Я так и сидела с закрытыми глазами.

– Голубушка, мы приземлились, просыпайтесь, – раздался баритон вынужденного спутника прямо около моего измученного уха. Радует то, что мы уже хотя бы на земле. Наверное, я и в самом деле задремала, раз даже не почувствовала, как шасси касаются взлетной полосы.

Чемодан катился впереди меня. Иногда и позади, иногда и сбоку. Как в кубике Рубика, я перепробовала многочисленные комбинации, пока пыталась найти нужный мне выход в этом стеклянном лабиринте, наполненном людьми, словно это был муравейник. Развернувшись в очередной раз и донося проклятия до персон, рискнувших столкнуться со мной в этот неподходящий момент, я в итоге отыскала нужные мне двери. Петербург встречал меня почти чудесной погодой в сравнении с той, которой меня сейчас принимал Лондон. Я никоим образом не пребывала бы в изумлении, если бы прямо в эту секунду перед моей колышущейся от зверских порывов ветра фигурой пронесся смерч. Потратив ни много ни мало целых десять минут своей угасающей жизни на поиски кеба, я устремилась в Сити, в нашу с Джо холодную обитель. Добро пожаловать в ад.

Глава 7
По ту сторону

Позволив ни в чем не повинному чемодану укатиться в спальню, следуя инерции моего неслабого пинка, в который я вложила всю свою злобу и ненависть к городу, матери, мужу и ситуации в целом, я прошествовала на кухню, просмотреть почту с помощью ноутбука. Раньше я, конечно, с легкостью могла это совершить, воспользовавшись мобильным телефоном, но мое средство связи, вероятно, стало постоянным сопровождающим Джозефа, так как сотовый, скорее всего, остался лежать на полу автомобиля.

В ожидании, пока загрузится лэптоп, я варила очередную порцию успокоительного – а именно восхитительные, вытащенные из морозилки зерна кофе, которые я, конечно, предварительно разморозила и перемолола. По привычке потянулась за корицей, но, с содроганием вспомнив вкус этой пряности, а точнее, тот самый роковой момент, когда я последний раз пробовала кофе с данной приправой, скривилась и передумала. Ничего, молока нет, Джо совершенно не переносит лактозу, но черный с сахаром тоже сойдет. Любопытно, целых два новых сообщения. Одно из Университетской больницы Северного Миддлсекса, а второе уведомление из соцсети. Я поставила кружку на стол и открыла верхнее сообщение. Содержавшийся в нем текст представлял собой стандартное официальное письмо с напоминанием о необходимости повторного приема у доктора Белл:

«Уважаемая мисс Андерсон! Убедительно просим вас посетить Университетскую больницу Северного Миддлсекса для повторного приема у доктора Белл. Вы можете записаться на любой день с понедельника по пятницу в рабочие часы с 9:00 по 17:00, консультация врача состоится в отделении оказания экстренной медицинской помощи. Записаться на прием вы можете на нашем сайте или позвонив по телефону +44 ** **** ****.

С уважением,

администрация Университетской больницы Северного Миддлсекса».

Я тупо смотрела в экран ноутбука. Что? Я еще и записываться должна? Им корона не давит на всю их замечательную

администрацию? Я просто кипела от негодования, возможно, даже пар из ушей пошел. Внезапный тремор рук помешал мне привычно потянуться за кружкой с манящей жидкостью, и я, устало вздохнув, перешла ко второму уведомлению:

«Элис, у вас есть одно новое сообщение».

Отлично, ни одного друга в этой социальной сети у меня не наблюдается, а письма приходят. Проверим. Надо пароль вспомнить. С третьей попытки, которая увенчалась успехом, я смогла проникнуть в аккаунт. На странице действительно горела единичка в строке сообщений. Направив курсор на циферку, я высунула кончик языка от нетерпения, а колесико все крутилось. Либо интернет не тянет, либо в скором времени мой ноутбук захочет попрощаться с этим бренным миром. Открывшееся письмо меня повергло в кататонию. И тому виной даже не его содержание, а отправитель. Я получила весточку от Харона. В течение двух минут я абсолютно неподвижно созерцала два предложения, присланных мне таинственным знакомым. Еще через минуту я смогла воспринять смысл начертанных слов:

«Не верь тому, что кажется очевидным. Твои корни близко, сделай выбор».

Мои зрачки, скорее всего, в этот момент расширились до такой степени, что можно было изучить глазное дно без искусственного мидриаза[4]. Как это понимать? Не успела я еще раз прочитать предостережение, предположительно, из загробного мира, как началось восстание машин. Из динамика зловеще зашипело, точно мой сотовый лежал в непосредственной близости от подключенных колонок, экран загорелся синим цветом, хорошо, что не пламенем, свет монитора благополучно погас. Я безуспешно поводила мышкой, потыкала в кнопки отключившегося компьютера и с печальным вздохом захлопнула крышку ноутбука. Может, немного сильнее, чем следовало.

Как я люблю, когда все просто и легко, жаль, в последние дни такого со мной не случается. Привычным жестом стерев ладонью пыль с крышки мертвой техники, я резко поднялась с кресла. Это было большой ошибкой, поскольку колени, дрожавшие так, словно я находилась в тонких колготках в минус двадцать на Дворцовой площади, меня подвели, и я едва не встретилась с ламинатом. Пришлось сесть на пол, прислонив спину к прохладной стене, и запрокинуть голову. Сколько я провела в этой позе, не могу представить, а тем временем звуки

стандартной мелодии смартфона напомнили мне о моем новом мобильном, номер которого могли знать только Ева, бабушка, ну и все сотрудники злосчастной больницы. Джо не считается, он все равно не стал бы тратить на это время.

Не рискуя испытывать терпение гравитации и стойкость собственного организма, я по-пластунски подползла к кухонной тумбе и протянула руку вверх, стараясь на ощупь найти свой телефон. Я и не подозревала, насколько в этот прекрасный день меня невзлюбили блага технического прогресса. Не прекращая издавать звуки настойчивой, не самой приятной мелодии, сотовый весьма точно угодил мне в темечко, срикошетив на ламинат. Я не сумела сдержать сдавленного оханья и, не обратив внимания на номер взывавшего ко мне абонента, просипела в трубку, потирая макушку:

– Кххр, да… я вас слушаю, – не удивлюсь, если на том конце провода подумали, что я нахожусь при смерти.

– Добрый день. Элис? Простите, мисс Андерсон? – Приятный мужской голос никоим образом не мог принадлежать моему мужу, но звучал весьма знакомо.

– Это я, верно, – осторожно подтвердила предположение незнакомца. Прикрыв микрофон рукой, откашлялась и почти нормальным голосом спросила: – А с кем я имею удовольствие беседовать?

Ответом мне прозвучал легкий смешок и последовавшая за ним фраза, что поразила меня неожиданностью:

– Это Майк, парамедик, мы с вами как-то путешествовали до больницы Миддлсекса вместе. Хотел узнать, как вы, мисс?

Правильнее миссис. Он в курсе, что я замужем? Или я не сказала никому и в карточке не указали мое семейное положение? Впрочем, в больнице так ко мне и обращались «мисс». И как новый номер, который, по сути, мне даже не принадлежал, разлетелся по всей их богадельне? Но я не могла не признать, что звонок моего очаровательного спасителя меня несказанно обрадовал.

– Да, я помню вас, Майк. Спасибо, чувствую себя превосходно, – бодро соврала я парамедику и продолжила: – Собираюсь завтра вновь навестить это славное медучреждение. И, прошу вас, просто Элис.

Из телефона донеслись вой сирены и чей-то недовольный голос.

– Хорошо… Элис.

Я представила, как его красиво очерченные губы раздвигаются в улыбке.

– Могу я вас пригласить на чашечку кофе, скажем, после

визита в больницу, чтобы лично убедиться в вашем самочувствии? У меня как раз выходной.

Перед глазами возникло его лицо, длинные пальцы, сжимающие планшет, и та забавная попытка сдуть прилипшую ко лбу прядку светлых волос. Как ему можно было отказать? Но, вполне вероятно, мне придется объяснить ему мой статус замужней женщины. Как же я не люблю, когда другие женатые мужчины флиртуют и говорят, что их брак лишь формальность и сегодня-завтра он станет свободным человеком. Ох, жизнь усложняется с каждой секундой. Похоже, я погрузилась в свои раздумья слишком глубоко, и бархатный голос, немного с хрипотцой, возможно, от волнения, меня поторопил:

– Элис, вы не против? Напишите мне, во сколько вас встретить? – Кто-то всерьез занервничал.

– Разумеется, я вам обязательно дам знать, когда освобожусь. Буду ждать нашей встречи, – поспешила я заверить Ромео.

Крики по ту сторону сотового усилились.

– Не хотелось бы с вами так быстро прощаться, но долг зовет. Пока, Элис, до встречи!

Я не успела завершить свое тихое «до завтра», как из сотового донеслись противные короткие гудки.

Если Харон подразумевал выбор в вопросе личной жизни, то его осуществить будет довольно трудно.

Глава 8
Десятый круг Ада

Записаться на прием к доктору Белл удалось только по телефону, с помощью некой Амалии, которая весьма неумело пыталась скрыть свое раздражение моим абсолютно оправданным возмущением, что к врачу я смогу попасть не ранее чем через месяц. Знала бы я, что у них столь плотный график, провела бы больше времени в Санкт-Петербурге. Но сама доктор Белл довольно настойчиво убеждала меня вернуться как можно раньше. Высказав все свои домыслы несчастной Амалии, я вынудила ее сдаться и найти окошко уже на завтрашний день в три часа дня ровно. Отлично. Сердечно поблагодарив администратора, я отключила мобильный и приготовилась хорошенько выспаться перед предстоящей мне экзекуцией. Иначе это просто не назовешь.

На удивление, Морфей решил надо мной сжалиться и подарил мне ночь без мучительных сновидений, а потому я проснулась полной сил для новых свершений. Передо мной стояла невероятно важная задача – выбрать потрясающий наряд, но такой, чтобы он не выглядел подобранным специально. Не хочу отпугнуть своего спасителя.

Джо, скорее всего, навестил родной дом, судя по оставленной чашке в раковине и брошенной в кресло рубашке. Отлично. Я научилась его не замечать. Замечает ли он меня? Складывается впечатление, что мы с ним существуем в параллельных мирах, и они не пересекаются ни в одной точке. И отчего-то подобное сравнение вызывало во мне странное чувство облегчения, словно встреча с ним могла доставить мне неимоверную боль. Вероятнее всего, так и было.

Я с недовольным видом оглядела содержимое своего гардероба. Все совершенно не подходило, надеть было нечего. Я была практически на грани нервного срыва. Сердито захлопнув дверцу шкафа, я уставилась в ростовое зеркало. Оно бесстрастно отразило угловатую девушку, издалека явно смахивающую на подростка. Светлые волосы уныло свисали вдоль бледного лица сердечком, совершенно не справляясь с задачей украсить его. Из выреза серого полувера оверсайз выглядывали ключицы. Похудела. Бабушка бы пришла в ужас и срочно бы занялась моим лечением. Хорошо, что в моей приезд к ней я была в более закрытой одежде. Мысли о бабуле по-прежнему сохраняли свою способность приводить меня в чувство и настраивать на

позитивный лад. К черту все, буду красоткой, и точка.

Через два часа долгих стараний зеркальная поверхность поделилась с миром картинкой, изображавшей человека, которого можно было смело идентифицировать как женщину. Нежный кремовый топ подчеркивал приобретенный этим летом загар, пуш-ап, на который я осмелилась сегодня, придал и без того внушительному бюсту, спасибо маме, неприличный размер. Черный костюм, состоящий из юбки-карандаша и удлиненного жакета, подчеркивал талию и добавлял объема бедрам. Нюдовые лодочки и красная помада дополняли образ. Пройдясь последний раз по волосам расческой, я позволила себе улыбнуться отражению, которое не преминуло улыбнуться в ответ. Я схватила сумочку и покинула наконец душные апартаменты. В своих отчаянных сборах даже забыла включить кондиционер. Улица порадовала свежестью, если можно так охарактеризовать окружающий воздух, что впитывал в себя токсичные отходы топлива автомобилей, проносящихся по оживленному шоссе. Кеб ждал меня в двадцати ярдах[5] от моего дома, и его водитель никоим образом не считал себя виноватым в данной ситуации. В ходе довольно продолжительной поездки оказалось, что я неправильно указала адрес больницы. Местом своего прибытия я обозначила кладбище Тоттенем, располагавшееся неподалеку от госпиталя.

– Эмм… сэр. Конечно, я понимаю, возможно, выгляжу несколько старше своих лет, но вам не кажется, что мне еще рановато отправляться на кладбище? – Мило улыбаясь, я взглянула на таксиста, совершая провальную попытку перевести все в шутку и договориться о смене пункта назначения. Скорее всего, мне только представлялось, что я одарила водителя милейшей улыбкой, так как его и без того хмурое лицо потемнело.

– С вас семьдесят шесть фунтов, меня ждет другой клиент, – мрачный мужчина выжидающе смотрел на меня. Ну и пожалуйста, прогуляюсь. Расплатившись и не оставив грубияну ни пенса на чай, я громко хлопнула дверью кеба и гордо прошествовала в сторону кладбища. Надо остыть и посмотреть, как добраться до этой обители зла. Должно быть недалеко. Весьма прозаично, почти всегда крупные больницы сопровождает святая земля. Без всякого намека, обычная практичность.

Я подошла к указателю, гласившему:

«*Добро пожаловать на кладбище Тоттенем*».

Оптимистично. Вынув из сумки сотовый, я в удивлении уставилась на экран смартфона. Всего десять минут третьего. А сколько нужно идти? Навигатор обрадовал новостью о пешей

прогулке в семнадцать минут. Можно немного и замедлиться. Насладиться красотой памятников в этом прекрасном месте. Ну и развлечения у меня в последнее время. Я направилась прямо, разглядывая по пути надписи на надгробиях. Кто-то ушел, не дожив до сорока, кто-то, не достигнув и двадцати. На мемориалы долгожителям я не наткнулась. Местечко оказалось вполне живописным. На территории погоста даже располагался небольшой прудик. Вчитываясь в высеченные на каменных плитах фамилии, я потеряла счет времени, хотя такого я себе позволить в тот момент не могла. Меня привлекла статуя скорбящего ангела со сложенными крыльями и закрытым ладонями лицом. По виду памятник не выглядел старым. Трещин особых не имелось, сколов тоже. Больше всего меня поразил посмертный обладатель этого произведения искусства.

«*Харон Аарон Картер, 06.05.1968–31.12.2015. Покойся с миром. Невосполнимая утрата, не завершен путь*».

Странное изречение. И ушел в канун Нового года. Насколько помню, если, конечно, мое путешествие к свету в конце тоннеля принимать за правду, Эйч пробыл здесь недолго, и причиной переезда служила трагическая смерть его возлюбленной. Кто же тогда возвел ему памятник? Такое монументальное изваяние мог посвятить усопшему только близкий человек. «Или глубоко раскаявшийся», – внезапно мелькнула мысль в моем ошарашенном сознании. И вновь меня словно подвели к его могиле. Или это все случайность? Что там говорит теория вероятности? С цифрами я в принципе в не слишком теплых отношениях, потому данный вопрос остался без ответа.

С опаской взглянув на часы, я вернулась к дороге и направилась к непосредственной цели моего пути. Передо мной шли две девицы среднего роста. Одна была одета в яркие цвета, другая шла словно с похорон, вся в черном, надеюсь, что это всего лишь дело вкуса. Девушки вели оживленный спор, подкрепленный активной жестикуляцией, особенно со стороны «яркой». Ввиду их несдержанных эмоций я стала невольным слушателем дискуссии:

– Нет у меня души, Энни, как биолог я верю лишь в то, что после смерти мозга человек окончательно прекращает свое существование. И вообще, двадцать первый век на дворе, а мы продолжаем людей в землю закапывать. Это как минимум нецелесообразно с точки зрения экологии! Да и воды подземные могут загрязняться и разносить инфекцию живым, – приверженница черного цвета развела руками.

Энни, по всей видимости, монолог подруги не вдохновил.

– Как это нет души! Хочешь сказать, что у меня ее нет?!

Аргументируй, почему ты так в этом уверена! – «Яркая» шла по отношению к собеседнице уже полубоком, и ее лицо отображало смесь праведного гнева и возмущения.

В черном не сдавалась:

– Я уже все аргументировала. Давай просто закроем тему… каждая останется при своем.

Что на это мудрое изречение ответила ее оппонентка, я уже не слышала, так как мне пришлось их обогнать и довольно сильно прибавить шаг. Времени оставалось в обрез. Несмотря на то что я практически перешла на бег, в голову закрадывались размышления на тему недавно услышанного спора: а у меня самой есть душа? Но прийти к какому-либо решению мне не удалось, так как мои верные ноги привели меня к больнице.

Сама не помня как, я оказалась у поста медсестры в отделении экстренной помощи и обратилась к бледной круглолицей девушке, которой на вид едва исполнилось двадцать:

– Кхм, добрый день, мисс, – я быстро скосила глаза на ее бейдж, – Карен. Я Элис Андерсон, записана на прием к доктору Белл. – Второй раз за день я думала, что дарю людям свою самую располагающую улыбку. Очевидно, фиаско меня ожидало и сейчас. Карен лениво перебрала бумажки у себя на стойке, затем покликала мышкой компьютера, посмотрела на монитор и цокнула языком.

– Вы опоздали. Вас доктор Белл ожидала в три часа, – на автомате проговорила медсестра, продолжая смотреть в экран. Я переключила свое внимание на часы – всего пять минут четвертого! На пять минут опоздала!

– Простите, заблудилась на территории. Доктор Белл настоятельно мне рекомендовала появиться у нее на повторном приеме как можно скорее, – изо всех сил я старалась не терять самообладание. Ну что ей стоит просто позвонить врачу и сказать, что я пришла!

– Приходить нужно заранее. – Карен перевела свой рыбий взгляд на меня. Возможно, мой расстроенный вид воззвал к ее милосердию, которое наверняка пытались в нее вбить в школе для медсестер. Она тяжко вздохнула и потянулась к стационарному телефону. После ее недолгого разговора с врачом я уже через две минуты в нетерпении топталась у кабинета доктора.

Прошло еще около десяти минут моего покорного ожидания, когда я осмелилась на неслыханную дерзость – самой зайти в кабинет небесного светила без приглашения. И только я вплотную приблизилась к двери, как моя многострадальная, крайне

невезучая голова была абсолютно бесцеремонно атакована огромной вертикальной стальной ручкой, тянувшейся от низа почти до самого верха двери. Не удержавшись на каблуках от столь неожиданного столкновения, я приземлилась пятой точкой на холодный кафельный пол. От боли выступили слезы, в глазах все плыло. Я начала совершенно истерично смеяться, почувствовав себя героиней какого-нибудь малобюджетного, весьма несмешного ситкома.

В дверном проеме показались два напуганных, побледневших лица моего дорогого врача. В буквальном смысле дорогого. Не знаю, будет ли данный визит к ней бесплатным. Хрупкие руки доктора Белл попытались меня поднять с ледяного кафеля, и я честно постаралась ей в этом помочь. Постепенно два лица врача слились в одно, и это самое лицо произнесло одну из глупейших фраз на свете, которую добрая половина населения земного шара почему-то норовит произнести в подобных ситуациях:

– Вы в порядке? – Беспокойство в голосе доктора звучало неподдельное. Она мужественно рванула мое тело на себя, нарушая при этом все правила эргономики и биомеханики, и это вопиющее действие сопроводил оглушительный треск моей разошедшейся по швам в самом интересном месте юбки. Катастрофа. Я стояла, слегка наклонившись к злополучному доктору, на полусогнутых ногах, а костлявые паучьи пальцы врача намертво вцепились в мои предплечья. Интересно, а камеры в коридоре установлены? Вот охранникам потеха. Может, это карма за мое намерение хорошо выглядеть на импровизированном свидании с симпатичным парамедиком, будучи замужем? Я мотнула головой, силясь убрать с лица пряди.

– Думаю, вашей квалификации вполне хватает для того, чтобы определить, что я совершенно *не в порядке*!

Наша совместная позиция с терапевтом, должно быть, напоминала со стороны противостояние. И без того белое лицо доктора Белл стало еще белоснежней. Стальная хватка на моих руках ослабла.

– Простите, мисс Андерсон, мне очень жаль. Пройдемте в мой кабинет, я принесу лед, – доктор отчаянно затягивала меня внутрь своего логова.

– Миссис, – поправила я врача, и отчего для меня это так важно? – Миссис Андерсон, я замужем, у вас ошибка в карте, – и, оставив доктора Белл озадаченно хлопать своими редкими ресницами, я протиснулась мимо нее в светлый медицинский кабинет.

Глава 9
Ее Величество Судьба

Обещанные представители закона присоединились к нашей душевной беседе несколько позже, а психиатра и вовсе не наблюдалось. Она заболела, если верить доктору Белл, надеюсь, не психическим расстройством. Мое же душевное здоровье как раз находилось под угрозой, особенно после полученных новостей. Третий раз я не стану здесь появляться. До прибытия детектива меня обрадовали результатами анализов. А именно десятикратным превышением дозы *ресторила,* или иначе *темазепама*. Отложив пакетик с сухим льдом, я прокомментировала эту новость:

– Я никогда не страдала бессонницей, у меня, скорее, другая проблема, как не заснуть и не проспать все на свете. – Вновь мой искрометный юмор не был воспринят должным образом. – И потом, чтобы я могла попытаться уйти из жизни подобным образом, у меня должен быть рецепт от лечащего врача! – продолжила я, подавшись ближе к доктору и не обращая никакого внимания на худощавого долговязого законника, стоявшего в углу со скрещенными на груди руками. Всем своим болезненным видом он выражал недоверие. Темная прямая челка падала ему на глаза. Своим обликом он напоминал гибрид черепахи и ящерицы. Очень недовольный гибрид. Не удосужился даже занять свободный стул рядом с врачом. Геморрой, наверное, его замучил.

– Да и расплачиваюсь я все время картой, кто угодно это подтвердит, и вы, конечно, не увидите в транзакциях подобного препарата, кто бы мне его продал! – выпалила я в сердцах и, последовав примеру угрюмого детектива, скрестила руки на немаленькой груди. Почти получилось.

Представитель закона, который перед входом в кабинет мрачно буркнул приветствие и назвался детективом Гарсия, отлип от угла и удостоил нас чести опустить свое седалище на предложенный ему в самом начале нашего драматического перформанса стул.

Устроившись поудобней, насколько возможным ему это позволял предполагаемый недуг, Гарсия, опираясь локтями о стол, поддерживал свою угрюмую физиономию ладонями с неимоверно усталым видом, будто его голова весила целую тонну. Ладно, возможно, всего лишь полтонны. При этом он буравил меня черными глазищами, скорее всего, в попытках

уличить во лжи, а я, по его мнению, несомненно была лгуньей. Я начала нервно постукивать пальцами по поверхности стола. Детектив напоминал мне уже скорее змею, чем ящерицу, с его немигающим взглядом. Тишина продлилась недолго, поскольку Гарсия понял, что его метод со мной не сработал. Голос законника в стенах маленького кабинета прозвучал несколько зловеще и громко, заставив меня содрогнуться:

– Миссис Андерсон, если даже поверить вашим словам в теории, то тогда мы должны рассмотреть версии об умышленном или непреднамеренном покушениях на убийство. Я буду вынужден открыть дело и начать расследование. Но я надеюсь, вы понимаете, какие последствия вас могут ожидать в случае дачи ложных показаний?

Он назвал меня миссис. Удивленная корректным обращением к моей скромной персоне, на всю его тираду я смогла только выдать:

– Миссис? – и продолжила смотреть в его угольно-черные глаза. Взгляд детектива немного потеплел. Или мне так показалось. Он откинулся на спинку медицинского стула и, сложив лежащие перед собой руки в замок, ответил:

– Вы думаете, с моим двадцатилетним послужным списком в полиции я не узнаю, что вы замужем? Несмотря даже на старания этих недотеп в больнице. Пять штрафов о превышении скорости, миссис Андерсон! По одному на каждый год проживания в Англии, я так понимаю? – Он наградил меня змеиной ухмылкой тонких губ и продолжил: – Даже моя бывшая жена себе такого не позволяла, хотя, возможно, в Ирландии она и была Спиди-гонщиком. – Вероятно, Гарсия понял, что сболтнул лишнего, и его взгляду могла бы позавидовать сама Снежная королева.

Я в недоумении открывала и закрывала рот. Всего-то пять? Полагаю, что некоторые квитанции я просто потеряла. Хоть какая-то радость.

– Миссис Андерсон, расскажите все, что вы помните о событиях дня, предшествующего вашей клинической смерти, – законник оставался в той же чуть расслабленной позе.

– Прошу, зовите меня Элис, – обратилась я к детективу и начала свой рассказ, очень напоминающий тот монолог, что излагала своей бабушке в Санкт-Петербурге.

Доктор Белл, посчитав себя лишней в нашей беседе, убедилась в предпочтениях детектива в области горячих напитков, напрочь проигнорировав мою тихую просьбу о кофе, и быстро принесла черноглазому законнику белую фарфоровую чашку крепкого черного чая с молоком. Как банально. Сделав небольшой глоток типичного английского напитка, Гарсия

обнажил мелкие белые зубы в подобии улыбки, адресованной миниатюрному доктору. Впадины на лице врача, где должны были располагаться щеки, зарделись розовым. Может, мне выйти и подождать за дверью? Улыбка исчезла с лица детектива так же быстро, как и появилась. Причина скрывалась в том, что внимание он вновь переключил на меня.

– Миссис Андерсон, Элис… прошу вас не покидать город в ближайшее время. Завтра в полдень жду вас у себя в кабинете в Скотланд-Ярде. Я вышлю вам номер кабинета и напоминание о времени в эсэмэс. Номер вашего мобильного у меня есть, – он сощурил глаза, что придало ему еще больше сходства с рептилией. – И ведите себя, как обычно. Со всеми. Мужу и вашей подруге не сообщайте о начале расследования, придерживайтесь версии о несчастном случае. На все вопросы отвечайте, что вам не сообщали подробностей. Будьте осторожны, – с этими вдохновляющими словами, которые оказались последним, что прозвучало от него в стенах ослепительно-белого медицинского кабинета, он покинул помещение, не попрощавшись ни со мной, ни с доктором Белл, то есть совершенно по-английски удалился, довольно сильно хлопнув дверью. Вероятно, тому виной было открытое нараспашку окно.

В больнице от меня потребовалась только подпись, и, когда со всеми формальностями было покончено, я вспомнила о назначенной на сегодня встрече со своим спасителем. И хотя на самом деле меня спас безымянный сторож, мне нравилось называть спасителем Майка. Была одна проблема. Проблем, конечно, существовало на тот момент гораздо больше, но, не считая возможных попыток моего убийства со стороны мужа или лучшей подруги, сейчас меня беспокоила только одна вещь. А именно моя разорванная сзади юбка. И как мне идти к парамедику в таком виде?

Прижимаясь к стене, чтобы никто не видел моего позора, я набирала Майку сообщение:

«Майк, привет, это Элис. Мне очень жаль, но боюсь, нашу встречу придется перенести. Увы, больничная дверь не оставила нам с тобой шансов увидеться. Прости».

И что, интересно, он подумает? Что его новая знакомая окончательно повредилась рассудком? Я закрыла глаза. Звук, сообщающий о новом уведомлении, не дал мне надолго уйти в себя. Я посмотрела на экран:

«Привет! Что случилось? Могу тебе помочь? Я уже в

больнице, на первом этаже, около отделения экстренной помощи:)».

Ох, час от часу не легче. Мои дрожащие пальцы снова попытались напечатать послание прекрасному спасителю:

«Мне крайне неловко об этом говорить, но у меня один из предметов моего гардероба после инцидента с дверью пришел в негодность для появления в публичном месте…»

Я могу нормально общаться с людьми? Хотя бы на уровне эсэмэс? Незамедлительно пришел ответ от Майка:

«Подходи к женскому туалету на первом этаже. У меня с собой в рюкзаке запасная форма, можешь переодеться. Посидим в больничном кафетерии».

Ну как после такого ему рассказать про Джо?! Да еще и убьют меня со дня на день. Я тряхнула волосами, стараясь выбросить эти мысли из раскалывающейся головы, и, прикрывая свою филейную часть сумкой, двинулась в сторону уборной. Торопливо поприветствовала Майкла, который так широко мне улыбнулся, что белизна его улыбки могла обесточить весь этаж. Выхватив у него из рук пакет с униформой и едва не добавив к своему новому образу грязную воду из ведра уборщицы, с которой я столкнулась в дверях туалета, влетела в кабинку.

Через несколько минут заляпанное, несмотря на старания уборщицы, зеркало дамской комнаты отобразило мой новый облик. Зеленая форма на мне болталась как мешок, ремень нужно было застегивать где-то в области талии, а штаны подворачивать. Выглядела я почти как та самая уборщица. Чем больше стараешься перед выходом из дома, тем хуже результат. Можно докторскую получить, если доказать эту взаимосвязь. Горестно вздохнув, я нашла в глубинах своей сумочки резинку и собрала волосы в невысокий хвост. Так хотя бы прическа смотрится более-менее уместно. Майк ждал меня у выхода из туалета. Его улыбка ничуть не померкла, а значит, ему этот наряд не показался настолько отвратительным, как мне. Хотя это только на мне он смотрелся нелепо. На высоком парамедике форма выглядела что надо. Невольно я тоже заулыбалась.

– А тебе идет! Хоть сейчас тебя бери с собой на смену. – Майк осмелился поцеловать воздух около моей порозовевшей щеки.

– Не против, но не сегодня. Давай ограничимся кофе? – Я надеялась, что мой голос звучит всего лишь устало, а не резко. Уж кто-кто, а Майк резкости не заслужил. Мы прошли в

кафетерий. Заняв наиболее чистый стол у окна, Майк направился к буфету, чтобы взять нам по капучино и штруделю. Я должна отдать ему деньги? Это же не свидание. Правда, парамедик может об этом и не догадываться.

– Молоко закончилось, поэтому придется пить американо, извини, – грустно известил меня Майк и поставил передо мной добытое угощение.

– О, все хорошо, не переживай. Сколько с меня? – не смогла я промолчать.

Довольно глубокая складка пролегла между нахмуренными бровями моего кавалера.

– Элис, я угощаю, перестань, – и вновь приняв жизнерадостный вид, парамедик плюхнулся на пластиковый стул. Знаете, тот самый неловкий момент, когда ты на первом свидании и вы совершенно не представляете, о чем говорить друг с другом? Точнее, о чем можно и о чем нельзя. Так вот, этого у нас с Майком не было. Как только он присоединился ко мне, я сразу поняла, что с ним можно обсуждать почти любые темы.

– А какое твое любимое животное? – внезапно спросил мой спаситель. Он серьезно? Впрочем, такой вопрос мог бы поставить точку в его зарождающихся отношениях с Евой или Машкой, но благо, они не зарождались. Я с готовностью ответила на этот, казалось бы, по-детски наивный вопрос:

– А если оно не существует? – Вопрос тоже ответ.

Майк хихикнул. Ну правда. Абсолютно по-девичьи.

– Мне все равно интересно, даже если оно существует только у тебя в голове, – его широкая улыбка вновь заставила мое лицо залиться румянцем.

– Ну… единорог. С одной стороны, просто лошадь с рогом, но с другой, этот рог и делает из обычного парнокопытного уникальное сказочное создание. И да, я, несомненно, в него верю, – я вернула ему такую же широкую улыбку.

Майк рассмеялся и, отхлебнув начавший остывать кофе, проговорил:

– Возможно, и он в тебя верит. Ты тоже сказочная, – он осекся, – я хотел сказать, волшебная. Ой. Я имею в виду, волшебная не на всю голову, а в хорошем смысле – необыкновенная. – Выразительное лицо парамедика стало пунцовым. Его руки, до этого спокойно лежавшие перед ним на столе, отчаянно схватили пакетик с сахаром. Через несколько секунд белые крупинки тростникового продукта рассыпались в абстрактной картинке по поверхности поцарапанной во всех возможных местах столешнице. И это у меня проблема с нервами? Сколько ему лет? Судя по всему, Майк еще и младше меня. На

вид двадцать пять – двадцать шесть. Что же мне с тобой делать? Я вновь улыбнулась собеседнику и собралась с духом, чтобы рассказать о наличии муженька и всей его веселой родни. Но только было я открыла рот, дабы поделиться с ним этой потрясающей информацией, как мимо проходящий мужчина остановился около нашего столика, ухватился за край стола и с глухим ударом о кафель упал лицом вниз. Точнее, упал бы, не среагируй Майк как настоящий профессионал, поймав и мягко опустив его на пол. Правда, на этом весь его профессионализм и закончился. В столовой наступила гробовая тишина. За столиками в кафетерии остались лишь немногочисленные посетители. Люди в белых халатах, как назло, испарились. Окружающие, до этого с таким аппетитом поглощавшие еду, уставились на меня.

– Девушка, ну что вы сидите?! Помогите же ему! – Темноволосая женщина средних лет подскочила с пластикового стула и направилась ко мне. Ее примеру последовала и парочка, сидевшая за столом, что находился рядом с нами. Стоп. Обращались ко мне? Я посмотрела вниз, на свои колени. Зеленый. Черт! Майк, ну что ты расселся? Подсунул форму и сидит в полном ступоре.

Я соскользнула со стула и опустилась на колени перед пострадавшим. Попыталась перевернуть на спину. Один из подошедших посетителей кафетерия постарался помочь мне в этом нелегком деле. А дипломированный парамедик не хочет присоединится? Я сделала глубокий вдох, стараясь вспомнить, что нужно делать, и заодно успокоиться. Не помогло.

– Так! Все отошли, немедленно! Врача, быстро! – Я с отчаянием оглядела столпившихся вокруг меня людей. – Вы, мужчина в синем свитере! За дефибриллятором, живо!

На удивление, сдавливающее кольцо из людей перестало сжиматься. Убедившись, что побледневший мужчина, которому я поручила добыть дефибриллятор, удалился, я потрясла пострадавшего за плечи:

– Мужчина! Вы меня слышите?

Ответа не последовало.

Я осмелилась расстегнуть на бедном человеке рубашку и наклонила свою голову набок так, чтобы мое ухо находилось на уровне груди мужчины. Громко отсчитала вслух:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть… – И так до десяти, дыхания не было слышно, экскурсии грудной клетки не наблюдалось. Черт, черт, черт.

– Начинаю сердечно-легочную реанимацию! – громко оповестила я толпу. Освободив дыхательные пути несчастному, я

определила место компрессий, положила левую ладонь на тыльную сторону правой и сцепила пальцы в замок, держа руки под прямым углом. Громко считая до десяти по три раза, я начала делать компрессии основанием ладони:

– Раз, два, три, четыре, пять… – Движение, замеченное периферическим зрением, меня отвлекло. Это был всего лишь мой горе-парамедик, который наконец-то вышел из кататонического состояния и решил присоединиться к этому скромному празднику жизни. Какой каламбур. Я не дала ему вмешаться, удивляясь самой себе. Про рыжий чемоданчик с автоматическим наружным дефибриллятором, похоже, все благополучно забыли. На третьем цикле сердечно-легочной реанимации мне стало не хватать воздуха, даже несмотря на то что искусственное дыхание я не проводила. На четвертом Майк отчаянно убирал мои руки и хотел меня сменить. Но я его вновь оттолкнула. Боже, если тут камеры, все это выглядит совершенно необычно и неправильно. На пятом – да где же все врачи, черт вас всех побери – у меня начало темнеть в глазах. На шестом свет окончательно померк.

Часть III
Начало конца

Глава 1
Черная луна

Свет, подобно черной дыре, сузился в крошечную точку, прежде чем я поняла, что и эта точка исчезла. Меня окружала кромешная тьма. Может быть, стоит попытать счастья и открыть глаза? Я с таким трудом разлепила веки, словно они были налиты свинцом. Под щекой и ладонями чувствовалась мокрая трава. Трава?! Открыв глаза, я со странной радостью встретила полумрак, опустившийся вместе с туманом на местность вокруг меня. Природа казалась весьма знакомой. Я силилась привести тело в вертикальное положение. Опираясь на руки, скользящие по траве, я потрясла головой, стараясь убрать волосы с глаз. Куда подевалась резинка для волос? Тут меня осенило, почему окружающая меня обстановка чувствовалась такой знакомой. *Кладбище Тоттенем*. В отчаянии я застонала. Нет. Ну что за ерунда?!

От молчаливых негодований меня отвлек внезапно разрезавший звуки сгущающихся сумерек испуганный мужской голос:

– Я что, умер?! Девушка, девушка! Где я?! – В безуспешных попытках привлечь мое внимание тот самый бездыханный мужчина из больничного кафетерия полз на четвереньках ко мне по сырой земле. Я попятилась и уперлась спиной в каменное надгробие. Мне стало по-настоящему страшно. Где-то в ветвях деревьев, нависающих над нашими головами, призывно ухнула сова. Я закричала и пнула приближавшегося мужчину в руку. Теперь заорал уже мужчина весьма высоким тоненьким голоском. Сова залилась злорадным уханьем. Сумасшедший дом.

– Леди, да что же вы пинаетесь? Скажите мне просто, я жив или нет?!

Я безнадежно помотала головой и пожала плечами:

– Не знаю. Честно. – Я на самом деле не знала, но догадывалась, почему мы оказались здесь. Только бы во время реанимации не лопнула возможная аневризма и я не очутилась на другом конце этого мира или вовсе в другом, чтобы сопроводить невезучего мужчину в его последнее путешествие. Хотя Харон уверял меня, что я стану его проводником. Возможно, и этого мужчины тоже. Вздохнув еще раз и ухватившись за постамент, я поднялась с холодной земли.

– Нам с вами предстоит долгая прогулка, мистер?.. – Я выжидающе посмотрела на джентльмена. Он оторопело

продолжал разглядывать меня, но, немного помолчав, все-таки дал ответ на заданный вопрос:

– Я Александр. Александр Миллиган. Куда мы с вами пойдем? – недоумевал мужчина.

Я усмехнулась и сказала несколько недобро:

– К трамваю, господин Александр. К трамваю. – С этими словами я оттолкнулась от надгробия и обернулась, чтобы посмотреть, чей постамент послужил мне временной опорой, и, похоже, сюрпризы на сегодня не заканчивались: *Харон Аарон Картер*, посмертный обладатель скульптуры плачущего ангела, украшавшего его могилу, помог мне подняться с мокрой травы. Я сделала шаг назад и оглядела фигуру ангела. Все такой же. Ни трещинки. Правда, его локация явно сместилась, хотя вполне вероятно, мне могло и показаться. Я опустила взгляд на надпись, обозначавшую имя моего странного эфирного знакомого, и прошептала:

– Спасибо, Эйч, – и развернулась к своему спутнику.

– Что вы сказали? – Мужчина выглядел еще более потерянным, чем минуту назад. – Вы, кстати, не назвали свое имя. Как вас зовут? – Похоже, разум Александра начал проясняться.

– Зовите меня Элис. – Пройдя мимо Миллигана, я бросила ему сухо: – Следуйте за мной, мистер Миллиган, в сумерках легко заблудиться, – и взяла курс на лес, что находился около водохранилища Кинг Джордж.

По моим скромным подсчетам, идти нам сулило около двух часов, мили три, не меньше. Пока я предпринимала тщетные попытки сориентироваться в пространстве и найти выход к шоссе, мой попутчик донимал меня расспросами и цепочками своих нелепых рассуждений:

– Вы здесь часто бываете? – «Конечно, каждое воскресенье, вместо церкви», – раздраженно подумала я. – А как мы здесь оказались? Может быть, я сплю? Тогда как я смог прочитать все надписи на надгробиях? Ведь я точно знаю, во сне прочитать что-либо невозможно, буквы прыгают, текст меняется… но как же?! Или это кома? Или… – Тут мне пришлось оборвать вихрь вопросов мистера Миллигана, и я, резко развернувшись к нему, едва не столкнулась с ним нос к носу:

– Вы либо умерли, либо умираете, Александр. Смиритесь и позвольте мне сосредоточиться на дороге, иначе ваша судьба решится прямо здесь! – яростно уведомила я своего несчастного попутчика. – Возьмите себя в руки! – Закончив пугать Александра, я вдруг поняла, где находится шоссе. *Везде*. Мы стояли посреди широченной пустой дороги, по которой не проносилось ни одной

чертовой машины.

Я осмотрелась. Темень непроглядная. Звука приближающихся автомобилей тоже не было слышно. О, мы точно уже недалеко. Складывалось впечатление, что местность кто-то сжал. Смело перейдя шоссе, я обнаружила, что мистер Миллиган остался стоять на месте, разинув рот. Устало вздохнув, я обратилась к спутнику:

– Ну что еще? – Моему изнеможению не было предела.

Александр озадаченно вертел головой, смотря то влево, то вправо, будто переходил оживленное шоссе, а не пустую дорогу, и тихо пробормотал:

– Мы же были только что на кладбище… дорога… невозможно.

Бедняга вот-вот хлопнется в обморок. А мертвые могут терять сознание? Я буравила мистера Миллигана суровым взглядом, позаимствованным у бабушки-учительницы:

– Здесь все невозможно и возможно одновременно. Приготовьтесь идти в темноте через лес. У вас есть мобильный телефон с собой?

Александр растерянно похлопал себя по бедрам. Его лицо озарила грустная улыбка.

– Есть. – Он достал из кармана брюк небольшой сотовый.

– Отлично, нужно включить на нем фонарик, – деловито сказала я и выхватила из бледных рук Александра скромную модель смартфона.

Мы продирались сквозь ветви деревьев, с которых уже начала спадать листва. Чувствовалось дыхание приближающейся осени в каждом уголке леса. Я старалась вспомнить, как мы шли с Хароном к трамваю, но ни черта не выходило. Скорее всего, мы и не с той стороны вошли в лес. Вновь раздалось уханье совы. Оно звучало так же пугающе, как и на кладбище. Интересно, это та же самая сова и она нас преследует? Или у них просто совиный заговор? Я покрутила головой, и руки, державшие мобильный, направили лучик света, следуя моему взгляду. Ночного хищника нигде не наблюдалось. Вскоре я услышала другие звуки, они смогли напугать меня куда сильнее громкой птицы. Голоса, до боли родные, раздавались в ярдах десяти[6] от нас, я поспешила выключить телефон.

– Ева, я тебя уверяю, все будет хорошо. Она ничего не заметит. Она вообще ничего не замечает… Такая холодная, витает вечно где-то.

Затаив дыхание, я замерла на месте. Лишь бы не хрустнула ветка под ногами. Как они здесь оказались? Я нахмурилась. А могут ли они увидеть меня вообще? Луна в чернейшем небе

казалась неестественно огромной. Погодите, луна?!

Тем временем Ева, встряхнув переливающимися в лунном свете, словно в лучах ярчайшего солнца, кудрями всех оттенков меди, ответила своему ночному кавалеру:

– Я люблю ее, несмотря на наше… наши… на наш… – Подруга замялась, видимо, не в силах подобрать подходящее слово, описывающее их адюльтер. Вот, Ева, пожалуйста. Адюльтер. Весьма точное определение. – Роман, – выплюнула рыжая ведьма столь непристойное слово. Роман.

– Кто эти люди, Элис? – Дрожащим то ли от страха, то ли от студеного ночного воздуха голосом напомнил мне о своем существовании Александр. Я вздрогнула. Совсем забыла о нем.

– Никто, мистер Миллиган. Они уже никто, идемте, не стоит терять и без того ограниченное время. – Я взглянула на Александра. Из его рта вылетали облачка пара. Температура заметно снизилась, а у несчастного мужчины, похоже, были проблемы с носовым дыханием.

Трамвайные пути нам не повстречались до сих пор. Устройство другого мира, похоже, состояло из сплошных парадоксов и следовало правилам, известным лишь бог знает кому. На этом моменте я осознала, как можно быстро добраться до нашего пункта назначения. Я подошла к все еще пребывающему в шоковом состоянии мистеру Миллигану, взяла его за потную липкую ладошку и закрыла глаза. Постаралась вызвать как можно более яркий образ трамвая, невозможно старого снаружи и такого уютного внутри.

– Ну здравствуй, Алиса, – теплый хриплый голос Эйча заставил меня открыть глаза и улыбнуться.

– Давно не виделись, приятель, – ухмыляясь, я оглядела ничуть не поменявшегося Харона. Громкий глухой звук поведал нам о том, что мертвые все-таки могут падать в обморок.

Кряхтя, я тащила Александра, подхватив его под мышки, а Эйч нес его за ноги. Совместными титаническими усилиями мы внесли тяжеленного Миллигана внутрь импровизированной хижины проводника. Тело мертвого и в то же время немертвого господина мы разместили на кровати Эйча. Эдакий труп Шредингера. Оставив беднягу отдыхать, Харон отправился ставить чайник, а я плюхнулась на стул возле стола.

– Ты будешь чай или кофе? – гостеприимно спросил меня Харон.

– А вафли есть? – неожиданно для себя ответила я вопросом на вопрос.

Эйч удивленно поднял брови и возвестил:

– Есть.

– Тогда чай, – приняла я решение.

Проводник рассмеялся хриплым, таким же, как и его потрясающий голос, смехом и поинтересовался:

– С кофе вафли не едят? – Он хитро сощурил глаза, в которых плясали черти. Я, как это ни странно, соскучилась по лукавому взгляду его карих глаз.

– Едят, но я не хочу, – просто произнесла я.

– Хорошо, чай так чай, – кивнул Эйч и поставил вазочку с вафлями на стол.

– А вафли настоящие? Или это все иллюзия? – задала я очередной вопрос хозяину хижины, откусывая немаленький кусок от предложенного угощения, украсив при этом свою заимствованную одежду вафельными крошками.

Эйч вновь затрясся от смеха. Пока закипал чайник, мой старый знакомый привычно потянулся во внутренний карман за пачкой сигарет. Ничего не изменилось. Банка с окурками, правда, заметно опустевшая, по-прежнему находилась на своем законном месте. Выпустив на свободу струйку сизого дыма, Харон выключил чайник и принялся заваривать чай. С бергамотом, мой любимый. Запах заварки мне сразу напомнил о бабушке. Стало грустно, я принялась разглядывать убранство трамвая, чтобы отвлечься. Мой взгляд наткнулся на белый конверт, торчащий из книги. Скорее всего, хозяину чтива он приходился чем-то вроде закладки.

– Письма приходят, да, Эйч? – Я указала вафлей в сторону конверта.

Харон отвлекся от разливания ароматной жидкости в белые фарфоровые чашки и обернулся через плечо.

– Пришло. Одно. – Он развернулся, держа в руках чашки с чаем. С тихим звяканьем он поставил посуду на блюдца, заранее приготовленные на столе.

– И от кого оно? – не смогла я сдержать любопытства. Не перегибаю ли я? С некоторым страхом я взглянула на проводника.

Эйч потер волевой подбородок. Затем по-птичьи склонил голову набок и произнес:

– Можешь даже прочесть его. Даже не так, прочти его, Алиса. – Он взял в руки книжку, «Божественную комедию» Данте Алигьери, и вытащил белый прямоугольник. Положив его на стол рядом со мной, занял свободный стул напротив меня. В его огромной ладони чашечка выглядела кукольной. Сигарета мерцала в полумраке. Это шутка? Проверка? Я должна действительно вскрыть конверт и прочитать то, что внутри, или

вовсе отодвинуть письмо от себя?

С сомнением я посмотрела на Харона. Поняв мои колебания, он выдохнул последнее облако дыма и отправил окурок в банку.

– Я правда хочу, чтобы ты это прочла. Никакого подвоха, – Эйч подтолкнул письмо ближе ко мне.

Сгорая от любопытства, я позволила себе отдаться порыву и быстро разорвала бумажный конверт. Мне на колени выпал листок, весь испещренный неровным, таким знакомым почерком. Я жадно принялась разбирать слова, что было не так-то и легко, но лучше бы мне этого вовсе не видеть:

«Мой дорогой друг, я задыхаюсь, лежа на холодном полу, выводя эти строки, которые даются мне с таким трудом. Руки дрожат, буквы выходят неровными, съезжают с предначертанных им линий. Все это похоже на движение по спирали вниз, к необратимому, освобождающему концу, дарующему мне столь долгожданную свободу, в ту самую бездну, где я буду от тебя далеко и ты не сможешь мне больше сделать больно.

За окном раздаются такие тревожные звуки сирен проезжающих машин скорой помощи. В этот день – день моего двадцативосьмилетия – плохо не только мне одной. Хотя не думаю, что причины у людей, по которым они набрали 999, столь же ничтожны, как и мои. Вскоре одна из этих машин остановится у входа в дом, парамедики, принявшие мой заблаговременный вызов, поднимутся ко мне в квартиру и обнаружат за незапертой дверью мое жалкое тело, которое не смогло больше нести в себе черную от злобной копоти душу, наполненную до краев желчью, тоской и такой нескончаемой ненавистью к собственному не угодному никому существованию, что они захотят оставить меня на том же месте, где я и буду лежать, распахнув свои глупые глаза, отражающие, словно маленькие блеклые зеркала, их зеленую униформу. Да простит меня господь, Вселенная, бабушка и ты, мой дорогой друг».

Все волоски на теле поднялись. Я отбросила от себя чью-то, чью угодно, только не мою, предсмертную записку, словно паука, которому не повезло проползти по мне. У меня было ощущение, словно меня сбил поезд.

Я подняла наполненный слезами взгляд на Эйча.

– Что все это значит?! Это очередная шутка, ты смеешься надо мной?

Почерк в письме принадлежал мне. Или кому-то, кто смог его воссоздать. Слезы капнули и оставили кляксу на разорванном конверте, оставленном на столе. Кляксу? Разве он был не

абсолютно белым? Я вытерла слезы и взяла в руки то, что осталось от конверта. Выписанные с таким старанием витиеватые буквы сложились в слова:

Моему дорогому другу. Моему любимому Джо.

Твоя Элис.

Глава 2
Разоблачение

Я умудрилась оставить целым кусок бумаги, на котором была подпись. Все тело пробирала дрожь. Я обняла себя за плечи, а Харон упрямо хранил молчание. Сидел он абсолютно неподвижно, даже не потянулся за новой сигаретой. Нашу неловкую тишину нарушил подавший голос Александр, по всей видимости, пришедший в себя, и смена обстановки его ни капли не успокоила.

– Я что, умер?! – вновь визгливо вопросил Миллиган. Второй раз умереть весьма сложно. Несмотря на всю трагичность ситуации, я рассмеялась, вытирая при этом слезы, предательски полившиеся из глаз. Эйч тоже подхватил мой смех, правда, у него он получился более сдержанным. Но у него и истерики не наблюдалось.

– Вы все сумасшедшие. – Александр сделал попытку подняться с кровати Эйча и подойти к нам, указывая при этом на каждого из нас пальцем. – Вы просто психи. Нельзя устраивать такие… Представления. Дешевый спектакль! Вы двое, думаете, я не догадался? У меня были сомнения, но я сам недавно потерял жену, как вы вообще посмели такое проделать. Бессовестные прохвосты! – продолжал сыпать обвинениями господин Миллиган. – Я… я так устал. – Александр внезапно прекратил поток возмущений и сел обратно на кровать, спрятав лицо в ладонях. Его плечи затряслись. Я встала со стула и пошатнулась. Снова не заметила движения трамвая. Харон тем временем вытащил из пачки сигарету и с чувством затянулся. Подлец. Все мне расхлебывать. Осторожно, держась за стену трамвая, я подошла к плачущему Александру и опустилась перед ним на колени. Медленно отняла его руки от лица. На меня смотрели ярко-синие, как океан, глаза, наполненные такой невероятной скорбью, что у меня защемило сердце.

– Она была моим всем… Моим миром, домом… У нас не было детей, некому будет меня похоронить, – он печально прикрыл веки.

Я не успела сказать ему ничего утешающего, поскольку раздалась главная песня из популярного американского мюзикла «Звуки музыки». Океаны глаз, принадлежащие мужчине напротив меня, удивленно уставились на внезапно оживший телефон. Он быстро схватил его и прошептал надломленным голосом:

– Дорогая, это ты? – Каким он был бледным. Белее снега.

Очевидно, ответ привел его в шок, но в приятный, так как невидимой собеседнице он ответил совершенно другим тоном:

– Дорогая, я скоро! Еду к тебе, где бы ты ни была, я найду тебя! – Лицо Александра помолодело лет эдак на десять. Свет, подкравшийся незаметно, ослепил меня, я не успела ни с кем попрощаться и задать накопившиеся у меня вопросы проводнику.

В кафетерии людей прибавилось. Как и в первый раз, передо мной предстали голубые льдинки глаз Майка. Я не испугалась. Какая молодец. Только вымученно улыбнулась ему:

– Я что, отключилась?

Парамедик смотрел на меня несколько отстраненно, не замечала раньше за ним такого взгляда.

– Ты в порядке? Голова не кружится? – Он холодными пальцами обхватил мое лицо, посветил миниатюрным фонариком мне в глаза, проверив реакцию зрачков. От засветки я заморгала.

– Мистер Миллиган? Он жив? Спасли? – хрипло спросила я в свою очередь Майка, проигнорировав его формальные вопросы о моем самочувствии.

Парамедик нахмурил брови, потом его отстраненность заменило выражение сочувствия.

– Нет, Элис, увы. Ты все делала правильно, но спасти его не удалось. Врачи появились почти сразу, как ты потеряла сознание. Мне так жаль, это не твоя вина. – Чуть помедлив, он несколько удивленно добавил: – Откуда ты знаешь его имя? Вы были знакомы?

Мой ответ был украден. На этот раз тем, кого я ожидала увидеть меньше всего на свете:

– Элис! Мне позвонила Ева, что случилось? – Громогласный голос Джо перекрыл все звуки в кафетерии.

В отчаянии я застонала. Мой контакт на случай экстренной ситуации. Ну что он здесь забыл? Почему сегодня? И как он так быстро приехал?!

Майк недобро покосился в сторону моего супруга и едко процедил:

– Ну, не буду мешать, *миссис Андерсон*. – Он молниеносно вытянулся во весь свой немалый рост и поспешно удалился. Если бы я так быстро поднялась с пола, то очень быстро бы упала обратно. Пока я размышляла о невероятных способностях парамедика, мой благоверный, вернее, уже не настолько-то и верный, оказался рядом со мной.

– Едем домой? – Джо протянул мне руку, предлагая помощь. Вздохнув, я приняла этот акт милосердия и ухватилась за его крепкую ладонь. Не устояв на ногах, как и предполагала, я очень постаралась не встретиться с полом вновь. Последнее время мы с

ним частенько виделись. Предотвращая мою попытку вернуться в прежнее положение, муж удержал меня за талию, и я, следуя дурацкой инерции, резко прислонилась к нему. В этот самый момент Майка угораздило обернуться и увидеть столь жуткую для меня картину. Смотрелось это все, наверное, как утешающие объятия любящего мужа. Знал бы ты, дорогой, как все обстояло на самом деле.

– Едем, – только и оставалось мне произнести.

Поездка домой, если нашу квартиру все еще можно было называть домом, выдалась нерадостной. Из-за привычки Джо ездить с открытыми окнами и люком, вместо того чтобы включить кондиционер, голова от ветра раскалывалась нещадно. Шоссе оказалось не загружено в этот час, что удивительно при обычном трафике, потому моему мужу выдалась возможность разогнаться, конечно, соблюдая ограничения, установленные на этом участке пути.

– Как ты так быстро оказался в госпитале? – Мой тихий голос разбил на осколки безмолвие, что тянулось с самого выхода из больницы.

Муж по-прежнему не отрывал взгляда от дороги. Свет от уличных фонарей сливался в единую желтую полоску.

– Я был уже в клинике… К приятелю заходил, – тихо ответил Джозеф. К приятелю?! Никогда бы не подумала, что у него могут быть приятели. Хотя почему нет? Он же человек. Правда, иногда я об этом забываю.

– Что за приятель? – Я внимательно смотрела на такое родное и в то же время совершенно чужое лицо. Супруг слегка повернул ко мне голову:

– Ты его не знаешь. Учились вместе в медицинской школе, он работает в Миддлсексе.

Как мило. Бывший сокурсник, которого Джо навещает посреди рабочего дня. Хотя, может, в частной практике так и заведено. У меня не было настроения поднимать этот вопрос.

– Как себя чувствуешь? Голова не болит? – с несвойственным ему участием продолжил дорогой муж. Ох, да он сегодня выдал годовой запас слов. Потрясающе. Я с недоверием проговорила:

– Еще немного, и моя черепная коробка лопнет.

Джо хмыкнул и вновь сосредоточил свое внимание на вождении. Кажется, он даже немного прибавил скорость. Наверняка ему не терпится избавиться от меня побыстрей. Ну и к черту его. Энергичная электронная музыка, что раздавалась басами в салоне автомобиля, служила прекрасным фоном к нашей скоростной езде. За окном стемнело. Я посмотрела на люк – над нами тянулись серые мрачные тучи. Только грозы еще не

хватало. Я закрыла глаза и откинула голову, стараясь расслабиться. Лучше мне, правда, от этого не стало. Неожиданно меня посетило странное чувство внизу живота, как при взлете. Распахнув глаза, я взглянула на спидометр. Отметка приближалась к восьмидесяти милям в час. Я тронула Джозефа за плечо:

– Может, сбавишь скорость? Я недавно стала свидетелем жуткой аварии.

Ноль внимания.

– Джо… послушай меня. – Я покосилась на прибор – стрелка уже находилась на цифре восемьдесят. Нет, здесь явно нельзя гнать с такой скоростью! Даже на практически пустом шоссе, даже на «Порше». Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в руку мужа, а голос сорвался на крик.

– Остановись! Слышишь меня! Стой! – умоляла я слетевшего с катушек супруга. Раздался гром. На небе серебряной трещиной сверкнула молния. Тяжелые капли ударялись с глухим звуком о капот, крышу, лобовое стекло автомобиля. Дворники заработали, стараясь дать обзор водителю, но со своей работой они справлялись плохо, вид из окна оставался довольно размытым. Джо, не видя, не слыша и не замечая меня, словно в трансе, продолжал разгоняться.

Я не могла различить ни дороги, ни указателей и с трудом понимала, где мы находились.

– Ты хочешь меня убить?! Признайся! Один раз попытался чужими руками и не получилось? – В отчаянии я трясла впавшего в ступор мужа. – Ну так и в этот не получится! – Перегнувшись через супруга, я резко вывернула руль на себя, чтобы свернуть на обочину. Конечно, я могла спровоцировать нехилую аварию, но машин ни сзади, ни спереди я не увидела, а потому пострадали только мы: я, Джо и «Порш». «Порш» мне в этой истории было жалко больше всех. Муж резко ударил по тормозам. От серьезных травм меня спас ремень безопасности. Джозефа тоже. Муж какое-то время, пребывая в шоковом состоянии, молча смотрел вперед. Я в страхе вжималась в кресло. Затем, справившись с оцепенением, супруг медленно развернулся ко мне и очень тихо и отчетливо прошипел:

– Ты окончательно спятила?

Что? Это я-то спятила? Сглотнув слюну, я севшим голосом ответила на нелепый вопрос:

– Нет. Сошел с ума здесь только ты. Я не разгоняюсь до восьмидесяти миль в час в грозу. Так что псих тут только один, и это явно не я.

Мое дыхание участилось. Ноздри Джо гневно раздувались.

Зрачки его расширились. Муж смахивал на наркомана. Не отрывая пристального взгляда от незадачливого убийцы, я пыталась нашарить ручку двери. Но Джо оказался быстрее и заблокировал машину. Я слышала свое сердцебиение, казалось, оно перекрыло звуки радио. Словно прочитав мои мысли, муж выключил звуковую систему. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Его внимание снова всецело принадлежало только мне. Как это ни иронично, сейчас я этого хотела меньше всего на свете.

– Скажи мне, чудная ты моя, когда я тебя пытался убить? Да еще и чужими руками? А? – Усталость пришла на смену ярости. – И я не гнал восемьдесят миль, а всего шестьдесят и начал сбавлять, как только хлынул ливень. – Он со странным сочувствующим видом окинул меня взглядом. – Что с тобой происходит в последнее время?

Я молчала. Ответа у меня не было.

– Нечего ответить? Хорошо… Мы не разбились, я, кажется, помял бампер, чертово дерево… Поехали. – Он вновь завел двигатель. Кажется, я отделалась малой кровью. И правда, что со мной происходит?

Квартира встретила нас мраком и холодом. Совершенно точно помню, что кондиционер я даже не включала перед выходом, но сейчас я собственными глазами наблюдала, как он работал на полную мощность. Удивительно.

– Не выключила кондиционер перед уходом. – Супруг потянулся за пультом. – Сколько раз тебе говорил, – сердито бросил мне муж и одним нажатием кнопки прервал жужжание техники. Я все еще стояла в коридоре, безучастно наблюдая за передвижениями Джо по апартаментам. Вскоре он заметил меня. Кивнув в мою сторону, сказал:

– Как привидение. Ты не хочешь пройти в комнату? Или на кухню? Выпей кофе, тебе стоит взбодриться, денек тяжелый выдался, – он хотел было вернуться к мельтешению по квартире, но мне это надоело. Уродливая черная статуэтка кошки разлетелась вдребезги, с моей помощью встретившись с ламинатом. Похоже, покрытие кое-где пострадало. Джозеф, вздрогнув, озадаченно созерцал хаос, устроенный мной. Он саркастично изрек:

– Чердак все-таки снесло? Да? – Его усмешка привела меня в ярость. Кулаки непроизвольно сжались до побелевших костяшек.

– Элис, просто скажи, чего ты хочешь? Скажи мне, и давай это все прекратим, я тоже устал, – он поднял холодный взгляд на меня. Я улыбнулась, прекрасно осознавая, насколько сейчас моя

улыбка выглядела сумасшедшей и злой:

– Хорошо. Давай прекратим. Я хочу развестись. – Страшные слова повисли в воздухе.

Глава 3
Стеклянный дом

Прошу строго меня не судить,
Раскаянья нам хватит с лихвою.
Мне сердце бесполезно корить,
Что стремится остаться с тобою.

Я обвела критичным взглядом четверостишие, выведенное в блокноте неровным почерком. Писать было неудобно, автобус качало из стороны в сторону. Складывалось впечатление, что водителю права выдали только вчера.

Нервно погрызла кончик карандаша. Мой личный метод психотерапии помогал немного прийти в себя после произошедшего: не только в кафетерии, на дороге, но и в нашей с Джо квартире. Как оказалось, для меня это тоже было потрясением. Я быстро собрала лишь необходимое, покидала пожитки в спортивную сумку и мгновенно ретировалась из нашего нелюбовного гнездышка. Этот подлец даже не пытался меня остановить. Уверена, после моего позорного побега Джо открыл бутылочку дорогого шампанского и пригласил праздновать Еву.

Насчет последнего я соврала. Она в своем огромном, в прямом смысле стеклянном доме ждала меня. Все так запуталось, сплелось в один большой клубок из одних колтунов.

Я выкинула ни в чем не повинный карандаш в открытое окно автобуса. Туда же полетел смятый листок. Сидевшая рядом девочка-тинейджер вынула беспроводные наушники из ушей и, повернув ко мне веснушчатое лицо, безапелляционно заявила:

– Вы загрязняете окружающую среду. Из-за таких, как вы, наша природа погибает, – девочка высокомерно задрала квадратный подбородок.

Я горько рассмеялась, отметив, что стала весьма импульсивна в последние дни и, конечно, о природе не задумывалась. Подобные поступки мне были несвойственны на самом деле. В России меня бабушка отругала бы за такое варварское поведение. Правильно бы сделала.

– Прости, даже не подумала. Период в жизни тяжелый, – весьма искренне извинилась я перед попутчицей. Подросток недоверчиво сощурила карие глаза.

– Если все люди думать перестанут, у планеты тоже наступит

тяжелый период, – философски изрекла она и вернула свои наушники на полагавшееся им место. Я вздохнула, с тоской выглянув в окно. Мимо проносились машины, оставались позади деревья. Прислонилась к холодному стеклу. А все так хорошо начиналось, казалось, такое бывает только в кино или в глупых книжках.

Реальность довольно резко ударила меня по лицу, возвращая с небес на землю. Наш брак продлился пять лет, пять долгих несчастливых лет. Почему я так долго терпела? Предательское чувство жалости к себе шепнуло, что все еще можно вернуть. Нет! Ни за что, с меня довольно. Бедная девочка едва не пересела от меня, поскольку я, увлекшись своими нерадостными мыслями, подскочила на месте. Впрочем, не только подросток пребывала в недоумении, я оказалась в эпицентре внимания доброй половины автобуса. Неловко улыбнувшись пассажирам, я вернулась в прежнее положение. Так, спокойно.

Ехать оставалось около пятнадцати минут, скоро мне представится возможность узнать многие подробности, которые мне не давали покоя. Настойчивое треньканье напомнило мне о существовании мобильного. Я старалась добыть устройство из заднего кармана джинсов и слегка задела локтем при выполнении этого нехитрого действия соседку. Та лишь устало вздохнула. Неловко извинившись перед подростком, я ответила:

– Да?

Номер звонившего мне был незнаком. Мужской голос мне так же сухо ответил:

– Гарсия. Миссис Андерсон, подскажите мне, пожалуйста, который сейчас час? – еле сдерживая себя, поинтересовался неприветливый детектив.

Я убрала трубку с мерзким голосом от уха и застонала, чем вновь привлекла внимание окружающих. С трудом взяв себя в руки, я взглянула на экран – двенадцать двадцать. Боже. Столь неприятное свидание мой мозг в порыве защитной реакции напрочь вытеснил из головы. Я прислонила динамик к уху:

– Двадцать минут первого, – абсолютно спокойно озвучила я время и ехидно добавила: – Вы, должно быть, часы потеряли? – Судя по словам, прозвучавшим мне в ответ от Гарсии, моя шутка нисколько его не развеселила.

Чеканя каждое слово, детектив шипел в телефон:

– Где. Вас. Носят. Черти?! – извергал из себя яд законник. О, сегодня, похоже, день глупых вопросов.

– Ну, судя по виду из окна, я еду по шоссе вдоль леса, – не теряя самообладания, сообщила я свое местоположение собеседнику. Ох, не стоило.

– Вы окончательно рехнулись?! Элис, я очень хочу вам помочь, но проклятье, как я это должен сделать один, без вас, в суде! Мы же договаривались! – выпалив гневную тираду, Гарсия не мог отдышаться. Давление у него точно подскочило от таких, наверняка обычно несвойственных детективу, эмоций. Но какой суд? У нас, естественно, была договоренность, которую я бессовестно нарушила, но явно речь шла не о встрече в суде. Или я что-то пропустила.

– Простите меня, Дэвид, – я не помнила, чтобы при встрече он сообщал мне свое имя, но я почему-то точно знала, что зовут его именно так, – мне жаль, но о каком суде идет речь? – спросила я. Молчание на том конце провода прерывалось лишь рассерженным сопением.

– Вы мне мстите, да? Хотите выставить полным идиотом? – невероятно спокойно и холодно задал вопрос детектив. У меня закончились силы и те крохи терпения, что оставил мне муж. Не удержавшись, в этот раз я почти проорала в несчастный сотовый:

– Нет, уважаемый, вы с этим прекрасно справляетесь сами.

Я пожалела, что у меня не телефон-раскладушка. Было бы очень эффектно – драматично хлопнуть крышкой телефона. Автобус резко затормозил. Ну там что, школьник за рулем?! Водитель объявил мою остановку. В окне мелькнула знакомая копна медных волос.

Задыхаясь от плотного облака парфюма Евы и ее крепких объятий, я старалась разобрать звуки, которые издавала подруга. Она-то, конечно, наивно полагала, что ведет со мной оживленную беседу, на деле же все ее слова сливались в недостижимый для моих ушей инфразвук, доступный для понимания разве что летучим мышам, возможно, обитавшим неподалеку.

– Я так рада, что ты приехала, несмотря ни на что! Ты так хорошо выглядишь, и не передать словами, как я волновалась за тебя! – Она обеспокоенно схватила меня за руку и сжала ее, продолжив свое щебетание:

– Это так много для меня значит, мы в последний раз виделись в больнице… после того… – Некогда лучшая, да и, по сути, единственная подруга замялась. Что же ты запинаешься после неудачной попытки убить меня, наверняка с подачи муженька. Впрочем, все карты сегодня лягут на стол. – После твоего, слава богу, несвершившегося суицида, – решилась она сказать абсолютную, но такую удобную ложь для нее. – Те таблетки… до сих пор жалею, что оставила их в ванной, в шкафчике. Я замечала твое изменившееся настроение, но никогда бы не подумала, что ты решишься на такое. – Ева растерянно

подняла взгляд и всмотрелась в мое удивленное лицо.

Это они с Джозефом такое придумали? Ловко, ловко. Я почти поверила. За этим увлекательным разговором мы подошли к ее дому. И если до этого момента мое лицо выглядело лишь удивленным, то теперь оно выражало полное недоумение, а сама я практически споткнулась о собственную упавшую на белый гравий челюсть. Джо, в сером свитере и с распущенным волосами, тоскливо смотрел в нашу сторону, прислонившись к деревянным перилам.

Уже пройдя внутрь коттеджа, я почувствовала себя словно осенняя муха, которая, готовясь к продолжительному сну, была совершенно бесцеремонно разбужена неожиданно нагрянувшим теплом. И вот она жужжит своими маленькими прозрачными крылышками и беспомощно бьется в оконное стекло. Видит залитую лучами солнца улицу – а покинуть эту четырехстенную коробку не может. Мои ощущения были схожи с чувствами насекомого. Я все ждала, когда мое надоедливое жужжание и попытки выбраться наскучат моим… некогда близким людям и меня просто-напросто прихлопнут. Я даже зажмурилась, правда, лишь на мгновение, но этого краткого момента хватило моим дорогим *неблизким*, чтобы их физиономии исказила гримаса фальшивого беспокойства.

Ева осторожно дотронулась до моего предплечья лишь кончиками пальцев и негромко поинтересовалась:

– Элис… Ты в порядке? Может, воды принести? – Взгляд зеленых глаз, казалось, был наполнен неподдельным волнением. Лживая предательница! Я больше ничего не приму из твоих рук, Иуда. Выражение моего лица в который раз напугало подругу, и она молча, выставив ладони перед собой, отступила.

Муж, до этого усердно изображавший предмет интерьера, ожил и выдвинулся в центр зала. Запустив пятерню в волосы, он пропустил сквозь пальцы свои непослушные пряди, скорее с усталостью, чем стараясь произвести впечатление, как могло показаться случайному наблюдателю. Джо поднял с кофейного столика конверт. Белый, чем-то напоминавший тот, что я обнаружила в трамвае Эйча. Хотя все конверты похожи.

– Узнаешь? – глухо произнес всего одно слово Джозеф, протягивая мне бумажный прямоугольник.

– Я, по-твоему, должна быть знакома со всеми бумажными конвертами в Лондоне? – саркастично бросила я, забирая при этом подрагивающей рукой предложенное письмо, или что там скрывалось внутри. Но и заглядывать в конверт не имело никакого смысла: «Моему дорогому другу. Моему любимому Джо…» – гласили витиеватые буквы, выведенные старательной

рукой на конверте. Письмо выпало из моих судорожно трясущихся рук. Ева и Джо определенно хотят свести меня с ума. Свет, заливающий все вокруг сквозь панорамные окна, казался ослепительным, я пошатнулась. Стены стали двигаться, а я медленно осела на пол. Джозеф опустился на колени рядом со мной, позволив себе невероятный акт нежности по отношению ко мне – сжал горячими руками мои ледяные пальцы. Мне было сложно разглядеть его лицо, голова кружилась, и окружающее пространство вместе с ней.

– Это ужасно, осознавать все заново. Наверное, в твоем разуме немыслимая путаница. Просто позволь тебе помочь во всем разобраться. – Муж по-прежнему держал мою холодную ладонь и выжидающе смотрел на меня невыносимо голубыми глазами. Что я должна была на это ответить?

Но лишь один вопрос крутился в моем отказывающем мозгу:

– Почему она? Почему Ева, Джо? Я что, хуже? – Даже целых три вопроса. Муж вздохнул и печально вымолвил:

– Элис… – и продолжил смотреть на меня. Сознание цеплялось за голос Джо, как утопающий за соломинку, прежде чем окончательно сдаться подступающей темноте.

Часть IV
Интроверсия

Глава 1
Последствия

Кончился танец глупых упрямцев,
Бессмысленный вальс бродячих котов.
Друг на друга посмотрим без глянца
С разных концов сожженных мостов.

От доктора Белл я возвращалась окрыленная, чувствуя, что струна, натянутая до предела и продетая через мое сердце, наконец ослабла, а может, и вовсе исчезла. Я оставила на столе психотерапевта мой последний стих, который написала после окончательного слушания по делу о нашем с Джо разводе. Мой адвокат, бесстрашный мистер Гарсия, влетел в кабинет светловолосого доктора, при этом едва не сбив меня с ног, не здороваясь и даже не удосужившись принести извинения. Я быстро пробежала путь от кабинета до выхода из клиники, рискуя сломать себе шею, так как табличку «мокрый пол», как всегда, не заметила.

Телефон в кармане угрожал покинуть свое местонахождение из-за безостановочной вибрации. Перестав изображать балет на вымытом влажном кафеле, я устало сдула выбившуюся из хвоста прядку со лба и ответила на звонок:

– Я уже лечу, прости, сеанс затянулся! – запыхавшись, крикнула я в трубку.

Майк рассмеялся и проговорил восхитительным бархатным голосом:

– Не торопись, красавица, я немного задержусь. Последний вызов, и я весь твой. Извини, – виноватый тон собеседника звучал невероятно мило.

– Не извиняйся, ты спасаешь людей… Одной из них когда-то была я. Буду ждать тебя в ресторане, – заверила я парамедика.

– Меня ждет всего лишь один вызов – и я пулей к тебе! – Как всегда, на том конце провода доносились крики напарника, вой сирен и просто чьи-то недовольные возгласы.

– Удачи, милый. Не спеши, до встречи, – я улыбалась так сильно, что проходящие мимо посетители больницы странно на меня поглядывали. Возможно, мне это лишь казалось, как и многое другое до этого. Да и какое мне до них дело.

– До вечера, целую. – Майк повесил трубку. Все будет хорошо. Все уже хорошо. Пусть так было и не всегда, но у плохого есть

такое свойство – заканчиваться. Правда, если не прилагать усилий, плохое может длиться вечно.

Меня действительно отравили. Отравили обманом, предательством, отсутствием всяческой поддержки. Я поспособствовала своей смерти. Помогала поступать яду дозированными, но, несомненно, ежедневными порциями. Небольшими, но вполне достаточными, чтобы сломить мою волю, желание продолжать жить, радоваться новому дню. Они убили даже не меня саму как личность, не любовь Джо ко мне или мою любовь к нему. Они… Скорее, я сама уничтожила те самые крохи любви к себе, и осталась лишь пустота, а пустое тело жить не может. Существовать – разумеется, сколько таких, но жить… Жить нужно научиться, это главный навык, который человек приобретает в течение долгих лет.

Покинув территорию больницы, я шла по знакомой тропинке кладбища Тоттенем. Лучи яркого солнца пробивались сквозь листву, был на редкость погожий для сентября день. Пора заканчивать с этой привычкой прогуливаться по кладбищам. Жмурясь на свету, как огромный рыжий кот, я задумалась о том, насколько удивительна бывает наша жизнь, ее повороты, виражи, ловушки, бесконечные проверки человечности и совести.

Думаю, пора вызвать такси и отправиться на свое заслуженное свидание. Вероятно, оно будет наконец-то первым полноценным свиданием за наше уже достаточно продолжительное знакомство. Я умостилась на заднем сиденье приехавшего кеба и приготовилась выполнить задание психотерапевта, намереваясь покончить с ним сегодня. Мне нужно за уже угасающий день с самого начала восстановить цепочку всех событий, которые привели меня к этой точке. Может, записать все в хронологическом порядке мне не удастся, но самые значимые события упомянуть, несомненно, стоит. Я достала заранее ожидавшую своего часа белую тетрадь и закрыла глаза, погружаясь в запутанные чертоги моей памяти.

Глава 2
Скелеты без шкафа

Я грохнула сумки на огромный дубовый стол и смахнула пот с мокрого лица. Даже волосы от влаги потемнели. Леди, сидевшая за этим самым деревянным мамонтом, недовольно поджала губы и взглянула на меня невыносимо светло-серыми, словно бумага не слишком высокого качества, глазами. Сколько же было в них презрения и отвращения. Русская иммигрантка в ее доме, нажитом таким непосильным трудом – ведь брак с нелюбимым мужчиной наверняка требовал усилий, но эта женщина освободилась от оков супружеской жизни еще год назад. Похороны Чарльза – право, ни дать ни взять, королевская семья – прошли весьма скромно, Джозеф вдоволь позволил себе оплакать почившего отца на костлявом плече своей надменной матери. И стал еще более невыносимым. Два года мы жили счастливо, на третий терпимо, на четвертый как кошка с собакой, и вот на пятый мы начали холодную войну. Оба, несомненно, проигрывали.

Элизабет отодвинула от себя чашку из деликатного фарфора, и на столе образовались некрасивые пятна от пролитого чая. Отношение ко мне в этом каменном особняке было чуть теплее, чем к прислуге, наполнявшей этот исполинский дом, словно рыбки – японский пруд. Садовника и вовсе разбил инсульт прямо на рабочем месте. Высокого афроамериканца вынесли из родового гнезда семейства Андерсон вперед ногами, а с носилок сыпалась прилипшая к ботинкам Гарольда гнилая листва. Снега той зимой не наблюдалось, в целом весь сезон был похож на затянувшуюся промозглую позднюю осень.

Я до сих пор уверена в том, что если бы миссис Андерсон меньше тренировала на несчастном садовнике свои голосовые связки, то он бы еще радовал меня своим ежедневным искренним «доброе утро, красавица» и ласковым взглядом больших карих глаз. Я сморгнула выступившие слезы и посмотрела на ту, по чьей вине они появились. Существо, гордо именовавшее себя женщиной, по-прежнему молча буравило меня тяжелым взглядом. Вздохнув, я провела руками по липким волосам.

– Элизабет, Джо не появлялся? Я купила, как вы и просили, кофе в зернах без кофеина, чай черный без ароматизаторов, печенье без глютена и сахар без сахара, – на последнюю реплику мать моего мужа даже приоткрыла рот, и я, пресекая ее попытку сказать нечто язвительное, быстро заверила почтенную даму:

– Я хотела сказать, растительный сахарозаменитель, – и указала пальцем на торчащую из пакета зеленую коробку. Ниточка, которая в последнее время заменила Элизабет губы, превратилась в обычный тонкий рот. Признак невиданного одобрения.

– Спасибо, – отчеканила тоном Снежной королевы владелица особняка и, преисполненная чувством собственного достоинства, поднялась с обитого дорогой тканью стула, стоившего не меньше половины бабушкиной квартиры в Петербурге. Обдав меня шлейфом дорогих духов, моя свекровь гордо прошествовала к выходу из столовой. Я оперлась руками о стол. Ну что за семейка такая? Почему нельзя быть нормальными людьми? Задаваясь этими риторическими вопросами, я принялась разбирать оставленные на столе покупки, отгоняя пришедшую на помощь экономку.

Уже сидя в своей спальне на втором этаже, натирая руки кремом, пахнущим белыми цветами и обещавшим моей коже гладкость шелка, я услышала призывную мелодию сотового. Как всегда, вовремя. Горько вздохнув и попрощавшись с расслабляющим вечерним ритуалом, я, вытирая руки бумажной салфеткой, потянулась к мобильному. Имя, которое высветилось на дисплее, весьма меня озадачило. Мария Романовская. Ошиблась номером? Забытые давно контакты преследовали каждый мой новый смартфон, кочуя из памяти старого. Нажав на зеленую светящуюся галочку на экране сотового, я неуверенно поздоровалась с бывшей подругой детства:

– Привет, – на большее меня не хватило. На том конце провода раздалось неясное шуршание, затем последовало глухое приветствие:

– Вечер добрый, Алис. Ты не занята? Есть минутка?

Какая учтивость.

– Нет, рада слышать тебя! Столько лет прошло, ты как сама? – Удивляясь самой себе, я поняла, что внезапный звонок из прошлого меня обрадовал. Машка хрипло рассмеялась:

– Да, я тоже. В Москве сейчас живу, приехала в Питер, думала, с тобой встречусь, вспомним школьные годы. Зашла к твоей бабушке, а она меня огорошила новостью, что ты умотала в Лондон. Круто, поздравляю, – с некоторой грустью проговорила подруга. «Да не с чем поздравлять, Машка, не с чем», – вяло подумала я.

– Спасибо, дорогая, но поверь, ты ничего не потеряла, выбрав Москву, – постаралась убедить я Марию. – Как твоя мама? – с некоторой осторожностью поинтересовалась я, помня о не слишком близких отношениях Маши и Ольги Алексеевны. В

трубке раздраженно засопели. Вскоре подруга решила выдать достаточно нейтральный ответ:

– Нормально… Насколько у нас в принципе может быть нормально. Кстати, раз уж зашла речь, моя передавала привет твоей, они что-то давно не общались.

Простите, что? Я недоуменно хлопала глазами. А склероз может развиться к тридцати годам?

– Машуль, ты запамятовала, наверно? Я матушку лет с пяти перестала наблюдать в своей жизни.

Короткий смешок раздался где-то в Москве.

– Нет, пока на память я не жалуюсь. Ты разве не с мамой воссоединилась в столице Англии? Я, честно говоря, у Алевтины Анатольевны не успела поинтересоваться, почему ты уехала… Или ты замуж вышла?

– Бинго! – саркастично воскликнула я. – И моя мать здесь абсолютно ни при чем, как тебе такая мысль пришла в голову?

– Так они с Лизаветой Андреевной лучшие подружки, правда, в основном по телефону, кажется. Мама один раз только в гости к твоей приехала, не особо осталась в восторге от Соединенного Королевства. Потому наши мамы решили остаться друзьями по переписке.

Интересные новости получаются.

– А где именно она сейчас живет? Чем занимается? У нее есть семья? – обрушила я град вопросов на бедную одноклассницу. Казалось, собеседница находится в раздумьях. Выдержав длительную паузу, Маша соблаговолила выдать краткий ответ:

– Под Лондоном в своем особняке цветы выращивает, – небрежно бросила подруга.

Одуревший фиброзно-мышечный орган грозился оставить меня без оного.

– Хорошо, а я могу узнать ее фамилию, если ты в курсе? – задала я столь волнующий меня вопрос, чувствуя, что сознание вот-вот канет в спасительную тьму.

– Андерсон, – просто выстрелила мне этим сообщением в голову красноволосая одноклассница. Бум. Трубка выпала из недееспособных рук, и мое тело не преминуло последовать за сотовым.

Сколько прошло времени с тех пор, как я приняла горизонтальное положение на паркете, представить сложно. Джозеф стоял рядом на коленях, озадаченно разглядывая меня через стекла дизайнерских очков, и я отлично помнила, что данный аксессуар был без диоптрий. Позер. Привычным движением длинных пальцев муж зачесал упавшие ему на лицо

каштановые волосы назад. Почему он стал не актером, а врачом? Все задатки есть. Театральность в каждом, даже довольно обыденном жесте.

– Ты в порядке? Почему на полу? – Более умного вопроса в светлой голове благоверного не нашлось. Я ответила ему злым взглядом и мрачно процитировала известного героя популярного в Советском Союзе мультфильма:

– Меня уронили! – и предприняла не самую удачную попытку покинуть прохладный пол. Оглядев муженька с недовольством, словно он и был причиной моего спонтанного падения, я плюнула на наше с ним военное положение и, опираясь о его не самые надежные в этом мире плечи, поднялась на ноги. Уже смотря на Джо с высоты собственного роста, я сощурила глаза и окончательно смирилась с собственным решением сломать свою жизнь:

– Как *моя* мама? Ей понравился мой кофе? А печенье она попробовала? Так старалась угодить *моей* дорогой матери, столько лет она была пропавшей без вести, – я задержала дыхание. Джозефу, несомненно, паркет был по душе. Похоже, расставаться с ним он не собирался в ближайшее время. Сев по-турецки, Джо невесело протянул:

– Твоя мама, – вежливая холодная улыбка мужа дрогнула, красивое лицо исказила гримаса гнева и негодования. – Ты! Скажи, ты была в курсе, когда мы встречались? А когда сыграли свадьбу? Все ведь нарочно, не знала, как еще к ней подобраться! – Он подался вперед, скользнув вперед загорелыми руками по полу с совершенно звериным выражением лица. – Ты… Я поверил тебе… Влюбился, женился, черт побери! Мне было плевать на твое происхождение! Я даже дал тебе возможность не работать! А что взамен?! – Он смотрел на меня снизу вверх. Его зрачки расширились, огоньки света от включенного в углу спальни торшера сверкали в его глазах недобрым блеском, казалось, каждый мускул его тела был напряжен, словно у гепарда, что готовился к броску на антилопу. Не хотелось быть антилопой.

– А взамен, моя дорогая, ты лишила меня и матери, и жены, и нормальной жизни. Сделала меня каким-то извращенцем. – После этих слов напряжение, пронизывающее каждую клеточку его естества, исчезло: плечи безвольно опустились, лицо расслабилось, во взгляде отражалась только боль. Ненависть и ярость утихли где-то на глубине голубых льдинок глаз. Пропустив мимо ушей фразу о счастливой жизни домохозяйки, о коей я не просила, я спокойно обошла Джо и села позади мужа. Обняла его, прислонилась к широкой спине, потерлась о нее щекой, стараясь вложить в этот жест всю свою любовь и нежность,

что еще теплились в сердце. Мой голос прозвучал надломанно, треснуто и, казалось, принадлежал другой женщине:

– Я узнала об этом только сейчас, увы, помню, что твоя родная мать погибла, когда тебе было всего шесть. Мне так жаль… Но брак со мной не делает тебя… Неправильным. Думаю, стоит рассказать обо всем Элизабет.

Муж, до этого абсолютно спокойно меня слушавший, вдруг резко отбросил мои руки и подскочил на ноги.

– Ни в коем случае! Слышишь? Не смей ей об этом говорить!

Возможно, во время падения я сильно приложилась головой и потеряла суть нашего разговора, а потому мне пришлось уточнить:

– Собственно, а когда ты сам об этом узнал? И как? А? – Теперь мы поменялись местами: я была на полу и нападала, Джозеф стоял и защищался. Отступив от меня на шаг по направлению к двери, он рассмеялся:

– А когда подруга из России мою, прости, твою маму навещала. Такая интересная женщина, с английским у нее беда, но слова «Алисочка» и ее жест в сторону моего скринсейва на телефоне сказали многое. Так что пришлось убедить эту… Как ее, Олгу? – он неправильно произнес имя матери моей некогда близкой подруги. – В том, что общение с ней и ее визиты довольно сильно травмируют Элизабет. Может, мама и догадалась, конечно, но виду не подала. Навести справки для подтверждения моей гипотезы не составило сейчас труда.

Да уж, это точно. Холоднее моей свекрови и одновременно моей же матери только айсберг в Арктике. Я не дала Джозефу продолжить, остановив выставленной вперед ладонью.

– Зачем? Для чего тебе было отваживать Ольгу Алексеевну? Рассказал бы мне, могли после обсудить и с мамой. Может, оно только и на пользу бы пошло? – Я совершенно не понимала мотивов странного поведения мужа. Для чего так изводить себя и усложнять жизнь? Но ответ мне не понадобился, он озарил ужасной догадкой мою и без того больную голову: наследство. Чарльз умер, его жена стала наследницей всего состояния, а Джозефу приписывалась лишь малая часть. Особняк с землей уходил во владение моей матери.

– Неужели тебе было мало денег? Ты так сильно испугался, что мамочка на радостях оставит все мне? – Я захохотала. – Она? Серьезно? В этом ты ошибаешься.

Джо с жалостью взглянул на меня и тихо произнес:

– Ты недооцениваешь силу материнской любви, – и я, словно подхваченная неведомой силой, практически взлетела с паркета и устремилась к выходу из комнаты.

– Ты куда? – спросил он мою удаляющуюся спину. Я уже не внимала его словам и кричала, перегибаясь с перил огромной лестницы. Мой голос эхом разнесся по полупустому дому:

– Маменька!

Глава 3
Разбитое зеркало

После продолжительного и совершенно непродуктивного разговора с прародительницей, во время которого она скурила добрую половину пачки тоненьких ментоловых сигарет, я окончательно сорвала свой голос и в итоге хрипела, как собака, а Джо сидел в кресле, храня удручающее молчание. Мне пришлось принять решение, что казалось в тот момент единственно правильным. Да что там правильным, единственно возможным – уходить. Срочно, прямо сейчас, иначе я не знаю, что со мной будет. Мне невероятно быстро удалось снять апартаменты прямо в центре Лондона, хорошо, у меня был отдельный счет, открытый еще до начала нашей с Джозефом счастливой семейной жизни. Дрожащими руками я собирала в большую черную дорожную сумку свои пожитки. Все самое ценное было бесцеремонно брошено в ее недра. Остальное я заберу потом или попрошу Еву… Черт, можно же было уехать к ней. Нет, ни к чему сейчас жалеть деньги. Мне нужно некоторое время побыть одной и привести свои мысли в порядок. Я вылетела из фамильного гнезда и впрыгнула в кабину подъехавшего кеба.

– Сити, пожалуйста, улица Флит-стрит, – хотя я не была уверена на сто процентов, что Флит-стрит относится к району Сити. После того как водитель узнал адрес, я осознала, что в суете даже не указала точку прибытия в приложении. Растяпа. Вечер поздний, начался дождь. Капли красиво ложились на стекло, а слезы стекали по моим щекам прямо в ворот наспех надетого свитера. Я прикрыла глаза, стараясь успокоиться: скоро я буду одна. По приезде нужно будет позвонить бабушке. С этими мыслями мне удалось задремать под размеренную дробь капель, бивших в окно машины.

Незнакомые стены встретили меня серой пустотой, хозяева апартаментов спрятали связку ключей в небольшом ящике с кодовым замком, прикрепленном у входной двери. Чему я была несказанно рада, общение с незнакомцами не входило в мои планы на остаток этого не самого лучшего вечера в моей жизни. Откровенно говоря, он являлся худшим в моей жизни. И это если учитывать тот незабываемый урок математики в третьем классе, когда я описалась при всех. Надо отдать должное Алевтине Анатольевне – с неимоверно спокойным видом она пришла за мной в класс и, пресекая любые смешки со стороны одноклассников, вывела за руку прочь из этого детского ада. Но

что мешало на следующий день самым злым существам на свете – сборищу девятилеток из разных слоев общества Петербурга придумывать к моему имени различные прозвища в связи с недавними событиями? Правильно, ничего. А оказалось, продолжений к *«Алиске»*, да еще так коротко и ясно характеризовавших минувший инцидент, оказалось великое множество.

Я не могла не позвонить бабушке. В душе я прекрасно понимала, что такого бесконечно любящего меня человека не стоит тревожить новостями о происходящем в семье Андерсон. Но и какой-то частью своего сердца я чувствовала обиду. Столько времени разгадка к местоположению моей матери была так близко, приложи хоть толику усилий моя пробивная бабуля, давно бы ее нашла. Но, возможно, ее печаль и боль были сильнее моих, и Алевтине Анатольевне казалось гораздо проще находиться в счастливом неведении. Жаль, отца нет. Что же, Алиса Игоревна, не раскисайте. Я попыталась дозвониться до бабули. В ответ раздавались противные гудки. Может быть, спит уже? Время в Питере – начало одиннадцатого. Обычно моя бойкая старушка еще развлекает себя лишенными всякой смысловой нагрузки детективными сериалами, как раз активно транслирующимися по телевизору в это позднее время. Я предприняла еще одну тщетную попытку. Ответ на телефонной линии не изменился. Устало вздохнув, я отложила бесполезный аппарат в сторону. Вещи я оставила в коридоре, не нашла в себе сил их разобрать.

Кухня порадовала светлой краской цвета яичной скорлупы, симпатичным гарнитуром и новенькой блестящей кофемашиной. Я улыбнулась мысли об утреннем кофе. Открыв, как я предполагала, пустой холодильник, осталась приятно удивлена. Бутылка белого полусухого заботливо дожидалась нового хозяина апартаментов. То, что доктор прописал. Потянувшись вверх, я выудила из шкафчика обычный прозрачный бокал под белое вино. Щедро плеснула себе из заранее открытой не без труда бутылки немного маслянистой жидкости. Прямо с бокалом в руке прошествовала в спальню. Пройдя в белую, обставленную, как в гостиничном номере, комнату, я слишком сильно хлопнула дверью. Спрашивается, зачем, если я одна? Дело привычки. На это безрассудное действие за стеной раздался громкий звон, звук разбитого стекла. Медленно открывшаяся с жалобным скрипом дверь представила моиь глазам нерадостную картину. Зеркало, что висело на стене в тяжелой деревянной раме, рассыпалось блестящими в приглушенном свете осколками. Урон новому жилью уже нанесен. Так всегда с моим приходом в чей-то дом, в

чью-то семью, в чью-то жизнь. Убирать беспорядок тоже не хотелось. Последствия этого хаоса я устраню завтра. Завтра.

Лучи пробивались сквозь тонкие шторы, которые перед провалом в сон я задернуть, конечно, забыла. Кровать оказалась мягче, чем я привыкла, но уснуть в итоге удалось. И вновь на часах начало одиннадцатого, хорошо хоть утра. Потягиваясь, я отправилась варить дивный черный напиток, не думая о том, что зерен кофе может и не оказаться в квартире. Под ногами что-то хрустнуло. Зеркало. Тапочки с пушком уберегли мои стопы. Говорят, разбитое зеркало к беде. По мне, так сами осколки – это уже беда. Попробуй собери, потом будешь целый год на их остатки наталкиваться. Проигнорировав проблему, я возобновила свой путь на кухню. Бабушка не перезванивала? Взятый в руки смартфон огорчил пустым экраном. Не нравится мне это. Моя бабуля представляла собой редкий гибрид совы и жаворонка. Допоздна смотрела телепередачи, а в шесть утра уже бодро мешала всем спать. Откуда только силы брались в столь почтенном возрасте. Я нахмурилась и попытала счастья услышать родной голос еще раз. Вновь гудки. Соседке, может, позвонить? Сначала кофе. Надо успокоиться, возможно, бабушка забыла зарядить телефон или просто засунула в сумку куда-нибудь поглубже. Порыскав немного в недрах кухонных шкафчиков, я добыла дары Колумбии. Открыв упаковку и вдохнув чудесный запах зерен, приступила к освоению кофемашины. Техника на удивление не оказала ни малейшего сопротивления. Услышав мерное жужжание, я удовлетворенно улыбнулась и опустилась в светлое кухонное кресло. Внезапный звонок телефона умудрился меня напугать, *«неизвестный номер»*. В ожидании худшего я просипела в трубку:

– Алло? – На том конце провода раздался неясный гул, затем мужской грубый голос по-русски спросил:

– Алиса Игоревна? – Сердце ухнуло вниз.

– Да, – подтвердила я. Мужчина вздохнул.

– Алевтина Анатольевна Стрельникова кем вам приходится? – уже мягче произнес незнакомец. Я, почти плача, негромко произнесла:

– Бабушкой. – Желание не слышать голос этого мужчины накрыло с головой.

– Алиса Игоревна, примите мои соболезнования, Ваша бабушка скончалась вчера вечером…

Мобильный с глухим стуком упал на деревянный стол. Из трубки еще разносилось что-то невнятное, поэтому я прервала эти неясные звуки. Вот и все. Я осталась одна. Зеркало меня предупреждало. Бессильно всхлипнув, я зарыдала.

Глава 4
Похороны

Забирать тело моего самого дорогого человека на свете я отправилась одна. Джо сообщать не стала, драгоценной маменьке тоже. Если за столько лет она не удосужилась даже оповестить свою матушку о том, что находится в добром здравии, то и знать о смерти Алевтины Анатольевны недостойна.

Я всегда любила перелеты, но в этот раз еле заставила себя подняться на борт самолета, летевшего из Гатвика в Пулково. Я не могла уснуть, не могла читать, не могла больше плакать. Лишь тупо созерцала изображение пальмы на обложке журнала, что торчал из кармана сиденья передо мной.

В пять тридцать утра, зевая, я уже волочила чемодан вслед за собой, за тем, что от меня осталось. Петербург встретил меня ослепительным солнцем. Ветра не было, воздух еще не успел прогреться. А ведь мог сложиться такой прекрасный день. Ком в груди нарастал. Колодец, абсолютно типичный для Санкт-Петербурга, отразил звук моих шагов и стук чемодана.

Даже на родную дверь парадного смотреть было грустно. Протащив чемодан по пролетам, я вкатила его внутрь опустевшей без хозяйки квартиры. Этот запах, воздух родного дома, наполнил мои легкие. Никто не встречал меня, не усаживал за стол в попытках накормить свежеиспеченными пирожками. Дома больше не было. Я сползла по стене на пол. Как я буду собирать в последний путь человека, который меня вырастил? Перебирать ее вещи, подыскивать подходящий наряд для такого случая? Я вытащила непослушными руками мобильный. Маша почти сразу взяла трубку.

– Алло? – раздалось в динамике знакомое меццо.

– Маш, ты еще в Питере? – забыла я поприветствовать подругу. Мария, скорее всего, напуганная моим голосом, настороженно поинтересовалась:

– Да, но завтра возвращаюсь в Москву. Алиса, что-то случилось? – Тревожный голос одноклассницы давал мне ощущение поддержки.

– Маш… Не имею права просить, но задержись, пожалуйста. Я покрою издержки, только не уезжай. Бабушка умерла, – на последних словах мой голос сорвался на всхлип, грозивший перерасти в полномасштабное рыдание. Прошу, боже, пусть она останется. Бог, вселенная, все, кто мог меня слышать, – услышали.

– Господи, мне так жаль, не могу поверить. Только недавно ее видела. Конечно, я задержусь. Тебе нужна помощь? Где ты? – нервно затараторила Маша.

– Я дома. В квартире бабушки. Приезжай скорей, – и без сил я оборвала звонок.

Госпожа Романовская явилась ровно через сорок минут после окончания нашего с ней недолгого разговора. Судя по пакету, который она сжимала дрожащими пальцами, она заходила в магазин. Пакет Маша бросила на пол.

– Алис, чем я могу помочь? – Подруга наклонилась ко мне с явным намерением обнять, закрыв мне при этом обзор завесой из красных волос. Я старалась не сравнивать ее с Евой. И ведь было же сходство, даже в чертовых рыжих волосах. Мягко оттолкнув подругу, я так же, по стеночке вернулась в вертикальное положение.

– Надо похороны организовать, тело выдадут послезавтра, нужно подготовить одежду, заказать гроб и… – Закончить предложение я не могла, слова растворились в несдерживаемых всхлипываниях, превратившихся в отчаянный вой. В дверь постучали.

– Сиди, я открою, – одноклассница бросилась к входной двери. Я смогла лишь повернуть голову в ее сторону. На пороге показались размытые очертания женщины. Я вытерла слезы, и силуэт незнакомки стал четче, судя по всему, представлял собой соседку по лестничной площадке.

– Ох, Алисочка, горе-то какое. Я, дура старая, сразу хотела тебе позвонить, но меня заверили, что врачи сами тебя оповестят. Такое горе, такое горе… – причитала старушка.

Я очень медленно двинулась в сторону соседки.

– Ульяна Марковна, отчего бабушка умерла? Что врачи сказали? – Глухой хриплый голос не мог принадлежать мне. По испещренной морщинками коже пожилой женщины покатились слезинки.

– Деточка, уж я пыталась дознаться до них, звонила все в больницу, но они только про какую-то аризму или авизму говорили… Что-то лопнуло у Алевтины в голове, вот и померла она, – бедная старушка затряслась в рыданиях. Аневризма. Так и не сделала она МРТ, просила же.

Я скрыла свое опухшее от бесконечного потока слез лицо. Я ошибалась. Худший день в моей жизни был сегодня.

Спустя опрокинутый внутрь целый пузырек пустырника, переведенную коробку бумажных салфеток, заботливо купленную Машкой, я наконец-то выбрала для бабушки светлое платье, туфли в тон и тонкий кремовый пиджак. Сама я по дому

передвигалась, замотанная в бабушкину любимую шаль, которая, к слову, насквозь пропахла запахом лаванды из-за привычки Алевтины Анатольевны всюду подкладывать пакетики саше с этими сушеными цветами. Да и сами сухоцветы лаванды украшали многие уголки квартиры. Разве что в ванной их не было.

Ком в горле никак не уходил. Глаза на мокром месте. И что? Теперь так будет всегда? Мария свято верила, что нет. Боль стихнет, время залечит, затянет дыру в сердце, образовавшуюся с уходом бабушки. Проблемы с обретенной матерью, нависшая угроза браку с Джозефом затерялись где-то глубоко, и наружу проскальзывало лишь их призрачное отражение. Я опустилась на пол, плотнее замоталась в шаль. Телефон жалобно играл мелодию входящего звонка где-то в коридоре. Вставать и следовать зову смартфона не было никакого желания. Я продолжала изучать стену напротив меня, украшенную старыми обоями в цветочек. В комнату вбежала Машка.

– Алис, возьми, не твой ли муж? – протянула мне подруга осточертевшее средство связи. Издав горестный вздох, я все же взяла телефон.

– Да? – резко прозвучал мой голос.

– Милая, у тебя все хорошо? – Милая?! Благоверный молодость вспомнил или просто сильно приложился обо что-то головой после моего побега?

– Да, Джо. Если не считать смерти моего самого родного человека на свете, то я в полном порядке. – Я оборвала звонок. Даже выключила мобильный. Ну его к черту. И Джозефа, и телефон.

– Пойдем куда-нибудь, выпьем кофе. Не могу больше находиться в этом доме, – обратилась я к подруге, вставая на ноги.

– Да, да, конечно. Пойдем, дай мне только пять минут, – засуетилась Мария. Мне же срочно нужно было на воздух.

Смена обстановки и две огромные чашки капучино привели меня хоть немного, да и ненадолго, но все равно в некое подобие адекватного состояния. Теплый вечер поражал полным отсутствием радости. Даже не радовало то, что нет дождя. Но мне казалось, гроза была бы сейчас очень даже к месту. По крайней мере, стало бы меньше улыбчивых и смеющихся лиц на Невском. Мы с Машкой уныло плелись домой пешком. Как только мы ступили за порог квартиры, я незаслуженно буркнула в сторону Марии:

– Я спать. Спокойной ночи, поговорим утром. Лягу в бабушкиной спальне, а ты занимай мою, там уже постелено. – Не

дожидаясь ответа, я поспешно удалилась в комнату.

Мне казалось, что бабушка и не умирала, она просто убиралась на кухне, пока я решила поваляться перед сном в ее кровати, как в детстве. От слез уже болели глаза. Пошарив рукой в ящике прикроватной тумбочки, я нашла снотворное. Быстро проглотив спасительную таблетку, стала засекать положенные двадцать минут, спустя которые лекарство должно было меня погрузить в страну Морфея. События последних нескольких дней пронеслись передо мной отрывочно, словно я наблюдала за собой со стороны. Может, ничего и не произошло? Я открою утром глаза, а бабушка готовит завтрак и причитает: «Алисочка, девочка, ты так похудела в своем Лондоне». Издав последний всхлип, я погрузилась в беспокойный, полный тревоги сон.

Проснулась я среди ночи от капель дождя, невероятно громко барабанивших по оконному стеклу. Опираясь руками о подоконник, в открытое окно смотрела моя бабушка.

– Ба? – негромко произнесла я в темноте. Женщина повернула ко мне голову с безупречно причесанными волосами, собранными, как всегда, в аккуратный пучок. Ее улыбка была печальной, но в то же время полной нежности:

– Алисочка, ты чего так рано проснулась? – Я не могла поверить в происходящее. И правда, все это дурной сон. Я торопливо стянула с себя одеяло и встала с кровати.

– Да дождь разбудил, льет как из ведра. – Я поежилась от ветра, и мне очень захотелось закрыть уже чертово окно. Направилась к бабушке, но не успела я до нее дойти, как хорошо поставленный голос преподавательницы меня остановил:

– Дорогая, подожди. Мне пора уже, и так задержалась… Люблю тебя бесконечно, – и с этими словами она села на подоконник, развернулась, высунув ноги в проем, и спрыгнула в черноту за окном.

Я окончательно проснулась от своего крика. Вода стекала на пол с подоконника, вчера вечером я забыла закрыть окно. На часах вновь застыли тревожные пять тридцать.

Новодевичье кладбище в столь сумрачную погоду выглядело удручающе. Стоя в черном мятом платье, которое моя бабушка определенно не одобрила бы, и спрятав свои опухшие красные глаза за широкими темными очками, нисколько меня не украшавшими, я наблюдала за тем, как гроб из вишневого дерева скрывается за пахнущей сыростью землей. Маша держала меня под руку, чтобы я не кинулась вслед за бабушкой. От отпевания в церкви мы отказались, обе боялись этого не пережить. Точнее, Мария не была уверена, что я не потеряю сознание прямо во

время службы. Лучше не рисковать.

Как можно смириться с утратой? Пройти все стадии горя? А что потом? На могиле образовался небольшой холмик, к которому я очень медленно приблизилась и водрузила на него несколько розовых гвоздик, любимых цветов Алевтины Анатольевны. К нашей скромной процессии присоединилась Ульяна Марковна. Она, промакивая старым платком выступившие слезы, добавила к моему букету два нежных белых пиона. Наверное, привезла с дачи. Школу я даже оповещать не стала, эгоизм чистой воды, но сил всем этим заниматься и выслушивать соболезнования у меня не было.

– Доченька, ну как ты? На квартиру поедем, помянем Алевтину? – положив свою узкую ладошку мне на плечо, тоненьким голоском спросила меня старушка.

Я с мрачным видом созерцала столь нежную цветочную композицию, абсолютно неуместную в этот темный день. Конечно, я обещала небольшие поминки в бабушкиной квартире, но подруга может пока справиться и без меня, а я постараюсь присоединиться позже. Придется немного слукавить.

– Ульяна Марковна, вы с Марией поезжайте, а мне пока нужно уладить некоторые финансовые вопросы… Сами понимаете, – я с надеждой посмотрела на соседку бабушки. Старушка и не заподозрила ничего. А может, просто виду не подала:

– Конечно, деточка. Машенька, пойдемте. – Уцепившись сухенькой рукой в Машино предплечье, Ульяна Марковна повела мою подругу прочь с погоста. Машка повернула голову ко мне, бросая жалобный взгляд. Я лишь пожала плечами. А кому сейчас легко?

Взглянув на последнее пристанище бабушки, я негромко произнесла, обращаясь непосредственно к Алевтине Анатольевне:

– Я буду скучать. Я уже скучаю.

Слезы причиняли боль. Я двинулась в противоположную выходу сторону. Нужно помыть руки и прийти в чувство, иначе до дома я просто не доеду. Раздалась тоскливая трель телефона. Мне уже все кажется тоскливым. Не без труда я извлекла из сумочки мобильный, на дисплее белыми буквами горело ненавистное имя – «Джо». Я убрала сотовый обратно. Не о чем нам с ним пока разговаривать.

Вымыв руки прямо под краном, установленным на улице, я стряхнула капли. Высохнут. Деревянная лавочка находилась неподалеку. Я присела на нее, откинувшись на спинку, и запрокинула голову. Белоснежные пушистые облака плыли по невозможно голубому яркому небу. Словно огромные куски

сахарной ваты. И вновь мысли сводились к бабушке, как она в зоопарке покупала мне это лакомство, а потом мыла мои липкие ладони, да и лицо тоже. Я печально улыбнулась. Зато есть что вспомнить и, великое благо, только хорошее. Нужно ехать домой, нельзя бросать Марию, нельзя.

Глава 5
День рождения

Прилет из Санкт-Петербурга омрачила встреча в аэропорту с Джо. Как он только узнал, когда я прилетаю? В любом случае на выходе из стеклянных дверей Гатвика меня ждала высокая фигура моего мужа. Отросшие волосы он собрал в пучок. И, конечно, очки без диоптрий украшали его прямой нос. Только посмотрите.

– Элис! Дорогая, как ты? – приблизился ко мне Джо с этим глупым вопросом. Когда он подошел ко мне почти вплотную, я заметила круги под его небесными глазами. Да и в целом он выглядел без прежнего лоска, каким-то подавленным. Так расстроился из-за моего внезапного отъезда? Ну нет.

– Словно мне трамвай голову отрезал, как Берлиозу. А тебя какая печаль тревожит? – с нескрываемым сарказмом поинтересовалась я.

Джозеф моего боевого настроя не разделял. Лишь удивленно переспросил:

– Кому-кому? Давай сюда чемодан. – Ловкие пальцы освободили ручку чемодана от моих рук. Что происходит?

– Хотел, правда, дома тебя поздравить, но не могу ждать, – муж заговорщически посмотрел на меня. – Элис, с днем рождения! – несколько торжественно произнес Джо, неожиданно притянув при этом меня к себе. Прикосновение его теплых губ к обветренным моим тоже было сюрпризом. Серьезно, у него нет травмы? Отстранившись, я, оторопев, вглядывалась в ледяные глаза мужа, не в силах двинуться с места. Так, наверное, себя чувствует обезьянка при встрече с удавом. Учитывая предыдущие трагические события, немудрено, что мой ежегодный праздник старения напрочь вылетел из головы. Никогда не любила этот день. Даже в детстве. Другое дело Новый год.

А вот шестнадцатого августа атмосфера совсем не та. Я стала старше, и мне это не нравится. Словно кто-то чужой взял и износил мое лицо, тело. Вернул их мне спустя годы, поскольку прошедшее время я совершенно не помню. Вложили в голову воспоминания. Больше морщин, больше усталости в лице и строгости во взгляде. Мы как обратный портрет Дориана Грея, за неимением картины на нашей внешности отражаются совершенные поступки. Когда проходишь сквозь толпу, прохожие цепляются за тебя взглядом, и в голове проносится тревожная мысль: «Меня оценивают, что они обо мне думают? Почему смеются?» Как вот люди сейчас, например, на выходе из

аэропорта. Увлекшись своими философскими измышлениями, я и не заметила, как мы с Джо, который тащил за собой мой чемодан, дошли до «Порша».

Усевшись в автомобиль, я повернулась к Джозефу с рвущимся наружу вопросом:

– Ты ведь знаешь, что я уезжала на похороны?

Муж завел двигатель и кивнул:

– Разумеется, ты сама мне и сообщила. Соболезную, мне очень жаль, – с абсолютно спокойным выражением лица выдал мне эту новость Джо.

– Прости, а как ты тогда узнал о моем возвращении? – Что-то не складывалось, номера мужа у Машки явно не имелось, про соседку и думать не стоит, а больше никто и не знал. Джозеф скривил губы в подобии улыбки и, по-прежнему внимательно смотря за дорогой, сказал:

– К телефону твоя подруга подошла. Со второй попытки понял, что случилось, акцент невероятный. Также она мне любезно поведала о дате твоего возвращения. – Ох, Машка, и почему все так боготворят брак? Хотя, может, у нее все удачней сложилось. Как настоящий партизан, она выдала врагу всю имеющуюся у нее информацию.

– Отвези меня в мои апартаменты, пожалуйста, – попросила я Джо, занося в навигатор адрес моего нового жилья. Интересно, насколько оно останется моим? Мужу, судя по всему, эта идея не показалась хорошей. Его широкие брови сдвинулись к переносице, Джо недовольно засопел. Как в старые добрые времена.

– Элис, – негромко протянул Джо. – Надо заехать к Еве, она очень расстроилась, что ты ей ничего не рассказала, да и, если честно, она готовилась месяц к этому событию.

– Это к похоронам моей бабушки, что ли?! – воскликнула я, ругая себя за высказанную глупость. Джозеф на удивление сохранял самообладание.

– Нет, – терпеливо ответил муж, – к твоему дню рождения.

О, и вновь этот нерадостный праздник покинул мою и без того охваченную проблемами голову. Пойдет ли мне на пользу после всего пережитого вечер в шумной компании? Ответа на этот вопрос я не знала. Мне казалось, что я не имею права веселиться и радоваться жизни, в то время как тело моей бабушки покоится в земле. Просто не заслуживаю. Я прикрыла глаза от усталости, дорога успокаивала.

Из полудремы меня вывел шум гравия, которым была усыпана подъездная дорожка к дому моей лучшей подруги. Рыжая ведьма уже спешила на своих высоких каблуках нам навстречу,

грозя улечься лицом вниз прямо на упомянутый ранее белоснежный гравий. Несколько запыхавшись, она сначала бросилась на шею едва успевшему открыть дверь автомобиля Джо и только после это удостоила меня своим вниманием:

– О, дорогая, я так тебе сочувствую! Прими мои искренние соболезнования! Надеюсь, сегодняшняя вечеринка поднимет тебе настроение!

Я безуспешно пыталась отцепить от себя Еву, поскольку от ее удушающего парфюма могла заработать себе аллергию. Красный нос и глаза – это как раз то, что, несомненно, скрасит мой день рождения.

– Кха, кха… Ева, спасибо, я это ценю, но, господи… Твои духи меня убивают, – не удержалась я, спешно отходя в сторону от подруги. Но она совершенно не обиделась, напротив, ее лицо озарила белоснежная улыбка телеведущей утреннего шоу, и она, не теряя оптимизма, возвестила:

– Ну что же мы стоим на дороге, пойдемте в дом!

Нам с Джозефом больше ничего не оставалось, кроме как проследовать за чрезмерно возбужденной хозяйкой в ее стеклянный коттедж.

Я стояла, прислонившись к дверному косяку, сжимая в руках бокал с игристым вином и наблюдая за веселящимися в мою честь людьми. Малознакомой толпе нужен был только повод собраться. Стеклянный дом сотрясался от громкой музыки, хохота, нелепых танцев и звуков открывающихся бутылок с шампанским. Приглашенный ди-джей, без труда уместивший свою аппаратуру в огромной гостиной, переключился на более медленный и расслабленный темп. Присутствующие быстро разбились на парочки. Ну просто чертов Ноев ковчег, сейчас будет потоп. Я ухмыльнулась и не заметила подкравшегося сзади Джо. Крепкие руки обвили мою талию, я почувствовала горячее дыхание на своей шее и едва не выронила из рук бокал с шампанским, настолько сильно муж притянул меня к себе. Какого черта происходит? Я положила свою холодную ладонь на его невыносимо теплые руки и постаралась мягко их убрать. Тщетно. Слегка повернув к нему голову, хотела попросить отпустить меня. Но это стало роковой ошибкой. Движение расценили как приглашение, и мои губы второй раз за этот странный день встретились с губами Джо. Это уже было за гранью моего понимания. Поспешно разорвав неуместный поцелуй, я предприняла несколько попыток вывернуться из объятий мужа.

– Дорогой, не объяснишь?

Джозеф недоуменно продолжал смотреть на меня и выглядел

таким потерянным, что даже его руки бессильно опустились. Муж нахмурился, затем сделал привычный жест – пальцами зачесал упавшие ему на лицо пряди. Слова, которые он произнес, были едва различимы из-за громкой музыки:

– Что тебя удивило? Что я обнимаю свою жену? Или что я вообще еще здесь?

Где-то за его вуалью усталости тихо закипала ярость. Чего он, интересно, хочет от меня?

– Джо… Чего ты хочешь? – протянула я, приблизившись к нему почти вплотную. Нормально разговаривать в этой какофонии звуков было невозможно, а перекрикивать музыку я не имела никакого желания.

До меня донесся запах парфюма. За пять лет Джо так и не сменил излюбленный аромат кедра и лимона. Муж осторожно прикоснулся кончиками пальцев к моей щеке. От этого жеста по коже прошлись мурашки. Думала, что давно похоронила в себе теплые чувства к Джо.

– Давай пройдем в другую комнату и обсудим все? – шепнул мне на ухо некогда любимый муж.

У меня появилось ощущение, что земля уходит из-под ног.

– Пойдем.

Я проследовала за Джо в гостевую спальню. За окном давно стемнело, и теперь искривленные ветви деревьев, что росли рядом с домом, отбрасывали на пол зловещие тени. Не люблю панорамные окна, словно в аквариуме находишься. Джозеф опустился на большую двуспальную кровать и сделал приглашающий жест сесть рядом. Вздохнув, я последовала его примеру. Какое-то время мы просто сидели в тишине. Джо созерцал паркет, а я разглядывала свои руки. Безмолвие становилось угнетающим. Я прочистила горло и нарушила молчание:

– Джо… Ты, кажется, хотел о чем-то поговорить? – Я выжидающе посмотрела на мужа. Тот по-прежнему не отводил взгляда от деревянного узора на полу. Я осторожно тронула Джо за колено:

– Джо… – шепот перешел в удивленный вскрик, так как окончательно съехавший с катушек муженек забыл о наших с ним размолвках, и я очень быстро оказалась под ним. Ощущать на себе тяжесть тела Джозефа было непривычно, словно мы и не были вместе, и этого не происходило никогда раньше. Я замерла, лишь мое частое рваное дыхание выдавало волнение. Муж снял свои дурацкие фальшивые очки, отбросил их небрежным жестом в сторону, сжал в горячих ладонях мое бледное лицо. Где-то внутри меня поднималась наружу паника. Я сейчас закричу.

– Перестань, – раздался в погруженной во мрак комнате мой отчаянный хрип. Но мольбам супруг внимать не хотел. Увернувшись от его настойчивых губ, я вложила всю свою злость и скопившуюся ярость в один мощный толчок – и муж с весьма глупым видом оказался на полу.

Красная и с растрепанными волосами, я поспешно покинула место преступления, устремившись в ванную. Захлопнув за собой дверь и повернув замок, я бессильно скользнула на холодный кафель, прислонившись к деревянной двери. Казалось бы, пол в таком доме мог быть и с подогревом, но нет, отопление нынче дорого обходилось гражданам Соединенного Королевства, это вам не Россия. Я невесело рассмеялась таким неуместным мыслям. Что же делать? Какая муха укусила Джо? Я могу подозревать только амнезию, отсюда и столь недоуменный вид. Да еще такой искренний.

Я поднялась на ноги и подошла к раковине. О косметике как о важном атрибуте в последнее время я забыла напрочь, потому спокойно поплескала холодной водой на лицо. Нехитрое действие помогло немного успокоиться. Отражение в зеркале мне не понравилось, и я решила от него избавиться, открыв шкафчик. Полочки ломились от различных средств по уходу за лицом, лекарств и прочей ерунды. Никогда не понимала эту привычку хранить препараты в ванной. Одна из баночек привлекла мое внимание. Я очутилась в ванной хозяйки, Еве Блум предназначался *ресторил*. Проблемы со сном? С сомнением взяла баночку в руки. Плохие мысли стали пробиваться в голову. Нет, нет. Я поставила таблетки обратно на полку, захлопнула шкафчик и, вздохнув, вышла из ванной комнаты. Нехорошо я с Джозефом обошлась. Наверно, нам все же стоит поговорить, нужно найти его.

Я направилась в гостевую спальню, немного помялась у двери. Ну и что я ему скажу? Закусив губу, я отворила дверь, но то, что мне довелось увидеть, резко выбило из меня несказанные слова: Ева гордо восседала на Джо верхом, мерзкий голубой шарф соскользнул с ее плеч на пол, и, судя по всему, подруга изображала из себя самку богомола, иначе говоря, хотела сожрать моего мужа. Я замерла на пороге и в тишине, прерываемой лишь влажными чмокающими звуками, наблюдала за этой неприятной сценой. Увы, некогда верная подруга не лишила Джо головы, но выражение лица мужа при виде меня совершенно оправдывало потраченное время. Я хмыкнула и бросила увлеченной парочке:

– Развлекайтесь, господа, – и с этими словами вылетела из проклятой спальни как ошпаренная. Цепляясь за стену, поскольку ноги могли меня подвести, я, не задумываясь, дошла до ванной

комнаты. Спасительная прохлада украшавшего высокие стены кафеля, к которому я прислонилась, немного меня отрезвила. Думала, хуже уже и не может быть, но вполне вероятно, именно это событие и стало моей последней потраченной каплей терпения. По крайней мере, мне так казалось. Я не узнала себя в зеркале. Щеки впали, под глазами круги, лицо бледное, с нездоровым пепельным оттенком, а волосы, собранные в невысокий хвост, красоты мне не добавляли. Неудивительно, что он предпочел мне мою яркую, огненную подругу. Смотри не сгори в этом пламени, Джо.

Словно договариваясь сама с собой, я медленно приблизилась к раковине. Отражение вблизи лучше не стало. Решение, созревшее в нетрезвой голове, окрепло.

Спустя тридцать минут я бодро шагала к автомобилю, покинув кошмарный праздник по-английски, не попрощавшись ни с кем из присутствующих. Я сжимала в одной руке ключи от «Порша», а другой рукой обхватила спрятанные в кармане таблетки. Мне стало даже немного обидно, ведь втайне от себя самой я надеялась, что Джозеф последует за мной, моля о прощении. Но нет, я покидала дом предавшей меня подруги в гордом одиночестве. На чем будет возвращаться домой муж, меня не интересовало. Более того, хорошо, что арендованные апартаменты остались за мной. Под торжественную The Final Countdown я взяла курс на Лондон. Горите вы все огнем.

Глава 6
Газовый свет

Я смотрела небезызвестный фильм сорок четвертого года и не переставала размышлять о своей жизни. У меня была дурная привычка сравнивать себя с главным героем или героиней, будь то фильм, книга или даже спектакль в театре. Глядя на экран, что передавал страдания Полы, несмотря на полное отсутствие красок, я не могла выкинуть из головы мысли о нашей схожести с этой девушкой из кино. Лондон, любовь, особняки, тайны… Может, и обо мне когда-нибудь снимут грустную драму, а девушки в кинотеатре, вытирая лицо от пролитых слез, будут говорить: «О, бедняжка. Она так похожа на меня!» Хотя вряд ли, скорее, у виска пальцем покрутят, такой, как я, не могут сочувствовать. Мне не хотелось ни жалости, ни сострадания.

За окном властвовала непогода. Ливень застилал небольшие окна квартиры. Надеюсь, электричество не подведет, только вечера при свечах мне и не хватало. Щелкнув пультом, я прервала бесконечные страдания главной героини. Чувства меня переполняли, ком в груди рассасываться не желал. Отпив из бокала красного вина, я потянулась за тетрадью, чтобы излить накопленные эмоции уже привычным мне способом:

Для чего таить нам обиду,
Огню злости позволить пылать.
Проще сдаться в царство Аида,
Чем пытаться друг друга понять.

Читая строчки, я улыбнулась – мне исполнилось двадцать восемь лет, а после разрыва вывожу стихи в тетрадке, как подросток. Но пока это оставалось единственным доступным мне способом справиться с болью. Интересно, а Джо в курсе, что мы расстались окончательно? Все-таки стоит посетить психотерапевта? Раньше с этой ролью неплохо справлялась бабушка. А может, Машке набрать?

Задумчиво взглянула на мобильный – десять пропущенных от мужа. Меня одолело негодование, и я заблокировала номер, а после отшвырнула от себя телефон, словно ядовитую змею. Карандаш тоже отбросила, закрыла тетрадь. Хватит страдать. На улице продолжала бушевать стихия, и я, горестно вздохнув, покрутила термостат – начинаю мерзнуть.

В попытках согреться и успокоиться я прошла на кухню, за

новой порцией вина. Возможно, мне стоит отоспаться как следует. Отоспаться. Я вспомнила о снотворном. Где же я оставила украденную баночку? В сумке? Несколько пошатываясь от выпитого спиртного, я вышла в коридор. Точно, забыла в джинсовой куртке. Немного поискав по карманам, я зажала в дрожащем кулаке оранжевый полупрозрачный пузырек. Вернувшись на кухню, запила белую таблетку вином. А поможет ли мне одна? Я приняла на всякий случай вторую. Прихватив с собой и снотворное, и бокал, и бутылку, отправилась в спальню. Может, Морфей надо мной сжалится и подарит мне билет на посещение его царства без кошмаров. Только я коснулась головой подушки, меня охватило странное чувство. Забыться сном для меня оказалось недостаточно. Все равно проснусь в полном одиночестве, по-прежнему преданная близкими, оставленная, совершенно одна в этом не самом дружелюбном для таких, как я, мире. Не хочу просыпаться. Приняла еще пару белых кругляшков. Бокал опустел. И я незамедлительно наполнила его вновь. Сознание постепенно затуманивалось. Нет, рано.

Я поспешно вырвала из злосчастной белой тетради неровный разлинованный листок и сползла на прохладный пол. Меня бросало в жар. Прислонилась к кровати и вытряхнула из пузырька еще добрый десяток таблеток. Принимала сразу по две, не забывая все это сопровождать быстрыми глотками вина. Стихов тоже не хватит сегодня, пора высказаться хотя бы на бумаге, правда, бог знает, кто это прочтет. Я легла на серый ламинат, нужно было успеть выразить последние мысли на бумаге до того, как окончательно прерву эту проклятую жизнь.

Где же карандаш? Я потрясла тетрадку. Кроме короткого карандаша, из нее выпал следом белый новенький конвертик. Как удачно. Вздохнув, я начала прощаться со всеми, до кого дойдет это «письмо», прежде всего я обращалась к своему убийце – Джо:

«Мой дорогой друг, я задыхаюсь, лежа на холодном полу, выводя эти строки, которые даются мне с таким трудом. Руки дрожат, буквы выходят неровными, съезжают с предначертанных им линий».

Я посмотрела на результат своей работы. Строчки разъезжались, сфокусироваться на них получалось с трудом.

Но кто меня найдет? У Джозефа не было ключей, а больше никто и не знал, где я. Не меняя положения, я пошарила рукой по поверхности тумбочки. Телефон нашелся почти сразу, вот что значит – судьба.

После набора трех девяток, выслушав дежурную фразу,

сказанную прохладным равнодушным женским голосом, я ответила невидимой собеседнице:

– «Скорую», на Флит-стрит, апартаменты 4. Тут человек умирает. – Я захрипела, воздуха стало не хватать.

– Мисс, сохраняйте спокойствие, кто пострадавший? – все так же без тени сопереживания выдала заученный текст оператор.

– Я пострадавшая. – И на этом я прервала звонок. Нужно ускориться, я незамедлительно продолжила свой финальный рассказ:

«За окном раздаются такие тревожные звуки сирен проезжающих машин „скорой помощи“. В этот день – день моего двадцативосьмилетия, плохо не только мне одной. Хотя не думаю, что причины у людей, по которым они набрали 999, столь же ничтожны, как и мои».

Даже на бумаге мои мысли выглядели жалко. Утерев кулаком сопливый нос, я царапала листок дальше:

«Вскоре одна из этих машин остановится у входа в дом, парамедики, принявшие мой заблаговременный вызов, поднимутся ко мне в квартиру и обнаружат за незапертой дверью мое жалкое тело, которое не смогло больше нести в себе черную от злобной копоти душу, наполненную до краев желчью, тоской и такой нескончаемой ненавистью к собственному не угодному никому существованию, что они захотят оставить меня на том же месте, где я и буду лежать, распахнув свои глупые глаза, отражающие, словно маленькие блеклые зеркала, их зеленую униформу. Да простит меня господь, вселенная, бабушка и ты, мой дорогой друг».

Поставив точку, я стянула с безымянного пальца обручальное кольцо и вложила его в конверт. Стараясь не отключиться, я подписала конверт:

«Моему дорогому другу. Моему любимому Джо.
Твоя Элис».

Только после этого я позволила подступающей темноте поглотить себя, надеясь, что уже навсегда.

Глава 7
Кровавая Мэри

В ресторане было многолюдно. Красные стены, странные причудливые картины, разодетые по последней моде посетители. Я чувствовала себя не в своей тарелке.

А понравится ли это место Майку? Скорее всего, ему уже доводилось бывать здесь. В конце концов, место встречи выбрал именно он. Я сидела за забронированным столиком и старалась восполнить последние пробелы в подводившей меня памяти. В попытках меня защитить мозг подменил травмирующие воспоминания более приятными эпизодами. Хотя это, конечно, спорный вопрос, насколько они были для меня приятными. Доктор Белл назвала этот механизм конфабуляцией, которую запустил пресловутый посттравматический синдром.

Смерть бабушки просто выбила из меня последние остатки желания жить. Отречение родной матери, разрыв с мужем, предательство близкой подруги. И, наверное, я скучала по Гарольду, в некотором роде винила себя в его смерти, за то, что не остановила вовремя матушку с ее бесконечными нападками на несчастного садовника. За то, что даже заходя в домик прислуги и видя в комнате Гарольда наполовину заполненную банку с окурками, не сказала ему ничего о вреде курения, хотя, несомненно, он и сам был прекрасно осведомлен. Моя поездка к бабушке вместо ее похорон, разговор на том свете с пострадавшим, которого я не смогла спасти, – все это оказалось ложью. Вопрос только, каким образом произошла замена? Повреждений головного мозга у меня не наблюдалась, чертовой аневризмы тоже… Для меня это все оставалось загадкой.

Я продолжала разглядывать прохожих за окном и искать среди них знакомое лицо, которое мне бы очень хотелось увидеть. Официант поставил передо мной заказанный черный кофе.

– Ваш кофе, мисс, – с холодной вежливой улыбкой провозгласил молоденький парнишка в костюме. – Что-нибудь еще желаете? – На меня выжидающе смотрела пара зеленых глаз в обрамлении светлых ресниц. Я резко почувствовала себя старой и сухо ответила юноше:

– Ничего, спасибо.

Вновь повернулась к окну. Но, к сожалению, меня ждал неприятный сюрприз – за стеклом стоял мой супруг.

Я поспешно отвернулась. Мне совсем, нисколько, ни капельки не хотелось сейчас лицезреть небритую физиономию почти

бывшего мужа. Я сделала вид, что невероятно заинтересована ассортиментом блюд, представленным в кожаной папочке с золотым тиснением Ecila. Разглядывая изображение то ли гуляша из кролика, то ли содержимого пакетика кошачьего корма, я не заметила, как Джо подошел к моему столику.

– Кхм, – донеслось до моего уха, – кхм-кхм. – Звук стал громче. Я не выдержала и, оторвавшись от созерцания непонятного блюда, обратила внимание на мужа:

– Джозеф, может, леденец от кашля? – Думаю, моим взглядом в это мгновение можно было превратить мужа в тот самый гуляш.

Джозеф раскрыл рот, видимо, чтобы разлиться тирадой, которую он заготовил по пути сюда, но тот самый юный официант не удержал равновесие, проходя мимо внушительной фигуры моего мужа, и не донесенная до заказчика «Кровавая Мэри» ярким пятном украсила дорогой костюм Джо. Сельдерей красиво приземлился ему прямо на макушку, и теперь струйка коктейля весело стекала великому доктору на лоб. Не удержавшись, я расхохоталась до слез, прикрывая рот меню. Джозеф угрюмо перевел взгляд с официанта на меня, затем медленно снял неуместный овощ с головы и положил на поднос замершего перед ним юноши. Похоже, незадачливый сотрудник ресторана уже мысленно подыскивал себе другое место работы. Но мой бывший обладал хорошей чертой – он никогда не вел себя грубо с официантами, продавцами и другими представителями сферы обслуживания. Поэтому он вежливо улыбнулся мальчишке и, взяв предложенную ему салфетку из его дрожащих рук, спокойно сел за мой столик. А это уже наглость. Кто его приглашал? Я скрестила руки на груди и недовольно уставилась на алеющий островок томатного сока с водкой, расползающийся на фирменной рубашке Джозефа.

– Элис… – мягко произнес супруг. Жаль, еще не окончательно бывший. Он упорно не желал подписывать бумаги, хотя до этого соглашался, что так будет лучше для всех. Подлый эгоист.

– Прости… Прости меня, но мне кажется, мы спешим, можно еще все исправить. – Джо поднял на меня умоляющий, жалостливый взгляд своих небесно-голубых глаз. Несомненно, будь на моем месте другая барышня, та же самая Ева – разумеется, она бы растаяла, как мороженое под июльским солнцем. Но я лишь сменила недовольство на плохо скрываемое раздражение. Казалось, муж даже не замечал моего настроения, его руки скользнули по столу и попытались накрыть мои ладони. Я поспешно убрала свои, нет уж. Собравшись с духом, я проговорила как можно сдержанней:

– Послушай, Джо. Ты теперь с Евой, я за вас рада, поверь. – Я

надеялась, что звучу вполне искренне, и продолжила его убеждать: – Я тоже жду кое-кого, он скоро придет, – и в подтверждение своих слов я взглянула на дисплей смартфона – новых сообщений нет. Фотография финского залива на скринсейве была лишь немного прикрыта иконками приложений. Странно. Майк мне показался одним из тех людей, что предупреждают, когда сильно задерживаются. Может, телефон разрядился?

– Но мы с Евой вовсе не вместе, поддался слабости один раз в жизни, черт, в твой день рождения перебрал, ничего не было. Хочешь, пройдем совместную психотерапию? – Джо как ни в чем не бывало продолжал мне что-то рассказывать. А меня лишь беспокоило отсутствие вестей от Майка. Черт.

– Позволь поинтересоваться, кто же твой друг? Я его знаю? – все еще пытался вовлечь меня в беседу муж. Ему это удалось. Позволю маленькую победу.

– Как ни удивительно, но вы встречались. Парамедик, помнишь? В больнице? – Вспоминать тот трагичный случай не хотелось, но это был единственный раз, когда Майк пересекся с моим мужем. Хорошо, что единственный. Густые брови Джозефа сдвинулись к переносице.

– Не помню, ты была одна, когда я подошел. Сама же всех врачей разогнала вокруг себя. – Встретив мой суровый взгляд, он быстро добавил: – Но кто бы в такой ситуации не разогнал, ты ни в чем не виновата. – Его лицо выражало крайнюю степень сочувствия. Ага. Но почему он ответил, что рядом никого не было? Конечно, был!

– Джо, ты точно уверен, что в тот раз я осталась одна? Я же была одета в нелепую зеленую форму парамедиков, его форму.

Почему Майка до сих пор нет?! Муж как-то странно посмотрел на меня и немного наклонился вперед.

– Элис, уверяю, ты была совершенно одна, даже посетителей всех вывели, из персонала на входе дежурила лишь пара медсестер.

Меня затрясло. Какая-то ерунда. Я решила набрать опаздывающему кавалеру, заодно, когда он объявится, у меня будет о чем его спросить. Пролистывала имена в телефонной книге, но его имя не находила. В последних вызовах тоже. Зашла в мессенджер – диалог пропал. С кем же тогда я переписывалась? Взмокшими пальцами я тыкала в экран мобильного в отчаянных попытках найти подтверждение своим воспоминаниям. Я не заметила, как Джозеф поднялся с места и сел около меня.

– Элис, все будет хорошо. Мы справимся.

Мне осталось только горько и жалобно заплакать. Вновь.

Глава 8
Осколки в руках

Мне всегда нравился внутренний двор в особняке Андерсон. Хотя он был несколько помпезным на мой вкус. Статуями из белого мрамора, сверкающими фонтанами и каменными скамьями он чем-то напоминал Петергоф. Вероятно, именно этим усадьба меня и привлекала. Особенно в лучах уже не такого разгоряченного солнца, когда в полной мере ощущалось дыхание осени и особняк не смотрелся столь вычурным и холодным.

Пожелтевшие листья медленно опускались на искрящуюся поверхность воды круглого фонтана. В ожидании четы Адамс я подошла к нему, чтобы встретить запоздавших гостей у подъездной дороги. Адамсов я никогда прежде не видела. Кутаясь в бабушкину шаль поверх черного платья в пол, я заметила только что подъехавший знакомый «Шевроле» Евы. В отличие от моего мужа, она не любила выставлять богатство напоказ. Зато любила вешаться на чужих мужей. Кто, черт возьми, позвал ее на юбилей моей матери?

Выключив двигатель, заклятая подруга с несвойственной ей медлительностью вышла из вишневого автомобиля. Для визита в особняк Ева выбрала белое платье, доходившее ей до лодыжек и полностью усыпанное пайетками. На молочно-белые плечи Ева небрежно накинула белую шубку из песца. День на дворе, ну и нелепость. Откинув назад копну кудрявых волос и навесив на лицо притворную улыбку, мисс Блум, виляя округлыми бедрами, направилась ко мне. Сегодня, как и во многие дни, я обходилась без каблуков, а Ева придерживалась обратного правила. Всегда и везде появлялась на тонких шпильках. Она бы и на мои похороны пришла разодетая, как на вечеринку. *Стерва*. На словах я была куда спокойнее, чем в мыслях:

– Добрый день. У тебя есть приглашение? – Я отразила фальшивую улыбку Евы.

Так мы и стояли друг напротив друга, скалясь. Ответом мне послужило молчание, и я не удержалась от едкого высказывания:

– Ты приходишь сюда, и, судя по всему, тебя вообще никто не звал. Могла бы, между прочим, изобразить чувство вины, написать полное сожалений эсэмэс, как ты обычно делаешь. Что тебе помешало в этот раз? – Мои глаза оставались сухими. Спустя месяц после случая в ресторане я сменила психиатра, и мне становилось лучше. Контролировать эмоции получалось легче. Выкуси, стерва. Ева перестала изображать радость и поджала

губы. Затем бесстрашно посмотрела прямо в мои сузившиеся от гнева глаза и вымолвила:

– Меня пригласил Джозеф, мы остались друзьями. Элизабет – его мать тоже, пусть и приемная, как оказалось. Давай не будем портить этот чудесный день. – Ледяной взгляд ее ядовито-зеленых глаз пугал.

Джо влетит позже, ведь мы недавно пришли к решению попытаться начать все сначала и притормозили бракоразводный процесс. Нет ведь, этой дряни обязательно нужно было заявиться и облить все дерьмом. Браво, *подруга*. Я лишь цокнула языком и, развернувшись, направилась во внутренний двор. Пусть Ева сама встречает семейку Адамс, с меня хватит драм.

Я цапнула бокал шампанского с подноса официанта, что проходил мимо, и узнала в юноше того напуганного мальчишку из ресторана, в котором ему довелось облить Джозефа коктейлем. Интересно, они уже встретились? Ухмыльнувшись, я сама едва не врезалась в тощую фигуру Виктории. Золовка, слава богам, не считала Элизабет своей мамочкой. После смерти отца она стала относиться к моей матери даже с некоторым презрением, и все реже ее лошадиное лицо мелькало в особняке.

– Прости, Вики, – обезоруживающе сверкнула я не совсем искренней улыбкой. Та лишь гневно раздула ноздри и, молча кивнув, повернула голову с невероятно гладким пучком к своему мужу, который уже сально подмигивал мне, пока жена отвлеклась. Их сын Ричи носился по усадьбе, иногда снося все на своем пути. В этот момент я увидела в образовавшейся толпе Джо. Муж лавировал между гостями, пока моя мать раздавала указания прислуге где-то в стенах дома. От запаха лилий, расставленных на каждом столике, кружилась голова. Я вдохнула успокаивающий аромат лаванды, который все еще хранила бабушкина шаль.

– Мама совсем обезумела, ну куда столько закусок? Еще не все даже разнесли. А впереди смена блюд и десерты. – Супруг удрученно помотал головой. Меня коробило, когда он называл Элизабет, или Елизавету Андреевну, если угодно, матерью. Можно и потерпеть ради отношений, хоть ситуация абсурдная. Мы держали пока новость о кровных узах в тайне, но после слов заклятой подруженьки у меня сложилось впечатление, что с этой задачей мы справляемся плохо. Очень плохо. Я отпила из бокала.

– Главное, пережить этот день, а потом махнем с тобой во Францию, как и собирались, – я постаралась успокоить мужа, легонько проведя ладонью по тыльной стороне его руки. Он удивленно приподнял брови:

– Ты к этому готова? То есть… Мы хотели с тобой не

торопиться, ты не подумай, я только рад, – и в подтверждение своих слов он улыбнулся. Давно я не видела, чтобы он так широко улыбался. Уголки моих губ тоже приподнялись.

– Думаю, да. Нам нужен отдых, а от врачей я уже устала. Лучшее лекарство – это ты, вино и выпечка в Париже. – Я мягко поцеловала Джозефа в губы, почти невесомо. Больше не могу страдать. Второй бокал шампанского меня одолел, и возникло желание посетить дамскую комнату. Немедленно.

– Извини, я отлучусь ненадолго.

Оставив супруга на растерзание гостям, я отправилась в особняк. От стен веяло стылым холодом, на улице было теплее, чем в доме. Ежась от сквозняка и все еще сжимая опустевший бокал в руке, я зашла в гостевой туалет на первом этаже, рассчитанный как раз на такие приемы и похожий на уборную в дорогом ресторане. Столешница из черного камня, две серебряные раковины, корзинка с пушистыми белыми полотенцами. В дверь постучались, как раз в тот момент, когда я, уже вымыв руки душистым мылом, разглядывала свое отражение в огромном зеркале. Вздохнув, подошла к двери и отперла замок. На пороге ванной комнаты стояла Ева.

– Извини, я искала тебя. Мы можем поговорить? – Губы некогда лучшей подруги дрожали. Я нахмурилась. С какой стати нам беседы вести? Я отошла немного назад и сделала приглашающий жест пройти в уборную. Если уж и общаться с этой предательницей, то явно подальше от чужих глаз и тем более вдали от моего мужа.

Захлопнув за собой тяжелую дверь и прислонившись к ней, бывшая подруга вздохнула и уставилась на меня в полной тишине, прерываемой лишь монотонным капанием воды из крана. Кап-кап. Меня передернуло.

– Итак, – начала неуверенно я, – ты хотела о чем-то со мной поговорить? – Мне очень не нравилось выражение лица госпожи Блум. Глаза ее лихорадочно блестели в полумраке, на лбу выступила испарина. Мое сердце бешено заколотилось в нехорошем предчувствии. Вот только в предчувствии чего?

Ева наконец отлипла от двери и неспешно двинулась в мою сторону. Слова, что выдавила из себя Ева, казались шипением рассерженной змеи:

– Ты, – она обвинительно выставила указательный палец с алым маникюром вперед, – маленькая неудачница. Сидела бы в своем Петербурге. Мы с Джо почти были вместе. Почему, ну почему ты не сдохла?

Оторопев, я сделала шаг назад. Затем еще. То, что исторгала из себя некогда лучшая подруга, повергло меня в шок. Бред

сумасшедшего или стереотипная фраза кинозлодея из глупого триллера. А может, она из мести хочет меня жестоко разыграть? На мгновение я успокоилась. Это всего лишь шутка. Да. Я нервно рассмеялась:

– Ну ты даешь, подруга. Чуть не поверила, – я натянуто улыбнулась. – Знаешь, имей хоть каплю самоуважения и отпусти эту ситуацию. Ты проиграла. Все кончено. – И с этими словами я быстро прошла мимо нее, слегка, абсолютно случайно задев рыжеволосую иуду плечом. На миг меня ослепила острая вспышка боли. Снова боль. Я сгорбилась и прижала руки к ее источнику – животу. С трудом разлепила веки, мой взор еще оставался затуманенным, красные пятна мелькнули перед глазами. Постаралась сфокусироваться и увидела, что мои руки окрасились в сочный алый цвет, как маникюр Евы. Я медленно легла на пол, завалившись набок. Передо мной блеснули пайетки. Посмотрев вверх, я увидела Еву, сжимающую рукоятку серебряного ножа из семейного сервиза, с лезвия капала кровь. Моя кровь. Мне хватило пары секунд на осознание того, что я умру от кровотечения минут через двадцать, если сейчас же не прибудет «скорая». В общем, я труп. Моя убийца присела на корточки рядом со мной, нож она держала расслабленными пальцами, приблизив острие к моему лицу.

– Ну что, вечно ноющая Элис? Сбылось твое желание? Наконец-то закончишь то, что ты называешь жизнью. Жаль, в тот раз тебя спасли, хотя я рассчитала все верно, оставила таблетки на видном месте, позаботилась, чтобы ты застала меня с Джо. Судьба была ко мне благосклонна. Даже не пришлось доводить тебя до самоубийства. Такая драма. Ах, – Ева картинно закатила глаза и мерзко ухмыльнулась. Она что, все-таки сошла с ума? Так сильно хотела замуж за врача, что тронулась умом? Я лишь хрипло булькнула, не в силах закричать или что-то сказать.

– Но, правда, каюсь, сегодня пришлось импровизировать, я думала угостить тебя кофе со снотворным, он бы вряд ли тебя взбодрил, какой каламбур, да? – Рыжая стерва безумно рассмеялась своей же дурацкой шутке. – Придется подождать, пока ты зальешь кровью этот чудесный белоснежный пол, а затем вымыть нож и вложить его в твою остывшую руку. Как думаешь, мне сразу со слезами броситься в объятия Джо? Или сначала обрадовать твою мамочку, что все-таки ты довела дело до конца? Хоть какое-то достижение в твоей никчемной жизни. – На этом она закончила свой пафосный монолог психа и поднялась. Я проследила за ней взглядом и заметила пустой бокал, оставленный на столешнице рядом с корзиной. Пусть я умру, но не позволю никому считать меня самоубийцей. Жаль, слишком

поздно я осознала свои ошибки.

Пока Ева, как настоящая маньячка, поправляла кудри у зеркала и напевала себе под нос, я очень аккуратно, по миллиметру стала ползти в сторону бокала. Еще немного, чуть-чуть. Подняла руку, и из глаз брызнули слезы – боль усилилась во сто крат, но мне удалось нащупать стеклянную ножку фужера. Громкое «дзынь» наполнило ванную комнату. Змея по имени Ева обернулась, разбрызгивая свой яд во все стороны:

– Что ты делаешь? Дрянь! – Замахнувшись острыми когтями, она наотмашь ударила меня по лицу. Плевать. Бокал разбился о каменный пол. В руках осталась та самая ножка. Я вонзила осколки в так удобно стоящую передо мной ступню. Дикий визг, издаваемый Евой, послужил музыкой для моих ушей.

– Я уничтожу тебя! Ты все равно сдохнешь, тварь! – Разъяренная Блум впилась ногтями в мое лицо, а я попыталась закрыться руками, превозмогая боль от полученного ножевого ранения. За дверью послышался шум, кто-то заколотил в дверь. Черт, спасите! До меня донесся громогласный возглас Джозефа:

– Элис, Элис! Ты там? – Судя по звукам, муж отчаянно дергал ручку двери туалета. Неясные крики раздавались из коридора. Сомневаюсь, что меня спасут. Внезапно дверь с треском открылась, кто-то отшвырнул от меня горе-убийцу.

– Скорую, быстро! Лед! – Невероятно напуганный голос любимого раздался над ухом. Теплые ладони сжали мое лицо. Я собрала в кулак остатки воли и распахнула глаза. Озера глаз Джо начали меня затягивать.

– Я люблю тебя, люблю… – прошептала я ему в губы. Зрение меня подводило, черты лица мужа стали размытыми, точно я глядела сквозь мокрое от дождя стекло.

– Элис, все будет… – Окончания фразы я не услышала, мир погрузился во мрак.

– Алиса? Алиса? – эхом раздавался низкий мужской голос у меня в голове. Знакомый голос. Кто же это?

– Алиса! – Голос прозвучал требовательней.

– Ммм… – только и смогла промычать я, хватаясь руками за голову и не открывая глаз. Я лежала на чем-то твердом и холодном.

– Алиса, – незнакомец потряс меня за плечо. Ну зачем меня трясти, неужели непонятно, что людей с кровотечением нельзя тормошить! Тут я с удивлением обнаружила, что не чувствую боли. Открыла глаза. Царила темнота, я валялась на влажной траве, и надо мной возвышались деревья. Только не это. Опять. Сдавленно охнув, я приподнялась и слегка повернула голову на

голос. Рядом сидел Майк.

– Что? Ты?! Какого?.. – Преисполненная негодованием, я резво вскочила на ноги и продолжила обвинительную тираду: – Из-за тебя я думала, что окончательно свихнулась! Ждала два часа в ресторане воображаемого парня! Издеваешься, это шутки у тебя такие тупые? – Мне хотелось наброситься на него с кулаками. Он лишь посмеялся и тоже поднялся с сырой земли.

– О, моя красавица, ты разве не узнаешь меня? – Улыбка была несколько нетипичной для Майка. Лицо его, голос тоже, но вот выражение этого самого лица и манера речи… Меня осенила ужасная догадка.

– Эйч… – прошептала я почти отчаянно. Мой собеседник, все еще смеясь, закивал, и мой взгляд вновь расфокусировался. Когда я проморгалась, вместо Майка уже стоял Гарольд, он же Эйч, или Харон. Обнажив крупные зубы в улыбке, проводник поправил на голове шапочку с помпоном.

– Думаю, к этому образу ты привыкла больше, не так ли?

Я бессильно застонала. Эйч расценил это по-своему:

– Или ты предпочла бы видеть вместо меня свою бабушку? Я могу, если хочешь, – он выжидающе посмотрел на меня. Только не это, уже слишком.

– Нет, нет, нет, – торопливо замахала я руками, – пожалуйста, останься таким.

– Хорошо, – согласно кивнул проводник. – У нас мало времени, красавица.

– Я умерла? – Задав столь глупый вопрос, я почувствовала себя мистером Миллиганом. Похоже, все было взаправду.

– Нет, Алиса, пока еще нет, – Эйч отрицательно помотал головой и продолжил: – Тебе повезло, Ева нанесла тебе не смертельный удар, ты выживешь, но мы с тобой еще встретимся, надеюсь, через много лет, я пришел попрощаться.

– Что? Почему? Ты говорил, я должна буду сопроводить тебя? А как же аневризма? Почему она случилась у бабушки, а не у меня?

Дрожью по телу прошелся ужас. Харон ласково посмотрел на меня и ответил:

– Я говорил про твою бабушку, Алиса. Взгляни на трамвай.

Я перевела взгляд на убежище проводника и увидела в освещенном окне знакомое, такое родное лицо. Лишившись чувств, я обрушилась камнем на землю.

Меня спасли, и я была этому невероятна рада. Поездку во Францию пришлось отложить. Меня отвезли в больницу Миддлсекса. По старой памяти ко мне заходила доктор Белл,

которая заметила в списке поступивших мою фамилию. Кажется, она не держала на меня зла за смену врача.

Муж дежурил около меня несколько суток, пока я не заставила его поехать домой, принять душ и выспаться, заверив, что уж теперь-то со мной точно все будет хорошо. Больничная койка – это, конечно, не кафе в Париже, но зато я выжила.

Медсестра принесла по моей просьбе свежие газеты. Я догадывалась, что столь громкое событие, да еще с такими известными именами представителей одной из самых богатых семей Лондона обязательно украсит первую полосу. И я не осталась разочарованной. Заголовки пестрели результатами больной фантазии журналистов желтой прессы:

«Инцест или семейная драма?

Мать двоих возлюбленных, вдова покойного сэра Чарльза Андерсона, обладателя ордена Британской империи и по совместительству влиятельного бизнесмена, находится в глубочайшем смятении в связи с последними событиями. Миссис Элис Андерсон, она же Алиса Игоревна Стрельникова, стала жертвой нападения со стороны подруги семьи, дочери владельца автомобильных заводов Альберта Блума. К счастью, миссис Андерсон удалось спасти…»

Я отшвырнула от себя мерзкую газетенку. Захотелось вымыть руки с мылом, но лучше не нарушать строгий постельный режим. Не было никакого инцеста. За что только получали деньги эти журналюги, плохо копали. Я устало откинулась на подушки. Желание приобщиться к медийным источникам пропало. По крайней мере, на сегодня. За окном начало садиться солнце, стало быстрее темнеть. Дверь в палату открылась, кто-то вошел. Я повернула голову к вошедшему и не смогла вымолвить ни слова в изумлении: смущенно улыбаясь и держа в руках охапку роз, одетый в дурацкую зеленую форму, передо мной стоял Майк.

Часть V
Чертово колесо

Глава 1
В чужой голове

1998 год. Техас, город М.

Лето. Поле было наполнено звуками таящейся жизни в сожженной солнцем траве. Так громко. Эта мелодия крохотного мира, спрятанного в высоких зарослях полевых цветов, таких непривычных для этого скудного на зелень штата, казалось, раздавалась все громче и громче, оглушая и вытесняя любые мысли из головы плетущейся по пыльной дороге Анны. Раскаленный воздух опалял мокрое лицо, шею, все те оголенные участки кожи, что ей не довелось прикрыть. Синоптики угрожали со всех экранов, что этот июль обещал побить ранее установленные температурные рекорды. Сегодня ровно сорок два градуса по Цельсию. Единственные мысли, что проносились в сходящем с ума от жары мозгу старшеклассницы, сводились к забытой в доме шляпе, которая, несомненно, ей сейчас очень бы пригодилась.

Неистовый шум, который царил вокруг: стрекотание кузнечиков, жужжание пролетавших мимо пчел и ансамбль надоедливых мух – приводил Анну в изнеможение. Жажда обуяла ее настолько, что мысль о возвращении домой уже не казалась столь отвратительной. Белая ткань хлопкового сарафана липла к взмокшей груди. Капельки пота стекали по тонкой загорелой шее в декольте. Анна провела по коже загорелыми пальцами с короткими ногтями, смахивая скопившуюся влагу. У нее не было возможности даже вдохнуть полной грудью. Она не могла дождаться окончания удушающе жаркого лета, впереди маячил выпускной год. Еще один год, и Анна сможет покинуть этот забытый цивилизацией городок с жухлой землей. «Один год. Нужно продержаться всего год. Двенадцать месяцев, даже меньше, разве это так много?» – уговаривала она себя. Внезапный звук мотора приближающегося мотоцикла вывел Анну из раздумий.

– Эй, Энни, детка! Тебя подвезти? – лихо развернувшись, рядом со своей одноклассницей остановился парень в рваной джинсовой куртке на старенькой «Ямахе». Он был одним из самых желанных парней, многие старшеклассницы хотели бы его пригласить на последний школьный бал. Он прекрасно это понимал, и поэтому холодность единственной интересовавшей

его девушки вызывала у него искреннее недоумение. Половина учениц старшей школы безо всяких сожалений отдали бы самое сокровенное, вероятно, после, а может, и прямо во время выпускного ради одной только возможности встречаться с Уильямом Пресли.

Можно было смело заявить, что фамилия полностью оправдывала себя, поскольку Билли играл на гитаре в местной группе, репетируя в гараже или амбаре, а на всех школьных танцах выступали именно его «Адские псы». Они исполняли каверы на знаменитые песни, а иногда и что-то из собственного репертуара, правда, подобное им позволяли редко, не всегда вкусы молодых музыкантов совпадали с консервативными взглядами администрации школы. Помимо успехов на музыкальном поприще, Уильям неплохо проявлял себя и на футбольном поле, хоть место капитана команды пришлось уступить своему брату, ведь группа являлась любимым детищем Билла.

Что еще можно пожелать семнадцатилетней девушке? Но чего бы Анна ни желала, Уильям Пресли к этим мечтам не имел никакого отношения.

Анна поджала полные, но аккуратные губы и с нескрываемым сарказмом обратилась к поклоннику:

– Билл, я скорее позволю этим мухам отложить яйца у себя в мозгу, чем поеду с тобой на этой ржавой развалюхе.

Откинув за спину длинные волосы, что цветом напоминали плоды каштана, она направилась прочь от неугодного кавалера. Билли, смахнув прилипшую ко лбу челку, с разочарованным видом что-то еще кричал Анне вслед, но ее это мало интересовало. От стрекотания цикад закладывало уши. По вытоптанной тропе Анна скоро добралась до места, которое ей приходилось называть домом.

2019 год. Калифорния, Санта-Моника

Джулия окинула критическим взглядом напечатанную с таким трудом главу и осталась довольна. А вот главный редактор Medicine: Beyond Tradition вряд ли будет сегодня добродушен. Из-за книги львиная доля нерабочего и, уж что говорить, рабочего времени уходила на осуществление мечты: вырваться из редакции паршивого журнала, столь увлекательно пропагандировавшего роды у повитух, гомеопатию и восточную медицину. МВТ было на редкость дерьмовым издательством, по мнению молодой журналистки. И уж точно свой профессиональный путь

заканчивать в нем она не собиралась. Достав из ящика письменного стола пачку крепких сигарет, Джулия затянулась и выпустила тоненькую струйку сизого дыма, которая заклубилась в лучах восходящего солнца. Пять тридцать, пора собираться на работу.

Глава 2
Саграда Фамилия

2019 год. Испания, Барселона

О, чудесный декабрь. А чудесным он был оттого, что в Барселоне шестнадцать градусов по Цельсию. Скоро Новый год. И этот планетарный цикл определенно должен стать счастливей, чем предыдущий. Двадцать-двадцать – уже загадочная комбинация.

Я мыслила весьма оптимистично, меня переполняли энтузиазм и позитив. Вероятно, сказывалось действие прописанных антидепрессантов, или всему виной была ясная погода, ведь Лондон – скуповатый на погожие деньки город. Главное, я дышала и ходила по земле. Я чувствовала невероятный прилив сил и энергии и очень старалась не спалить этим своего мужа.

– Смотри! Боже, какое здание! Или дом? Но его точно проектировал Гауди! Ты только глянь на эти плавные линии и цвета, сразу виден его стиль! А витражи? Ты хотел бы жить в таком доме? – Я в полном восторге, едва не подпрыгивая, крутила головой, стараясь рассмотреть цветные стекла, что украшали огромные окна задания. Пытаясь заглянуть внутрь дома, я в нетерпении теребила многострадальную руку Джозефа. Он лишь глядел с тоской на архитектурный шедевр и ради приличия согласно кивал. Не был он любителем таскаться в толпе туристов и глазеть на достопримечательности.

Дело было в причине нашего с ним путешествия. Если я изначально планировала романтическую поездку в Мекку любви, во Францию, то муж убедил меня сменить направление на более прагматичное, а именно на ежегодный съезд международного сообщества офтальмологов. Ну да. Приятное с полезным, только вместо романтики я получила измотанного мужа, который ночами готовился к выступлению на конференции, а днем изображал увлеченного туриста. Он лишь протяжно вздыхал и зевал, забывая прикрывать белозубый рот рукой. Вот я негодяйка, он всю ночь работал над выступлением, а я его таскаю по запруженным туристами улицам. Я почти было развернулась к мужу, чтобы радостно ему сообщить о своей полной самостоятельности и отправить его обратно в номер спать, как нас оттеснила от здания группа людей. Джозеф удержал меня от

падения. Я поправила свой волочившийся по земле шарф и улыбнулась Джо:

– Может, тебе вернуться в отель и как следует выспаться перед конференцией? Да и останется время подготовиться. Если захочешь, я вечером могу отрепетировать с тобой доклад. – Мне показалось, что муж даже выдохнул от облегчения, особенно после такого внезапного наплыва туристов.

– А ты не обидишься? Я почти не спал, честно говоря, совсем не против вернуться в гостиницу, – не скрывал радости Джозеф. Ну а что мне остается, кроме того, как быть хорошей женой? Я снова подарила мужу обворожительную улыбку:

– Возвращайся и не переживай, в конце концов, не будешь так печально вздыхать над ухом, – я легонько толкнула его в плечо, ухмыляясь.

Джо поблагодарил и, чмокнув меня в лоб обветренными губами, направился в сторону отеля. Если честно, я тоже испытала своего рода облегчение. Не люблю таскать за собой людей, которым совершенно не интересно происходящее. Собственно, чего мучить. Пусть пребывает в стране Морфея, пока я буду изучать страну, подарившую нам паэлью. Я открыла карту в смартфоне – как там пройти к Саграда Фамилия?

Немного поплутав по узким улочкам и зайдя по пути в маленькую кофейню за стаканчиком латте, я наконец вышла к этому невероятному, ослепляющему своим великолепием и необычностью творению Гауди. Я много раз встречала изображение этого собора в разных журналах, социальных сетях, на фотографиях знакомых, но вживую церковь Саграда Фамилия произвела неизгладимое впечатление. Правда, еще больше меня поразило скопление людей перед табличкой с надписью *Entrada*[7]. Хотя спешить мне было особо некуда – ни работы, ни уж тем более запланированного съезда коллег. Постою.

Очередь двигалась на удивление быстро. Я успела прослушать всего четыре песни испаноязычных исполнителей, и вот меня уже досматривали не слишком улыбчивые охранники с тщательностью сотрудников аэропорта. Но эти мучения оправдались, когда я очутилась внутри собора. По своей натуре я была больше урбанистом, и пребывание в родовом гнезде моего супруга меня напрягало, несмотря на чудесную природу, окружавшую особняк. Я и природа – вещи несовместимые. Меня обдало прохладой каменных стен. Солнечный свет проникал через огромные витражи окон причудливой формы и, проходя сквозь них, окрашивался в разные цвета, заливая красками половину Саграды Фамилии. Я представила, что нахожусь в этом соборе ночью, за закрытыми дверьми. Ни туристов, ни охраны,

никого. Сомневаясь, что такое возможно, я хмыкнула. Разглядывая колонны, достойные украшать стены замка правителя инопланетной цивилизации, и умудрившись впечататься лицом в одну из них, я трясла головой, как собака, вышедшая из воды. Удивленные туристы останавливались передо мной, кто-то из них положил тяжелую руку мне на плечо. Подняв глаза на незнакомца, я едва сдержала удивленный вскрик. На меня смотрели карие глаза с желтоватыми склерами, принадлежавшие, несомненно, Эйчу. Я поморгала, и наваждение исчезло. В мое лицо с невероятной тревогой всматривался абсолютно незнакомый мне афроамериканец.

И совсем он не похож на лесника. Я вымученно улыбнулась и, заверив сердобольного самаритянина в своем полном здравии, поспешно покинула здание собора, не осмотрев и его половины. На улице очередь к знаменитому символу столицы Каталонии только увеличилась. Погода тем временем портилась, начали сгущаться тучи. Интересно, разойдутся ли непоколебимые туристы под ливнем или будут стойко держаться до конца? Выяснять не хотелось совершенно, а потому я решила переждать грозу в кафе неподалеку от достопримечательности, и это решение оказалось весьма своевременным. Едва я успела перешагнуть порог скромного заведения общепита, как за спиной угрожающе громыхнуло. Может, просто такси до отеля заказать? Составлю Джо компанию, возможно, даже отвлеку его ненадолго от подготовки к выступлению на конференции. Увлекшись мыслями о методах увлечения Джозефа, я едва не наткнулась на официанта, торопливо разносившего заказы. От душа из обжигающего кофе меня спасла миловидная шатенка.

– Осторожней! – на английском с выраженным американским акцентом предостерегла меня спасительница, ловко развернув меня длинными руками прочь от официанта. Повинуясь инерции, я крутанулась на месте и, через силу улыбнувшись, поблагодарила посетительницу:

– Спасибо! Вы уберегли меня от ожогов.

Незнакомка уставилась на меня огромными, словно озера, синими глазами.

– Вы не местная, верно? Когда вы вошли в зал, долго вертели головой, бормоча что-то на смеси английского и какого-то еще языка, дайте подумать, белорусского? – почти угадала девушка. – Мой столик был рядом со входом, – поспешила пояснить свою наблюдательность американка. Да, ее помощь пришлась весьма кстати. – Я Марта, из Калифорнии. – Белоснежная улыбка незнакомки обезоруживала. Вздохнув, я тоже представилась:

– Элис. Из России. Вы почти угадали, многие иностранцы

путают русский и белорусский. Но я уже несколько лет живу в Лондоне. – Марта, чуть склонив голову набок, внимательно слушала меня с легкой улыбкой. Как можно постоянно улыбаться? Устанешь. Мое недовольство непогодой и наплывом туристов начало пробиваться сквозь маску дружелюбия. Правда, мне почему-то не хотелось, чтобы Марта это заметила.

– Вы далеко остановились? – полюбопытствовала новая знакомая.

– В «Золотой Лилии», – ответила я. Марта всплеснула руками:

– Так и я там же!

Надеюсь, мисс Америка не собирается идти со мной до отеля? Джо ни за какие коврижки не остановился бы в этой гостинице, если бы место жительства не определяли организаторы съезда. Но, собственно, от бесплатного он тоже никогда не отказывался. Разве что доплатил за более комфортный номер. Неженка.

– Так вы сейчас возвращаетесь в отель? – продолжала любопытствовать Марта.

И чего ей от меня только надо? Пришлось снова выдать мой привычный оскал-улыбку:

– Да, так и планировала, погода, увы, не располагает к прогулке.

– Тогда, может, возьмем такси на двоих? – вот так просто предложила моя новая синеглазая знакомая. Все у нее просто. Хотя что я теряю, возможно, наоборот, это хорошо, знакомства не бывают лишними. Почти.

– Да, давайте, – согласилась я после минутной внутренней борьбы.

Просторный холл «Золотой Лилии» встретил нас прохладой. Зонт, естественно, я не брала, моя обретенная спутница тоже, и в связи с этим мы успели хорошенько вымокнуть, пока бежали от кафе до такси. Неприятно морщась от холодного кондиционированного воздуха, я повернулась к Марте:

– Тебе на какой этаж?

Она озадаченно нахмурила ровные брови.

– Надо посмотреть на карточке, все время забываю, – и Марта незамедлительно принялась за поиски пластикового ключа. Пока она была увлечена исследованием содержания своей сумочки, я втащила Марту в прибывший лифт.

– Нашла! – победно воскликнула американка, демонстрируя белую прямоугольную карту с цифрами 521. Я хмыкнула в который раз: соседки.

– Да мы соседи с тобой, надо тебя будет познакомить с Джо.

– С кем? – удивленно захлопала она ресницами. Тем

временем мы прибыли на пятый этаж.

– С мужем моим, Джозефом, я тебе в машине говорила про него, – я терпеливо напомнила Марте об этом значимом факте своей биографии.

– Да, точно. С памятью вечная беда, не подумай, что я тебя не слушала, – улыбалась во все тридцать два винира знакомая. Я остановилась у двери с надписью 523.

– Вот и мой номер. Ну, увидимся еще, Марта из Калифорнии, – я шутливо махнула американке рукой. На что та не преминула заговорщицки подмигнуть:

– Обязательно. – Ее тоненькая, но довольно высокая фигурка скрылась за дверью номера. Уф, наконец-то я отдохну. После короткого писка, означавшего открытие замка, я повернула ручку и ввалилась в светлую комнату.

Слова, которыми я хотела поприветствовать, как я думала, работающего над презентацией мужа, застряли комом у меня в горле. Только не это, снова. Джо, несомненно, был очень занят. Занят пристальным изучением внушительных размеров груди голой рыжеволосой девицы, извивающейся прямо под ним. Похоже, до них дошло, что теперь они не одни. На меня смотрели две пары озадаченно моргающих глаз. Я только и смогла выдать:

– Может, мне надо было в рыжий перекраситься, а?

Глава 3
Ночной портье

– Ты жалкий кусок дерьма! – Перья из подушки летели во все стороны, часть из них осела в длинных волосах любовницы Джо, что в страхе прикрывала голову руками с острыми ногтями. Девица тряслась, словно тойтерьер при виде ротвейлера. Даже гавкнуть в ее сторону захотелось.

– Ублюдок! Трус поганый, какого черта тебе понадобилось все испортить? – От злости меня несло со скоростью урагана Катрина. Или урагана Алиса. На неверного муженька я обрушивала град ударов почти разодранной подушкой, у самой уже болели руки. Продолжала я эту экзекуцию на чистом адреналине и праведном гневе. Джозеф, совершая неуклюжие попытки отобрать у меня орудие мести, взмолился:

– Элис, успокойся, пожалуйста! Пусть Сара уйдет сначала, она ни в чем не виновата! – Его ловкие пальцы наконец-то поймали добычу. Я дернула белоснежную, заметно истончившуюся наволочку на себя.

– Не виновата? Посмотрите на нее, просто овечка пушистая! Она не знала, что ты женат?! – На стуле около трюмо болтался женский клетчатый пиджак, а через спинку был перекинут шнурок, на котором болтался бейдж с эмблемой больницы, в которой работал благоверный. Точнее, совсем неверный. Тем временем незадачливая коллега осмелилась покинуть свое укрытие и прямо перед моим носом схватила пиджак с блузкой, подобрала с пола белье и брюки и, уже надевая кружевные трусики прямо перед дверью номера, обернулась с фразой:

– Элис, мне очень жаль. Он сказал, что вы развелись. Прости, если сможешь. – Она накинула на плечи пиджак и, сжимая пожитки в покрытых веснушками руках, поспешила ретироваться с поля боя.

– Ну-у, – протянула я, разворачиваясь обратно к герою-любовнику, – твое желание однозначно будет исполнено. На этот раз точно.

Джозеф тяжело дышал и стряхивал с себя гусиный пух.

– Знаешь, – продолжила я, – мне вот интересно, а почему в нашем номере? Почему не в ее? Неужели она не заметила женских вещей в комнате? – Я уставилась на мужа в ожидании нелепых оправданий, даже мольбы.

– Поверь, совсем не входило в мои планы спать с ней. Как только я вернулся в номер, не мог совершенно ни на чем

сосредоточиться. Развесил одежду в шкафу, убрал чемоданы. В этот момент в дверь постучалась Сара, она выступает раньше меня, к тому же входит в группу организаторов, как раз возвращалась с площадки. Спросила, как у меня дела, как идет подготовка к докладу. – Джо в своей привычной манере протяжно вздохнул. – Предложила помочь. Я не увидел в этом никакого подвоха, поэтому впустил ее, сделал нам чай, – муж запнулся.

– А потом она резко сорвала с себя одежду и набросилась на тебя, да? – сквозь слезы зло прошипела я. Подонок. Джозеф поджал губы и с некоторым сожалением воззрился на меня:

– Всегда легко осуждать, Эл. В какой-то мере ты сама виновата, я ведь тебе говорил, что не могу спать с тобой, все мысли сводятся к нашей, прости, – он выставил вперед ладони, – твоей матери. Никак не могу выкинуть из головы. Эта нелепая попытка начать все сначала была ошибкой.

Я почти задыхалась от обиды, боли и несправедливости.

– Моя вина?! Кто умолял меня не разводиться? Кто кричал, что брак – это нерушимый союз?! Что мы поклялись перед лицом Господа быть в горе и в радости?! Кто?! – Мой голос сорвался на крик. – Ну скажи мне, кто?!

Джозеф лишь рассерженно сопел и молчал. Ну а что тут скажешь?

– Знаешь, это просто смешно. Удачи тебе и твоей Саре. – Я уверенным шагом подошла к платяному белому шкафу, вытащила свой чемодан и с остервенением стала бросать в него вещи. Джо скрылся в ванной. Может, утопиться решил. Закончив с вещами, я опустошила свою прикроватную тумбочку. И только подумала о забытых принадлежностях в ванной комнате, как из нее выплыл муж с уже упакованными в плотную черную косметичку средствами гигиены.

– Держи, – протянул он мне мои вещи. Какая забота. Даже собраться помог.

– Где ты планируешь остановиться? – продолжил светскую беседу как ни в чем не бывало неверный супруг. Я забрала протянутую косметичку и спокойно спросила:

– А слова Сары про развод? Ты подлец, сказал ей, что мы развелись? – Я почувствовала, как мои глаза вновь наполняются предательскими слезами.

– Еще до поездки обмолвился, что мы подали на развод, у нас один начальник, она должна была меня заменить на приеме, когда у нас с тобой намечалась встреча с адвокатами. О том, что мы снова вместе, сообщить ей не успел, – мрачно поведал мне Джо. Я проглотила все рвущиеся наружу колкости и молча убрала косметичку в чемодан.

Оставив Джозефа стоять в руинах нашего разрушенного брака, я вылетела прочь вместе с вещами, преодолевая порыв прислониться к захлопнувшейся двери и сползти по ней на пол, застланный ковром с жестким ворсом. Стремительным шагом я добралась до лифта, чтобы вновь посетить вестибюль. Джазовая композиция, тихо звучавшая фоном в кабине, нисколько меня не воодушевляла, а лишь усиливала и без того нарастающее раздражение. Едва распахнулись стальные двери, я резко выбежала из лифта, сильно дернув ручку чемодана за собой. С жалобным скрипом мой дорожный друг проследовал за мной. В гневном порыве я его едва не впечатала в стойку ресепшен. Из-за стекла выглянула кудрявая, чуть растрепанная голова молодого администратора.

– Чем могу помочь, мисс? – Серые глаза в растерянности уставились в зеленые мои, а его тонкие губы растянулись в вежливой профессиональной улыбке. Золотые буквы на металлическом бейдже гласили: «Арон».

– Арон, помогите мне, пожалуйста, мне нужно срочно выехать из номера пять два три, у вас есть в отеле свободные комнаты? – с надеждой спросила я юношу. Мне и правда хотелось остаться в этой гостинице, а после изматывающего и утомительного дня у меня не было и крупицы сил на поиск нового жилья. Все с той же официальной улыбкой служащий защелкал мышкой компьютера. Он немного нахмурил широкие брови и удрученно изрек:

– К сожалению, мисс, свободных номеров сейчас нет… Хотя погодите, через час должен освободиться улучшенный номер на пятом этаже, вы согласны подождать? – Я немного опешила, подождать-то можно, но вот с чемоданом куда-то отправляться в дождь или сидеть на диване в фойе решительно не хотелось. Да и выселение могло затянуться, пока уедут постояльцы, горничная уберет номер… Часа два минимум. Но я вернула такую же вежливую улыбку юноше:

– Да, хорошо, давайте оформлять, – я протянула ему свой паспорт и ключ от злополучной комнаты номер 523. После оплаты пребывания в моей обители, которая будет моим домом вплоть до первого января нового года, мне пришла в голову, возможно, несколько глупая, но пока единственная идея, как скоротать время. Я вернулась к лифту, который вскоре доставил меня обратно на пятый этаж.

Остановившись у белой двери с золотыми цифрами 521, я хотела было негромко постучать, но тут заметила, что дверь номера моей новой знакомой не заперта. Оставив чемодан в коридоре, я осмелилась войти. Поскольку Марте так же, как и мне ранее, принадлежал улучшенный вариант, помещение оказалось

довольно просторным, и спальня начиналась не сразу у входа, ее отделял небольшой коридорчик, из которого можно было попасть в ванную комнату и, собственно, в спальню. Может, Марта вышла? Пройдя в коридор номера, я тихо постучала костяшками пальцев по ближайшей двери, так ничего и не услышав в ответ, медленно отворила ее и очутилась в ванной комнате. Белый кафель, большая акриловая ванна, зеркало с подсветкой. Все стандартно. Вот только тело молодой женщины, лежащее в одежде в этой самой ванне без воды, явно не было предусмотрено сотрудниками отеля. Я подавила рвущийся наружу крик ужаса. Тело издало стон. Жива. Марта едва дернула свисающей с края ванны рукой и мотнула головой в сторону. Лицо почти полностью было закрыто непослушными темными волосами. Я, справившись с оцепенением, бросилась к ней. Опустившись на колени, осторожно отвела волосы девушки в сторону. Лицо белое, с сероватым оттенком. Мертвецы лучше выглядят.

– Эй, Марта, ты слышишь меня? – Я легонько похлопала ее по мертвенно-бледным щекам. – Эй? – Ответом послужил все тот же невнятный полустон-полувздох. И почему мне так везет? Я дала себе время осмотреться. На полу лежала не замеченная ранее почти пустая бутылка водки и открытая оранжевая баночка хорошо знакомых мне таблеток. Часть из них просыпалась на пол. Как вообще такое совпадение возможно? Я взяла в руки пузырек. Не так много она выпила по сравнению с моим случаем. Можно обыграть неграмотной дозировкой и употреблением алкоголя. Неизвестно, как медики этой страны отреагируют на попытку суицида. В том, что это был суицид, я нисколько не сомневалась. Предсмертной записки рядом я не увидела, но чувствовала, что это не ошибка и точно не отчаянный способ уйти в беспамятство. Пообещав себе позже заняться поисками доказательств моей гипотезы, я вытащила мобильный и набрала 112. Хорошо, что в Испании такой же номер скорой, как и в России. Благо оператор поняла иностранную речь и пообещала скорое прибытие бригады. При взгляде на Марту у меня защемило сердце. И что, я так и буду сидеть на холодном кафеле до приезда «скорой»? Нет уж. Моих навыков действий в экстренных ситуациях не хватало, да и вытащить из ванны в одиночку знакомую ростом выше меня не представлялось возможным. Тихо охнув, я поднялась с колен и поспешила за помощью. Не помню, как я оказалась барабанящей что есть мочи в дверь опостылевшего номера с цифрами пять два три:

– Джо! Открой сейчас же! Нужна помощь, срочно! – Не успела я закончить отбивать руки о дерево, как дверь распахнулась, и я чудом устояла на ногах, что стали ватными. Джозеф вышел ко

мне несколько взъерошенным. Короткие волосы ему не особо шли, а от недолгого сна, как я полагала, они стали топорщиться во все стороны.

– Что случилось? – немного осипшим голосом спросил меня муж. Точно, спал. И совесть не мучила.

– Ты как врач нужен мне в соседнем номере, моя знакомая… – Я сделала паузу и не знала, как мягче сказать Джозефу, что Марта находилась в том же положении сейчас, что и я несколькими месяцами ранее. – Она умирает, Джо, бегом, – и, развернувшись, я вернулась. «Скорой помощи» пока не было слышно. Стоило ли сообщить о произошедшем администратору отеля?

Муж зашел в комнату следом за мной.

– Где она? – собравшись в мгновение ока, деловито спросил Джозеф. Я указала на первую дверь:

– Там, в ванной, – а сама прошествовала в спальню. В ней царил полнейший хаос. Настольная лампа была опрокинута, стеклянный столик разбит, повсюду разбросаны вещи. Что здесь, черт возьми, произошло? Какую силу надо приложить, чтобы сотворить такое? Последний час этаж пронизывала тишина, если не считать нашей ругани с мужем. Получается, Марта разнесла номер, а потом отправилась пить кофе? Или ей помогли разгромить помещение? И никто не задал лишних вопросов? Я взяла сумку Марты, с которой она была днем, предварительно проверив наличие в ней документов и заодно вложив в нее смартфон. Внутри ридикюля оказалась визитка:

«**Марта Сэлотто**

Психолог. Семейный консультант.

Психологический центр Сан-Диего»

Какая ирония. А семейные пары после ее терапии еще живы, интересно? Абсолютно ничего смешного в этом не было. Я втиснула картонную карточку в задний карман джинсов. Уже на выходе из комнаты заметила мерцание экрана ноутбука, оставленного включенным на широкой незаправленной кровати. На рабочем столе светился белым документ с небольшим обращением к нашедшему:

«Позвоните Джулии Сэлотто +154889…, передайте, пожалуйста, что мне очень жаль. Джулия, ты все равно остаешься моей сестрой. Люблю».

Сухо и скупо. Ну, не всем же размазывать сопли по бумаге, как мне. Номер я вбила себе в контакты сотового, документ удалила и захлопнула крышку ноута. Джулии я позвоню.

Заглянула к Джо. Он уже успел переместить бессознательную Марту на пол. На тонких предплечьях, запястьях и кистях изящных рук женщины виднелись царапины, возможно, от осколков разбитого вдребезги стола.

– Джо, – негромко позвала я мужа. – Надо убрать рассыпанные таблетки. Ты можешь сказать парамедикам, что ее зовут Марта, она наша знакомая и просто выпила лекарство после похода в бар? Выкину бутылку. – Я знала, что испанский язык супруг изучал, а вот мне лучше помолчать. Джозеф нахмурился.

– С какой стати тебе ей помогать? Ты ее хорошо знаешь? Да и, может, ее не нужно покрывать? Вполне вероятно, она сделает это снова.

Я закусила губу, выливая водку в раковину и пряча опустевшую стеклянную тару в корзину для полотенец. У Марты все равно, я так понимаю, никого здесь нет, если судить по оставленному сообщению. Ложь во благо.

– Да, – уверенно солгала я. – Мы действительно сегодня виделись, все было в порядке. Возможно, она и правда не замышляла ничего такого. Но вот господа со «скорой» могут расценить это совершенно иначе.

– Ладно, – Джо махнул рукой. – Разбирайтесь сами.

Недоумевая, почему муж так быстро сдался, я не заметила, как раздались шаги за дверью и нашу скромную компанию разбавили испанские парамедики. Нас с Джозефом попросили удалиться из ванной комнаты. Нервно постукивая ногой, я ждала около входа в спальню, подпирая собой закрытую дверь. Не стоит, не стоит вызывать к себе лишние вопросы. Низкорослая полноватая девушка со стянутым на затылке пучком черных волос что-то быстро тараторила Джозефу. Он лишь кивал в ответ и украдкой поглядывал в мою сторону. Как бы лишнего не сказал, пусть лучше кивает. Закончив свою работу и водрузив Марту на каталку, фельдшеры собирались покинуть место трагедии. Я ринулась за ними:

– Простите, *señorita*, я могу поехать с ней? – спросила я девушку, разговаривавшую ранее с Джо, одновременно с этим вкладывая ей в руки сумку психолога. Она непонимающе уставилась на меня своими огромными темно-карими глазами:

– *No entiendo, señora, lo siento*[8].

Мужу пришлось вмешаться. До меня донеслась неразборчивая испанская речь. В ответ на слова Джо медичка быстро замахала руками и отрицательно покачала головой. И без перевода понятно. Ну и черт с ней. С парамедиком, конечно, не с Мартой. Всей дружной группой мы вышли из номера. Тут я заметила жавшегося к номеру 523 администратора. Кажется, беднягу даже

немного трясло. Надеюсь, это не первая его смена. Он невидящим взором смотрел на каталку. Арон перевел взгляд с Марты на меня и спросил немного дрожащим голосом с сильным акцентом:

– Она есть мертва? Или жить?

Раньше от стресса и я забывала английский. Я натянуто улыбнулась побледневшему юноше:

– Жива-жива, не беспокойтесь, но в номере погром, – уведомила я сотрудника гостиницы. Он шумно выдохнул. Ну, трупов в рабочий день, да и в какой-либо еще, никому не пожелаешь.

– Кстати, мисс, ваш номер готов, можете заселяться. Я выдам на стойке регистрации ключ, – уже без явного акцента и более уверенным тоном сообщил мне портье. Вот и скоротала время.

Заселившись в свою комнату, я первым делом, отбросив чемодан в сторону, направилась в душ. Смыть с себя этот гребаный день ко всем чертям. Когда моя мокрая голова наконец-то коснулась мягкой перины, я поняла, насколько устала. Сразу разрушились три жизни. Не многовато ли? Или это шанс для чего-то нового? Несмотря на общее изнурение, заснуть у меня не получалось. Я ворочалась с боку на бок, а сердце тревожили быстро мелькавшие мысли о сегодняшнем событии. Внезапная попытка самоубийства новой знакомой напрочь перекрыла измену Джозефа. *Джозеф*. Когда-то, очень давно, это было мое любимое имя. Теперь его впору только Сатане носить. Я фыркнула в подушку. Его темное величество, владыка преисподней, Сатана Джозеф. Вот наверняка на работе мужа так и называют. Дернулась, как от укола. *Мужа*. Развод, нужен развод. Пора звонить этому заносчивому адвокату Гарсии. Шотландец с фамилией Гарсия. Интересно, мама шотландка, если фамилия нешотландского происхождения? Я выбросила из головы образы Дэвида в килте, и на их место вернулась лежащая без сознания в ванне Марта.

Мне не верилось, что показавшаяся при встрече такой жизнерадостной девушка так просто взяла и разгромила номер, накидалась таблетками и запила все это водкой. Стеклянный разбитый вдребезги столик тоже не давал покоя, вряд ли хрупкая Марта на это была способна. Значит, кто-то к ней приходил? И я зря скрыла улики, спасая почти незнакомую девушку от предполагаемой волокиты из-за попытки суицида? Вдруг это убийство? А я стала его соучастницей? Меня затрясло, словно в ознобе. Нет, нет, нет. Совсем не похоже. Зачем оставлять тогда контакты сестры жертвы? Тут что-то другое. Я старалась себя успокоить.

А может быть, администратор что-то видел? Странно он себя

вел… Хотя это, возможно, нервы. Я решительно поднялась с постели и подошла к чемодану. Вытащив из моего верного дорожного друга первое попавшееся платье, безусловно, сильно измятое, я, поспешно натянув его на себя, вылетела за дверь. Коридор встретил меня мрачной тишиной.

Я понятия не имела, сколько сейчас времени. Над номером 521 мигала лампочка. Словно показывая, что один жилец выбыл. Интересно, заселился ли туда кто-нибудь. Лифт не работал. Безуспешно потыкав в холодную кнопку десятый раз, я приложила ухо к металлическим дверям. Тишина. Ладно, пойду по лестнице.

Перепрыгивая через ступеньку, я чуть не врезалась в стеклянные двери вестибюля. По отношению к лестнице стойка регистрации находилась ближе. Ночью, по всей видимости, кудрявого портье сменила стройная блондинка, примерно с меня ростом. Она пристально разглядывала свои ногти. Мило улыбаясь, насколько могла, я приблизилась к ночному администратору.

– Кхм, – негромко кашлянула я, привлекая внимание девушки к своей скромной персоне. Золотистый бейджик гласил, что портье зовут Мира. Марта, Мира… Хоть не рыжая. Мира оторвалась от своего увлекательного занятия и посмотрела на меня почти бесцветными глазами. Они были бледно-серыми, едва не сливались с белком. Выглядело это несколько пугающе. В отличие от Арона, на ее губах не играла даже фальшивая улыбка. Волоски на моем теле приподнялись, точно у животного, что почуяло опасность. Ну и ну. Девица склонила голову, и ее правый глаз закрыла прядка пепельных волос. Я, похоже, знаю любимый цвет портье. Ага.

– Чем могу помочь? – Мягкий, глубокий, резко контрастировавший с внешним видом сотрудницы отеля голос, казалось, заполнил пустой вестибюль. Я осознала, что в холле гостиницы царила полная тишина. Моя просьба прозвучала хрипловато:

– Мира, вы, наверное, в курсе, что сегодня произошел инцидент с постояльцем из номера пять два один?

Администратор продолжала на меня смотреть. Ни один мускул на белом лице не дрогнул. Я поежилась под ее пристальным взглядом.

– Да, Арон рассказал мне о случившемся, когда передавал отчет о дневной смене. Такое у нас нечасто бывает. – Четко очерченные губы девушки раздвинулись в неприятной улыбке, обнажив острые мелкие зубы. Лучше бы она не улыбалась. Правда. Акцента в ее словах не угадывалось, да и внешность не

была типичной для Испании, даже для Каталонии. Я бы сказала, она прибыла откуда-то из Скандинавии. Набравшись смелости, я задала вопрос, который лишил меня сна:

– Я прошу прощения, но пострадавшая – моя хорошая знакомая. – Ложь давалась мне с каждым разом все лучше и лучше. Так и привыкнуть недолго. – Как я предупреждала Арона, номер остался после ее пребывания не в лучшем состоянии, но, честно говоря, у меня есть смутные подозрения, что в одиночку такая хрупкая девушка, как Марта, – я осеклась, – мисс Сэлотто, не могла учинить такой… беспорядок. – Я невинно взглянула на Миру. Не похоже, что она купилась на мою проникновенную речь. – Понимаете, я очень переживаю за ее здоровье, мне бы хотелось узнать, для обеспечения безопасности мисс Сэлотто, навещал ли ее сегодня кто-либо? – Подумав секунду, я добавила: – Или вчера?

Тонкие, чуть темнее волос брови портье немного приподнялись. На губы вернулась все та же неприязненная ухмылка:

– Хорошая знакомая, говорите? – Ее длинные пальцы с довольно остро подпиленными ноготками без лака переместились на мышку. – Сейчас посмотрим. Но вы же понимаете, что эта информация строго конфиденциальна и я делаю вам одолжение? – медленно произнесла администратор, сделав акцент на последнем слове. Денег хочет? Но кошелек я оставила в номере, как-то и в голову не пришло, что придется оставлять «чаевые» портье. А зря. Но Мира, не дожидаясь моей реакции, уже просканировала записи.

– Да, к ней заходил мужчина. Мы не регистрируем посетителей, он пришел с ней вчера вечером. – Администратор развернула монитор ко мне. Я удержалась от едва не вылетевшего из моего рта крепкого словечка. Изображение позднего гостя было весьма четким, хотя кое-что показалось мне странным. Камеры с таким разрешением обычно очень дорогие, но в этом случае мне это было только на руку. На кадре голова посетителя была чуть повернута в сторону идущей рядом Марты, а ближайшая к камере половина лица – страшно изуродована, скорее всего, ожогами. Прямые темные волосы до плеч наверняка служили мужчине маскировкой от любопытных глаз.

– Я вам смогла помочь? – Точно ожидает вознаграждения. Я отошла от стойки на шаг назад.

– Мира… вы мне очень помогли, я обязательно оставлю чаевые утром, увы, забыла портмоне в комнате, спокойной ночи. – И на этом я спешно направилась к лифту. Уже нажав на кнопку вызова в третий раз, я едва не хлопнула себя по лбу. Не работает.

Развернувшись, так как мне нужно было вернуться к лестнице, я на этот раз громко выругалась. Мира стояла почти нос к носу со мной. Мое дыхание участилось. У этой дамочки все дома? Но администратор сама отодвинулась и спокойно проговорила:

– Мы отключаем лифт на ночь, в профилактических целях. Я могу включить его и поднять вас наверх, – одарила меня странная девушка своей фирменной «улыбкой».

– Буду очень признательна, – бросила я, отходя в сторону.

Мира открыла небольшой щиток, ловко замаскированный под картину, что-то щелкнуло, и лифт загудел. Двери открылась.

– Прошу, – портье сделала приглашающий жест. Нервно сглотнув, я зашла в просторную кабину. Мне почудилось, что лифт выглядел несколько иначе… хотя их два. Возможно, этот предполагался для передвижения лиц с ограниченными возможностями, учитывая размеры. Я хотела было нажать на цифру пять, но не успела. На нужную мне кнопку опустился бледный палец с ногтем, больше похожим на коготь.

– Я провожу. – Похоже, девушке понравилось улыбаться. Неосознанно я отошла к противоположной стене.

– Право, не стоило. Вы и так много для меня сегодня сделали. – Администратор откровенно меня пугала. Музыка в кабине изменилась. Зазвучала классическая, минорная мелодия струнного оркестра. Мира решила, что такое расстояние между нами недопустимо, и вновь приблизилась ко мне. Я даже могла почувствовать на лице ее теплое дыхание, когда она сказала:

– Всегда рада помочь.

От ответа меня спасли открывшиеся двери железной ловушки. Вздрогнув, я устремилась на выход, но мое запястье удержали сильные пальцы, едва не впившиеся мне в кожу заточенными ногтями:

– Доброй ночи, Элис.

Едва не завопив во всю глотку на это тихое пожелание, я резко выдернула руку из холодной хватки Миры. Чуть ли не добежав до своего номера, я так и не услышала звука закрывающихся дверей лифта. Вообще никаких звуков. Не удержавшись, я обернулась. Мира прислонилась спиной к стене кабины и продолжала улыбаться, глядя прямо на меня. Заметив мой взгляд, она помахала мне и нажала на одну из кнопок. Видимо, ведущую обратно в ад, откуда она и явилась.

Когда я захлопнула за собой дверь, мне хотелось биться об нее головой от отчаяния. Что здесь, черт возьми, происходит?!

Заснуть мне удалось только под утро, я провалялась в теплой постели до полудня, намереваясь пробыть в таком состоянии до скончания времен. Но моим планам помешали воспоминания о

вчерашнем вечере. *Мира*. Я подскочила на огромной кровати. Мне хватило около пяти минут, чтобы привести себя в более-менее приличный вид и спуститься в вестибюль. На лифте. Джазовая композиция мне нравилась больше. Определенно я была рада вновь ее услышать. Погода стояла солнечная, сквозь окна отеля было видно, что от вчерашнего ненастья не осталось и следа. За стойкой я с удивлением обнаружила Арона. Может, они действительно работают посменно? В голове все путалось. Я приблизилась к администратору.

– Доброе утро! А где Мира? – Кудрявый, явно не выспавшийся портье, о чем свидетельствовали круги под его серыми глазами, в полном недоумении воззрился на меня.

– *Buenos dias, señora*[9], – похоже, пребывая в замешательстве, поприветствовал меня на испанском Арон.

Джозеф мне много рассказывал о месте, куда мы поедем. В Барселоне говорят на каталанском. В Испании, в принципе, мало где используют кастильский. Хм. Интересно, откуда он? А может, это просто манера обращения с туристами? Каталанский здесь точно никто из иностранцев не поймет.

– Какая Мира? – взяв себя в руки, ответил вопросом на вопрос несчастный администратор.

– Ночной портье, девушка, которая вас сменяла, – я терпеливо старалась донести свою мысль до Арона. Его и без того усталое лицо приобрело печать страдания.

– Уверяю вас, мисс, никакая Мира тут не работает, и такой должности, как «ночной портье», у нас не имеется. Смена длится семь часов, вчера вечером дежурил Пабло. А я до двух часов заменяю Марию, *maldita sea. Perdoname*[10]. – Смутившись, Арон попытался вернуться к работе.

– Но как же? Я вчера ночью с ней разговаривала! Она еще включила мне лифт, так как вы его обесточиваете на ночь для профилактики! – в сердцах выпалила я. Администратор уже смотрел на меня настороженно, как на потенциально опасного клиента.

– *Señora*, вчера был сложный для всех день. Но ни в одном отеле, никогда и ни в каких целях не отключают на ночь лифт, по крайней мере, на территории Каталонии.

Я ничего не понимала. Вернувшись к лифту, я не увидела картины, за которой вчера психопатка-администратор открывала щиток. Мне оставалось только вспомнить, взяла ли я лекарства, которые мне прописал мой новый психотерапевт. Надеюсь, что взяла.

Глава 4
Кувырок назад

Что может быть романтичней поездки с мужем в Барселону? Путешествие в Париж без эпилога в виде развода уж во всяком случае точно. Любить или быть любимым? Можно ли заменить «или» на «и»? Всегда, даже если вы оба думаете, что чувства взаимны, кто-то из вас двоих определенно любит сильней. Жертвует большим, страдает чаще. Но жертва – это еще не синоним слова «любовь», страдание – не есть способ ее, то есть любви, достижения. Так почему я страдала, жертвовала и считала, что за это он должен непременно меня любить? Что все то, что я совершила для него, все, чего лишилась и через что мне пришлось пройти, не может быть осквернено изменой столь дорогого мне мужчины, которую я расценивала не иначе как предательство. Предательство высшей степени. Я могла принести очередную жертву – чертову гордость, самолюбие, самоуважение. Только он в этом совсем не нуждался, как разгневанный древний бог, отвергал мое самое ценное подношение.

Я уныло разглядывала пузырьки пены в белой фарфоровой кружке с черным кофе. Белое и черное, домино. Прямо как мы с Джозефом. И что мне делать дальше? Настроения осматривать красоты этого прекрасного города не было совершенно. Изображение темноволосого мужчины с обожженным лицом не выходило у меня из головы, грозившей разлететься на миллионы крошечных осколков. Вздохнув, я отодвинула от себя остывший кофе.

Мне все приснилось? Может, это был только сон? Но я так все отчетливо помнила, как наяву. Я сомневалась в реальности Миры, как недавно не смела поверить в существование Эйча и Майка. Одно дело заменять реальные травмирующие, довольно трагичные воспоминания на фантазию, и совсем другое – путешествовать по тоннелю, ведущему на тот свет, в деревянном древнем трамвае, по лесу Лондона. Я сидела на улице за столиком одного из местных кафе, которое еще в такси порекомендовала мне Марта.

Мысли вновь свелись к недавним событиям. А Мира? Кто она? Существует ли вообще или же только в моем больном воображении? Даже обсудить не с кем. Единственный человек, который был по-настоящему мне близок, лежит глубоко под землей, лучшая подруга пыталась меня убить, а муж предпочел мне коллегу. С Машкой у нас были не настолько доверительные

отношения, чтобы выдергивать ее из размеренной семейной жизни в Москве. Звонить врачу не стоило – еще раз роль пациентки психиатра я просто не выдержу. Только убедила лечащего врача, что я не представляю угрозу ни себе, ни окружающим, и свято пообещала наблюдаться и пить назначенные таблетки. Ну к чертовой матери этих докторов, *idos a la mierda!*[11]

На улице стало прохладней, хотя это не могло сравниться с питерскими морозами или даже зимой в Англии. Когда тут был последний раз снег?

Почти неосознанно я выводила ручкой из сувенирной лавки строки на салфетке:

Тусклый свет фонарей мерцает,
Сигареты огонек горит.
Мороз украдкой за щеки кусает,
С неба хлопьями падает снег.

Я озадаченно погрызла кончик ручки. А что, если это все правда и я вовсе не сумасшедшая с улетевшим напрочь чердаком? Но если подобное действительно возможно, означало ли это то, что я не единственная в своем роде и кто-то так же, как и я, через это проходил? Эдакий клуб… Клуб кого? Экстрасенсов? Одаренных? Чокнутых? Последний вариант наиболее вероятен. Нет, глупости все это. Судьба сыграла со мной злую шутку. Больной разум в отчаянных попытках защитить мою хрупкую психику извратил реальность. Спасибо ему, конечно. Я покрутила ручку, пропуская ее между дрожащих то ли от переизбытка кофеина, то ли от пережитых злоключений на грани сюрреализма пальцев, и вновь коснулась чернилами салфетки:

Стою и жду в тишине,
Когда мои замерзнут колени.
И ты подкрадешься во тьме,
А мне никто не поверит.

Что годы потрачены зря,
Пропало все в чертовой бездне.
Зачем ожидала тебя?
Мотив заезженной песни.

Сердито отшвырнув от себя салфетку, словно она и была

причиной всех моих бед, я подозвала официанта. Поисковую операцию я решила начать в том же месте, где и запустился водоворот событий, – в отеле. Своеобразная точка отсчета. Рассчитаюсь и поеду искать Марту, попробую узнать у администратора «Золотой Лилии», в какую больницу могли увезти несчастную. Надо было назвать отель «Тухлая Лилия». Никак не золотая. Не удивлюсь, если гостиница построена на каком-нибудь кладбище. Да, это многое бы объяснило.

В вестибюле «Золотой Лилии» меня встретила та самая Мария, о которой так рассерженно упоминал Арон, точнее, Анна-Мария, если верить именному бейджу на ее сером пиджаке. Я с вымученной улыбкой и следами бессонной ночи на лице приблизилась к стойке.

– Мария… Анна-Мария, – неуверенно обратилась я к администратору.

– Можно просто Мария, *señorita*, – сверкнула в ответ белоснежной улыбкой портье. Алая помада только подчеркивала неестественный оттенок крупных зубов цвета нового фаянсового унитаза.

– Вы не подскажете, куда могли увезти из этого отеля постояльца на «скорой помощи»? Может, есть какой-нибудь ближайший госпиталь, если, разумеется, у вас медики работают по территориальному принципу. – А вот Джо наверняка об этом знает, только гордость, стоящая упрямым комом в горле, никак не позволяла мне обратиться к мужу в очередной раз за помощью. Анна-Мария захлопала наращенными в три слоя ресницами и вновь одарила меня своей клоунской улыбкой:

– *Si, por supuesto*[12]. Ближайший – это госпиталь Пресвятой Девы Марии, он буквально в двух километрах от нашего отеля. Я могу еще чем-нибудь вам помочь?

Да, выберите себе другое имя. Неужели нельзя детей называть по-другому. И больницу. Стараясь унять раздражение, я медленно выдохнула и постаралась вежливо поблагодарить администратора.

– Да, спасибо, это вам, – протянула я портье купюру в двадцать евро. Анна-Мария непонимающе уставилась на меня темными, почти черными глазами и несколько нервно проговорила:

– Что вы, не нужно! Это моя работа, – и, кивнув в сторону висевшей в углу холла камеры, прошептала: – Там камера, не подставляйте меня, *señorita*.

Я не стала больше провоцировать Анну-Марию и мирно удалилась в сторону лифта, чувствуя себя при этом полнейшей дурой. Если предположить, что Мира реальна, в определенном

смысле этого слова, то чего же тогда она от меня ждала?!

Размяв напряженную шею заледеневшими от холодного кондиционированного воздуха руками, я автоматически, не глядя на панель с кнопками, нажала на ненавистную цифру 5. Да. Определенно, я совершенно уверена в том, что теперь меня будут вгонять в панику лифты и пятые этажи. Лучше пользоваться лестницей, если я не умру при подъеме. Стальные двери распахнулись. Едва я успела вторгнуться в пространство лифта, как до меня донеслось отчаянное:

– Придержите лифт! – Обернувшись на голос, я увидела спешно приближающуюся ко мне старушку в сером твидовом костюме. Ее седые волосы были стянуты в тугой гладкий пучок, что напомнило мне о бабушке. Я нажала на кнопку, чтобы не дать дверям захлопнуться.

– Спасибо, дорогая, – пожилая женщина поправила немного дрожащей рукой в полупрозрачной кружевной перчатке и без того идеальную прическу.

– Милочка, мне на пятый. – Если бы моя бабушка знала английский, непременно она бы так и разговаривала.

Я улыбнулась:

– Мне тоже на пятый. – Двери захлопнулись. Джазовая мелодия стала для меня почти родной. Я вновь взглянула на пожилую постоялицу.

– Мэм, кхм, – осторожно привлекла я внимание почтенной дамы. – Вы случайно вчера или позавчера не слышали никакого шума от соседей? – Женщина отвлеклась от приглаживания воображаемых торчащих волос и, казалось бы, в непритворном удивлении уставилась на меня:

– Дорогуша, я в номере нечасто, да и, увы, глуховата стала с возрастом. Может, и был какой шум, да мне о нем неизвестно. – Двери лифта открылись. Дама с вежливой улыбкой попрощалась со мной, а я не могла двинуться с места. Слова женщины доходили до меня словно через вакуум, мне стало казаться, что кабина сейчас рухнет вниз. Сбросив с себя оцепенение, я наконец вышла из лифта.

Перед самой дверью номера меня посетило это неприятное, пронизывающее нутро ощущение дежавю. Дверь в мою комнату была открыта. А вдруг там Мира? Или мужчина с изувеченной физиономией. Неосознанно я задержала дыхание и постаралась бесшумно войти в номер. Может, я просто забыла запереть. Немудрено после всего. Вполне вероятно, я зря боюсь, но осторожность никогда не повредит. Я испытала одновременно и облегчение, и разочарование при виде пустой комнаты, все осталось, как и было утром. Осмотрев на всякий случай ванную, я

собиралась было вернуться в спальню и плюхнуться в прохладную постель, чтобы забыться сном, желательно без сновидений. Но при виде двух вещей, оставленных на полу, прямо около белоснежной ванны, у меня едва не поседели волосы. Пустая бутылка из-под водки и оранжевый пузырек таблеток были словно напоминанием моей совести. Что. За. Черт.

Глава 5
Блэкаут

Электрический свет мигал. Я чувствовала тупую, ноющую боль в области затылка. Когда я смогла сфокусировать взгляд, поняла, что моргает лампочка в ванной.

Я распласталась на полу, ощущая стянутой мышечным спазмом спиной холод кафеля. Попытка оторвать от пола хотя бы голову отозвалась только усилившейся болью. Глаза заслезились, и я машинально поднесла руку к пульсирующему источнику боли. Липко. Боже, на руках остался небольшой темно-красный след. Мутило со страшной силой, похоже на сотрясение. Осторожно, придерживая трещавшую голову так, словно она могла оторваться, подползла к унитазу. Меня вывернуло. Опираясь на края белого друга, я пыталась отдышаться. Что произошло? Слишком часто приходилось задавать себе этот вопрос. В еще заторможенном сознании пронеслись обрывки воспоминаний: открытая дверь, ванна, бутылка, таблетки. А потом темнота. И багровым рассветом меня настигло сотрясение. Хотелось спать. Нельзя, нельзя. Сдерживая рвотные позывы, я двигалась в сторону спальни, чтобы позвонить портье, мне нужна была помощь. Краем глаза я заметила, что у ванной больше не стояло ни пузырька, ни пустой бутылки из-под водки.

Сошла с ума. Снова. Или недолечилась. Довела себя до травмы. Цепляясь за металлическую ручку двери ванной комнаты, я смогла подняться. Мир вертелся перед глазами. Тихо охнув, я приняла решение переступить через бунтующую гордость, взывавшую к почти утраченному чувству собственного достоинства, и, качаясь, направилась к номеру 523. Мой стук был больше похож на скрежет ногтями, не хватало сил. Поздняя мысль о возможном отсутствии мужа в комнате кольнула болью над правым глазом. Но к счастью, белая дверь распахнулась, и я свалилась Джозефу прямо в руки. Перед повторной потерей сознания мне почудилось, что его ладони окрасились красным.

Жесткий ворс был ненамного удобней кафеля в ванной. Казалось, что упругие ворсинки ковра просто впивались мне в кожу, не хуже когтей Миры. Я лежала около двери 523. Эти пробуждения на полу начинали надоедать. К своему величайшему удивлению, я очнулась без головной боли. Исцеление ковром, не иначе. Осторожно, хватаясь за стену, я встала на ноги и развернулась в сторону своего номера. Но чертова дверь

оказалась заперта. А магнитный ключ остался в комнате. Еще раз безнадежно похлопав себя по карманам, я вздохнула и направилась к лифту, по лестнице спускаться было рискованно. Попрошу карточку у администратора, заплачу штраф потом. Уже оказавшись в кабине, где звучала знакомая минорная композиция в исполнении струнного оркестра, я порадовалась, что тошнота тоже отступила. Чувствовала я себя, за исключением провалов в памяти, в целом нормально. Зевая и совершенно не желая прикрывать рот рукой, я вылезла из лифта. Темный вестибюль освещался лишь холодным электрическим светом энергосберегающих ламп, что мерцали на стенах. Верхний свет был выключен. За окном темнота. Холодный воздух ощущался острее.

Мира, прекрасно вписывающаяся в царившую вокруг нее обстановку, подобно экзотическому ядовитому цветку отравляла и без того напряженную атмосферу отеля. В этот раз она заметила меня сразу. Цокот ее невысоких каблуков гулко раздавался в холле. Она шла в мою сторону медленно, будто торопиться мрачному портье было совершенно некуда. Страх липким потом пролился вдоль позвоночника.

– Рада тебя видеть, Элис. – Бледные губы администратора растянулись в привычном для нее оскале, обнажая мелкие острые зубки. Пиранья. Я зажмурила глаза, повторяя про себя: «Тебя здесь нет, тебя здесь нет». Голос Миры скользкой змеей прокрался в мое сознание, что отчаянно сопротивлялось.

– Я здесь, уверяю тебя, – портье невесело рассмеялась. Смех ее был похож на битое стекло. Резал слух. Она телепат? Хотя чему я удивляюсь. Почему бы образам, которые создал мой мозг, не знать, о чем я думаю. Смешок Миры вновь нарушил молчание. Я открыла глаза. Она стояла в каких-то двадцати сантиметрах от меня, а может, и того меньше. На таком расстоянии стали заметны коричневые крапинки в радужке ее почти бесцветных глаз. Глаз, которые, словно рентген, видели меня насквозь. Мое тело дернулось, как от удара током, и я невольно отшатнулась назад.

– Что так напугало тебя? – невинно полюбопытствовала администратор. Протянув длинную руку, она кончиками пальцев попыталась убрать упавшую мне на лицо прядь волос. Я отбросила ее холодную ладонь и постаралась ответить портье без дрожи в голосе:

– Ты! Ты меня пугаешь! Кто ты вообще такая?! – Пусть голос и не дрожал, но высокие ноты выдавали волнение. Мира оставалась невозмутимой.

– Я, – Мира склонила голову набок и задумчиво закусила

губу. – Я портье. – Она постучала немного загнутым на кончике ногтем по золотистому бейджу. – Портье.

Ну да. А я балерина парижской Оперы. Набравшись смелости, я почти вплотную приблизилась к администратору:

– Уверена, что ты кто угодно, но не просто портье, – скрестив руки на груди, я недовольно взглянула на Миру.

– Я и не говорила, что *просто* портье, – улыбнувшись теплей, вымолвила администратор. – Но, наверное, всегда проще показать, чем что-либо объяснять. Идем, – она поманила меня пальцем в сторону лифта. Ну уж дудки. Мне и первой «поездки» хватило с лихвой. Добравшись до лифтов, портье провела рукой по пустой стене между двух кнопок вызова. Сделала пару шагов назад. Не успела Мира отойти, как появилась третья кабина, прямо на том месте, где портье прикасалась руками. Лифт был старый, с витиеватыми коваными решетками. Мира открыла дверь с небольшим скрипом, от звука которого я вздрогнула и позволила мурашкам пробежаться по моей покрытой испариной коже. Войдя в кабину, портье повернулась ко мне и кивнула, мол, заходи, чего ждешь. Я не могла пошевелиться. Искала признаки сна или галлюцинаций. Подошла к стенду с журналами и газетами, печатные издания пестрели заголовками:

«Похудей за 7 дней к Новому году»

Gonzales, en libertad con cargos tras no declarar por el Varçagate

«Узнай свою судьбу! Гороскоп на 2020 год внутри!»

Вряд ли мозг может воспроизвести неизвестный для меня язык. Медленно вздохнув и так же неторопливо выдохнув, я подошла к кованой двери лифта. Цепляясь дрожащими руками за решетку, как за спасательный круг, я почти с мольбой обратилась к Мире:

– Почему это происходит? – Взгляд равнодушных бледно-серых глаз отнюдь не успокаивал.

– Я себе задаю этот вопрос постоянно, проходи. – Портье отступила вглубь кабины. Конструкция не внушала доверия.

– Закрой дверь, – директивным тоном распорядилась Мира. Я послушно захлопнула решетку. Раздался звонкий щелчок замка. Так и должно быть?

На мой вопросительный взгляд Мира покачала беловолосой головой:

– Не стоит волноваться. – Оскал вновь исказил ее рот. – По крайней мере, об этом.

Интересно. А о чем тогда следует? Хотя причин для беспокойства у меня было предостаточно. Внезапная смерть едва знакомой мне Марты, моя потеря сознания в номере, странный ночной гость с ожогами, что разгуливал либо на свободе, либо в

стране моих фантазий. Да, повод для волнений у меня был, и не один. Лифт тронулся. Не устояв на ногах, я свалилась на стоящую у задней стенки кабины Миру. Она вцепилась в мои плечи пальцами, не предпринимая особых попыток помочь мне удержаться. Аккуратно высвободившись из ее жутких объятий, я отошла к двери. Мира усмехнулась. Лицо портье скрывалось в тени, освещения тусклой лампочки лифта явно не хватало. Темнота сгущалась. Может, мы спускались в подвал? Я поискала взглядом панель с кнопками, но так и не нашла ее. На небольшом чугунном квадрате, припаянном к решетке, горела желтым тусклым огоньком всего одна небольшая кнопка.

– Что это? Для чего она? – Я указала на желтый огонек. Мне были видны лишь очертания Миры. Возможно, понимая, что ночным зрением я не обладаю, а портье очень важен зрительный контакт, другого объяснения я подобрать не могла, Мира приблизилась ко мне и ткнула в кнопку.

– Сейчас узнаешь, – пообещала администратор тоном, не предвещавшим ничего хорошего. С невероятной силой кабина обрушилась в пропасть. Мой крик поглотила темнота.

Я продолжала кричать, когда полная медсестра держала меня за плечи крепкой хваткой. Из-за собственного вопля я не могла разобрать, что она говорила. Но ее голос и свет, сменивший непроглядную тьму, меня немного успокоили. Мой отчаянный визг стих. Запах хлорки, чистого выстиранного белья заполнил ноздри. Головная боль напомнила о недавнем инциденте в ванной. Ненавижу этот отель. Оставлю негативный отзыв на сайте. Представив лица людей, которые прочтут мой отклик, я внезапно рассмеялась:

«Из плюсов хотела бы отметить чистоту в номере, ежедневную смену белья, удобную кровать. Но я крайне недовольна обслуживающим персоналом, особенно администратором Мирой. Во-первых, я не могу понять, она у вас правда работает или ее вообще не существует? А недавний инцидент просто поверг меня в невероятное изумление. Номер моей знакомой разгромил изувеченный ожогами мужчина, которого, кроме меня и ночного портье, никто больше не видел, шум из комнаты пострадавшей тоже был недосягаем до остальных постояльцев. В общем, ставлю пять баллов из десяти».

– Está loca, puedes llamar al doctor Costa?[13] – сделав шаг назад и с опаской поглядывая в мою сторону, крикнула кому-то на испанском сестра. Я начала отличать испанский от каталанского. Ха.

– *No pasa nada, señorita. Está bien, lo siento. Soy su marido, no se preocupes!*[14] – Запыхавшись, влетел в палату Джо. Коня белого под ногами да плаща героя за спиной не хватало только. Я вновь издала нервный смешок. Женщина закатила карие глаза, пробормотав негромко: *Dios mio*[15], удалилась по своим делам. Джозеф хотел было по привычке зачесать волосы назад, но лишь поморщился, проведя ладонью по короткому ежику волос. Не только женщины не могут определиться с прической. Вымученно улыбнувшись, он осведомился:

– Ты как? В порядке? Доктор на обходе, скоро подойдет к тебе. – Все еще муж подвинул к моей кровати стул и сел. Я откинулась на подушку.

– Голова болит, – пожаловалась я. Мысли постепенно возвращались в отель: что же все-таки на самом деле происходит?

– Эй, – осторожно дотронулся до моей руки Джозеф. – Оставим пока наши размолвки? Я все равно не могу тебя бросить в таком состоянии.

Произойди все это еще пару месяцев назад, я, может, и поверила бы. Но не сейчас. Еще немного, и я окончательно потеряю управление своей жизнью. И что он называл размолвками? Голую коллегу в нашем номере? Я устало прикрыла глаза. Стоило подыграть. А в Лондоне первым делом пойду к Гарсии.

– Я в госпитале Пресвятой Девы Марии? – слегка повернув голову к мужу, задала я вопрос, на который в принципе уже знала ответ.

– Да, откуда ты знаешь? – Джо недоуменно посмотрел на меня. Но, к счастью для него, я не смогла найти в себе силы рассказать о своих приключениях в гостинице и ответила вопросом на вопрос:

– Ты не в курсе, Марту, девушку из «Золотой Лилии», сюда привезли? Я бы хотела навестить ее. – Боль запульсировала в затылке.

– Попробую узнать, подожди. – Несильно сжав перед уходом мою ладонь, он вышел в кипящий жизнью коридор. Актриса из меня никакая. Едва не отдернула руку.

Я чуть приподнялась в постели. Тошноты вроде не было. Хороший знак. Осторожно, очень медленно я свесила с кровати сначала одну ногу, затем вторую. Коснувшись босыми ногами пола и встав с постели, я пошатнулась, но удержалась. Зашла в туалет. Вцепившись еще плохо слушающимися руками в края раковины, я взглянула в зеркало. На меня смотрела бледная незнакомка с прямыми, спутанными на концах волосами. Под глазами переливались сине-фиолетовым цветом синяки, лицо

осунулось, черты лица заострились. От созерцания своих метаморфоз меня отвлек негромкий оклик Джозефа:

– Элис?

Быстро он.

– Я тут, в туалете, – крикнула я, разворачиваясь к двери.

– Тебе надо лежать, зачем ты встала?

Так и тянуло огрызнуться.

– А ты как думаешь, умник? – ответила я и, легонько толкнув мужа в грудь, дабы убрался с прохода, прошла обратно в палату. – Так что там с Мартой? – уже не с таким раздражением обратилась я к Джо. Он немного помялся, затем подошел ко мне и, положив тяжелую ладонь на мое плечо, мрачно заверил:

– Элис, лучше тебе присесть или даже прилечь.

Я сбросила его руку и слишком резко плюхнулась на кровать, за что неокрепший организм отомстил мне головокружением. Закрыв глаза, чтобы остановить начавшееся вращение комнаты, я поторопила мужа:

– Джозеф, что с ней, черт возьми? Ты думаешь, мне может стать хуже? Куда? – Я завалилась на бок. Так не хотелось задерживаться в больнице. Послышались шаги подступавшего ко мне Джо.

– Мне жаль, но Марта умерла сегодня ночью. Мне правда жаль.

Кровать жалобно скрипнула под весом двух тел. Твою мать. *Джулия*. Я должна была позвонить сестре Марты.

Глава 6
Зеленые волны

Вибрация мобильного, что очнулся среди ночи, стряхнула с меня остатки тревожного сна. С момента выписки моей из госпиталя прошло три дня. Я лежала некоторое время неподвижно, уставившись на мерцающий в темноте огонек детектора дыма. Прохладный воздух сочился через приоткрытое окно. Никаких кондиционеров. С улицы слышались протяжные звуки сирен «скорых», спешивших на помощь несчастным. Кто-то рисковал своей жизнью, рассекая на мотоцикле и пугая звуком ревущего мотора мирно спящих людей. Или тех, кому посчастливилось заснуть. Увы, я не относилась к их числу. Щурясь от света дисплея, слишком яркого в сгустившемся сумраке номера, я попыталась вглядеться в текст полученного сообщения:

«Привет! Ты не забыла про меня? Как ты?»

Не успела я как следует поразмыслить над тем, кто же отправитель, появилось еще одно уведомление:

«Элис, это Майк».

Я устало потерла глаза, надеясь, что еще сплю. Но нет, все происходило наяву. Безнадежно перечитала сообщения еще раз, а затем еще, в отчаянных попытках убедиться, что мне показалось. Я сделала скриншот экрана. На всякий случай. К таблеткам, предписанным мне врачом, я не притрагивалась, и, на мой взгляд, это было верным решением. Даже если все происходящее вокруг меня игра разума, вполне вероятно, я смогу лучше разобраться в причине, не отравляя сознание препаратами. Скриншот в параноидальном порыве я отправила себе на почту, чтобы у меня точно оказалось доказательство того, что я не повредилась рассудком. Или наоборот. И только после этого ответила Майку:

«Привет, я как обычно. Ты в порядке?»

В порядке. Я даже не смогла разобраться, жив ли он. Настоящий ли. Реален? Последний раз мы виделись с парамедиком, если он вообще им был, в злополучной

университетской больнице в Лондоне. Навестив меня в палате и успев перед моим очередным обмороком оставить на прикроватной тумбочке скромный букет белых роз, что источали поистине удушающий аромат, Майк испарился. Совсем. Из моей жизни. В прошлый раз мне не удалось найти разумное объяснение тому факту, что его, кроме меня, больше никто не заметил и не осталось никаких следов нашего с ним общения по телефону. А букет кто угодно мог принести.

Я вспомнила меняющееся, словно за туманной завесой, лицо Майка, которое затем приобрело черты Эйча. Столько вопросов и ни одного ответа. Свет экрана мобильного вновь вывел меня из раздумий.

«Да. Я не успел тебя найти. А когда пришел навестить, в больнице произошел инцидент. Если коротко, то после этого я пополнил ряды пациентов. И вот я наконец пришел в себя и смог пойти к тебе, как мне сказали, что миссис Андерсон уже выписали. К тебе домой меня даже на порог не пустили. Не знал, что ты богата. Это правда, что вы с мужем снова вместе?»

Я вчитывалась в текст, но он расплывался. Непрошеные слезы застилали глаза. Не в силах выдерживать переписку, я набрала номер парамедика. Спустя три протяжных омерзительных гудка голос Майка, бархатный, обволакивающий, раздался из трубки:

– Элис? – Так тихо, только то, как он произносит мое имя, уже заставляет сердце сделать кульбит.

– Да, привет, – с придыханием прошептала я в трубку.

– Привет. – Молчание. Было слышно только его несколько прерывистое дыхание. Волновался, я тоже.

– Я *не* с мужем, и у меня самой *нет* ни пенса, – я тщетно постаралась поверить в свои слова, сделав акцент на отрицании. На другом конце провода раздался недоверчивый смешок.

– Ты не с ним сейчас? Джозеф, так его зовут, верно?

Я резко выдохнула. Как тут все объяснить и не выглядеть окончательно спятившей?

– Майк, нет, мы разводимся. Черт, ты не представляешь, что со мной происходило в последнее время, я даже сама себе не доверяю. Это все… – Я сделала недолгую паузу. – Это все слишком для меня, я думала о тебе, но мои слова прозвучат сейчас для тебя очень странно, я… – Закусив губу, я в полном отчаянии старалась подобрать формулировку, но разве к такому подберешь? – Думала, что ты существуешь только в моей больной голове. Джозеф убедил меня, что, когда он приехал в больницу, в то время как я пыталась спасти Миллигана, никого, кроме него

самого, рядом не было. И никакого светловолосого парамедика, стремительно покидавшего место происшествия, тем более. – Я запыхалась, как после бега.

– И правда звучит безумно. Когда мы сможем увидеться? – спокойно, словно я не несла сейчас никакого бреда сумасшедшего, спросил меня Майк. Я растерялась.

– Не знаю, я в Барселоне сейчас, нужно еще завершить кое-какие дела, а потом, наверное, вернусь в Лондон, тогда и увидимся.

– Ладно, буду ждать встречи.

– Тогда спишемся. Пока, Майк, спокойной ночи.

– Сладких снов, – парамедик отключился. Снова гудки.

Мне не спалось, а после неожиданного объявления, как я думала, вымышленного мной молодого человека я и вовсе впала в прострацию. Вот только почему Джозеф упрямо уверял меня в том, что Майка никогда и не было? Тоже интересный вопрос.

Я выглянула в окно. Ветер донес до меня тот самый ни с чем не сравнимый запах юга. Так обычно пахнет весной в России. Волшебный теплый воздух немного привел меня в чувство. Я заблаговременно договорилась с Джулией о встрече назавтра в аэропорту, когда она прилетит. Особой печали в голосе старшей сестры Сэлотто я не услышала, хотя каждый скорбит по-своему. Она изъяснялась сухо, спрашивала только факты. И я не имела ни малейшего представления, зачем ей понадобилось сопровождение в моем лице, если все подробности уже были изложены по телефону. Но, в конце концов, мне нетрудно встретить Джулию. Что я теряла?

Я решила вновь испытать судьбу в надежде встретить нормального администратора в холле. Куплю журналов, опустошу мини-бар. Накинув толстовку поверх топа, я сунула ключ от номера в задний карман джинсов и захлопнула за собой дверь. Коридор выглядел вполне себе обычно, никаких зловещих признаков мной обнаружено не было. Вызвала лифт. И сразу же пожалела, нужно было спускаться по лестнице. Он словно меня притягивал, как свет ловушки для насекомых, такой, после соприкосновения с которой бьет током. Только я развернулась, намереваясь спуститься на первый этаж пешком, как двери лифта распахнулись. Ладно, ты победил. Горестно вздохнув и признав свое поражение, я шагнула в освещенную мягким теплым светом кабину. Звуки скрипок и виолончели уже порядком надоели. Мира с привычным оскалом встретила меня прямо у раскрывшихся дверей. Руки неосознанно потянулись к кнопке пятого этажа. Но ловкие тонкие пальцы ночного портье перехватили мое запястье.

– Перестань, ты уже должна была привыкнуть. Совсем мне не рада? – Оскал администратора стал шире. Она потянула меня за руку в прохладный вестибюль.

– Просто каждый раз надеюсь, что больше тебя не увижу, – бесхитростно ответила я, высвобождаясь из ее хватки. Девушка понимающе хмыкнула.

– Жаль это слышать, а я, напротив, с нетерпением жду наших встреч. – Портье прислонилась к стене и скрестила руки на груди. – У меня есть для тебя небольшой сюрприз, Элис. Эта поездка будет немного длинней, чем в прошлый раз. Ты готова? – Ее энтузиазм и горящий взгляд почти бесцветных глаз не внушали доверия.

– А у меня есть выбор? – Я жалко улыбнулась. Смех портье раздался неприятным резким звуком в пустом холле.

– Ты сегодня сама честность, мне нравится. Отойди от лифта, пожалуйста. – Мягко отодвинув меня в сторону, Мира совершила знакомые движения, чтобы призвать третий лифт. Призвать лифт. Стоит все же наведаться к доктору Белл, боюсь, мой нынешний психиатр со своей задачей справлялся не слишком успешно. С разрушившим тишину лязгом и скрипом появилась железная кабина. Я молча разглядывала узор на кованых решетках, пока портье открывала двери. Небольшие листья, украшавшие закрученные в спирали прутья, выглядели довольно красиво и придавали этой чугунной клетке некоторое очарование. Вот только внутрь заходить совсем не хотелось.

– Ну же, идем, – в нетерпении позвала меня администратор. Смирившись со своей судьбой, я покорно последовала ее зову.

Вздрогнула, едва решетка захлопнулась за мной. Лифт для меня все больше становился похожим на западню. Стараясь сохранять самообладание, что, признаться, получалось у меня из рук вон плохо, я повернулась к безумному администратору.

– И куда мы? Вверх? Вниз? – Собственно, а какие еще могут быть варианты. Мира чуть склонила голову набок и с каким-то нездоровым трепетом провела костлявыми пальцами по чугунным листьям:

– Этот лифт не поднимается. – Она замолчала. Мое сердце пропустило удар. Ладони покрылись испариной.

– А как же тогда мы вернулись? В тот раз? Когда кабина рухнула? А? – Я, не давая себе отчета в собственных действиях, почти вплотную приблизилась к Мире. Радужки ее глаз почти сливались с голубоватым белком. Лишь черные точки зрачков, расширившиеся при моем приближении, напоминали, что передо мной живой человек. Или не человек.

– Скажем так, имея особый пропуск, ты можешь покинуть то

место, куда мы отправляемся. Но, я думаю, подобные путешествия тебе должны быть знакомы. Разве нет? – На этот раз она смогла изобразить почти правдоподобную улыбку. Знакомы? Неужели… Лифт был чем-то вроде трамвая Эйча? А Мира тогда…

– Ты проводник! – Я не могла поверить в то, что до меня так долго доходили столь очевидные вещи. Испытала, с одной стороны, облегчение от знакомой ситуации, а с другой – чувство тревоги, ведь свои прошлые приключения признавать действительными я не хотела.

– Как там Эйч? В смысле Харон? – На мой вопрос Мира удостоила меня недоумевающим взглядом, а затем вновь одарила колким смешком.

– Кто, прости? Харон? Это отсылка к греческой мифологии? Тогда мы все Хароны. – Мира развеселилась, что было явно необычно. Я поежилась. Темнота подступала вслед нашему медленному снижению.

– Вы *все*? То есть вас много? Может, еще и социальная сеть есть? – Я хмыкнула. Не смешно. Дежавю.

– *Проводников*, как ты выразилась, действительно на свете хватает, можешь называть нас как угодно.

Дребезжащие, жалобные звуки, что издавала кабина, – не лучшее музыкальное сопровождение. Я заскучала по минорной мелодии.

– Тогда не могу не спросить, откуда вы беретесь? Не устраиваитесь же как на обычную работу. – Освещения становилось все меньше, но я смогла разглядеть, как дрогнули уголки губ Миры.

– Мы не бессмертны, как ты можешь подумать, да и взяться из ниоткуда тоже не можем. Жизнь, обретенная в виде поприща перевозчика душ, – весьма долгая, настолько, что я уже не помню ни своего лица, ни настоящего имени. Позаимствовала облик и имя девушки, умершей около сорока лет назад в этом месте, в восьмидесятых. Гостиницу перестраивали, покупали, продавали, закрывали. Не интересовалась историей отеля, в котором ты остановилась? – С Миры спали остатки былого веселья, и ее лицо помрачнело. О, вновь байки из склепа. Надо признать, после прочтения романов одного известнейшего мастера ужасов к выбору гостиниц я всегда подходила очень ответственно. Но в этот раз этим вопросом я не занималась и как-то не удосужилась осведомиться насчет истории своего места пребывания. Ну что, может, оно и правда было построено на месте древнего кладбища? Я с глупой ухмылкой выдала портье свой нелепый каламбур:

– На чьих костях домик стоит?

Мира заморгала.

– Прости? Каких костях? – Портье сдвинула почти бесцветные брови. Неудачная шутка. – Если ты про захоронения, то нет. Но репутацию запятнать гостиница за свое относительно недолгое существование успела. «Золотая Лилия» приобрела славу отеля самоубийц. Из многих стран сюда стекается народ, представители разных слоев общества, а затем кто-то решает закончить свою жизнь здесь. Поэтому неоднозначная смерть твоей знакомой и не подняла много шума, да и в целом не удивила никого.

Мое внимание было несколько рассеянным, и я смогла выделить только слово *неоднозначная*.

– Ты сказала, неоднозначная смерть? То есть предполагаешь, это не было попыткой суицида? – Я невольно подалась вперед, это грозило вылиться в столкновение с администратором. Она, в свою очередь, отступила.

– Я тебе не ради развлечения запись показывала. Ты же помнишь мужчину, который к ней заходил?

– Если ты про джентльмена с ожогами на лице, то несомненно. Правда, вот незадача, кроме нас, его никто не видел! – гаркнула я, теряя самообладание от осознания всей абсурдности ситуации. Мира еле слышно произнесла:

– Но это не означает, что его не было. – Кабина дернулась, и мы оказались в кромешной темноте и гнетущей тишине. Обычно за плотной завесой тьмы появлялись проблески света, но здесь, кроме мрака, ничего больше заметить было нельзя. Ни малейшего намека на свет. Ни звука.

– Тебе пора. – Портье с лязгом распахнула решетки и перед тем как вытолкнуть меня в неизвестность, прошептала на ухо: – Будь осторожна. – Дыхание растворилось в темноте, как и его обладательница. Словно ни Миры, ни этого загадочного лифта никогда здесь и не находилось. Слепо пошарив в темноте в безнадежных поисках кабины, я была готова расплакаться. Где я? Черт возьми!

Ладно. Вдох-выдох. Воздух, окружавший меня, пах сыростью, был влажным и вязким. Будто я очутилась в подвале. Осторожно сделала шаг, потом еще. Вперед, как я думала. Под ногами ощущалось что-то более мягкое, чем бетонный пол, и несколько скользкое. Поскольку увидеть что-либо в этом душащем мраке я не могла, мне пришлось присесть, прикоснуться ладонями к полу. Руки нашли покрытую росой невысокую траву. Какая могла бы расти, например, в лесу. Странно. Если бы я шла по лесу ночью, то даже неяркий свет луны мог позволить разглядеть хотя бы очертания деревьев. Никогда бы не подумала, что буду скучать по лунному свету.

Хорошо, попробуем пройти так. Я двинулась дальше гусиным шагом, ища путь ладонями. Мне это показалось наиболее безопасным. Не смогла определить, сколько прошло времени, когда под руки стали попадаться камешки, трава редела. Между пальцами заскользил песок. До меня донеслись звуки прибоя. Море? Я была уверена в том, что направлялась прямо к водоему. Шум волн слышался весьма отчетливо, и я наткнулась на нечто, преградившее мне дорогу. На ощупь оно казалось сделанным из дерева. Я выпрямилась. От такого долгого упражнения у меня заболела спина и заныли колени. Вернувшись к тактильному изучению предмета, остановившему меня, я определила, что объект чуть выше моего колена. Скользнув рукой вдоль, как я думала, поверхности, с удивлением провалилась в пустоту. Смутная догадка закралась в сознание. Смело перешагнув через край неопознанного объекта, я утвердилась в своих подозрениях. Я оказалась в лодке. Ступив «на борт», я едва не лишилась чувств от внезапно хлынувшего света.

Я стояла в небольшой лодке на песчаном берегу моря. Зеленоватая вода подсвечивалась изнутри. Волны разбивались в пену. Подняла голову вверх, ожидая увидеть звезды или хотя бы намек на них, тусклый проблеск небесных светил. Но над моей головой нависла чернота, бесконечная и непроглядная, не пропускавшая и не впускавшая свет. Никакой луны над озарившемся морем. Только тьма. То, что мне довелось увидеть, нельзя было сравнить с морскими пещерами или гротом, нет. Я обернулась, ожидая разглядеть место, из которого я пришла к воде. Но за спиной ничего не было. Ни травы, ни тропы, ничего. Лодка, полоска мелкого песка, горстка камней и жуткое море, что выбрасывало на берег флуоресцентные волны. Разве на приливы и отливы не влияют луна и солнце? Но законы природы здесь царили другие, как и в лондонском лесу. Я вышла из лодки и стала толкать деревянное судно к воде. И мне это удалось со странной легкостью. Решив посмотреть, что будет без моего участия, я отступила и убрала руки от лодки. Посудина благополучно добралась до самой кромки воды, самостоятельно скатившись по пологому склону. Ну и ну. Мне только и оставалось последовать за ней. Спустившись, я с недоверием осмотрела свой новый транспорт и, не найдя очевидного подвоха, вновь шагнула в слегка качнувшуюся лодку. Так, а весла? Весло было одно, длинное, с резной рукояткой. Я наклонилась за ним и чуть не приземлилась на пятую точку – лодка без моего ведома отправилась в морское путешествие. Стало очевидно, что ей было известно направление. Крепко ухватившись одной рукой за край обезумевшего судна, а другой неистово вцепившись в весло, я с

ужасом наблюдала, как быстро лодка уносила меня от берега.

Море хранило спокойствие, в отличие от моего сердца, которое, по ощущениям, ускоряло биение с каждой секундой. Я прижала руку к груди, будто бы это могло предотвратить остановку барабанящего, подобно жрецу вуду, органа. Судно накренилось и повернуло влево. Я старалась вглядеться в темноту, мне померещился крошечный огонек. Наверняка курс нацелен на него. Обняв и прижав к себе прохладное весло, я несколько раз почти провалилась в сон. Лодка остановилась, я вздрогнула. Мы причалили на каменистый берег. Неподалеку был разведен костер, около которого стоял человек. Девушка. Ее длинное платье развевалось на ветру. Я сощурилась, всматриваясь в приближавшийся ко мне силуэт.

– Я так долго ждала, Элис, забери меня отсюда скорее! – с надрывом прокричала Марта, бросаясь мне на шею. Ее ледяные руки хаотично прикасались к моему лицу.

– Думала, больше не увижу людей, тут такие ветра, они пронизывают самое нутро, ты не представляешь, сколько сил я потратила, чтобы развести костер. И вой. Ветер, собаки, волки, я не знаю. Такой страшный и отчаянный, от него нельзя укрыться. Мне иногда казалось, что я слышу чье-то дыхание рядом. Это похоже на кошмар. – Хрупкое тело моей мертвой знакомой содрогалось от судорожных рыданий. У меня защемило в груди, на глазах появились слезы. Почему после смерти нет покоя? Я осторожно отцепила от себя Марту и посмотрела на нее. Платье было тем же самым, что и в день, когда я нашла ее в ванной, только стало перепачканным и мятым. И как она в этой темноте смогла меня узнать? Сколько она здесь пробыла? Со дня ее смерти прошло пять дней. Или время здесь текло по-другому? Марта дрожала, обнимая себя за плечи. Я стянула с себя толстовку. Ничего, если это все в моей голове, пневмония мне не грозит.

– Держи, – протянула я кофту девушке. Трясущейся рукой она забрала вещь. Через минуту она справилась с одеждой, похоже, немного согрелась и стала меньше трястись. Почти нормальным голосом Марта осведомилась:

– Мы уплывем отсюда?

Хотелось бы знать только куда. Проверить можно было лишь одним способом.

– Конечно, – с фальшивой уверенностью кивнула я. – Запрыгивай. – Я помогла Марте забраться в лодку.

– Как ты здесь оказалась? – спросила я ее, едва почувствовав, что наше судно оттолкнулось от суши. Марта сидела напротив меня, сложив руки на коленях. Выглядела она ошеломляюще

паршиво. Походила на труп. От этого сравнения по коже пробежались мурашки. А может, от холода, ведь я осталась лишь в тонком топе и джинсах.

– Не знаю, – глухо начала Марта. – Я уснула, кажется, в больнице, смутные воспоминания. Потом проснулась здесь, лежа на камнях. Долго бродила, кричала. Так странно, за все это время ни разу не почувствовала ни голода, ни сонливости, не мочилась даже. Думаешь, со мной все хорошо? – В синих глазах Марты отражался свет волн. Я покачала головой.

– Это всегда тяжело говорить, но как это сделать мягче, я не знаю. Милая, ты умерла в больнице. Я нашла тебя в номере… – Мне пришлось вновь погрузиться в недавние события, поскольку Марта отчаянно не хотела верить в завершение своей жизни, и ее сложно было в этом винить.

– Ты сказала «всегда тяжело»… – Она зло сверкнула глазами. – Часто об этом людям объявляешь? У тебя что, миссия такая?

– Нет, был опыт однажды, – мирно заверила я. Марта спрятала лицо в ладонях. Безумно рассмеявшись, откинула длинные волосы назад.

– Как все интересно получается. Где я? Куда мы направляемся?

– Ни малейшего представления, – я пожала плечами, почти безразлично. Только лелеяла надежду, что сама еще жива. – Марта… У меня есть вопрос, он не дает несколько дней мне покоя, не думаю, что он тебе покажется еще более чудным, чем все остальное. Тот мужчина, длинные волосы, шрамы от ожогов на лице, приходил к тебе в номер. Это он учинил погром? И, черт возьми, кто он?

Марта уставилась на свои ладони, спрятанные в вытянутых рукавах толстовки. Затем с каким-то излишним рвением она закатала рукава и скрестила руки на груди.

– Как ты его увидела?

Я непонимающе захлопала глазами.

– Через систему видеонаблюдения, на мониторе, в холле.

Марта недоверчиво взглянула на меня.

– Мне портье показала, – поспешила я добавить.

– Какая любопытная система в отеле, и камеры мощные… – Она взяла театральную паузу, затем продолжила: – Позволяют увидеть мертвых.

– Что ты сказала?

Марта понимающе улыбнулась.

– Ты не ослышалась, *он* мертв. И слава богу. Очень надеюсь, мы с ним не встретимся.

Я не заметила, как размеренное покачивание на волнах сменилось на круговое вращение, подобно скольжению по затягивающей внутрь воронке. Выглянув за края борта, я увидела водоворот, но вместо темного центра ядро воронки излучало белый ослепительный свет, на который было больно смотреть.

– Что происходит?! – в панике заметалась Марта.

– Понятия не имею, – тихо проговорила я, почему-то подобрав со дна судна весло. Оно обожгло мне руку.

– Ай! – Я едва не выронила его из рук, но боль быстро отступила. То, что я приняла за резьбу, загорелось золотом, и прямо на глазах проступили слова на деревянной рукояти:

«Когда ночь и мрак сольются воедино и волны разобьются о челнок, свет золота озарит бездну, даря идущему путь».

– Марта! – в ужасе вскрикнула я, когда на моих глазах девушку выбросило за борт и ее бледные руки ухватились за края лодки.

– Ничего, я, похоже, поняла, что нужно делать. – Марта, вскинув голову, заглянула мне в глаза. – Прощай, Элис. – И, улыбаясь, она разжала пальцы, позволяя воронке затянуть себя вниз.

– Марта… Марта! – смаргивая слезы, кричала я в водоворот. Вскоре свет, что поднимался из глубины, стал невыносим, мне пришлось крепко зажмуриться и прикрыть глаза руками.

Именно в таком положении меня нашел Арон, видимо, заступивший на смену.

– Мисс? Вы в порядке? Мисс? – Я ощутила тепло руки администратора на своем плече. Убрав ладони от лица, уставилась на обеспокоенного портье. Заметила веснушки.

– Да, все хорошо, спасибо. – Я стояла около лифта. – Пожалуй, мне стоит вернуться в номер. – Торопливо запрыгнула в кабину, при этом чуть не сбив с ног пожилого мужчину. Устало вздохнув, прислонилась к металлической стене лифта. Спину обдало холодом. А где моя толстовка?

В мгновение ока преодолев расстояние от холла на пятом этаже до моего номера, влетев в него, я принялась за поиски потерянного предмета одежды. Нет, не может быть. Неужели я и правда отдала ее Марте! Бросив безнадежное дело, я зашла в ванную и умылась холодной водой. Я должна выяснить, кто этот мужчина с записи. С записи, сделанной, судя по всему, не в этой реальности. Я все больше сомневалась, нет, не в собственном рассудке. А как раз в том, что я изначально просто побоялась поверить в существование того, что не вписывалось в мою жизнь. Возможно, Джулия может знать, кто этот длинноволосый гость.

Если все происходило на самом деле, то от приема таблеток ничего не изменится. Я открыла шкафчик, на полки которого уже успела расставить баночки с предписанными лекарствами. Приняв положенную дозу и запив препараты водой из-под крана, я вернулась в комнату, предприняла еще одну тщетную попытку отыскать пропавшую кофту. Для того чтобы окончательно убедиться в правильности своих суждений, постучалась в номер мужа. Дверь распахнулась почти сразу же. Он что, не выходит из комнаты? И сколько, интересно, будет длиться их конференция?

– Привет. – Джозеф выглядел немногим лучше меня.

– Вечер добрый. Джо, ты не видел мою толстовку, серую такую? – Муж зевнул, прикрывая ладонью рот.

– Ты хочешь сказать, мою толстовку? Ты же ее забрала у меня.

– Так она у тебя? – Я замерла в ожидании ответа.

– Нет, дорогая, в отличие от некоторых я не имею привычки брать чужие вещи. – Я облегченно выдохнула. – Ты сама как? Тебе лучше? – Джо протянул руку к моему лицу. Что за мерзкая привычка. Отмахнувшись от его пальцев, я до неприличия радостно убедила Джозефа:

– Ты даже не представляешь, насколько! – Разве что не насвистывая, я отправилась к себе. Осталось только дождаться Джулию.

Часть VI
Город Ангелов

Глава 1
Новый год

1998 год. Техас, город М.

К небольшому деревянному домику, обитому дешевым потрескавшимся сайдингом неприятного грязно-серого цвета, вела садовая тропинка, выложенная осколками красных кирпичей. Анне нравилось сравнивать себя с Дороти из «Волшебника страны Оз», представляя, что она идет по дорожке из желтого кирпича и ее родной Канзас-Техас далеко позади. Не хватало только верного спутника – Тотошки. Она иногда задумывалась о том, чтобы приютить кошку или щенка, чтобы скрасить тоску и одиночество в нелюбимом, так и не ставшим для нее родным месте. Но ее отчим никогда не любил животных, а мать не смела ему перечить. Строгий патриархат, царивший в их бедной семье, всегда удивлял Энни. Она, ее сестра, мать, бабушка – число женщин превышало количество мужчин в доме, четыре к одному, так почему же все решения принимал строгий отчим? Отчего его желания были подобны воле Господа? Анна не могла бороться одна и проигрывала раз за разом сражения с суровым мужчиной, любившим виски и бурбон больше, чем свой дребезжащий пикап. Казалось бы, сколько таких семей? В их городке, в штате, в стране, в мире. Но поддержки отчаявшаяся девушка не могла найти даже в замкнутой сестре Элле. Анна, будучи старшей, отстояла свое право на посещение обычной городской школы, но сестренке повезло меньше. На тоненьких пальчиках Эллы все чаще розовыми полосами алели следы от линеек, оставленные строгими монахинями. Несмотря на то что в современном мире телесные наказания были запрещены, школа в этом богом забытом месте жила по собственным правилам.

В скромном по своим размерам доме для Анны нашлась отдельная комната. Мать и отчим настояли на раздельных спальнях для сестер. А за некогда веселой и непоседливой Эллой установили неустанный надзор в виде бабули Флоры. Флора не была типичной бабушкой в общепринятом представлении. Не отличалась лаской и добротой, не баловала внучек и не пекла для них пироги. Нет, напротив. Анна не могла для себя определить, кого же стоит опасаться сильнее, отчима или горячо любимой бабушки. Элла делила спальню именно с бабулей Фло. Разница между сестрами составляла всего четыре года. Но когда тебе

семнадцать, тринадцатилетние кажутся детьми. На религиозном обучении настояла Флора. Эта небольшая старушка с накрученными седыми кудрями читала на ночь Библию, молилась перед каждым приемом пищи и, по мнению Анны, несомненно, о том, чтобы этот прием не оказался последним. Набожная женщина поставила перед собой высшую цель – сохранить целомудренность и непорочность несчастной Эллы. Закончив свое вечернее обращение к Всевышнему, Флора зорко следила, чтобы ночью младшая сестренка Анны не совершила греха. Элле едва минуло двенадцать, когда она пережила первую менструацию. С тех пор бабуля Фло стала одержима страхом возможного интереса внучки к изменениям собственного тела. Особенно ее волновало любопытство, которое могло сообщить о себе ночью. Как-то раз, увидев в свете луны шевеление на соседской постели, стоящей у стены, Флора вскочила со старой скрипучей кровати и сдернула покрывало с Эллы. Глухой вскрик нисколько не умалил гнева бабушки. Сорвав с содрогающейся от испуга и рыданий девочки тонкое одеяло, она увидела лишь пятно крови, растекающееся под бледными узкими бедрами Эллы. Внучка всего-навсего пыталась найти удобную позу для сна, переживая сильную боль от месячных. Родители были против обезболивающих. Лишняя химия ни к чему в организме ребенка, ничего, потерпит, привыкнет. Это решение принял отец, естественно, даже не представлявший, какие страдания могут доставлять подобные дни. По мнению старшей сестры, Элла одинаково ненавидела и отчий дом, и школу. Шлейф страданий тянулся за сестрами, как удушающий парфюм, отталкивая окружающих.

Анна не без усилий открыла белую ветхую входную дверь с грязным стеклом.

– Анна, это ты? – крикнула из кухни Хелен, мать девочек, услышав шум в прихожей. На что старшеклассница закатила глаза.

– Да, мам. Элла уже вернулась?

– Будь добра, подойди ко мне, а не кричи с порога.

Подумав с раздражением: «А разве не ты это начала?», Анна прошла в просторную кухню с желтоватыми стенами. Не считая комнаты, в которой можно было закрыться от вездесущих родственников, это было ее любимое место во всем доме. Особенно на рассвете, когда все еще спали и появлялась возможность спокойно выпить чаю в этой маленькой кухоньке, а потом не спеша собраться в школу, чтобы никто не мешал и не крутился под ногами. Девушка вставала раньше всех домашних и уходила первой из дома. Она была бы рада и возвращаться

последней, но мать этого не допустила бы.

С кухни повеяло одним из самых приятных для Анны запахов – запахом свежеиспеченного яблочного пирога. Девушка ускорила шаг, почти перейдя на бег.

– Господи, куда ты так несешься? У нас что, пожар? Посмотри, что ты наделала, – продолжая причитать, мать оттолкнула девочку от кухонной тумбы, к которой дочь успела прислониться, и подняла опрокинутую на пол почти пустую миску из-под теста. Издав горестный вздох, Хелен с укором посмотрела на дочь. Со стороны матери никогда не было крика, ее взгляда вполне хватало, чтобы выразить все, что она думала о дочерях. Без всяких слов. Анна поежилась.

– Прости, – вытирая полотенцем разлетевшиеся ошметки теста с деревянного пола, тихо проговорила девушка. Мать в очередной раз устало вздохнула и, расставив локти в стороны, положила руки на расплывшуюся с годами талию.

– Нужно съездить в город, у отца закончились сигареты. Купи еще бурбон, пожалуйста, самый дешевый. Или виски. На сдачу можешь взять себе что-нибудь. А еще соль не забудь. Ну давай-давай, он скоро вернется. – Всучив еще не успевшей толком осознать произошедшее дочери деньги, Хелен подтолкнула ее в спину обратно к выходу. Уже оказавшись на крыльце, Анна разъяренно рыкнула, подобно раненому зверьку, хотела разорвать полученные купюры и записку с подписью матери. Но в ее обезумевшей от усталости и жары голове созрел совершенно другой план. Пусть ее душа после этого будет вечно гореть в огне, об этом она подумает после.

2019 год. Каталония, Барселона

«Когда ночь и мрак сольются воедино
и волны разобьются о челнок,
свет золота озарит бездну,
даря идущему путь»

Я снова и снова прокручивала эту фразу у себя в голове, но с каждым разом слова становились все более бессмысленными. Настоящая загадка. Только вот времени решать ее у меня не было. Джулия ожидала меня в аэропорту. Госпожу Сэлотто я заметила почти сразу. Фотография, украшавшая ее аккаунт в мессенджере, давала слабое представление о внешности хозяйки. Я могла для себя определить ориентиром лишь короткую

прическу. Но Джулия позаботилась о том, чтобы ее нашли. Растянув в поднятых вверх руках алый шарф, она плавно перемещалась по залу аэропорта. Идею с шарфом предложила она же, ну а как еще можно узнать друг друга двум незнакомцам в такой толпе? Сделать это по фотографии в подобном муравейнике почти невозможно. Лавируя между снующими туда-сюда людьми, я едва не врезалась в спину Джулии, поскольку она резко прервала свое движение. Когда та повернулась ко мне, я на всякий случай уточнила:

– Вы Джулия Сэлотто?

На меня уставились зеленые с коричневыми вкраплениями глаза, удивительно большие. Полные губы растянулись в несколько грустной улыбке. Тихое и мягкое, совершенно невероятное контральто прозвучало в гудящем потоке людского шума:

– Верно. Вы, очевидно, Элис? Приятно познакомиться. – Джулия протянула мне загорелую руку с короткими, без лака, ногтями, и я несильно сжала ее в ответ. Рукопожатие вышло недолгим. И довольно крепким.

– Взаимно, вы забронировали отель? – поинтересовалась я, забыв уточнить эту деталь ранее. Старшая Сэлотто склонила голову набок и, улыбнувшись еще шире, удивила меня ответом:

– Конечно, в «Золотой Лилии».

О нет, проклятая гостиница притягивает все мое окружение.

– Я просто подумала, что так будет удобней. Вы единственная, кто общался с Мартой… Незадолго до ее смерти. Мне, если вам несложно, пригодилась бы помощь. Не могу представить себе, как забираю тело сестры в одиночку. Не возражаете?

Я не смогла дать честный ответ, глядя прямо в зелень этих глаз. Джулия смотрела на меня с нескрываемой надеждой и, как мне показалось, отчаянием. Как тут скажешь, что мне до жути хотелось поскорей все забыть, захлопнуть в коробку и закопать поглубже в сознании, где я потом не смогу ее достать. Никогда. Поэтому я подавила в себе желание скорчить гримасу и, выдавив улыбку, как я надеялась, искреннюю, ответила старшей Сэлотто:

– Ну что вы, мне это не составит совершенно никакого труда. Сделаю все, что в моих силах.

Джулия благодарно кивнула. Мы двинулись в сторону выхода из аэропорта.

Когда мы подъехали к отелю, погода разразилась симфонией грома, проливного дождя и сильных порывов ветра. Гроза распугала туристов, освободив запруженные улицы. Едва не вскрикнув от очередного раската грома, под вспышки молний я и

Джулия вбежали в фойе отеля. В прошлый раз, с Мартой, мы вошли в холл такими же продрогшими от дождя. У погоды в Барселоне весьма своеобразное чувство юмора.

– Ну и погодка, да? – притворно бодро спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь. За стойкой ресепшен стояла Анна-Мария. Улыбаясь во все тридцать два винира, портье хлопала длинными ресницами. Джулия, переглянувшись со мной, уверенно направилась к администратору, волоча за собой огромный зеленый чемодан, украшенный различными наклейками и бирками с предыдущих поездок.

– *Buenos tardes*[16], добро пожаловать в «Золотую Лилию», чем я могу вам помочь? – У меня сложилось впечатление, что если Анна-Мария улыбнется еще шире, у нее треснет лицо. Но, похоже, Джулию это ничуть не волновало.

– Добрый день. Я бронировала номер на ближайшие два дня, фамилия Сэлотто. – Джулия отдала администратору документы. Портье, не прекращая исследовать возможности широты своей улыбки, быстро пощелкала мышкой компьютера.

– Да, *señorita* Сэлотто, для вас подготовлен номер пятьсот двадцать один, вот ваш ключ. – Портье, задев острыми кроваво-красными ноготками поверхность стойки регистрации, пододвинула ключ и паспорт Джулии.

– Спасибо, – сухо поблагодарила Сэлотто администратора и, забрав карточку от номера и документы, повернулась ко мне.

– Ну, пойдем тогда? Мы с тобой соседки, – неуверенно улыбнулась мне она. Я, едва дыша, продолжала молча смотреть на Джулию.

– Что такое? Все в порядке? – Сэлотто подошла чуть ближе ко мне и слегка коснулась моей похолодевшей руки. – Ты как лед, эй, Элис. – Услышав свое имя, я сбросила оцепенение и отшатнулась.

– Джулия, ты прости, но мне кажется, тебе стоит попросить другой номер, – твердо сказала я.

– Осмелюсь спросить, зачем? Не хочешь, чтобы я жила рядом? Пусть даже и пару дней? – Ее тон стал гораздо строже, и, судя по всему, у меня получилось обидеть едва знакомого мне человека. Черт.

– Дело совсем не в этом, поверь. – Я покачала головой. Сэлотто скрестила руки на груди.

– Тогда в чем? Будь добра объяснить по-человечески.

Я закусила губу. А стоит ли?

– Я не знаю, нужно ли тебе это знать, но уверяю, дело совершенно не в том, что я не хочу жить с тобой на одном этаже. Как же тебе сказать… – У меня заболел желудок.

– Говори уже как есть, раз начала! – Джулия почти кричала от нетерпения и злости.

– В этом номере умерла Марта. – Похоже, эти слова окончательно выбили остатки самообладания у старшей сестры. Она закричала:

– Что?! Что ты сказала? – Ее вопрос не требовал ответа. Стремительно развернувшись к портье, Джулия едва не врезалась в стойку. – Вы уже заселяете людей спустя несколько дней после смерти в номере постояльца?! После смерти моей сестры, мать его! – Сэлотто хлопнула руками по поверхности шатающейся стойки, заставив тем самым вздрогнуть администратора, которая резко перестала растягивать алые губы в, казалось бы, прилипшей к ним улыбке.

– Простите, но у нас не было причин не сдавать эту комнату. Смею заверить, в номере была проведена тщательная уборка. – На лицо Анны-Марии вернулась профессиональная улыбка. Она что, издевается?

– Вы идиотка, – выдохнула Сэлотто и отошла от ошарашенной портье. – Пойдем, я остаюсь в этом номере, мне скоро забирать тело Марты, а затем предстоит его сжечь и развеять то, что от него останется. Гребаным номером, где покончила с собой моя сестра, меня уже не напугать. – Слегка задев мое плечо и распрямив спину, она гордо прошествовала до лифта. Администратор осталась хлопать глазами. И поделом ей. Я поспешила за Джулией, успела как раз к распахнувшимся дверям кабины. Джулия быстро зашла внутрь и бросила:

– Ну чего ты ждешь, заходи. – Чем-то она невольно напомнила мне Миру. От этого меня передернуло. Пересилив себя, я шагнула следом.

Двери лифта захлопнулись. Учащенное дыхание старшей Сэлотто заглушала осточертевшая джазовая композиция. Я устало прислонилась к металлической стене. На пятом этаже царила гробовая тишина. Мы молча прошли к нашим комнатам. Когда Джулия достала магнитный ключ, ее руки дрожали. Но мне казалось, что это скорее от злости, чем из-за нервов.

– Давай помогу. – Я осторожно забрала пластиковую карту и провела по замку. С негромким щелчком дверь бывшего номера покойной Марты отворилась. До меня донесся тихий всхлип. Обернувшись на звук, я увидела, как по лицу Джулии стекают слезы. Я ошиблась, когда решила, что она почти не горюет. Она держалась, и сейчас то, что Сэлотто так отчаянно пыталась спрятать все это время, обнажилось, как оголенный нерв.

– С тобой побыть или лучше оставить одну? – обратилась я к Джулии, не зная, как себя вести дальше. Она отрицательно

мотнула головой.

– Я в порядке. – Быстро удалившись в номер, Сэлотто захлопнула за собой дверь. Я тоже пошла к себе. Ну и ну. Пора бы мне возвратиться в Лондон, привести дела в порядок, развестись, в конце концов. Только на этот раз я не отступлюсь, да и Гарсия мне поможет. И пусть все мои скромные сбережения уйдут на борьбу за свободу, мне нисколько не жаль этих денег.

В дверь постучали. Сэлотто пришла в чувство? Я распахнула дверь. В коридоре стояла явно не Джулия.

– Элис, ты домой ехать вообще собираешься? Где тебя носит все время, к телефону не подходишь, в номере вечно нет, – с порога налетел на меня с упреками Джо.

Я вздохнула. Только подумала о возвращении, и вот он, мой личный кошмар. Желание лететь в Англию моментально пропало. Но в этот раз, наученная горьким опытом, я буду хитрее. А потому я мило улыбнулась мужу и, состроив почти виноватый вид, спокойно ответила:

– Дорогой, ты прав. Совсем замоталась, видишь ли, смерть Марты абсолютно выбила меня из колеи, я встречала в аэропорту ее сестру, Джулию. Ей требуется моя помощь, и пока не могу ее оставить. Так что ты отправляйся один, я скоро вернусь в Лондон. – Как я поняла, Джозефу мои слова пришлись не по вкусу.

– В смысле один? Почему ты так печешься о практически незнакомых тебе людях? Это не твоя ответственность. Если мы хотим наладить наши отношения, то нельзя столько времени тратить на случайных знакомых.

Наладить наши отношения? Может, это он головой ударился в ванной, а не я? Я старалась не терять самообладания:

– Джо, послушай, мне необходимо закончить дела здесь, не думаю, что это отнимет много времени, а после я вернусь домой, и мы поговорим, идет? – Мое терпение было на исходе, я сжала ручку двери так сильно, что побелели костяшки пальцев. Подстриженные брови Джо сдвинулись к переносице.

– А что я маме скажу? Прости, что я скажу *Элизабет*? Как я вернусь один, без жены? И ты в курсе, что сегодня уже тридцать первое декабря? – Муж почти затолкнул меня обратно в номер. Все. Баста. Уперевшись одной рукой ему в грудь, а другой все так же сжимая ручку двери, я скорее прорычала, чем сказала:

– А может, тебе Сару с собой взять вместо меня? Матери будет все равно, можешь мне поверить. – На этом я захлопнула перед ошарашенным Джозефом дверь. Не стать мне актрисой, ох не стать. А вот праздник этому негодяю я не позволю себе испортить, дудки. Я зашла в ванную, зачерпнула лившуюся из

крана холодную воду. Умывшись, я почувствовала, как закипевшая во мне злость понемногу утихает. В номер вновь постучали. Нет, злость на месте. Я резко распахнула многострадальную дверь и проорала, в полной уверенности, что в коридоре окажется мой ненаглядный:

– Что?

Джулия, казалось, нисколько не удивилась.

– Я не вовремя? Услышала, как ты с кем-то разговариваешь, а потом громко хлопнула дверь, и я хотела лишь убедиться, что с тобой все в порядке. – Лицо Сэлотто излучало искреннее участие. Я почувствовала острый укол вины.

– В целом я в норме. Это был мой муж, практически бывший. Так что он не стоит твоего внимания. Какие планы на вечер? Встретим Новый год? – Я выдавила из себя улыбку. А потом опомнилась. Что, если ей не до праздника? В конце концов, она недавно потеряла сестру.

– Было бы неплохо. Я совсем забыла, какое сегодня число. Немного отвлечься не помешает. – Джулия точно так же натянуто улыбнулась.

– Хорошо, – кивнула я, – значит, идем вечером в город.

Девушка усмехнулась:

– Уже вечер. Так что собирайся, вдруг нам достанется столик где-нибудь.

– Дай мне двадцать минут, и я буду готова, – пообещала я.

– Окей, через двадцать минут зайду. – Джулия скрылась в своей комнате. Теперь главное, что же мне надеть?

Мой выбор в итоге пал на длинное шерстяное серое платье, черные ботинки и кожаную куртку. Из косметики я лишь немного коснулась ресниц тушью и разбавила бледность светло-розовой помадой на губах. Как говорится, и так сойдет. Джулия и вовсе решила не выделяться. Хотя с ее яркой внешностью это все равно было довольно сложно. Обычная белая футболка, бледно-голубые джинсы, коричневые ботинки. Сэлотто ждала меня в коридоре, кутаясь в парку цвета хаки.

– Ну, идем? – Она в нетерпении потянула меня за рукав куртки в сторону лифта. Чуть посмеиваясь, я поспешила за ней. Под протяжные звуки скрипок мы спустились в холл. Приподнятое настроение продлилось недолго. За стойкой стояла Мира.

– О, новый администратор, – указала Джулия на портье. – А я хотела извиниться перед… Как там ее зовут? – расстроенным голосом спросила Сэлотто.

– Анна-Мария, – едва слышно произнесла я. Ну отлично, зато теперь я точно могу убедиться в том, что не спятила. Если

Джулия видит Миру, значит, еще не все потеряно.

Когда мы приблизились к портье, администратор казалась вполне нормальной. Ее почти лишенные окраски глаза превратились в серо-голубые, кожа стала не такой бледной, а волосы приобрели золотистый оттенок. Как она это сделала? Краска, солярий и линзы?

– Добрый вечер. Желаете посетить вечеринку в честь Нового года у бассейна? – Портье вежливо улыбнулась. Моя спутница подалась вперед.

– А это далеко? Звучит заманчиво.

Мира рассмеялась своим неприятным смехом. Смех не скроешь.

– *Совершенно* недалеко. У нас на шестом этаже есть бассейн, я вас провожу. – Уверенной походкой портье прошествовала к лифтам. Если сейчас появится третья кабина, в психиатрической больнице я буду лежать не одна, уже неплохо, хоть радость и сомнительная. Но мои мрачные мысли развеял вопрос Сэлотто:

– А разве здесь есть бассейн? Честно говоря, я и не заметила шестого этажа, глупо, наверное, да?

Мира, повернувшись к Джулии, улыбнулась еще шире.

– Ну что вы, шестым этажом мы называем выход на крышу. Прошу, – портье жестом пригласила нас внутрь кабины. Зайдя следом, Мира ткнула в кнопку с надписью «6». Не замечала раньше, удивительно. Джулия тоже с подозрением посмотрела на загоревшуюся цифру. А может, мне лишь показался ее взгляд подозрительным. Вскоре двери лифта распахнулись, и мы вышли на ярко освещенную площадку, украшенную гирляндами и фонариками. Играла бодрая композиция Луиса Мигеля, возвещавшая о прибытии Санта-Клауса в город. Правда, сейчас Новый год, а не Рождество, которое я пропустила, валяясь в больнице, но, собственно, кого это волновало.

– Желаю вам приятного вечера, дамы.

Джулия коротко поблагодарила администратора, даже не обернувшись, и приблизилась к бассейну. А я, наоборот, стояла с Мирой лицом к лицу. Портье лишь поднесла указательный палец к бледным губам в знаке молчания и заговорщически подмигнула. Только я хотела узнать у нее, какого черта происходит, как стальные двери спасли Миру от моего негодования. Мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к гудящей толпе. От небольшого бассейна в центре поднимался пар. Некоторые постояльцы в купальниках пританцовывали у бортика, пока остальная часть либо напивалась у бара, либо нежилась в воде. Дресс-код мы со старшей Сэлотто явно не соблюли. Я подошла к Джулии, когда она уже успела

скинуть с себя парку и начала расстегивать джинсы.

– Что ты делаешь? На улице всего пятнадцать градусов! Ты в белье плавать собралась?

Но Сэлотто это не остановило. Она сняла ботинки, проворно скинула джинсы и осталась в одной футболке, едва прикрывавшей ягодицы. Нельзя было сказать, что Джулия чувствовала себя неловко.

– Не будь такой занудой, вода теплая, сегодня Новый год, и вообще, у меня есть к тебе предложение. Не хочешь поехать со мной в Лос-Анджелес? Если с мужем у вас все равно не клеится. Или тебя ждет работа? – Сэлотто склонила голову набок. Я усмехнулась:

– Несколько лет уже не работаю и, наверное, некоторое время могу провести в другой стране. Один нюанс – мои личные сбережения на исходе, нужно оставить на услуги адвоката, так что мне вряд ли хватит денег и на билеты, и на жилье. Увы, я пас. – К своему удивлению, я обнаружила, что расстроена. Было бы безрассудным поступком бросать все и мчаться на другой континент за совершенно незнакомым мне человеком. Джо, возможно, был прав – я слишком много времени уделяю случайным людям. Джулия тронула меня за плечо.

– Эй, поживешь у меня, я и с подработкой могу помочь. Работаю в редакции, а с твоим прошлым медицинским опытом ты вполне могла бы стать внештатным корреспондентом. Ну, по крайней мере, какую-нибудь работу тебе подберем, – она чуть хрипло рассмеялась. Что-то не так. Откуда такое дружелюбие? И с чего бы ей звать к себе в дом человека, которого она знает всего пару дней? Я настороженно заглянула ей в глаза.

– Разве мы успели обсудить мое прошлое? – Я замерла. Джулия растерянно захлопала глазами.

– Это прозвучит не очень хорошо, но ты не подумай ничего такого. Перед поездкой я навела о тебе справки. В Англии ты приобрела определенную известность. Нелегко это все пережить.

– О, так ты любительница желтой прессы. – С недовольным выражением лица я скрестила руки на груди. Сэлотто переминалась с ноги на ногу.

– Не хотела тебя расстраивать. Но правда, я была бы рада твоей компании. У меня небольшая квартира на окраине Лос-Анджелеса, работаю в медицинском журнале, весьма паршивом, надо признать. Может, хотя бы подумаешь об этом?

Я устало вздохнула:

– Хорошо, обещаю подумать.

– Отлично.

Джулия, видимо, поддавшись общему настроению, чмокнула

меня в щеку и плюхнулась в бассейн. Разлетевшиеся брызги долетели и до меня. Я стряхнула с волос капли воды. Надо выпить. Срочно.

Бар работал как раз неподалеку от меня. Протягивая руку за бокалом с шампанским, я столкнулась с седовласой пожилой женщиной, которая не так давно повстречалась мне в фойе.

– О, милочка, это вы! Как я рада! А вы, я скажу, долго здесь живете, – старушка хихикнула, сделав нехилый глоток из бокала. Я вежливо улыбнулась:

– Были на то причины. Тоже рада была вас увидеть, но мне нужно найти подругу, – и я хотела было развернуться и пойти прочь от словоохотливой женщины, как ее не по возрасту крепкая рука вцепилась в мой локоть.

– Девочка, я здесь слишком давно, гораздо дольше тебя. Зря вы с подругой пришли сюда. Уходите как можно скорее.

Волоски на теле встали дыбом. В ужасе я обернулась. Неприлично кокетливый, слегка дребезжащий голосок женщины звучал теперь строго и твердо. Сглотнув, я осведомилась:

– Что вы имеете в виду?

Выражение лица пожилой женщины приняло прежний беззаботный вид, и она наигранно шлепнула меня по руке.

– Детка, ты слишком серьезна, тебе стоит отдохнуть! – В этот момент ее украшенная жемчужным браслетом рука в тоненькой перчатке обвила шею молодого бармена. Отвратительный влажный звук поцелуя заставил меня содрогнуться. Надеюсь, вставная челюсть этого «божьего одуванчика» не останется у несчастного бармена во рту.

Я поспешила прочь. Странная вечеринка, странное место. Джулия тем временем плавала на спине. Ее мокрая футболка весьма явно подчеркивала, что хозяйка не носит бюстгальтер. И, кроме меня, несколько уже весьма нетрезвых мужчин тоже это заметили. Бросив неодобрительный взгляд в их сторону, я присела у края бассейна.

– Эй! Джулия! Нам пора, срочно! – крикнула я как можно громче.

Перевернувшись, Сэлотто поплыла ко мне. Опираясь о бортик, она наполовину вылезла из воды. От нее повеяло жаром.

– Ты хочешь уйти? Но почему? Мы же только пришли. Представляешь, какой вид будет с крыши во время салюта? – Она рассмеялась. А я начала подозревать, что никакого салюта не будет. Или он будет в нашей жизни последним.

– Джулия, мне очень плохо, прошу, давай уйдем отсюда! – взмолилась я, отчаянно пытаясь вытащить Сэлотто из бассейна.

– Ладно, ладно, если ты так настаиваешь. Дай мне только

одеться. – Она выглядела огорченной, но уж лучше мы будем грустными живыми, чем веселыми мертвыми. Уверенность в том, что нас сюда направили не просто так, подкреплялась тем, что к выходу подтягивались люди, вставая к дверям лифта спиной. Джулия, наскоро натянув джинсы, влезла в ботинки и накинула поверх мокрой футболки парку.

– Ну, – нетерпеливо поторопила меня Сэлотто.

– Дверь, – мрачно буркнула я, указывая на скопившуюся возле выхода толпу людей с одинаковым пугающим выражением лица. Было в их улыбке что-то зловещее и знакомое. Резко стихшая музыка не добавляла спокойствия.

– Какого черта? – Джулия нахмурилась. Да уж, хотелось бы мне знать.

– Господа, – невинно улыбаясь, я приблизилась к «гостям». – Что такое, лифт не работает?

– Для вас нет, – глубоким басом проговорил стоящий ко мне ближе всех бородатый мужчина.

– Дайте подумать, – протянула я, делая вид, что размышляю. – Мира вам велела изобразить из себя живой щит? Верно? – Собственно, кто еще мог это придумать, правда, удивляет присутствие Джулии во все этом, почти ставшим привычным, мракобесии. Воины безумной портье сохраняли молчание. Загадочно улыбаясь, я отошла от них и приблизилась к ограде крыши. Чуть перегнувшись через перила, внимательно оглядела открывшийся моему взору город. На улицах никого, в окнах соседних домов не горел свет, зато с линии горизонта надвигалась темнота. Та самая тьма, что не пропускала ни лучика света и свидетельствовала о перемещении в другой мир. Ну или куда там я обычно попадала.

– Что происходит?

Я не заметила, как Сэлотто подошла ко мне. Развернувшись к ней лицом, покачала головой.

– Ты все равно не поверишь.

Джулия усмехнулась:

– Чему? Тому, что я вижу сама? Но, сдается мне, ты, по крайней мере, понимаешь, почему это происходит.

Ее спокойствие меня просто поражало. Насколько мы по-разному реагируем. Вдруг это все из-за нее? А если она… умерла? Или умирает сейчас? И, как в случае с Миллиганом, мне нужно ее проводить? Нет! Я этого не могла допустить.

– Слушай, расклад хреновый, нам нужно избежать той огромной черной завесы, что надвигается в нашу сторону. Лифт – выход из этого проклятого места. Мне ничего не будет, уверяю, твоя задача – попасть в кабину, нажать цифру пять и вернуться в

номер. Я их отвлеку, а когда все внимание будет приковано ко мне, бегом к лифту! – горячо шептала я Джулии на ухо инструкцию к действию под неустанным взором толпы. – Поняла? – Двумя руками я схватила ее за плечи и с тревогой посмотрела в зелень глаз.

– Вполне. Ты отвлекаешь, я бегу. – Она встряхнула плечами, сбрасывая мои руки. – Все предельно ясно. – Сэлотто отошла к бару и схватила первый попавшийся, возможно, даже кому-то ранее принадлежащий бокал.

– Эй! Народ, а что будет, если я прыгну с крыши вниз в честь Нового года? Правда круто? – громко обратилась я к жуткой толпе, пятясь вдоль ограды к противоположному от лифта краю крыши. Ранее веселившееся люди словно на автомате следили за мной, не спуская с меня глаз. Ну вот и хорошо. Я в театральном жесте подняла руки вверх, словно балерина, и, не глядя, ступила на выступ ограды. На Джулию я не смотрела.

– Итак, какой полет вам, господа, по душе? Драматично раскинув руки в стороны, упасть спиной? Или развернуться и прыгнуть? Есть предпочтения? – Растеряв свои улыбки, лица становились все более хмурыми. Тот же бородатый джентльмен, любезно заговоривший со мной несколькими минутами ранее, глухо произнес:

– Элис, не нужно. Это не поможет.

Мне показалось, что через этого незнакомца со мной пыталась вести переговоры Мира. Я истерично рассмеялась:

– Тебе, дорогая, возможно. – Я занесла ногу за ограду. Не смотри вниз. Не смотри. Бородатый мужчина сделал шаг по направлению ко мне, затем еще один. За ним покорно последовали и остальные. Сработало, прекрасно. Я стояла на самом краю, одно неосторожное движение – и упаду камнем на землю. Краем глаза я заметила, как Сэлотто проворно проскользнула к лифту и нажала кнопку вызова. Ну, если Мира общается со мной, скорее всего, и не заметит призыва своего любимого транспорта.

– Прощай, мой нелюбимый администратор! Я обязательно напишу отзыв! – Отсалютовав бородачу и увидев, как стальные двери раскрылись, я истошно завопила, удерживая взгляды марионеток на себе.

– Горите в аду! – Отпустив перила, я позволила гравитации утащить себя вниз.

Продолжая кричать, я проснулась в своем номере, на мокрой от пота постели. Меня трясло. В голове пойманной птицей билась мысль: «Джулия! Джулия! Джулия!» За стеной раздавались глухие

удары. Я вскочила и прямо в одном топе и трусах выбежала в коридор. Из-за двери номера Сэлотто доносились неясные звуки, Джулия с кем-то спорила. Незнакомый мужской голос что-то кричал в ответ. Вторую сестру ему не забрать. Я дернула на себя дверь. Не заперто. Увидев представшую перед моими глазами картину, я не сдержала вскрик. Темноволосый мужчина стоял боком ко мне, на его лице виднелись уродливые ожоги. Одной рукой он держал отбивавшуюся Джулию за горло, а другой готовился занести над ее головой для удара лампу. Я бросилась на него.

– Ублюдок, отпусти ее! – Мои пальцы ухватили лишь воздух. Убийца младшей Сэлотто растворился прямо у меня под руками.

– Ты жива? – Упавшая на пол Джулия царапала ногтями лицо, уставившись в одну точку и явно не осознавая своих действий.

– Перестань, ты знаешь, кто это был? – Я схватила ее за запястья, на щеках Джулии розовели тоненькие полосы от ногтей. – Кто этот мужчина?

– Я проснулась, когда он начал меня душить, ударила его книгой. Он взялся словно из ниоткуда. Поверить не могу. – Она жалобно всхлипнула.

– Ну, по крайней мере, тебе удалось добраться до лифта, – только и смогла выдать я. Сэлотто подняла голову и внимательно посмотрела на меня.

– Откуда ты знаешь? Про лифт? – Джулия перестала плакать.

– Потому что я прыгнула вниз. Прыгнула, проснулась и услышала крики за стеной. Я знаю, что Марту убил он, и тебя тоже хотел отправить вслед за ней. Повторяю, Джулия, кто это, черт его побери?! – орала я прямо ей в лицо. Вырвав из моего захвата руки, Сэлотто вытерла начавшие засыхать слезы и едва слышно произнесла:

– Тот, кого я считала мертвым, – прозвучал почти такой же ответ, какой я услышала от Марты. – Пообещай, что полетишь со мной в Лос-Анджелес, мне никто не поверит, я больше не хочу в больницу, прошу тебя. – По исполосованным щекам Джулии вновь потекли слезы, щиплет, наверное.

– Обещаю, я еду с тобой. Но убраться из этого треклятого отеля нужно сейчас. И точка, – ответила я, крепко прижимая Джулию к себе. Я в буквальном смысле из-под земли достану эту тварь. Даю слово. За окном загрохотало. Местные жители запустили салют. Посмотрела на электронные часы – полночь.

– С Новым годом, Джулия, – тихо проговорила я.

– С Новым годом, – вторила мне Сэлотто.

Да уж, как встретишь, так и проведешь.

Глава 2
Калифорния снится

Пусть крики, ругань, кровь за стеной,
Расплаты час одинаков для всех.
Так для чего нам слушать ваш вой,
Для отчета и премий нужен успех.

Кричите, стучите, звоните,
Послушайте песню нудных гудков.
К нам после смерти уже приходите
За выпиской для могильных венков.

Издав протяжный усталый вздох, я отложила ручку и захлопнула увесистый блокнот. Никто, конечно, криков не слышал, мы покидали это зловещее место, названное по ошибке отелем, в ужасной спешке. Теперь мы с Джулией ждали наш заказ в кафе, напротив Саграды Фамилии, в том самом месте, где я впервые встретила Марту. Старшей Сэлотто об этом я говорить не стала. Поставив локти на стол и поддерживая одной рукой еще плохо соображавшую в столь раннее время голову, я отстукивала другой рукой по поверхности деревянного стола ритм бодрой песни, игравшей в зале и так резко контрастировавшей с моим настроением. За этим занятием меня и застала вернувшаяся из дамской комнаты Джулия.

– Мы заказали кофе еще полчаса назад, может, они поехали в Колумбию за зернами? – Недовольно бурча себе под нос, Сэлотто плюхнулась на соседний стул. Я зевнула, не потрудившись прикрыть рот рукой.

– Зал полный, на улице опять гроза, и целая экскурсионная группа завалилась сюда, – миролюбиво постаралась успокоить я Джулию, хотя сама уже была готова пойти на кухню, чтобы сварить нам заказанный американо. Кофе хотелось до одури.

– Два американо, круассан и улитка с корицей. – Растрепанная официантка торопливо грохнула перед нами чашки и тарелки, едва не опрокинув при этом выпечку на пол, и поспешила к остальным голодным клиентам.

– Теплый, – известила меня Джулия, недоверчиво потыкав в один из символов Франции пальцем. Я отпила американо. Жить можно.

– Итак, наш план действий? – В голове вращались

воспоминания ночи. Сэлотто медленно откусила от круассана и, блаженно прикрыв глаза, ответила:

– Все по-прежнему, купим билеты, закинем чемоданы в камеру хранения, если рейс будет ближайшим, потом за Мартой и в LA[17]. – Звучало очень просто.

Воспользовавшись тем, что от любимого прежде запаха корицы меня затошнило, я решила просмотреть рейсы до Лос-Анджелеса.

– С пересадкой в Париже нас устроит? Правда, только завтра утром вылет, нужно будет поискать гостиницу, – поинтересовалась я у Джулии, которая отряхивала крошки с черной водолазки.

– Вполне, на одну ночь точно найдем, – кивнула Сэлотто. Потратив некоторое время на оформление билетов, мы принялись за поиски подходящего ночлега. После часа, потраченного впустую, Джулия в сердцах выругалась:

– Это, твою мать, немыслимо! Ни одной квартиры, ни одной комнаты, ни одного даже самого паршивого номера на эти сутки! Они что, сговорились все? – Сэлотто гневно раздувала ноздри, сидя напротив меня. На нашем столике была организована целая баррикада из лэптопов, проводов, пауэрбанков и смартфонов. Посетители с интересом поглядывали в нашу сторону.

– Да, я тоже ничего не могу найти, даже просмотрела отели в пригороде, – удрученно известила я Джулию. Мой мобильный внезапно напомнил о себе неприлично громкой мелодией. Я едва не подпрыгнула на стуле от неожиданности. Забыла включить беззвучный режим. Код входящего номера плюс тридцать четыре – местный.

– Да? – неуверенно обратилась я к невидимому собеседнику.

– *Buenos dias!* Миссис Андерсон, вас беспокоит администратор отеля «Золотая Лилия», меня зовут Анна-Мария. Могу ли я у вас узнать, насколько вы остались довольны пребыванием в нашей гостинице?

Мне очень хотелось рассмеяться. Или заплакать. Или и то и другое одновременно. Но, похоже, все происходившее имело объяснение. Не верила я в столь волшебные совпадения.

– Анна-Мария, – любезно начала я, скрывая всю свою накопившуюся злобу и раздражение. – Будьте так добры, подскажите, у вас есть свободный номер до завтрашнего утра? – Старшая Сэлотто посмотрела на меня округлившимися от изумления глазами. Ну а что, не ночевать же на улице.

– Одну минутку, – на другом конце провода раздались звуки щелканья компьютерной мыши. – Да, один номер на эти сутки как раз свободен. Из которого вы сегодня выехали. Мне

забронировать его для вас?

Я обреченно вздохнула.

– Да, пожалуйста. И включите еще одного гостя. Имя Джулия Сэлотто, она останавливалась в соседнем номере. – Джулия на эту фразу покрутила пальцем у виска.

– Ждем вас! Спасибо за ваш выбор, *hasta luego!*[18] – Гудки сменили высокий голос портье. Сэлотто продолжала молча испепелять меня взглядом.

– Вот не надо так на меня смотреть, ты же понимаешь, у нас просто нет другого выбора. Всего одна ночь, – я жалобно посмотрела на Джулию, оправдываясь. Ее темные брови сдвинулись к переносице.

– Элис, смею тебе напомнить, но прошлой ночью я едва не погибла. А ты спокойно предлагаешь вернуться в это место, где одной вселенной известно, что там, дьявол его побери, происходит?! – змеиным шепотом осведомилась Джулия. Напоминать мне было не нужно. Вряд ли я это вообще когда-нибудь забуду. Самая страшная ночь в моей жизни. Ну, пока что.

– Поехали заселяться обратно. Мой номер не так страшен. Оставим вещи и до ночи не вернемся.

Сэлотто сдалась.

– Пойдем, психиатр по нам плачет.

Расплатившись по счету, мы вызвали такси. В этот раз подъехали к злополучному отелю без молнии и грома. Погода благоволила. Яркое солнце, особенно после недавней грозы, успокаивало, а здание гостиницы в его лучах выглядело не столь пугающим и мрачным. Анна-Мария, как и утром, стояла за стойкой.

– *Buenos dias!* Чем могу помочь? – Глупость портье была прямо пропорциональна ее памяти.

– Добрый день еще раз. Я только что разговаривала с вами по телефону. Забронирован номер на фамилии Андерсон и Сэлотто. – Мое терпение сегодня прошло нешуточное испытание. Джулия и вовсе стояла в стороне, разглядывая рекламные буклеты.

– Да. Вижу, номер пятьсот двадцать два. Ваши документы, пожалуйста. – Я протянула администратору паспорт и окликнула Сэлотто, попросив сделать то же самое. Окончив с формальностями, мы вновь стояли на пятом этаже перед дверью с номером 522.

– Ну хоть не соседний, – недовольно буркнула Джулия, затаскивая свой зеленый чемодан в комнату. Атмосфера тоски и отчаяния захлестнула меня с головой. Бросив в углу свой увесистый багаж, я прошла на балкон. Открывшийся вид

оживленной улицы слишком сильно напоминал прошлую ночь, разве что было светло. Я свесилась с витиеватых перил вниз. Снующие туда-сюда люди вызывали апатию. Единственное желание, которое я сейчас испытывала, – немедленно прыгнуть вниз, прямо в этот людской муравейник. Помотала головой, стараясь прогнать эти мысли. Уже проходили.

– Элис, мне нужно в больницу, ты идешь со мной? – В дверном проеме показалось усталое лицо Джулии.

– Ага, сейчас. – Кинув последний недобрый взгляд вниз на мельтешившую толпу, я вернулась в комнату. Сэлотто в нетерпении топталась у выхода из номера. Я подумала, что в переодевании нет никакого смысла, и просто кивнула Джулии на дверь. Мы вышли в ставший таким родным коридор пятого этажа. Пропади он пропадом, мать его. Как только стальные двери лифта за нами захлопнулись, волоски на моем теле встали дыбом. Я заметила, что эти протяжные, разносящиеся в кабине звуки умирающих скрипок не сулят ничего хорошего. Ну, впрочем, кто бы сомневался.

Мира встречала нас в холле, стоя к нам спиной. Услышав, как двери лифта распахнулись, она медленно развернулась и предстала перед нами все в том же, только чуть более насыщенном красками, облике. Я обернулась посмотреть, как там Сэлотто. Под ее точеными скулами заходили желваки от испытываемой ярости. Пока никто не проронил ни слова.

– Кхм, – решила я нарушить эту неприятную тишину.

– Добрый день, дамы. Я не задержу вас надолго, обещаю. – Розовые от помады губы Миры растянулись в ухмылке. Гадина.

– Ты же хотела забрать нас навсегда? Или мы все неверно поняли вчера? – Разгневанная Джулия сделала шаг вперед.

– На произошедшем никак не сказалось мое желание. Или нежелание. Я всего лишь делала свою работу. – Портье равнодушно пожала плечами.

– Так я и поверила. Наверное, еще и премию по итогам года должна получить? – Старшая Сэлотто скрестила руки на груди. Мне же принимать участие в этой беседе не хотелось совершенно. Но, видимо, придется. Особенно если мы хотели успеть забрать останки Марты.

– Девочки, давайте уже расставим точки над i. Мира, чего ты сейчас от нас хочешь? – изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, я обратилась к администратору.

– От вас ничего, но к тебе, Элис, у меня есть разговор.

Я заметила, что Джулия закатила глаза. Набрав побольше воздуха в легкие, на медленном выдохе, еле сдерживая себя, чтобы не вцепиться в белокурые патлы портье, я сказала:

– Хорошо, Мира. Давай поговорим.

Та кивнула в сторону стойки.

– Извини, – с искренним сожалением я посмотрела на Джулию, но она лишь махнула рукой.

– Итак? – Моим взглядом, которым я окинула портье, наверное, можно было убить. Увы, эта помощница дьявола осталась жива. К великому моему огорчению.

– Как и в прошлый раз, я бы хотела тебе продемонстрировать одно занимательное видео. Тебе понравится, уверяю. – С привычной усмешкой Мира щелкнула мышкой. Монитор, который она столь любезно развернула в мою сторону, выдал изображение коридора на пятом этаже. Так. Какое-то время ничего на записи не происходило. Но вскоре дверь номера, в котором долгое время жил Джозеф, отворилась, и из него сначала выкатилась тележка горничной, следом выплыла и ее хозяйка. Низенькая полненькая женщина выглядела несколько обеспокоенной, оглядывалась по сторонам. Причина ее беспокойства покинула номер буквально спустя пару секунд после выхода горничной. Женщина вздрогнула от опустившейся тяжелой ладони моего мужа на ее округлое плечо. Он склонился к ней, что-то проговорив. Звука на видео не было. Горничная кивнула, и после того, как Джо вновь скрылся в своей комнате, сотрудница отеля открыла магнитным ключом мой номер. Несмотря на то, что на ручке двери висела табличка «не беспокоить». Я не любила, когда посторонние трогают мои вещи и в принципе находятся в комнате, в которой я живу. Бессовестно вторгнувшись в мое жилое пространство, горничная пробыла там от силы минуту, вряд ли она успела навести порядок. И дверь после ухода забыла захлопнуть.

Я нахмурилась. Какого черта? Оторвавшись от просмотра, вопросительно взглянула на портье.

– И как это понимать?

Мира прохладно улыбнулась и тихо ответила:

– А ты сама не догадываешься? Посмотри на дату.

Следующий день после смерти Марты. Я как раз в это время сидела в кафе. Потом вернулась в отель, обнаружила оставшийся незапертым номер, а в ванной меня ждали два оставленных подарка от доброжелателя – оранжевый пузырек и бутылка из-под водки.

– Думаю, тебе стоит посмотреть, что было дальше, могу немного ускорить. – Паучьи пальцы администратора остановили перемотку на том моменте, когда я зашла в номер. Ну и видок. Неужели я так выгляжу со стороны?

В коридоре вновь появился Джозеф. Он медленно приблизился к двери с табличкой «522» и, немного потоптавшись

на месте, постучал в нее костяшками пальцев. Естественно, никто не отозвался, скорее всего, я уже была в глубоком обмороке, согревая собой холодный пол в ванной. Толкнув дверь, которую я, разумеется, тоже забыла запереть, муж спокойно вошел в комнату. И, как и горничная, тоже не стал в ней долго задерживаться. Правда, покинул он мой номер уже не с пустыми руками. Бутылка отчетливо была видна в кадре, но, думаю, и пузырек он тоже захватил. Зачем? Зачем ему это делать?! А если бы я не потеряла сознание?

– Для чего ты мне это показываешь? – Я ощутила, как подступили предательские слезы. Только перед этой психопаткой еще не хватало разреветься. Воспользовавшись моим оцепенением, портье смахнула холодной рукой слезы с моей щеки, заставив отшатнуться и вздрогнуть всем телом. – Не делай так. – Мой голос дрожал.

– Подумала, что тебе не помешает знать правду. Не люблю, когда коллегам морочат голову. – Заметив ужас на моем лице, Мира добавила: – Почти коллегам. Тебе во многом предстоит разобраться, не хочу, чтобы что-то сбивало с пути. Уж точно не этот… – портье сделала выразительную паузу, – мужчина. – Мира выплюнула с презрением такое неприятное для нее слово, напомнив мне этой манерой Еву.

С приездом в Барселону ночные кошмары с участием рыжеволосой убийцы перестали меня мучить. Хотя с учетом того, что им на смену пришли реальные ужасы, так себе замена получилась. Вывод в этой ситуации я могла сделать лишь один – муженек явно хотел убедить меня в том, что я не в своем уме. Но для чего? Я потрясла головой.

– Немыслимо. Просто немыслимо. И что теперь?

Портье приподняла тонкие брови.

– Я тебе должна сказать, что теперь? Считай, мы квиты за прошлую ночь. Прошу меня извинить, дел по горло. – Потеряв ко мне всякий интерес, Мира гордо прошла за дверь с надписью «служебное помещение». Я, в свою очередь, вернулась к ожидавшей меня Джулии.

– Ну, что она тебе сказала? – несколько нервно выпалила свой вопрос Сэлотто. Закусив губу, я думала, как лучше ответить. Но, в конце концов, это мое личное дело. Пока мне нужно все обдумать самой.

– Позже обсудим, ничего нового Мира не сообщила, идем.

Стоило нам развернуться к выходу, как обстановка в фойе изменилась. Откуда ни возьмись появились постояльцы, а их дети, по всей видимости, задались целью разнести вестибюль к чертовой бабушке. В целом я не возражала. Мы вышли на

солнечную улицу. Джулия с наслаждением потянулась руками вверх и заявила:

– Этот отель надо закрыть, честное слово. Я думала, такие места только в фильмах ужасов существуют.

– А это и есть ужас. Один большой нескончаемый кошмар, – мрачно резюмировала я, открывая дверь заблаговременно вызванного такси.

– Он закончится. В Лос-Анджелесе станет легче, я уверена.

Как никогда, мне хотелось поверить словам другого человека. Очень хотелось.

Глава 3
Начальник, которого нет

1998 год. Техас, город М.

Пыль, поднявшаяся от проехавшего мимо грузовика, попала Анне в рот, и она закашлялась. Все еще отплевываясь, Анна ввалилась в крохотный магазин, внутри которого приятно веяло прохладой. Мини-универмаг принадлежал старому, толстому дяде Сэму, всегда одетому в засаленный комбинезон и клетчатую рубашку, местами прохудившуюся. Сколько себя Анна помнила, дядя Сэм всегда так выглядел. При виде девушки седые усы продавца приподнялись вверх от улыбки:

– Энни! Привет, малышка. Давно не заглядывала, как мама? – Сэм оперся руками о прилавок, ожидая, когда Анна к нему подойдет.

– А что ей сделается, – сердито буркнула старшеклассница и, спохватившись, вымученно улыбнулась старику: – Добрый день.

Сэм добродушно рассмеялся:

– Я тоже так думал в твоем возрасте, а потом начинаешь ценить каждую минуту, проведенную вместе с родными. – Продавец неодобрительно покачал головой и потер несколько скошенный подбородок. Анна скривилась:

– Как только подобное свершится, я сообщу вам в первую очередь. Мне нужен виски, бурбон, что там у вас подешевле, сигареты, спички, ах да, еще соль, – отчеканила Анна, протягивая Сэму записку от матери. Дрожащей рукой старик забрал вырванный из блокнота листок и потянулся за пыльной бутылкой. «Как бы он ее не разбил», – пронеслось в голове у Анны. Но бутылка благополучно была доставлена на прилавок. К ней добавилась пачка соли, упаковка спичек, и на сдачу Анна выбрала плитку шоколада. Просто потрясающая удача. Хотя Анна и подозревала, что денег могло и не остаться, а Сэм просто ее угостил. Поблагодарив седовласого продавца, она вновь оказалась на разгоряченной улице. Знакомый звук мотора привлек внимание Анны.

– Энни! И снова мы с тобой встретились! – Радостный Билли с широкой улыбкой остановил свой дребезжащий мотоцикл около старшеклассницы. Его каштановые кудри намокли от пота, и челка прилипла ко лбу. Он пытался ее сдуть, что придавало ему глуповатый вид. Билли медленно слез с «Ямахи» и направился к

однокласснице, что проигнорировала его и уже направлялась в сторону дома.

– Анна, ну постой, эй! – Неуклюже пробежав несколько ярдов и подняв в воздух облачко из песочной пыли, Уильям встал перед Анной.

– Чего тебе от меня нужно? Вечно за мной таскаешься. Заняться больше нечем? – Анна взяла тяжелый пакет в другую руку, тем самым привлекая внимание настойчивого поклонника к покупке. До них донесся звон колокола местной часовни.

– Что купила? – простодушно полюбопытствовал Билл. Анну одолело желание огреть незадачливого ухажера пакетом по голове.

– Виски. Для отчима. – Она умолчала о своих намерениях, в которые еще сама не могла толком поверить. Напиться и не возвращаться до утра в ненавистный дом. Вот что Анна хотела сделать. Возможно, даже выкурить парочку сигарет. От этой мысли она невольно расплылась в злорадной ухмылке.

– А чему улыбаешься? – Билл не относился к числу тех парней, кто легко сдавался. Скорее, он был подобен танку – шел напролом. Ему не хватало чувства меры, зато авантюризма было не занимать.

– Хочешь, подвезу тебя? – упрямо продолжал Пресли. – Или можем поехать ко мне, родители свалили на пару дней, а моей тетке, живущей напротив, абсолютно плевать, чем я занимаюсь. У меня, кстати, дома тоже есть виски. Отец и не заметит, если количество в бутылке уменьшится. – Билли заговорщически подмигнул. Что-то щелкнуло у Анны в голове. Для ее плана предложение Билла подходило идеально, если бы к нему еще не прилагался сам Билл. Она вновь перехватила покупки другой рукой.

– Давай его уже сюда, – охваченный собственной смелостью, Уильям забрал у не сопротивлявшейся Анны пакет.

– Спасибо. – Билл удивился. Она не станет на него кричать? Неужели сдалась? Но одноклассница лишь одарила его улыбкой и негромко сказала:

– Давай напьемся.

У Пресли ноги стали ватными. Анна поедет с ним домой, они выпьют, и неизвестно, чем это все кончится.

– Правда? Ты не против? Поехали, я недалеко живу.

Анна уже начала жалеть о своем решении. Но отступать было не в ее правилах.

– Не против, поехали, – только и оставалось ей кивнуть.

2020 год. Калифорния, Лос-Анджелес

Я взбиралась на стену из камней, раздирая себе руки. Ладони становились скользкими от крови, и я каждый раз, хватаясь за очередной выступ, боялась сорваться вниз. Стоило мне только оказаться на самом верху, неведомая сила отправляла меня обратно на землю. Каменная стена рушилась, образуя белую гору наподобие пирамиды, местами багровую от оставленных мною кровавых отпечатков. Мне нужно было собрать эти камни и заново отстроить стену. И я вновь начну свое бессмысленное восхождение. Преграда рухнет. Камни будут разбросаны. Собраны. Стена будет стоять. Я буду на самом верху. Затем в самом низу. Разрушение. Камни. Собрать. Построить. Взойти. Упасть. Это будет продолжаться до тех пор, пока вся стена, каждый ее камешек не окрасится в красный. От очередного толчка я вновь оказалась в белой пыли упавших камней, уши заложило от грохота камнепада. И я распахнула глаза.

Самолет нещадно трясло. Турбулентность – не самое мое любимое явление. Джулия, сидевшая в соседнем кресле, рядом со мной, абсолютно не обращая никакого внимания на тряску, что-то сосредоточенно печатала на ноутбуке. Периодически она прерывалась, щурила свои огромные глаза, затем, удовлетворенно хмыкнув, продолжала с невероятной скоростью перебирать пальцами по клавиатуре. Я завороженно наблюдала за ней: работает, пишет очередную статью. Интересно, о чем. Чем буду заниматься я? Медицина в другой стране мне вряд ли светит, да и учиться придется заново, я уже начала забывать освоенную профессию. А документы? Все осталось в осином родовом гнезде. Майк? Совсем о нем забыла. Парамедик наверняка терпеливо ждал моего ответа. Но, с другой стороны, дела я еще не завершила, и в Лондон не возвращалась, и пока даже не могла предположить, когда вернусь. Мой горестный вздох привлек внимание Джулии.

– О, проснулась? – Щелкнув в последний раз по сенсорной панели, Сэлотто захлопнула крышку лэптопа. – Ты так крепко спала, что снилось? – Я напряглась, вспомнив свой кошмар. Вся моя жизнь – как это безрезультатное покорение постоянно разрушаемой вершины. И крови на ней все больше. Невольно я вздрогнула.

– Ничего, не помню. Темнота сплошная, – спокойно соврала я. Джулия сочувственно посмотрела на меня.

– Да я тоже половину своих снов не помню. Везет тем, кто словно проживает вторую жизнь во сне. И реальная не кажется такой серой.

– Моя и без снов вполне красочна, даже чересчур, – возразила я. Тем временем объявили о снижении и скорой посадке. Добро

пожаловать в Лос-Анджелес.

Аэропорт «Лакс» тоже не оставил приятных впечатлений. Такой же муравейник, как и везде. Разве что отвлекал своей слегка футуристичной архитектурой.

– Нам далеко ехать? – поинтересовалась я у Сэлотто, которая вызывала такси через приложение. Она отмахнулась:

– Минут двадцать без пробок, не больше. Забыла сказать. Я живу скорее в Санта-Монике, чем на окраине LA. Это и есть окраина округа, но не города… Извини, я тебя запутала, наверное.

Я покачала головой.

– Ничего, я слышала о Санта-Монике, пирс знаменит среди туристов.

– Да-да, там крутой парк аттракционов, свожу тебя туда обязательно. Он от нас недалеко. – Джулия радостно заулыбалась. Я не смогла не заразиться ее энтузиазмом, и до квартиры Сэлотто мы доехали в приподнятом настроении.

За окном мелькали украшенные подсветкой пальмы, низкие многоквартирные дома, вывески одноэтажных магазинов и закусочных, сливаясь в единое неоновое пятно. Погода стояла почти такая же, как и в Барселоне, около пятнадцати градусов. Такси довольно быстро доставило нас к типичной для этого города невысокой жилищной постройке, обычному серому зданию, с парковкой. Мы неспешно поднялись на второй этаж.

В небольшой студии было довольно уютно, но царил жуткий беспорядок. Джулия щелкнула выключателем, заработал потолочный вентилятор, издавая тихое потрескивание. Свет двух напольных светильников, прикроватной лампы и встроенных лампочек кухни создавал полумрак. Тяжелые портьеры, закрывавшие небольшие окна, почти не пропускали уличный свет. Лишь в небольшом проеме между незадернутыми шторами виднелись буквы из разноцветных огоньков, что складывались в название местной кофейни – MIDNIGHT COFFESHOP[19]. Интересно, есть ли среди жителей кофеманы-полуночники? Надо будет заглянуть.

Массивный деревянный стол был почти вплотную придвинут к окну и, скорее всего, служил его хозяйке рабочим местом. Куча скомканных бумажек, журналов, распечатанных статей, книг и прочих атрибутов журналиста создавала хаос на письменном столе. Выделялся среди них прямоугольник чистого пространства, оставленный, видимо, после ноутбука, обведенный границей из скопившейся, предположительно еще до отъезда Сэлотто, пыли. Джулия гремела чем-то на кухне.

– Здесь мило, – оповестила я хозяйку квартиры, отодвинув в

сторону кучку одежды на тканевом диване, чтобы сесть.

– А? Извини за бардак, не успела прибраться до отъезда. Кофе будешь? – спросила меня Сэлотто, наливая себе в чашку ароматный напиток. Я кивнула:

– Конечно, можно с сахаром, пожалуйста? – Я втянула носом запах кофе. Потрясающий.

– Держи, – без всяких подставок Джулия поставила передо мной черную кружку, а сама отпила из стеклянной чашки. Я забрала свою порцию, протерев оставленный на поверхности влажный след рукой. Надо будет купить подставки. Жалко мебель.

– Здесь принято по ночам распивать кофе?

Джулия, не совсем поняв, о чем я, нахмурилась.

– Подумала, что нужно немного взбодриться после перелета, чтобы быть в состоянии хотя бы постелить постель и принять душ.

Я замахала руками.

– Речь не о том. Напротив твоего дома кофейня, и, судя по вывеске, она должна работать ночью. Не была там?

Лоб Джулии разгладился.

– О, ты об этом. Конечно, была, ее владелец – мой хороший друг. Генри классный мужик, у него там вечно тусуются студенты местного колледжа, ну и такие, как я. Которые не могут нормально работать дома. Ночью. – Сэлотто шумно отпила из чашки. – Завтра отправимся в редакцию, представлю тебя боссу, поможешь мне со статьями. Уверена, что смогу его уломать нанять тебя в штат.

– Спасибо, но я не могу задерживаться надолго, меня ждет бракоразводный процесс. – От этой мысли головная боль стрельнула над правым глазом. А может, это из-за кофеина. Ох, черт.

– Что тебе мешает наведаться туда, разобраться с делами и прилететь обратно? В случае, если дело затянется, будешь туда приезжать, когда твое присутствие понадобится.

Звучало просто.

– А на какие средства? – усмехнулась я. Это еще в ту копеечку встанет. Моих сбережений не хватит.

– Я разве не предложила тебе работу? Несмотря на дрянную тематику, платят в МВТ вполне неплохо. Жилье у тебя есть, диван вполне пригоден для сна, он раскладывается. Ну, поможешь, разве что, с оплатой счетов.

В этой, казавшейся со всех сторон бескорыстной, затее чувствовался какой-то подвох. Бесплатный сыр, как говорится, только в одном известном месте бывает. Стараясь говорить как

можно мягче, я осторожно поинтересовалась у Джулии:

– Спасибо, я ценю твою заботу. Но какой тебе смысл звать к себе жить? Ты совсем меня не знаешь.

Лицо Сэлотто вновь приняло серьезное выражение.

– Мне не нужно много времени, чтобы определить, что ты за человек. Некоторые годами друг с другом живут, не зная, что его сосед, друг или любовник ест на завтрак и какие сигареты курит. Ты спасла меня от смерти. Видела то же самое, что видела и я. Не сбежала с криком. Почему бы нам вместе не разделить эту ношу? – Вновь слова Джулии прозвучали логично. У меня никого нет. *Никого*. Так почему я старалась оттолкнуть человека, который ко мне тянется? Я вздохнула в очередной раз.

– Ты права. Могу первой принять душ? Не возражаешь?

Джулия не возражала. Всунув мне в руки мягкое полотенце, пахнущее кондиционером для белья, она оставила меня одну в светлом санузле.

Горячие струи приятно расслабляли напрягшиеся за время полета мышцы. С головой было сложнее. Помыть бы ее изнутри. Даже не взглянув в сторону запотевшего зеркала, завернувшись в полотенце, я вышла из ванной. Не обнаружив Джулию в комнате, я прошла в сторону колыхавшейся от ветра занавески. Сэлотто курила на балконе, стряхивая пепел вниз. У них не штрафуют за такое или ей просто все равно? От открытой двери тянуло холодом. Поежившись и в одно мгновение покрывшись мурашками, я тихо подошла к Джулии.

– Я все. Где у тебя лежит постельное белье? – Сэлотто, затушив сигарету, зажала окурок в руке и медленно развернулась всем корпусом ко мне.

– Пойдем, я тебе помогу. У меня бессонница, лягу поздно.

Мы вернулись в комнату. Джулия распахнула дверцы платяного шкафа, вытаскивая стопку пахнущего точно так же, как и полотенце, белья. Мы бодро застелили в четыре руки диван, и Сэлотто, пожелав мне спокойной ночи, отправилась в душ. Едва моя мокрая голова коснулась подушки, я сразу же забылась сном, благо на этот раз без сновидений.

Утро дало о себе знать прострелившей мою поясницу тошнотворной болью. Чертов диван. За окном орала сирена «скорой», а соседи за стенкой решили выяснить, в кого их ребенок такой тупой. Сдавалось мне, бедное дитя было единственным разумным человеком в соседней квартире. Сэлотто металась по апартаментам в поисках чистой одежды. Я скосила глаза на круглые часы, висевшие над телевизором, – пять тридцать. Меня пробила дрожь. И вовсе не из-за раннего подъема.

– Ты чего вскочила в такую рань? – Джулия, что-то пробурчав

себе под нос, вскинула голову:

– Доброе утро. Забыла про редакцию? Кофе готов, наливай, одевайся, и в шесть мы должны выехать.

Я потерла глаза.

– Ваша газета так рано начинает работу? – В недоумении я продолжала наблюдать за Сэлотто. Та лишь дернула плечами.

– Нет, начинают рабочий день они в девять, как и большинство, а вот находятся в Лос-Анджелесе, так что поторопись. Нам босса нужно застать пораньше.

Я только кивнула, соглашаясь. Плевать, что Джулия, скорее всего, этого не видела. Голова с утра соображала плохо. Точнее, все так же плохо, как и вчера. Эти утренние похмелья без алкогольных возлияний накануне начинали доставать. Зевнув, я ступила босыми ногами на холодный ламинат. Кофе. С первым глотком черного напитка нейроны в мозгу воскресли и стали способны обрабатывать информацию. Я вбила название редакции в поисковик. Через секунду получила доступ к официальному сайту газеты. Адрес, что значился в контактах, указывал на Даунтаун. Надо посмотреть, сколько туда добираться. Четырнадцать миль. Даже с учетом утренних пробок явно не три часа.

– Джулия, ты уверена, что нужно выезжать в шесть?

Она взглянула на меня, бросив бесполезное занятие – отыскать свежую футболку в груде белья.

– Я каждый день встаю в пять тридцать и еду в шесть на работу. Лучше быть пораньше, чем опаздывать, да и в любом случае нужно застать Дэвида до того, как он выпьет кофе и примется расчеркивать присланные ему статьи для следующего выпуска. – Сэлотто презрительно фыркнула.

– Каждый день – и в выходные тоже? – не сумела я сдержать ехидной реплики. Но Джулия оставалась несокрушимой.

– Да, и в выходные тоже. Даже если нет необходимости ехать в редакцию.

Поиски предмета одежды не увенчались успехом.

– Да брось ты это, приедем – устроим стирку, я тебе свою одолжу. – И я вытянула из раскрытого чемодана обычную черную майку. Сэлотто с благодарностью ее забрала.

– Спасибо, иначе я бы до лета искала. Ну, ты готова?

Через пятнадцать минут мы уже сидели в машине Джулии. Старенький пикап завелся со второго раза. Еще и механика. Я бы таким управлять уже не смогла.

Но Джулия лихо стартовала с парковки, и мы направились в центр. Собственно, очень даже неплохо, что выехали заранее. Скопление машин обозначилось уже на въезде в LA. Окна

одиннадцатиэтажного здания казались огромными зеркалами, что отражали лучи яркого калифорнийского солнца, заставляя жмурить глаза. Редакция находилась на девятом этаже. Надпись на стеклянных дверях издательства гласила: Medicine: Beyond Tradition – Weekly News. Занятно. Почитать бы. Какие еженедельные новости могут быть в журнале, посвященном нетрадиционной медицине? Роды у повитух? Тут я поняла, что перед собеседованием неплохо было бы ознакомиться с содержанием газеты. По спине ручейком начал стекать пот, несмотря на температуру в помещении не более девятнадцати градусов, если верить термостату.

– Чего замерла? Двигай. – Сэлотто подтолкнула меня в спину, а я, в свою очередь, толкнула те самые треклятые двери. Небольшой офис был разделен на рабочие зоны: в уголке виднелась кухонька, в конце помещения двойные, такие же, как и на входе, двери из матового стекла, которые, по всей видимости, вели в приемную редактора.

– Хэй, Джанет, твоя колонка на той неделе была просто бомба, круто отбрила защитницу прививок! А что творилось в социальных сетях… Молодчина. – Единственная находящаяся здесь в столь ранний час сотрудница – невысокая девушка с оливковой кожей и кудрявыми волосами – скромно улыбнулась:

– Спасибо, Джулс. Но мне до тебя далеко.

Сэлотто ей подмигнула и потянула меня в сторону, как я предполагала, приемной. Я улыбнулась девушке и удостоилась приветственного кивка.

– Договорилась с Роксаной, это помощница Дэвида, но учти, будет тебе предлагать кофе, лучше откажись и выбери чай, если, конечно, пьешь пакетированный, или налей себе воды из кулера.

– Да я и не собиралась ничего пить, но чисто из любопытства, почему кофе лучше не просить?

Журналистка хохотнула. Несколько злорадно, чего раньше за ней я не замечала.

– Роксана, *наша Рокси*, очень заботится о своем начальнике, и о его бюджете в том числе. Поэтому она насыплет тебе в чашку растворимого дешевого порошка, смело выдаваемого за кофе, а через кофемашину пропустит использованную для босса капсулу, чтобы образовалась пена и МВТ выглядело дорогим и представительным издательством, способным потратить на соискателя целую капсулу спрессованного кофе.

Я только растерянно хлопала глазами. Даже в Петербурге я о таких махинациях не слышала. М-да.

– Хорошо, если меня одолеет жажда, опустошу кулер.

Сэлотто ухмыльнулась и распахнула двери, не постучавшись.

Я робко прошла следом. В приемной за невысокой офисной стойкой сидела полноватая блондинка, при первом взгляде на которую невольно мне на ум пришло сравнение с Елизаветой Андреевной.

– Рокси, доброе утро! Дэвид у себя? – Джулия, не заметив моего оторопелого вида, бодро поздоровалась с секретаршей. Блондинка оторвала взгляд от изучения бумаг и повернула голову в сторону Сэлотто, не обратив на меня никакого внимания.

– Я просила тебя называть меня Роксаной. Доброе утро, Джулия. – В голосе секретаря звенел металл. – Мистер Падоян еще не приходил. Но должен скоро появиться. Подождите пока, я приглашу. – Перед тем как Роксана вновь сосредоточилась на бумагах, Джулия успела вставить:

– Это Элис Андерсон. Я тебе говорила о ней, с Дэвидом согласовали собеседование на это утро. – При упоминании имени босса без должного, по мнению помощницы, обращения небольшие голубые глаза Роксаны сузились.

– Миз? Андерсон? – ушла от указания моего семейного статуса секретарь. – Могу предложить вам кофе или чай, пока ожидаете мистера Падояна.

Ее холодной улыбке, способной заморозить все живое, позавидовала бы сама Мира. Я съежилась под пристальным взглядом помощницы редактора.

– Ничего не нужно, спасибо. Я выпью воды, – и указала рукой на кулер, стоящий у стены рядом с окном, где так удачно уместился небольшой кожаный диван. С видимым облегчением Роксана вернулась к своей работе, потеряв к нам всякий интерес. Мы с Сэлотто прошли к окну.

– Само обаяние, не правда ли? – осторожно шепнула мне Джулия, протягивая руку к пластиковому стаканчику. Я не могла с ней не согласиться. Раздалась старомодная мелодия звонка мобильного телефона. Роксана с опаской взглянула на сотовый и, чертыхнувшись, бросила собеседнику:

– Ну что еще? В смысле не можешь пройти? Ладно, подойду сейчас. – Нажав отбой, помощница с недоверием посмотрела в нашу сторону. Но Джулия сработала на опережение, выразив сочувствие недовольному секретарю:

– Опять карточку забыли? Вот растяпы. Мы тут подождем, ты же не против?

Вздохнув, Роксана закатила глаза, схватив со стола связку ключей с болтавшимся на ней магнитным ключом, и, гордо расправив плечи, покинула приемную.

– Этой стервы еще долго не будет, пока она спустится,

поругается с охранником, с бедолагой, забывшим ключ, покурит, поднимется, заскочит в туалет. – Джулия хихикнула. Я покачала головой.

– Вредная она, и как вы с ней только работаете.

Журналистка развела руками.

– Дэвида она устраивает, я с ней не так часто сталкиваюсь и, по сути, могу вообще в офис не приходить, но мистеру Падояну, – Сэлотто сделала акцент на слове «мистер» и манерно растянула гласные, как до этого делала Роксана, – так спокойней. – На этих словах стеклянные двери распахнулись, и в них вихрем влетел упитанный мужчина средних лет. Его черные как смоль курчавые волосы взмокли и растрепались, он старался крупной ладонью привести их в порядок.

– Лифт сломался! Нет, вы представляете? На девятый этаж, пешком! – сокрушался редактор.

– Не задалось утро, да, Дэвид? – беззлобно поинтересовалась у начальника Сэлотто. Тот, бросив безнадежную попытку придать шевелюре прежний вид, с печалью посмотрел на журналистку.

– Да уж, бывали утра и получше. О, ты привела нам нового кандидата? На место Кэтрин? Пройдемте в мой кабинет, девочки.

Джулия пихнула меня в бок локтем, так как я с момента появления редактора не вымолвила ни слова. Она тут же поспешила за Дэвидом. Как-то «мистер Падоян» никак не ассоциировался у меня с добродушным редактором. Такой контраст с Роксаной. Начальник удобно устроился в большом кожаном кресле, а мы заняли два стула напротив его массивного стола из дерева. Темные глаза Дэвида изучающе всматривались в мои.

– Элис? Если я правильно запомнил. Расскажи, почему ты хочешь работать у нас. – Маска простодушного добряка слетела с редактора, и из Дэвида он в мгновение ока превратился в «мистера Падояна». Я напряглась, невольно выпрямив спину. Поясница тут же среагировала на это нехитрое движение болью. Выдохнув, я собралась духом:

– Мистер Падоян, я хотела бы вас поблагодарить за оказанную возможность пройти собеседование в вашем издательстве. Мне было бы очень интересно проявить себя в области журналистики, так как с моим опытом и образованием, я думаю, смогу добиться успехов. – Взгляд Дэвида стал более заинтересованным. Дальнейший разговор был о моем медицинском профессиональном прошлом, жизни в Лондоне и моих взглядах на нетрадиционную медицину. Когда речь коснулась дипломов, он отмахнулся:

– Да дипломы будешь Рокси показывать, мне до них дела нет.

Ты написала пробную статью? Джулия же тебе сказала о задании? – незаметно для начальника, Сэлотто успела предупредить мое едва не вырвавшееся наружу неосмотрительное «нет», пнув меня по ноге, и ответила за меня:

– Конечно. Оно у меня, извини, я решила просмотреть до тебя. – С совершенно беззаботным выражением лица Джулия протянула мистеру Падояну пару листов с напечатанным текстом. Тот хмыкнул, пробежавшись взглядом по «выполненному мной» заданию.

– Надеюсь, ты не помогала ей, а?

Журналистка лишь улыбнулась. А я едва дышала, ругая Сэлотто на чем свет стоит, покрываясь от страха липким потом, точно школьница, что списала контрольную, а учитель ее вот-вот разоблачит. Но Дэвид не был школьным преподавателем, он лишь удовлетворенно крякнул и, шумно втянув носом воздух, объявил:

– Ну что же, Элис, для новичка вполне неплохо. Есть недочеты, конечно, но Джулия как наставник тебе поможет. Можешь приступать с сегодняшнего дня. Распоряжение я напишу от вчерашнего числа, ладно? А то Рокси меня съест, работает и за отдел кадров, и за бухгалтерию. – Дэвид вытащил из принтера распечатанный документ и размашисто его подписал.

– Вот и все, добро пожаловать в МВТ! Удачи, девочки. Джулия, отдай это Рокси. – Протянув Сэлотто подписанное распоряжение, он махнул нам рукой в сторону выхода. Сказочное везение, да и только. Я в некоторой растерянности вышла в приемную.

– Поздравляю, теперь мы коллеги! Пока будем работать в паре, но так даже веселей, верно?

Отчего-то у меня не было так же радостно на душе, как у моей новой подруги. Сердце сжала невидимая рука. Тело пробрала непрошеная дрожь. За стеклянными дверями послышалась какая-то возня. Но выбежали мы только на истошный крик Роксаны.

– Что случилось? – Подбежавшая раньше меня Сэлотто положила руку на плечо рыдающей помощнице. Разобрать, что говорила секретарша между всхлипами, было невозможно.

– В чем дело, ты не подскажешь? – обратилась я к подошедшей Джанет. У нее текли по щекам слезы. Нервным движением смахнув их с лица, журналистка прошептала:

– Дэвид умер на лестнице. Не смог подняться. Лифт сломался… – Джанет всхлипнула. – Парамедики сказали – инфаркт, сердце не выдержало. – Она тихо заплакала, закрыла лицо руками, пряча слезы, и удалилась на кухню. Я взяла из рук недоумевающей Джулии приказ, подписанный Дэвидом

буквально пару минут назад. Его подпись. Вчерашняя дата. Стремительно развернувшись, я побежала обратно в кабинет шефа. Может, это шутка такая? Обряд для новеньких? Кресло мистера Падояна было пустым, его владельца в кабинете не оказалось.

Глава 4
Amor fati [20]

В смерти нет абсолютно ничего романтичного, как представляется обывателям, ни разу в жизни не видевшим трупов. Это полное дерьмо. Когда умирает кто-то близкий, окружающие хотят видеть твои слезы, страдания, пышные похороны, и чем больше ты на них тратишься, тем сильнее горюешь. Эти падальщики только и ждут, когда ты оступишься и упадешь с пьедестала их надуманных моральных устоев. Потом начнутся вопросы и комментарии: «Почему она не плачет? Совсем не любила, наверное», «Посмотри на гроб, самый дешевый выбрала, небось», «Как думаешь, я помогла ему организовать отпевание, он потом поблагодарит меня за это?» Ненавижу. Переживая утрату, не задумываешься, достаточно пролила слез или нет, просто стараешься не сдохнуть следующей.

Мрачно наблюдая за тем, как завывает и умывается слезами, уже смешавшимися с соплями, Роксана, я ощущала себя тем самым «падальщиком», поскольку у меня в голове вращалась лишь одна мысль: «Дэвид, по всей видимости, ей приходился как минимум отцом родным». Хотя, исходя из возраста, скорее, мужем. Ну или ее просто пугала неизвестность, может, издательство сгинет вместе с господином Падояном. Я поражалась собственной циничности и черствости. А может, для меня смерть уже становилась привычным делом. Сразу вспомнилась белая стена из недавнего кошмара. Еще один камень приобрел багровый цвет.

– Элис, пойдем на воздух, здесь стало невозможно дышать. – Джулия, дернув мой рукав, вытянула меня из засасывающего болота злости. Я брезгливо поморщилась, обходя секретаршу, что заходилась в стенаниях, и проследовала к выходу из редакции за почти бегущей Сэлотто. Я с удивлением обнаружила, что журналистка начала подниматься по лестнице.

– Мы разве не на улицу? – окликнула я Джулию. Та обернулась.

– На крышу, там тихо и никто не будет донимать расспросами, как у входа в здание. – Я заметила дорожки слез на ее щеках. Святой был редактор. Да что со мной не так?

На крыше ветер дул гораздо сильнее, чем внизу на улице, но это было именно то, что мне сейчас и требовалось. Если бы он еще смел прочь все эти ненужные мысли из головы, да и воспоминания прошлого года прихватил. Раздался щелчок

зажигалки. Я подняла взгляд на сделавшую смачную затяжку Джулию. Ветер донес до меня сигаретный дым, от которого моментально заслезились глаза.

– Извини, – Сэлотто развеяла рукой сизое облако. Я едва приподняла уголки губ, даже не смогла выдавить из себя подобие улыбки. В редакции я единственная не плакала.

– Что будет с издательством? Кто будет редактором? И кому вообще принадлежит газета?

Журналистка замахала свободной рукой, словно отгоняя от себя посыпавшиеся градом вопросы.

– Давно все известно. Сын Дэвида, Артур, его заменит. – Джулия усмехнулась, почесав ребром ладони лоб. Дрогнувшая в пальцах сигарета едва не подпалила короткие волосы каштанового цвета, которые, казалось, чуть отросли со дня нашего знакомства со старшей Сэлотто. Вспомнив при этом ее младшую сестру, Марту, я не сдержала мелкой дрожи. Бедняжка. Кто же с ней это сделал? Джулия узнала призрачного нападавшего, но наотрез отказалась говорить о нем.

– Тебе холодно? Хочешь, пойдем обратно? – обратилась ко мне Сэлотто. Я отрицательно мотнула головой.

– Тебя совсем не смущает, каким образом умерший на лестнице начальник провел с нами собеседование? – Агрессия захлестнула меня неукротимой волной. Почему Джулия такая спокойная? Сэлотто поджала свои пухлые губы и прищурилась.

– А у тебя есть объяснение? У меня нет. Смысл это обсуждать? Я лишь рада, если в этой ситуации вообще чему-то можно радоваться, что ты видела то же самое. Мне легче. – Окурок полетел вниз с крыши. – Пошли, – бросила журналистка, и мы вернулись в редакцию.

Перекинувшись несколькими фразами с Роксаной, у которой опухли веки и покраснели глаза, что-то крикнув напоследок Джанет, которая успела вновь погрузиться в работу, Сэлотто объявила, что сегодня нам с ней тут делать нечего.

Ехали домой мы в тишине, нарушаемой лишь тихим бухтением радиоведущей и резкими гудками проезжающих мимо нас автомобилей. Притормозили мы у той самой полуночной кофейни.

– Вроде не ночь. – Моя жалкая попытка пошутить не увенчалась успехом. Сэлотто закатила глаза и хлопнула дверью машины, чертыхнувшись.

– Проклятье. Пойдем, познакомлю тебя с Генри. У него и обедом разжиться можно, если что.

Мы вторглись в темное и прохладное пространство кафе. Помещение скорее напоминало старый бар, нежели кофейню.

Разве что вместо бара была огромная витрина с различными пирожными, тортами и прочими гастрономическими радостями.

Джулия хлопнула двумя руками по прилавку и поприветствовала владельца заведения. Полный мужчина в черном фартуке с логотипом кофейни неспешно развернулся и гудящим басом проговорил:

– Что, журналюга, совсем старика забыла? Месяц ко мне не заходила, совести нет, хоть бы перезвонила, сказала, что все в порядке, раз сама не подходишь к телефону! – Казалось, от его гневной тирады задрожали окна. Вид у Генри был довольно суровый. Сэлотто откашлялась.

– У меня сестра умерла. Прости, не до звонков было.

Смягчившись, Генри обратился к журналистке уже другим тоном:

– Девочка, мне жаль. Вы с Мартой давно не общались. Ты не обедала, да? И подруга твоя, наверное, тоже. – Он кивнул в мою сторону. – Садитесь за столик, сейчас все принесут.

Сэлотто благодарно тронула мужчину за руку, которой он оперся о прилавок, и мы заняли свободный стол у окна. Народу в зале было немного.

– А вы с ним давно друг друга знаете? – Я заговорила впервые с тех пор, как мы сели в машину. Джулия задумчиво смотрела в окно. Оторвавшись от этого занятия и протяжно вздохнув, она мне ответила:

– Да. Мы встретились в клубе анонимных алкоголиков несколько лет назад. Я туда ходила недолго, а Генри молодец, до сих пор посещает собрания, не пьет совсем. У него была мечта – открыть бар, но в силу обстоятельств получилась кофейня. – Джулия грустно улыбнулась, а я постаралась усвоить информацию.

– Извини, у тебя была зависимость? – Я понимала, что, возможно, вопрос звучал немного бестактно, но она сама начала этот разговор. Сэлотто отреагировала почти равнодушно:

– Была. Возможно, и есть, по крайней мере, я не пью каждый день и могу себя контролировать, но отказываться совсем от алкоголя не собираюсь.

В это время молоденькая официантка принесла нам две чашки с черным кофе и тарелки с сэндвичами.

– Вам от Генри. Приятного аппетита. – Улыбнувшись, она поспешила принять заказ у пары за соседним столиком. Уныло глядя в тарелку, я размышляла над словами Джулии.

– Ты очень сильная. Совсем отказаться от чего-то легче, чем научиться сдерживаться. – Я отпила горьковатый кофе. Нужен сахар. Сэлотто внимательно посмотрела на меня.

– Ну а что насчет тебя? Алкоголь, наркотики? Измены? – К еде Джулия не притронулась. Отведя наконец взгляд от чашки, я негромко отозвалась:

– Несколько месяцев назад, незадолго до того, как моя лучшая подруга вонзила в мой живот нож… – я сделала паузу, – я пыталась покончить с собой. – Сэлотто в полном недоумении, округлив и без того огромные глаза, прошептала:

– Как?

Я невесело рассмеялась:

– Таблеток наглоталась.

Загорелая рука подруги накрыла бледную мою.

– Мне очень жаль, Элис. Правда. – В искренности журналистки я нисколько не сомневалась. Хотя в голове и промелькнуло опасение, что в завтрашнем выпуске одной, а может, и нескольких популярных изданий появятся новые подробности истории «Инцеста и недоубийства в особняке Андерсон». Почему столько внимания со стороны прессы уделялось скромной, но весьма состоятельной семье, к которой я себя уже не относила, мне было не ясно. Возможно, репутация, деньги и имя покойного Чарльза, по слухам, дальнего родственника самой королевы или другого представителя голубых кровей, сыграли свою роль в таком ажиотаже СМИ.

Когда мы с Джо познакомились, я не подозревала о наследстве будущего супруга, и главное, не было ни малейшего представления о том, что его мать окажется и моей тоже. Лучше бы он работал врачом в Питере. Я ухмыльнулась, забыв про сидевшую напротив меня Джулию. Еда осталась нетронутой. Вздохнув, я решила приступить к трапезе первой.

Генри ожидаемо отказался от денег и, едва не шлепнув Джулию кухонным полотенцем, дал несколько советов, куда ей следует засунуть купюры. Покидая кафе вслед за бормочущей себе под нос нелицеприятные высказывания Сэлотто, я поняла, что не готова возвращаться в квартиру, и… Джулия была тому виной.

– Мне нужно проветриться, ты не против? Если нужно что-то купить, я могу на обратном пути зайти в супермаркет.

– Молоко, если несложно. Тогда до вечера. – Мне показалось, что в зелени ее глаз проскользнула обида. Почему мне стало так тяжело общаться с людьми в последнее время, даже с такими хорошими, как Джулия? Только и ждала, когда в моей спине появится очередной нож. Я направилась в сторону пирса, хоть идти предстояло прилично, около получаса, а то и больше. Но прогулка была необходима.

Я брела по улице, не замечая ничего вокруг. Очнулась, когда

дорога плавно перешла в деревянный пирс. Запах океана чувствовался в прохладном воздухе. Зажглись фонари. На парочки, слипшиеся в поцелуе, на мам с неуправляемыми детьми, на ничего не видящих перед собой толкающихся пожилых людей я не обращала никакого внимания. Сев на лавочку почти в самом конце пирса, я стала вглядываться в волны, невольно вспоминая, как плыла на лодке в «подземном» море. Из груди вырвался тяжкий вздох. Почему сестры упрямо хранят тайну личности мужчины с ожогами? Может, это кто-то близкий им? Или они ощущают вину и считают, что заслужили его гнев? Да ну, бред. Я помотала головой, словно пытаясь вытряхнуть подобные идеи.

У Джулии вообще есть семья? Я ведь так и не спросила ее. Не слышала ни о ком, кроме ее сестры и начальника. И Генри. Разве у меня лучше? Не осталось друзей, Джозефа я за мужа и не считаю, да и мать – не мать. Я на мгновение прикрыла глаза. Темнота ненадолго подарила покой. Обычно в таком состоянии я пишу стихи, но рифмы не хотели складываться. А потому на листках вытащенного из рюкзачка блокнота я начала писать письмо моей матери, стараясь выкорчевать из сердца всю свою боль, гнев и никому не нужную любовь. Бумага все стерпит.

«Первое слово, которое произносит ребенок, – мама. Слово, которое ассоциируется у каждого с защитой, домом, нежностью. Но для меня оно лишь неясный термин. Я не понимаю, что такое „мама“. Я знаю, что есть „бабушка“, я знаю, что есть „папа“, хоть и не помню его почти. Но „мама“… Это так и осталось для меня загадкой. Единственное, чего бы я хотела сейчас, – разорвать связывающие нас с тобой цепи ДНК. Они только осложняют нам жизнь. Не было бы их – возможно, и Джозеф смог бы меня полюбить. Да и, наверное, жить со знанием того факта, что твоя мать жива и пребывает в добром здравии, но нисколько в тебе не заинтересована, больнее, чем когда ее просто нет. Эгоистично? Возможно. Но легче, мне было бы легче. Не задумываясь, я повторила твою жизнь. Даже пришла в тот же чертов дом. А ты и не заметила. Или не захотела замечать. Это ведь разрушило бы тот хрупкий красивый мир, что ты выстроила вокруг себя подобно крепости. Вселенная тебе судья, я больше не стану докучать и просить твоей любви. Живи счастливо, мама.

Отвергнутая тобой Алиса».

Я писала на русском. Всегда писала на родном языке, думала на нем. Может, мне и не стоит задерживаться в LA? Да и не представляю, как жить с малознакомым человеком в крохотной квартире в чужом городе. Но самое странное то, что Сэлотто

проявила ко мне больше заботы, чем вся моя семья. Даже Машка пропала сразу после моего возвращения в Лондон. Хоть я и тщетно пыталась вывести ее на контакт, но кроме дежурных вежливых фраз и отговорок о занятости я ничего не добилась. Захлопнув блокнот, я поднялась с лавочки. Темнело. Неплохо, конечно, полюбоваться на закат над океаном, но у меня еще будет такая возможность. Пора возвращаться и купить обещанное молоко.

Джулия забыла дать мне комплект ключей, а у меня совершенно вылетело из головы попросить ее об этом. Черт. Поэтому я теперь стояла с бумажными пакетами в руках и разглядывала длинную панель вызова с подписанными именами владельцев квартир. Судя по всему, железная табличка была явно не лучшего качества, так как добрая половина фамилий стерлась. Нужная *J. Salotto* раздвоилась, превратившись в целых два *J. Sa*. А номера квартиры я не помнила, то ли 2А, то ли 2В. Достала мобильный. Едва я разблокировала экран и добралась в списке контактов до номера Джулии, как смартфон радостно мне моргнул дисплеем и умер в тот же миг. Опять забыла зарядить. Отлично, оставалось только выбрать правильные инициалы. Я ткнула в первый вариант. Раздался механический скрежет, что-то зашипело. Угрожающие звуки вскоре сменились мелодичным баритоном с хрипотцой:

– Да? – Баритон явно не принадлежал Джулии, несмотря на похожую хрипотцу. Значит, мне нужна вторая кнопка.

– Простите, я ошиблась. – Только я хотела нажать отмену, как незнакомец поинтересовался:

– Вы к Джулии, верно? – Я удивленно ответила:

– Да, к ней.

– Входите. – Раздался звуковой сигнал, говоривший о том, что дверь открыта. Какой добрый. Или беспечный.

Подойдя к двери, я, поставив надоевшие пакеты на пол, позвонила в квартиру Джулии. Назвать домом место, в котором я провела всего одну ночь, язык не поворачивался. Резкий звонок пронзил тишину, царившую на этаже. Но хозяйка не спешила мне открыть. Черт. Я громко стукнула по запертой двери кулаком. В этот момент раздался щелчок, и в коридор выглянул сосед.

– Что, не слышит? – обратился ко мне обладатель знакомого баритона.

– Может, ее дома нет, – раздраженно буркнула я, даже не взглянув на собеседника.

– Джакомо Сарто. Приятно познакомиться. – Сосед не замечал моего нежелания с ним контактировать. Он встал прямо передо мной и подал руку для рукопожатия. Ну не люблю я

трогать незнакомых людей. Что за привычка, вторгаться в чужое личное пространство. Я сердито, на мой взгляд, приложив излишнюю силу, потрясла протянутую длань и наконец встретилась взглядом с мистером Сарто. Или, точнее, сеньором? На меня с любопытством смотрели карие глаза в обрамлении длинных черных ресниц. Изогнутые брови добавляли и без того довольно изящным чертам мужчины некоторую утонченность. Я отвела глаза и высвободила руку. Моя ладонь была влажной.

– Вы не представились. – Сосед улыбался, слегка сощурив глаза.

– Элис, – ответила я, решив не упоминать свою фамилию. Надо будет сменить. Стрельникова тоже ничего звучит.

– Какое чудесное имя. Эли-и-ис, – протянул Джакомо, томно вздохнув, и провел пальцами по своим волосам, что почти доходили ему до плеч. – Вам повезло, имя столь же красиво, как и его обладательница.

Он что, издевается? Еще этот нарочитый акцент, с таким твердым «р», может, испанец?

– Поверьте, уж кому, а мне точно в этой жизни не везет. – И, отвернувшись от слащавого соседа, я вновь позвонила в «2В».

– Джулия! Ты дома?

Джакомо прислонился к двери, снова явив передо мной свой неугодный лик.

– А позвонить ей по телефону не пробовали?

Я посчитала про себя до трех.

– Телефон разряжен. В противном случае я бы еще внизу позвонила ей на сотовый, а не стала набирать вам! – Мое терпение грозило разлететься на мелкие кусочки. Джакомо оставался невозмутим.

– Я просто предложил. Джулия дома. Стены картонные, я слышал, как хлопнула дверь. – Словно в подтверждение слов соседа дверь с табличкой «2В» распахнулась, и Сэлотто, замотанная в полотенце, недовольно поинтересовалась:

– Чего стучишь-вопишь?

– Ты забыла мне дать ключи.

Ее нахмуренное лицо разгладилось и приняло виноватый вид.

– Проклятье. Точно. Заходи давай. – Джулия открыла дверь шире. Сеньор Сарто, все это время молча за нами наблюдавший, отсалютовал:

– Ciao bella, добро пожаловать, Элис. – Подмигнув, он скрылся в своей квартире. А может, он и не испанец?

В квартире меня ждал сюрприз. По комнате носился маленький поросенок. Радостно похрюкивая и виляя крохотным скрюченным хвостиком, он с невероятным воодушевлением

терзал мою любимую футболку.

– Джулия, это что?! – Сэлотто варила кофе как ни в чем не бывало.

– А? Это Моджо, с работы коллега попросила присмотреть за ним пару недель. – Моджо тем временем, оставив мою несчастную одежду в покое, добрался до сумки с продуктами, которую я так неосмотрительно оставила на полу.

– Моджо, значит, – только и оставалось мне повторить за Сэлотто. Что-то знакомое. Обреченно вздохнув, я пошла отвоевывать у веселой свинки нашу еду.

Глава 5
F63.1 [21]

1998 год. Техас, город М.

Дом, в котором жил Билл, был больше, чем у Анны, сайдинг сиял белизной, окна блестели, двор был ухожен и пестрел цветами, с любовью взлелеянными миссис Пресли. Американский флаг реял на ветру. Патриоты, образцовая семья. Анне стало дурно. Дурно оттого, что у кого-то это все было, у кого-то, но не у нее. У парня, чье имя уже вызывало раздражение и головную боль. Девушка скрипнула зубами. Уильям, не заметивший ее реакции, увлеченно говорил обо всем подряд, затягивая одноклассницу в дом:

– Ох, ты не представляешь, как тяжело соперничать со спортсменами. Особенно с братом. Мама говорит, что гитара – это ерунда, даже если бы я увлекался живописью, и то больше пользы было бы. – Он пнул камешек, так не вовремя попавший ему под ноги. Анна хранила молчание. На лбу выступила испарина от страха. «Что я здесь делаю? Что я здесь делаю?» – забились птицей мысли в голове девушки. От внезапного прикосновения Билла она вздрогнула.

– Ну не стой на пороге, пойдем. – Взяв оцепеневшую одноклассницу за руку, он потянул Анну в прихожую. Выкрашенная в темно-синий цвет дверь с грохотом захлопнулась за их спинами. Анна осторожно высвободила ладонь из крепкой хватки Уильяма. Он не подал вида, что его это огорчило, лишь немного нахмурился.

– Бар в гостиной, хочешь есть? Могу тосты сделать, повар из меня не очень.

Есть Анне не хотелось. Тяжело выдохнув, она проговорила:

– Нет, спасибо. А вот лед бы пригодился. – Она постаралась улыбнуться Билли как можно искренней. Но Пресли, преисполненный волнения из-за объекта двухлетней одержимости в собственной гостиной, не замечал холода Анны.

– Ладно, я на кухню, сейчас вернусь. Хочешь, поставь пока музыку на свой вкус, диски и пластинки в шкафу, внизу.

Анна осталась предоставлена самой себе. Она медленно прошлась вдоль высоких шкафов, проведя ладонью по прохладной гладкости темного дерева. Чтобы достать винил, ей пришлось опуститься на колени и распахнуть нижние створки

шкафа. В основном выбор был представлен группами семидесятых, восьмидесятых. Модной музыки, популярной среди сверстников, Анна не нашла. Черно-фиолетовая обложка привлекла ее внимание: Burn[22]. Вытащив находку, она приблизилась к проигрывателю и, аккуратно достав хрупкую пластинку, поместила ее в него. Бодрая мелодия вызвала у Анны улыбку. Ноги сами хотели двигаться в такт музыки.

– Хороший выбор! Люблю этот альбом. – Вернувшийся в комнату Уильям похвалил музыкальный вкус одноклассницы, которая ориентировалась лишь на картинку. Но просвещать Билла ей не хотелось. Она лишь ему кивнула, как бы соглашаясь с мнением, и слегка улыбнулась, продолжая чуть покачиваться под звуки песни. Билл, подпевая, поставил чуть подгоревшие тосты и стакан со льдом на кофейный столик. Он вытащил из шкафа початую бутылку виски и разлил алкоголь в невысокие прозрачные стаканы, предварительно бросив в них по паре кубиков льда. Янтарная жидкость горела золотом в свете лучей солнца, что пробивались сквозь длинные занавески. Один из стаканов он протянул Анне.

– Держи.

Анна случайно соприкоснулась с ним кончиками пальцев, когда забирала предложенный ей виски. По телу Уильяма словно прошел ток. Он торопливо отхлебнул из стакана. Горло обожгло. Анна осушила свою порцию одним глотком и закашлялась. «И зачем только люди пьют эту дрянь?» – скривилась она.

– Энни, не спеши. – Билл хотел похлопать одноклассницу по спине, но та увернулась.

– Я в порядке. Можно еще?

Уильям вновь щедро наполнил стакан Анны, не забыв и о себе. Они чокнулись. Теперь музыку ставил Пресли.

– Поставь Элвиса, а? – Разгоряченная алкоголем Анна раскраснелась и, хохотнув, ткнула однофамильца певца в бок. Билл со смехом приобнял Анну одной рукой, а другой поставил пластинку. Анна проигнорировала его жест и с любопытством взглянула на обложку, оставшуюся лежать на столике. Темно-серый фон, четверо мужчин, которых знает почти каждый, по крайней мере, в этой стране. Пресли, которому виски придал еще больше смелости, притянул Анну к себе, увлекая в медленный танец. В голове старшеклассницы царил приятный туман. Она обвила тонкими загорелыми руками шею Уильяма.

– И совсем не смешно. Особенно когда слышишь эту шутку в сотый раз, – шепнул Анне на ухо Пресли. Дыхание Уильяма обожгло ее кожу. Сердце забилось быстрее. Ей не может нравиться Билли, ну просто не может. Она отпрянула.

– Давай выпьем еще. – Не дожидаясь разрешения, дрожащей рукой Анна налила себе янтарной жидкости и тут же залпом опрокинула ее внутрь. Уильям несколько ошарашенно наблюдал за одноклассницей. Но он был, несомненно, рад происходящему. Весь его юный организм пребывал в избытке серотонина, эйфория накрывала с головой.

– А мне? – На его губах заиграла коварная улыбка. Сердце Анны пропустило удар. Неужели все дело в виски? Нервно улыбнувшись и пролив немного алкоголя на полированную поверхность кофейного столика, она наполнила стакан Билли. Он забрал свою порцию и, обняв со спины Анну, невесомо коснулся влажными губами ее шеи. Анну, несмотря на аномальную жару на улице, трясло, словно в ознобе. Дрожь мурашками прошлась вдоль позвоночника. Девушка медленно развернулась к Уильяму лицом, с трудом сфокусировав свой взгляд на его светлых голубых глазах. На мгновение она забыла, как дышать. Уильям соображал быстрее. Горячими ладонями он приблизил лицо Анны к себе и поцеловал ее в губы, тут же отстранившись. Словно принимая важное для себя решение, одноклассница закусила свою пухлую губу и возобновила их поцелуй, который продлился гораздо дольше первого. Когда им двоим уже стало не хватать воздуха, они прервались. Уильям, почти сходящий с ума от переполнявших его чувств, прошептал в самые красивые для него губы на свете:

– Я так давно мечтал об этом. Не представляешь, сколько раз себе это представлял. Я люблю тебя.

Вместо ответа Анна неожиданно для самой себя заплакала. Никто и никогда не говорил ей о любви. Даже мать. Прижавшись к Биллу, Анна впервые почувствовала себя нужной.

2020 год. Калифорния, Лос-Анджелес

На следующий день в редакции было оживленно. МВТ нисколько не повредила смерть мистера Падояна, все внимание сотрудников журнала было сосредоточено на новом главном редакторе и по совместительству владельце – Артуре. Работники всех отделов были в сборе. Присутствовало множество новых лиц, которых в первый день я не видела. Как я предполагала, их ежедневное присутствие в редакции не требовалось. Это были и научные консультанты, и редакционная коллегия, и редакционный совет. Интересно. По-прежнему было неясно, кто за что отвечает. Я лишь отметила для себя, что все распоряжения Джулии будет давать Артур, а мне, соответственно, делегирует

задания Сэлотто. И такой расклад меня вполне устраивал.

– Что на повестке? – спросила я у только что покинувшей кабинет редактора Джулии. Ее бледное лицо сохраняло серьезное выражение.

– Эй, что-то случилось? Он обидел тебя? – Даже не будучи сильно тактильным человеком, я все же дотронулась до ее плеча. Журналистка вздрогнула.

– Есть два варианта. Первый – домашние роды у знаменитой в сети блогера или альтернативные методы лечения одного несовершеннолетнего пиромана в психиатрической лечебнице на окраине города.

– О, домашние роды точно отпадают, если, конечно, выбор есть. – Я почувствовала прилив энтузиазма. Джулия, напротив, выглядела едва ли более живой, чем покойный мистер Падоян.

– Дэвид бы никогда меня не послал туда. Огромное желание уволиться. Мне надо покурить. Ты со мной? – Сэлотто выглядела весьма нервной, на ее лбу пульсировала венка.

– С тобой. Куда не отправил бы? На роды?

Джулия промолчала. Поднимались на крышу мы также в тишине. Безмолвно я наблюдала, как журналистка делает первую затяжку. Утреннее солнце делало короткий ежик волос Джулии светлее. Очень красивый цвет. Медовые переливы подходили к оттенку ее кожи. Но она мне так и виделась с длинными волосами.

– Ты давно носишь короткую стрижку? Мне кажется, тебе бы пошли длинные волосы, – выпалила я неожиданно для себя самой. Сигарета дрогнула в руках журналистки.

– Знаешь, критика уместна, только когда о ней просят. В остальных случаях – лучше промолчать. – Она затушила недокуренную сигарету. Мои щеки налились румянцем. И какого черта я лезу со своими замечаниями? Хотя, с другой стороны, мои слова казались мне вполне невинными. Хлопнула дверь. Черт, будучи занятой собственными размышлениями, я и не заметила, как осталась на крыше одна. Чего это Сэлотто сегодня такая нервная? Неодобрительно качая головой и бормоча себе под нос, я вернулась в редакцию. Джулия, подхватив наши сумки, уже ждала у стеклянных дверей.

– Поехали, путь предстоит неблизкий. Артур заверил, что обо всем договорился, нам выпишут пропуск, – подгоняла меня внезапно ожившая журналистка. Я только удивленно хлопала глазами.

– Куда? На роды? Они же дома?

– В лечебницу! Господи, может, тебе у них провериться заодно. – Всучив мне в руки мою же сумку, Джулия стремительно

направилась к лифту, едва не задев меня плечом. Да что с ней происходит? Неужели утренняя заторможенность так ее бесит? Не всем быть жаворонками, как она. Хмурясь, я проследовала за ней.

В местную психиатрическую клинику мы ехали в полном молчании. Сэлотто не включила радио, а я не смела раздражать ее вновь. После добрых двадцати минут невыносимой тишины я не выдержала и спросила Джулию:

– Можно все-таки поинтересоваться, что случилось?

Пальцы журналистки крепче впились в руль.

– Ты можешь мне довериться, иначе я буду думать, что причина во мне. К слову, я уже так думаю. – Я невесело улыбнулась. Сэлотто выдохнула.

– Ты говорила, что пыталась покончить с собой? Тебя не забирали в психушку?

Я вздрогнула от столь неожиданного вопроса.

– Нет. Моей семье ни к чему были скандалы и лишняя шумиха. Обошлись консультациями частного психиатра.

Джулия понимающе хмыкнула:

– Везет. А я в детстве довольно часто лежала… в советских детских психиатрических больницах всегда была желанным гостем.

– Что? Советских? – Я подумала, что мне послышалось.

– Именно. Я знаю, что ты русская. Увы, я уже подзабыла язык, меня перевезли в США, когда мне было семь. Но эти семь лет оставили наиярчайшие воспоминания. – Грустный смех Джулии, казалось, осколками обрушился на пол. Мое сердце словно сжалось.

– И тебя зовут?..

– Юля. Несложно догадаться. Но ты хочешь меня спросить не об имени, верно? – Не дожидаясь моего ответа, Сэлотто продолжила: – Когда мне было пять, в нашей квартире, в пятиэтажном доме, случился пожар. Все были уверены, что виновата в нем я. Ну, как все. Местный полицейский, моя мать, соседи. Чего еще ожидать, если пятилетку оставить дома одну. Конечно, матери влетело, но я пострадала сильней. Не после пожара, позже. – Джулия выдержала паузу, сосредоточившись на повороте. Удобно все решили для себя и участковый, и ее мамаша.

– Мне было шесть, и мы с мамой находились в гостях у ее хорошей знакомой. У этой самой знакомой тоже была дочь – моя ровесница. Мы не поделили тогда одноглазого плюшевого кролика, как следствие – она влепила мне пощечину. Как же я тогда разозлилась, боже. Все, что я помню, как эта дура бежит к матери и орет, что я сожгла ее игрушку, а теперь и вся комната в

огне. А я стою с горящим плюшевым кроликом в руке, не чувствуя жара. Ужас на лице моей мамы невозможно было передать. Она что-то кричала, пытаясь вытащить меня из пламени.

Мне самой уже хотелось вернуться и забрать несчастную Юлю. Я заерзала на сиденье.

– И что было потом?

– А потом бесконечная череда врачей и белых комнат с мерзким запахом. Меня расспрашивали о голосах в голове, о видениях. Но ничего из этого со мной не происходило. Когда я была одна дома – я испытывала сильный страх. А в гостях – жутко злилась. Вот и все. Никто из врачей мне не верил, и они только продолжали свой допрос, уверенные в том, что я всегда держала при себе спички.

В полном оцепенении я продолжала внимать словам Джулии. Сама-то я научилась пользоваться спичками, к великому стыду, лет в пятнадцать. А если сейчас возникала такая необходимость ими воспользоваться – не всегда удавалось справиться. Хорошо, что такой навык редко требуется. А тут пятилетний ребенок со спичками. Что-то не верится.

– И огня не боишься? Необычно, что ты куришь, – я уже приготовилась к недовольству со стороны журналистки и неосознанно вжала голову в плечи.

– Нет. Когда это происходило, источников огня не было рядом. Да и пламя мне не вредило. Благо больше происшествий не случалось, и к семи годам от меня отстали, хоть и успели изрядно подпортить мне психику. Было это или нет, до сих пор не могу понять. Может, просто странные совпадения. Самовозгорание, плохая проводка. А я здесь и ни при чем. Приехали. – Сэлотто резко затормозила перед шлагбаумом, что преграждал путь к невысокому зданию с решетками на окнах.

– Больше на тюрьму похоже.

– Если не хуже, – мрачно резюмировала Джулия и протянула удостоверение журналиста охраннику.

Интервью с врачом вышло коротким и малоинформативным, а к главному герою статьи нас не подпустили, уведомив, что толку все равно от этого будет мало. Но я и рада была убраться как можно дальше от этого места. Сэлотто, наверное, и того тяжелей. Наверняка воспоминания картинками крутились у нее в голове. На обратном пути мы заглянули в кафе к Генри, где Джулия забрала заранее разложенный для нас по контейнерам ужин, и мы вернулись в студию. Моджо успел к нашему приходу украсить мусором из разворошенной корзины всю небольшую квартирку. Сам же энергичный представитель парнокопытных весь был вымазан, как я предположила, в остатках выброшенного

утром йогурта.

– Моджо-о-о-о, – Джулия обессиленно простонала кличку минипига, и тот, подумав, что временная хозяйка зовет его, помчался к ней. Выражая свою любовь к Сэлотто, поросенок обтерся об нее, испачкав джинсы. Видимо, решив, что ей терять уже нечего, она подхватила повизгивающего свина на руки и удрученно известила меня:

– Мы в ванную.

Кивнув, я принялась разбирать бардак, устроенный Моджо. Уборка отняла больше времени, чем я изначально рассчитывала. И Джулия, и поросенок уже успели искупаться. Я же спотыкалась о разбросанные вещи по всей квартире. Моджо радостно повизгивал, пока Сэлотто обтирала его полотенцем после недолгих банных процедур. В это время я предпринимала отчаянные попытки отыскать в царившем вокруг меня хаосе раскиданной одежды и прочей утвари, до сих пор торчащей из потрепанных коробок, корм для нашего нового квартиранта. Мой задний карман завибрировал. Как всегда, не вовремя.

– Алло! – рявкнула я в трубку, не удосужившись даже взглянуть на экран.

– Элис, ты не рада меня слышать? – О, нет. Муженек решил вспомнить о моем существовании. Не знаю, в какой вселенной я была бы рада его приторно-сладкому голосу. Таким тоном он нечасто со мной разговаривал.

– Ну что ты. Конечно, рада, как может быть иначе.

– Я уж испугался. Когда ты планируешь вернуться домой? – Сарказма Джозеф не уловил. А мне, в свою очередь, очень хотелось ему ответить «никогда».

– Скоро-скоро, но точную дату пока не могу назвать. – Я изо всех сил старалась звучать миролюбиво. Но тут Моджо завозился на руках у Джулии, запутался в полотенце и с коротким протяжным визгом упал на ламинат. Если до этого звуки, издаваемые поросенком, можно было назвать даже милыми, то теперь он заорал на высочайших нотах и с невероятной скоростью рванул к двери, которую, как оказалось, мы забыли закрыть.

– Элис, лови его скорей! – Сэлотто придерживала собственное полотенце, которое так и норовило соскользнуть вниз.

– Твоя самоотверженность поражает, но тебе стоит больше думать о близких… – продолжала бухтеть голосом Джо трубка.

– Мне некогда выслушивать твои страдания! У меня свинья убежала! – Я бросила телефон на диван и побежала в коридор за удирающим со всех копыт Моджо. Муж решит, что я окончательно съехала с катушек. Уехала с незнакомкой в другую страну и бегаю за поросенком.

Общительный сосед выручил меня и в этот раз. В его загорелых руках свинка, похоже, чувствовала себя вполне комфортно.

– Уф, слава вселенной. Давай этого помойника сюда. – Я забрала Моджо у соседа. Джакомо рассмеялся:

– Как-как ты назвала сеньора Моджо?

– О, так вы еще и знакомы? – Я не смогла сдержать улыбку.

– Конечно, Джули часто присматривает за ним. Но я все же хотел бы познакомиться и с тобой. С пирса открывается чудесный вид на закат, надеюсь, ты не откажешься как-нибудь составить мне компанию, и мы сможем полюбоваться закатом вместе. Потом выпьем кофе. – Лицо Джакомо приняло мечтательное выражение. Раздалось хихиканье. И, о ужас, оно исходило от меня. Так, у меня уже есть странный парамедик.

– Не знаю, возможно, но пока я вникаю в новую работу, свободного времени немного. – Я уже хотела возвращаться в студию, как облаченная в чистые джинсы и рубашку Сэлотто воскликнула:

– О, Джа, это ты остановил паршивца? Ты не представляешь, что он на этот раз натворил! – Вопреки сказанному, в голосе Джулии чувствовалась любовь к этому несносному поросенку. Услышав ее голос, он начал рваться из моих рук.

– Просто оказался в нужном месте в нужное время. Подумай над моим предложением, Элис. – Сарто направился в сторону лестницы. А мы с Джулией убедились в том, что теперь точно закрыли за собой входную дверь.

Часть VII
По другую сторону Джулии

Глава 1
Гореть

1998 год. Техас, город М.

Анна помнила слова бабули Флоры о том, что чем радостней нам сейчас, тем больнее будет потом. Когда голова девушки мотнулась в очередной раз, а в дрожащих, но крепких руках отчима остался клок ее каштановых волос, именно эти слова прозвучали в ее, казалось, горящей от ударов голове. Не рассчитав силу, отчим швырнул Анну в угол комнаты. При падении она приложилась затылком к стене, а затем мир погрузился во тьму.

Анна пришла в себя уже в собственной постели. Она поднялась с кровати, морщась от боли, и подошла к двери. Дернув ручку, Анна поняла, что ее заперли. «Ну и черт с вами. В аду вам всем место», – подумала Анна и хотела было вернуться в постель. Но пройдя мимо зеркала, она так и застыла перед ним. В нем отразилась смуглая девушка со встрепанными волосами. Анна провела плохо слушающейся рукой по спутанным прядям. Некоторые стали короче, чем были. На глазах выступили слезы. Стоило один раз повести себя так, как хотелось Анне, а не окружающим, как ей моментально напомнили, кто она и где ее место. Схватив с комода ножницы, Анна отрезала прядки, не соответствующие длине, которую задал отчим. Позже, со злым удовлетворением оглядывая свое отражение в зеркале, она подумала: «Теперь за волосы меня не схватишь».

Сон не шел. Уставший разум возвращал все мысли Анны к вечеру, проведенному в доме Билла. К песне, под которую они танцевали. К их поцелую. Тук. Анна встрепенулась. Тук. Звук стал громче. Тук-тук-тук. Она подбежала к окну. На лужайке стоял Билл, позади которого маячил его мотоцикл. А сам Пресли усердно кидал камешки в окно.

– Ай! – Один из них едва не попал Анне в глаз.

– Прости! – шепотом извинился Билл. – Как ты? Можешь спуститься?

– Меня заперли.

– Тогда я поднимусь к тебе.

Анна заколебалась. Если отчим увидит в его доме Уильяма, на этот раз он ее точно убьет.

– Ладно, только спрячь мотоцикл.

Анна отошла от окна, дожидаясь, когда Билли взберется на козырек.

– Высоко. У тебя новая прическа?

Анна, позабыв о стрижке, накрыла голову ладонями, словно в попытке спрятать волосы от взгляда Пресли.

– Мне нравится, не волнуйся. Ты нравишься мне любая. – Билл обнял одноклассницу и почувствовал, как содрогнулось в рыданиях ее хрупкое тело.

– Тебе крепко досталось, да? – Он осторожно отстранил от себя Анну и заглянул ей в глаза.

– Не то слово. Я не могу больше жить в этом доме. Если бы не Элла, я уже спалила бы тут все и ушла куда подальше. – Слезы уступили место злобе. Казалось, вокруг Анны заискрился воздух.

– Я заберу тебя отсюда, обещаю. Хочешь, поговорю со своими родителями? Они не против нас, я им все рассказал, только рады за меня. Даже не ожидал.

От этих слов Анне не стало легче. Наоборот, злость поднялась в груди с новой силой. Ну почему, почему у него такие понимающие родители, а у нее нет? Разве это справедливо? Вслед за гневом наступило бессилие. Анна опустилась на кровать. Билл последовал ее примеру.

– Да, мне сложно тебя понять. Но я чувствую твою боль, она утихнет. Со временем. – Старшеклассница прислонилась к его плечу, и Уильям укрыл ее в своих руках. Пусть ненадолго, но Анна ощутила себя в безопасности. Хотя бы до рассвета.

2020 год. Калифорния, Санта-Моника

Я умудрилась вся уделаться мороженым. Джакомо только посмеивался:

– Ты теперь очень похожа на Моджо.

А я уже начала жалеть, что приняла приглашение соседа, как оказалось, итальянца.

– Хочешь сказать, что я смахиваю на поросенка? – Упрямое мороженое никак не хотело покидать мою блузку. Я выкинула уже третью использованную за последние пять минут салфетку в урну. Сосед вновь добродушно рассмеялся и выставил ладони вперед:

– Ладно, ладно, прости. Не похожа совсем.

Мы подошли к дому. Если не считать глупые шуточки моего спутника и инцидент с джелато, то наше свидание можно было считать вполне успешным. Но меня одолевало чувство вины. А Майк? Как же он? Хотя, с другой стороны, его поведение тоже

выглядело весьма подозрительным. То он есть, то его нет. Я сердито фыркнула.

– Я в чем-то еще провинился?

– Нет, прости, это я сама с собой.

Джакомо продолжал веселиться:

– Всегда приятно поговорить с умным человеком, да?

Закатив глаза, я выданным Джулией ключом отворила дверь подъезда. Поднявшись на второй этаж, я не знала, как попрощаться с Джакомо. Чувствовала себя довольно неловко. Сарто, одетый в белый пиджак и серые брюки, выглядел вполне уверенно и расслабленно.

– Спасибо за прекрасный вечер, мне понравился наш небольшой променад, – и с этими словами он невесомо коснулся губами моей щеки. Сердце забилось быстрее. Возможно, это все из-за выпитого недавно кофе.

– Мне тоже, – кивнула я.

– Спокойной ночи, надеюсь, скоро повторим.

Я кивнула с улыбкой еще раз, не в силах что-либо вымолвить, и мы одновременно зашли в свои квартиры. Джулия сидела на диване с ноутбуком и что-то яростно печатала, Моджо лежал рядом с ней, похрюкивая во сне. Не хотелось разрушать их идиллию, но спала я на этом самом диване.

– Ты вернулась? Как свидание? – Джулия оторвала взгляд от монитора и посмотрела на меня. Очки в черной оправе, по всей видимости, предназначенные для защиты от компьютерного излучения, ей шли.

– Неплохо, но я вымазалась мороженым, а твой дружок надо мной подшучивал, – с некоторой обидой оповестила я Сэлотто. – Что печатаешь? – Я нагло попыталась подглядеть, что там ваяла Джулия. Та проворно захлопнула крышку ноутбука.

– Над статьей работаю, ничего интересного. Пересяду на кровать.

Моджо, который проснулся от того, что его хозяйка сменила местоположение, недовольно взвизгнул и проследовал за ней. Как же часто она его забирает? Оставила бы свинку уже себе. Я принялась застилать освободившийся диван. Джулия продолжила работу за лэптопом на кровати, Моджо счастливо устроился у нее под боком. Полюбовавшись на умилительную картину, я отправилась принять душ. Кажется, мороженое умудрилось попасть мне под одежду. Липко.

Вернувшись, распространяя вокруг аромат персикового геля для душа, я обнаружила, что Джулия заснула, отвернувшись от яркого экрана. Борясь с противоречивыми чувствами, я на цыпочках приблизилась к ее кровати. Поначалу просто хотела

выключить ноутбук, чтобы Сэлотто могла спокойно поспать, но потом меня победило собственное любопытство. Ну не будет человек скрывать какие-то «скучные статьи». Осторожно повернув к себе лэптоп, я увидела оставленный открытым документ. Нажав на значок дискеты, чтобы сохранить на всякий случай файл, я принялась за чтение открывшегося мне текста.

«Анне удалось забыться сном. Ей снилось, что все злые мысли, направленные на свой дом и семью, стали явью. Оранжево-красные языки огня лизали покрытые дурацкими обоями в цветочек стены ее спальни, соскальзывая на дешевые занавески. Запах гари наполнял ноздри. Дым въедался в легкие. Становилось невозможно дышать. Раздался громкий треск – обрушилась одна из балок. Анну затрясло с немыслимой силой.

– Энни, Энни, проснись! Мы горим! Ну же! – Билл тряс одноклассницу что есть мочи, но она никак не могла выбраться из липкого сна. Сознание было спутанным, похоже, удар вызвал сотрясение. Анна простонала что-то невнятное:

– Все… слышу.

Уильям стащил девушку с кровати.

– Анна! Прошу, нам нужно выбираться!

– Гори… – Анна не понимала, находится ли она еще во власти сна или ее уже выбросило на поверхность реальности.

– Черт подери, Энни! – Пресли, укрывая их тела одеялом, двигался в сторону окна, чувствуя всей кожей жар разгоревшегося пламени. Он закашлялся от дыма, стараясь протолкнуть Анну в окно. Когда ему это удалось, он выбрался следом. Осталось самое сложное – спустить с козырька Анну и спрыгнуть самому. Действуя интуитивно, на адреналине, и не помня, как это получилось, они вместе с девушкой благополучно приземлились в траву. На крыльцо выбежала испуганная Хелен:

– Что происходит? Боже, у нас что, пожар?!

Матери Анны никто не ответил. Ее дочь не могла до конца прийти в сознание, а Билл лишь безучастно смотрел на черный дым, валивший из окна спальни возлюбленной. Хелен начала что-то кричать, вернулась в дом. Какое-то время Уильям с Анной оставались во дворе одни. Вскоре на лужайку высыпали обитатели дома, послышался вой сирены пожарных машин.

– Фрэнк, там остался Фрэнки, господь всемогущий! Вы что, не слышите меня?! Там мой муж! – На истеричные вопли Хелен, казалось, никто не обращал внимания. Вода, струями лившаяся из шлангов, проигрывала битву с огнем. Элла в одной тонкой ночной рубашке подбежала к лежавшей на влажной траве Анне и тронула сестру за плечо.

– Эй, Энн… – тихо позвала Элла. В ответ раздалось лишь неясное мычание.

– Она не приходит в себя, думаю, ей нужен врач, – так же негромко вымолвил Уильям.

– Ох, Энн. – Сестренка обхватила небольшими ладонями бледное лицо Анны. – Что теперь будет с нами? – В приоткрытых глазах старшей сестры отражалось красное зарево».

Я перечитала, по всей видимости, лишь отрывок произведения еще раз. Прочитанное напомнило мне о недавнем разговоре с Джулией. Она решила стать писательницей? Быть журналисткой для нее недостаточно? Сэлотто заворочалась во сне и перевернулась обратно лицом к ноутбуку.

– Что ты делаешь? – Резкий, хриплый ото сна голос Джулии заставил меня вздрогнуть.

– Я хотела выключить лэптоп, ты уснула и оставила его включенным. – Мой голос остался на удивление спокойным. Сэлотто зевнула.

– Не врала бы хоть. Прочитала?

– Да, – призналась я и почувствовала облегчение. – Скажи, ты пишешь, отталкиваясь от своих воспоминаний? Это про пожар в квартире? Ты, кстати, в нашем разговоре не упоминала Марту. Как вы вообще оказались в Штатах? Мы ничего не успели обсудить.

Джулия вздохнула и села в кровати.

– Давай все же по порядку. Слишком много вопросов.

Я села рядом и приготовилась внимательно слушать историю Джулии.

Глава 2
Рассказ Джулии

Сэлотто начала говорить монотонно, словно хотела погрузиться в транс и заодно затянуть в него меня. Моджо продолжал посапывать как ни в чем не бывало.

– Говорить буду долго, наберись терпения. Потом я отвечу на все твои вопросы.

Я кивнула.

– Когда мне исполнилось семь, мою мать навестила дальняя родственница, счастливо, как мама рассказывала, вышедшая замуж за американца и эмигрировавшая в США. Жили они не слишком богато. Тогда я имела слабое представление о расположении штатов, знала, что родственница поселилась где-то на юге. Женщину звали Елена. Она привезла в подарок мне куклу, а матери «настоящие американские джинсы». По тем временам это была неслыханная щедрость. Я до сих пор не понимаю, как именно они это все провернули, но, по всей видимости, мать решила, что мне в Америке будет лучше, или просто Елена предложила ей денег. Главное, что со стороны родственницы была заинтересованность увезти меня, а со стороны матери передать меня ей. Может, она была рада избавиться от странной дочери. И как я подозреваю, мама не посвятила Елену в странные события, связанные со мной. Так я оказалась в Техасе. У Елены и ее мужа была дочка – Мартэлла, младше меня на добрых четыре года, которая на каком-то своем языке пыталась общаться со мной. С учетом того, что на момент переезда я только пошла в первый класс и иностранного языка не знала… Марта стала для меня отличным компаньоном для освоения английского… Может, прервемся и сварим кофе?

Я молча встала с кровати и прошла в кухню, но мне хотелось просто кричать. Что за матери такие? Ее родная мать, чье имя она ни разу не упомянула, может дать фору моей. Сэлотто так молодо выглядит, я никогда не спрашивала, сколько ей лет. Джулия босиком проследовала за мной, а рядом с ней процокал Моджо.

– Сваришь, да? На чем я остановилась? Так вот, долго адаптировалась, мы с Мартой сдружились, я всегда звала ее Эллой. Мое же имя в документах сменили и нарекли меня Джулианной, хотя в доме, да и везде, звали исключительно Анной. А все влияние мамаши моего отчима, той еще стервы. Мне кажется, мое существование было еще терпимым в сравнении с жизнью Эллы.

Дрожащими руками я поставила кружки с кофе на стол. Забыв, из какой обычно пьет Джулия, я взяла две одинаковые – белые, словно позаимствованные из кафе. Возможно, так и было.

– Так что мы выдержали все издержки воспитания в религиозной до фанатизма семье. От школы, которая подчинялась своим правилам, до неустанного надзора со стороны бабули Фло. Как ты понимаешь, общение со сверстниками, в особенности с мальчиками, контролировалось весьма строго. Каким-то образом довлачив свое существование до семнадцати лет, я совершила проступок и напилась до беспамятства с одноклассником, который бегал за мной с девятого класса. Отчим узнал, что мы выпили его виски, притронулись к сигаретам, и после того, как он вырвал клок моих волос, я навсегда распрощалась с длиной. Затем, как ты могла прочитать, случился пожар. Я ничего не помню, мне все подробности рассказывали Билл и Марта. Фрэнк – мой отчим – сгорел в огне. Его обгоревшее тело выносили в мешке. Опознавать было нечего. Хелен винила во всем меня. Каким-то образом она навела справки обо мне и выяснила, что подобное уже происходило, правда, без жертв. Родители Уильяма хотели забрать меня из семьи Сэлотто, но я не могла бросить сестру, которую считала родной. Когда ей исполнилось восемнадцать, прямо в день совершеннолетия – мы уехали и решили позже осесть в Сан-Диего. С Уильямом, который перебрался в Даллас и устроился работать на радио, пришлось распрощаться. – Крутя в руках уже пустую кружку, Джулия едва слышно всхлипнула. Быстро взяв себя в руки, она решила продолжить:

– В две тысячи четвертом нам с Мартой пришлось тяжело. Я работала, о своем будущем особо и не думала, пока в один прекрасный день сестра мне не объявила, что возвращается в Техас, так как оставлять мать, все еще не оправившуюся после смерти мужа, было эгоизмом. Мы сильно поругались. Она вернулась в родной город, а я не знала, что мне делать. Я осталась совсем одна.

Сердце защемило. Вот что притянуло ко мне Джулию – одиночество.

– Я не стала искать Билла, не хотела портить ему жизнь. Он и так настрадался из-за меня. А это означало, что мне оставалось творить свою судьбу в одиночку. Я покинула Сан-Диего и попробовала жить сначала в центре LA, а затем переехала в Санта-Монику. Окончила местный колледж и устроилась в газету. Это, кстати, моя первая работа после неквалифицированного труда, если так можно выразиться. – Джулия хмыкнула и потянулась за сигаретами.

– Ты не пробовала наладить связь с Мартой?

– Пробовала, – отозвалась Сэлотто, выдыхая дым, струйкой потянувшийся вверх. – Правда, ничем хорошим это не закончилось. Летом десятого года, почти таким же засушливым, как в девяносто восьмом, я вернулась домой. Пепелище, конечно, давно отстроили, мать скрепя сердце приняла меня, а Марта избегала моего взгляда. Но не это самое страшное. Я проснулась среди ночи от острой нехватки воздуха. Помню, на огромных часах было полшестого утра. Когда я открыла глаза, то увидела перед собой обожженное лицо Фрэнка с застывшей гримасой гнева, а его по-прежнему сильные руки сдавливали мое горло. Я не могла поверить своим глазам. Мне повезло, в тот момент в комнату зашла Марта, и Фрэнк исчез. Просто растворился в воздухе. Я думала, мне это все приснилось… Всю свою жизнь я себя винила в его смерти. На мои уговоры уехать Марта не реагировала. А уж на рассказы о снах с присутствием ее отца – тем более. И я уехала несолоно хлебавши. Одна загадка – я понимаю, почему Фрэнк преследует меня, но ты утверждаешь, что он убил Мартэллу, – Джулия покачала головой, затушив сигарету в пепельнице, – не понимаю.

– Как и я. – Пазл не складывался. Мужчина с обожженным лицом – отец сестер. Вот почему они не хотели говорить, кто он. И теперь все элементы, похоже, есть, а картина все равно неполная. – Твоя мать жива?

На мой вопрос Джулия вскинула брови.

– Насколько мне известно – да, если ты о Хелен. Что до биологической, понятия не имею.

– Я про Хелен. Думаю, что имеет смысл с ней это обсудить, да и не думаю, что Фрэнк просто так отстанет. Может, стоит все же поговорить?

Сэлотто вздохнула.

– Возможно, ты и права, давай поговорим завтра. Возможно, я повторяю, только лишь возможно, за выходные есть вероятность успеть слетать туда-обратно.

– Значит, подумаем об этом завтра.

Мы разошлись по спальным местам. Погасив свет, каждая из нас сделала вид, что уснула.

Глава 3
Солнце Техаса

Вырви сердце, обрети свободу,
Пройди сквозь марш спесивых лиц.
Что толку доказывать народу,
Коль ты не псих и не мудрец.

Кто мы такие, оскорблять их веру,
Поклоняться мнению большинства.
Уж лучше подхватить холеру,
Чем думать так же, как толпа.

Пока я выписывала в блокноте эти строчки и размышляла над недавними событиями, вернулась Джулия со стаканчиками кофе. Кафе в аэропорту оказались переполнены. Хорошо хоть лететь нам предстояло всего три часа.

– Кофе дрянь, – сердито заявила Сэлотто, поморщившись после глотка выуженного неизвестно где напитка.

– Где раздобыла? – поинтересовалась я, отхлебывая из своего стакана. Тут же скривилась. Кислая гадость.

– В автомате. Что-то оживленно здесь сегодня. Аномалия просто. – Сэлотто была, как всегда, неразлучна со своим лэптопом, а присмотр за Моджо был поручен сеньору Сарто. И я была весьма рада провести хотя бы недолгое время подальше от назойливого животного. Я о поросенке, конечно.

– Нам пора на посадку, пошли.

Так хорошо сиделось. Полет по ощущениям получился довольно быстрым и вышел даже несколько короче, чем было обещано. Когда мы сошли с трапа, я приятно удивилась теплой погоде. Конечно, в Калифорнии было совсем не холодно, но здесь по-настоящему ощущалось тепло. Не представляю, каково здесь находиться в самый разгар лета.

Джулия арендовала машину на пару дней, и мы отправились в ее родной городок, который находился за девяносто миль от аэропорта. Нам пришлось остановиться на заправке, заодно мы выпили по действительно хорошему кофе, которому не требовалось ни сахара, ни молока. Сэлотто взяла напрокат простой кроссовер с автоматической коробкой передач. Я уже и не помнила, когда сама садилась в последний раз за руль.

– Красиво тут. – Бумажным стаканчиком я указала на закат.

Джулия молча кивнула, соглашаясь. Что-то она в последнее время неразговорчива. А может, просто израсходовала предназначенный мне запас слов на свой монолог о прошлом. Да и все равно. Мы вернулись в машину. Ехать оставалось всего тридцать миль.

Джулия остановила машину у небольшого светло-голубого домика, к нему вела дорожка из осколков красных кирпичей, между которыми затесался серый от песка и пыли гравий. Хлопнув дверью автомобиля, Сэлотто глубоко вдохнула и выдохнула, словно набираясь смелости пройти дальше.

– Ты Хелен не предупреждала о нашем визите?

Джулия лишь фыркнула.

– Вот еще. – Забрав свою сумку, она направилась в дом. Время было позднее, наверняка ее матушка спала, судя по темным окнам. В тишине я проследовала за Сэлотто. Джулия словно нехотя, негромко постучала в белую дверь костяшками пальцев. Я переминалась с ноги на ногу, дощатый пол тревожно скрипел. Вскоре послышались шаги за дверью и скрежет поворачиваемого замка. Когда дверь отворилась, перед нами предстала невысокая, чуть полноватая женщина лет шестидесяти с миловидным лицом. Ее темные глаза выражали недоумение.

– Анна? Почему не позвонила? Проходи. – Хелен подвинулась, чтобы мы могли войти. Опережая расспросы, я представилась:

– Добрый вечер, меня зовут Элис, я… – тут я запнулась, не совсем понимая, кем мы приходимся друг другу. Подруги? Коллеги? Соседки?

– Элис моя хорошая подруга, мы работаем в одном журнале и снимаем вместе квартиру, – пришла мне на помощь Джулия. Хелен, видимо, еще не ложилась спать, судя по включенному в гостиной телевизору.

– Приятно познакомиться. Рада, что у моей дочери есть подруги. Пройдемте на кухню тогда, я приготовлю комнаты позже. Вы надолго, девочки? – вежливо поинтересовалась Хелен. Вопрос прозвучал так, словно и не было десяти лет, что они с Джулией не виделись. Мы направились в светлую кухоньку.

– Нет, мама, буквально на пару дней, включая сегодняшний. Прости, что без предупреждения.

– Ну хоть так, столько лет прошло… – В голосе Хелен звучала печаль. Самая настоящая, непритворная грусть, которую невозможно изобразить. Сэлотто заерзала на стуле, ее ладонь, лежавшая на поверхности небольшого стола из светлого дерева, сжалась в кулак. Я положила на ее кулак руку.

– Есть хотите?

Мы одновременно покачали головами, отказываясь. Меня

озарило: а знает ли Хелен вообще о смерти Марты? Я хотела шепотом спросить Джулию, но боялась, что в такой тихой обстановке меня обязательно услышит ее мать.

– Мам, я привезла *ее*.

Хелен вздрогнула.

– Ты оставила Мартэллу в машине?

Джулия кивнула.

– Можем завтра поехать на озеро и развеять вместе прах.

На глаза матери сестер навернулись слезы. Смахнув их кухонным полотенцем, Хелен поставила перед нами чашки. Ее руки так дрожали, что чай проливался на стол. Я перехватила чайник.

– Давайте я помогу.

– Спасибо. – Хелен опустилась на стул. Она сидела напротив нас. Было видно, что мать Джулии изо всех сил старалась сдержать рыдания. По ее цветастому хлопковому халату лениво ползла муха. На насекомое она не обращала никакого внимания.

– Ну как ты? – тихо обратилась к дочери Хелен. Та, откинувшись на стул, поджала губы. Через несколько секунд Сэлотто произнесла:

– Как и всегда, работаю, пробиваюсь, выживаю. – Джулия замолчала. Я чувствовала напряжение, что делало воздух на кухне густым, как кисель. Внезапно Джулия поинтересовалась: – Билл родителей навещает?

Губы Хелен коснулась легкая улыбка:

– Навещает. Он и ко мне заглядывал, спрашивал про тебя.

Боже, что сейчас будет. Я замерла.

– И ты ничего мне не сказала?! – как гром прогремел голос Джулии. Надо отдать должное Хелен – ни один мускул на ее загорелом или от природы смуглом лице не дрогнул.

– Тебе попробуй скажи чего. За двадцать лет только два раза к матери приехала, и то из-за сестры. Я пойду подготовлю комнаты. Отдыхайте пока. – Хелен медленно встала и направилась в сторону спален. Я почти услышала, как Сэлотто скрипнула от негодования зубами. Около минуты мы просидели в молчании.

– Далеко озеро? – не зная, чем нарушить тишину, задала я первый пришедший на ум вопрос.

– Это не совсем озеро. Скорее, водохранилище, милях в двадцати пяти отсюда, – откликнулась Джулия. – Я пойду матери помогу, твоя комната, наверное, уже готова. – Сэлотто поднялась и прошла к лестнице. Вздохнув, я последовала ее примеру.

Деревянная лестница была довольно широкой, с добротными полированными перилами. На стенах в коридоре висели

семейные фотографии в простых рамках. Одна из них привлекла мое внимание. Мужчина с темными волосами до плеч обнимал за плечи молодую Хелен. Позади них только началась стройка, вокруг пустошь. Так и не подумаешь, глядя на эту счастливую пару, что потом в их семье будут происходить подобные кошмары.

Ступени жалобно скрипнули от наших шагов. Моя комната находилась рядом со спальней Джулии. Хелен, похоже, о чем-то договорившись с дочерью, пожелала мне спокойной ночи и удалилась на первый этаж.

– Чья это была комната? – спросила я Сэлотто, хотя ответ был очевиден.

– Марты. После того как бабуля Фло отправилась на небеса, хотя ей место больше в аду подходит, Элла жила здесь одна. – Впервые при мне Джулия назвала сестру Эллой. – Я устала, завтра поговорим, ладно?

– Да, прости, спокойной ночи, – кивнула я.

– Если она будет спокойной. До завтра. – Я поежилась от ее слов. Если.

Спать на новом месте мне всегда было сложно, сон долго не приходил, а здесь мысли и подавно возвращались к страданиям Мартэллы и Джулии. Или правильней Джулианны? Я отвернулась к стене от лунного света, что лился в спальню сквозь неплотно задернутые шторы. Может, не стоило нам спать в разных комнатах. На душе было неспокойно. Я скинула с себя одеяло и в одной футболке до колен вышла в коридор. Стучать не стала, приложила ухо к холодной двери спальни Сэлотто. По ту сторону слышались неясные шорохи и вздохи. Я отшатнулась, как ошпаренная. Может, я совсем не вовремя? Хотя… Уж лучше меня обругают, чем придется хоронить еще одну сестру Сэлотто. Начиная верить в мстительных призраков, решила все-таки зайти. Я аккуратно отворила дверь и заглянула в темное пространство комнаты. И не зря. Меня пронзило острое ощущение дежавю. Мужчина, по всей видимости, Фрэнк, душил метавшуюся по постели Джулию. Я закричала. Но мой крик не возымел никакого действия. Тогда я кинулась на отчима Сэлото и упала прямо на Джулию. Я заметила красные отпечатки на ее шее, оставленные пальцами отчима.

– Ты как?

– Нормально, спасибо, – еле прохрипела та. Дверь распахнулась.

– Что за крики, все в порядке?.. Ой…

Я, все еще лежа на Джулии, обернулась на возглас Хелен. Черт. Поспешно откатившись в сторону, я понимала, до чего

комично, если в этой ситуации вообще может что-либо казаться комичным, звучат мои оправдания:

– Это не то, что вы подумали, я просто упала и… – Женщина махнула рукой и быстро развернулась, собираясь уходить.

– Это вы меня извините, девочки. Боже, и как я сразу не догадалась. – Все еще причитая, мать Джулии удалилась. Я выдохнула. К моему изумлению, Сэлотто рассмеялась.

– Ну и что тут смешного? – устало осведомилась я. Джулия подняла на меня взгляд, все еще тихо посмеиваясь.

– Меня только что пытался прикончить неугомонный неупокоенный отчим, а ты печешься, что подумает о нас моя матушка! Ну это правда забавно.

Я серьезно посмотрела на нее.

– Больше не хочу никого терять, я остаюсь здесь, раз тебе плевать, что может нафантазировать себе Хелен.

– Если тебе так будет спокойней, – пожала плечами Сэлотто.

– Будет, – заверила я подругу. Немного поворочавшись, я наконец-то заснула.

Утром мы как ни в чем не бывало спустились в залитую солнечным светом кухню. Запах яблочного пирога мгновенно вызвал слюну. А вот взгляда Хелен я избегала.

– О, вы проснулись, доброе утро. Как спалось? – Джулия издала короткий смешок, а я покраснела. Хелен смутилась. Она еще про призрак не знала, который тянулся за ее дочерью, точно шлейф дерьмовых духов.

– Садитесь, садитесь. Я уже позавтракала, так что ешьте спокойно. – И, к моему облегчению, она покинула кухню.

– Подливаешь масла в огонь? – сердито обратилась я к Джулии. Она недоуменно воззрилась на меня.

– А фто тахово? – невинно спросила она, уминая при этом огромный кусок пирога. И правда. Ничего же не произошло. Совсем. Понимая, что спорить бесполезно, я разлила только что сваренный кофе по фарфоровым чашкам и тоже положила себе небольшой кусочек выпечки. День и так сегодня непростой. Еще было до сих пор неясно, что делать с этим гребаным Фрэнком.

К озеру мы приехали довольно быстро. Я не привыкла к такой скупой на зелень местности. Но чем-то она притягивала взгляд. Осмотрелась. Водохранилище было небольшим, остановились мы, судя по всему, у местного пляжа. Джулия достала с заднего сиденья спортивную сумку, где дожидался своего часа прах бедной Мартэллы.

– Мы же не будем это делать на пляже?

Сэлотто посмотрела на меня как на умалишенную.

– Разумеется, нет, отойдем подальше и развеем у воды.

Хелен хранила молчание. Так наша скромная процессия прошествовала к наименее людному и наиболее зеленому участку около водоема.

– Кто-нибудь хочет что-то сказать? – подала голос миссис Сэлотто. Если у нее, конечно, фамилия идентична фамилии дочери. Никто не пожелал высказаться. Тогда я выпалила, не в силах больше сдерживаться:

– Тогда, миссис Сэлотто, может, вы подскажете, мог ли отец Мартэллы за что-либо держать обиду на свою дочь?

Обе женщины резко обратили свой взор на меня.

– Элис… – начало было Джулия, но Хелен ее прервала:

– Мог. А почему ты спрашиваешь?

– Я нашла ее труп. В ванной. И не буду говорить, что именно навело меня на мысль о причастности Фрэнка к ее гибели. Несмотря на его давнюю кончину. – Возможно, миссис Сэлотто не пустит больше меня на порог своего дома. Да и черт с ней. Кто-то должен был спросить. Но она только подняла брови и покосилась на свою старшую дочь, которая до белизны костяшек вцепилась в железную урну с останками сестры.

– Анна… Я тебе не рассказывала, но твоя сестра… Она уехала после того, как призналась в своей причастности к гибели твоего отца.

– Он мне не отец. И меня зовут Джулия, – сердито прошипела Сэлотто.

– Хорошо. Пусть так. Может, оставим этот разговор до дома и достойно проводим Мартэллу в последний путь?

Никто не возражал.

После короткой импровизированной церемонии мы вернулись к машине. В дороге тоже не появилось желание заводить светскую беседу. Да и что тут скажешь после такого.

В третий раз за сутки собравшись за обеденным столом, мы, успокаивая свои нервы бесполезным чаем с ромашкой, приготовились услышать страшную правду о Марте.

– Это тяжко вспоминать, но во время пожара Эллу я обнаружила последней. Фрэнк тогда ушел ночью в гараж. Пока я будила Флору, та неустанно твердила, что внучку не видела. Я не придала этому значения в тот момент. Заметила дочь, лишь выбежав на крыльцо. Тело Фрэнка обнаружили в том самом гараже. Сказали, что дверь, наверное, заклинило и он не смог выбраться. Он, конечно, пил в те годы как черт, я и подумала, надрался и уснул. Пожарные не давали мне вернуться в дом и найти его. – По щеке женщины потекла слеза.

– А когда Марта вернулась ко мне после вашего побега, через

несколько месяцев она призналась – дверь не заклинило. Она заперла его, чтобы Фрэнк не смог выбраться. Я не смогла вынести этой новости и прогнала ее прочь. Не в силах была даже выносить ее присутствие. Думаю, порыв сестры был связан с тобой, Анна.

Джулия вскинулась.

– Как удобно валить поступок подростка, доведенного до края твоим слепым бездействием в отношении ко всему, что творили с нами Фрэнк и эта старая карга, на других! – Джулия вскочила с места, опрокинув стул. – Ты всю жизнь такой была, такой и помрешь, похоже, *мама*. – Дочь Хелен стремительно вылетела с кухни и, судя по хлопку входной двери – на улицу.

– Ей больно, миссис Сэлотто. Очень больно. – Оставив женщину за столом одну, я отправилась догонять Джулию.

Глава 4
Слушая сердце

Перед отлетом у нас оставался еще один день, и мы решили немного отдохнуть в Далласе. До отъезда из отчего дома Джулия заглянула к родителям Уильяма. От четы Пресли она узнала, что тот по-прежнему трудился на одной из радиостанций в центре Далласа. Туда мы и направлялись.

– Я сниму номер в отеле? Не хочу вам с Биллом портить момент.

– Если он вообще будет, – хмуро отозвалась подруга.

– Ну не просто же так он интересовался тобой.

Лицо Джулии чуть разгладилось. Я быстро просмотрела доступные варианты. Один из них находился недалеко от центра города.

– Ладно. Напиши, где остановишься. Может, приедем за тобой потом. – Такой вариант меня вполне устраивал. Моему уставшему мозгу определенно требовался отдых от всех богатых на события дней. Джулия высадила меня у невысокого типового здания, расположившегося среди стеклянных офисных башен. Вывеска A. J. Hotel горела голубым неоном. Ну, надеюсь, этот отель окажется вполне себе обычным. Абсолютно стандартный холл. Приветливый и вежливый персонал. Мягкий ковер заглушил звук моих обычно громких шагов. В гостинице, по всей видимости, сделали ремонт и завезли новую мебель. Даже запах в номере был как в магазине интерьеров. Я оставила свою небольшую сумку со сменной одеждой и нехитрыми косметическими принадлежностями на внушительных размеров кровати. Окна в комнате едва не доходили до пола, а вид открывался на затейливый арт-объект. Ну, неплохо. Сделав этот вывод, я направилась в ванную. Не успев дойти до своей цели, я услышала звуки знаменитого марша, что не сулили ничего хорошего. Наверно, в оттягивании момента разговора с Джозефом не имелось никакого смысла. Я приняла звонок.

– Да.

– Элис, до тебя, как до королевы, совершенно невозможно дозвониться! Ты мне так и не перезвонила. – Разговор только начался, а в мой уже адрес полились упреки.

– Я и не обещала перезвонить.

– Может, ты уже наметила дату возвращения? – с настойчивостью маньяка муж повторил свой любимый вопрос.

– Джо, что-то случилось? Я, честно говоря, не могу сказать,

когда точно захочу обратно в Лондон.

– Когда захочешь? Разве ты не собиралась завершить свою благотворительную деятельность и вернуться? – По интонации и голосу, понизившемуся почти до шепота, я поняла, что его терпение на исходе. Ладно.

– Давай начистоту, что стряслось? – Мои попытки держать себя в руках тоже грозились рассыпаться подобно карточному домику.

– Элис… Я не способен сообщать такие новости по телефону.

– Неужели ты собрался со мной развестись? О, как печально. – От иронии воздержаться было трудно.

– Напротив. Но шутки сейчас неуместны. Прошу, возвращайся домой. До встречи. – В трубке вместо осточертевшего мне голоса раздались не менее неприятные гудки. Ну черт с ним. Мне очень хотелось принять ванну и смыть с себя этот разговор.

Я не смогла заставить себя надеть даже отельный халат, решив, что полотенца мне вполне хватит. Улегшись на кровати в полной темноте, я подумала, что сон ко мне вот-вот придет. Прикрыла глаза. Постепенно мой разум начал затуманиваться сонной дымкой. Но внезапный стук в дверь рассеял дрему. Возмутительно громкий звук грозил вызвать головную боль. Подойдя к двери, я не торопилась ее открывать.

– Кто там?

Раздался смех. Незнакомый мужской и ставший уже почти родным за это короткое время – женский. Я ухмыльнулась и приоткрыла дверь, спрятавшись за ней.

– Сюрприз! – улыбнулась Сэлотто.

– Добрый вечер. Вы, я полагаю, Уильям?

Широкоплечий мужчина среднего роста все еще посмеивался, сверкая белизной ровных зубов.

– Билл. Приятно познакомиться с вами, миссис Андерсон.

Это обращение резало слух.

– Просто Элис. Я тоже рада знакомству.

Джулия выглядела одновременно и счастливой, и смущенной. Интересно.

– Мы хотели пригласить тебя поужинать. На первом этаже неплохой ресторан, Билл знаком с шеф-поваром.

Особого голода я не чувствовала. Но Сэлотто расстраивать не хотелось, и я улыбнулась парочке.

– С удовольствием, правда, мне нужно одеться, присоединюсь к вам минут через двадцать.

– Будем ждать, – кивнул Билл, и они с Джулией направились в сторону лифта. Ну и что мне надеть?

Спустя двадцать пять минут и целую вечность выбора между

свитером и рубашкой я надела светлую рубашку, посчитав, что в ресторане наверняка будет тепло. С низом проще – в поездку я отправилась в джинсах и на смену ничего не взяла. Кинув в зеркало грустный взгляд, я отметила, что начала прибавлять в весе. Бабушка была бы счастлива. Схватив со столика сотовый и магнитный ключ, я покинула номер. В отличие от «Золотой Лилии», в этой гостинице коридор заливал яркий свет, постояльцев было немало, и это успокаивало. Все произошедшее в Испании казалось дурным сном. Я уверенно направилась к лифту. Увы, владельцы A. J. Hotel тоже разделяли любовь к джазу, в связи с этим каждый момент пребывания в кабине я чувствовала учащенное биение пульса, который сам собой пришел в норму, как только стальные двери распахнулись, и я прошла в светлый холл, наполненный людьми.

Я спросила у портье, где на первом этаже может быть ресторан, и молодой светловолосый юноша заботливо проводил меня к стеклянным дверям. В качестве логотипа владельцы заведения выбрали девушку, держащую в руках то ли ветку оливы, то ли еще какого дерева. Но надпись Ecila сразу пробудила воспоминание о странном ресторане с красными стенами, когда Майк так и не явился. Зато пришел Джо. Я тряхнула волосами в попытке избавиться от этого не самого приятного эпизода моей жизни.

– Добрый вечер. Вас ожидают? – Миловидная метрдотель терпеливо ждала моего ответа, пока я стояла, погруженная в раздумья.

– Добрый. Да, думаю, столик на фамилию Сэлотто.

Девушка с вежливой улыбкой просмотрела записи:

– Боюсь, на эту фамилию брони не было.

Черт, как же фамилия Билла? Престон? Пресли?

– Пресли! – слишком громко и радостно назвала я фамилию спутника Джулии.

– Да, на фамилию Пресли был забронирован столик на семь часов. Я вас проведу.

Мне оставалось только проследовать за девушкой. Дизайн ресторана приятно отличался от его «собрата» в Лондоне. Стены, выкрашенные в глубокий зеленый, удачно сочетались с позолоченными предметами интерьера. Мягкий приглушенный свет хранил лица посетителей в тени. Только если подойти очень близко, можно было рассмотреть, кто сидит за столиком. Билл и Джулия что-то радостно обсуждали, когда мы к ним приблизились. Ладонь Уильяма накрыла руку Сэлотто. Похоже, эти двое хорошо проводили время. Только почему-то меня это огорчило. Может, собственные неудачи на любовном фронте

мешали радоваться счастью других?

– Не помешаю? – осмелилась я обратить на себя внимание увлекшейся друг другом парочки.

– О, Элис, садись рядом со мной. Билл столько интересного рассказывал о работе на радио! – восхитилась подруга. Вероятно, я ее потеряла. Билли скромно улыбался.

– Не сомневаюсь, – отразила я улыбку Уильяма. Наконец-то мне представилась возможность рассмотреть избранника Джулии, пусть и в неярком освещении. Билли был счастливым обладателем густых темных волос, красиво вьющихся и придававших ему романтичный вид. Милая ямочка на подбородке смягчала квадратную мужественную челюсть. Я всегда обращала внимание на голубоглазых мужчин, но такой цвет глаз, как у Пресли, встретишь нечасто. Его глаза отличались редким васильковым цветом, и такому взгляду, которым он смотрел на Джулию, наверняка позавидовали бы многие девушки.

– Энни мне успела поведать, что вы работали медсестрой, жили в России? Наверняка можете поделиться интересными историями?

Я сначала немного растерялась. Официант тем временем принес белое вино и разлил его по бокалам.

– Да, все верно. Даже не знаю, что можно рассказать… Хотя подождите, был один случай…

Мы начали зевать, когда уже наступила полночь, и наша веселая беседа плавно перетекла в дебаты на философские темы. Мы распили на троих четыре бутылки вина, я чувствовала, что вот-вот отключусь прямо за столом.

– Пойдем, мы проводим тебя до номера, – легко прикоснулась к моему плечу Сэлотто. Я поднялась со стула. Ох, многовато вина в моей крови.

– Да, не откажусь.

Помощь подруги и Билла пришлась весьма кстати. Мы медленно двинулись в холл. Пока ждали лифт, я прислонилась к стене, ощущая исходившую от нее прохладу сквозь тонкую рубашку.

– Давай, пошли.

Я умудрилась задремать стоя. Звуки отвратительных скрипок въелись в сознание, не давая насладиться приятным туманом, царившим в голове. Двери чересчур быстро открылись снова, я нахмурилась.

– Что за ерунда. Энни, ты нажала на кнопку?

Сэлотто вдавила кнопку с горевшей белым светом цифрой четыре еще раз. И вновь нас постиг тот же результат. Мы вернулись в холл. Улыбаясь во все свои мелкие тридцать два зуба,

перед нами предстала Мира.

Глава 5
Игра

– Приветствую вас, леди и джентльмен.

Я успела забыть то ощущение, которое обычно вызывало во мне присутствие администратора «Золотой Лилии». Ощущение ужаса. Я нервно сглотнула и покосилась на Джулию. Сэлотто смотрела прямо на портье, но ее рука судорожно вцепилась в ладонь Билла. Ну хоть не мне одной страшно.

– Меня зовут Мира. Наш отель хотел бы пригласить вас принять участие в квесте, организованном в честь недавнего открытия.

– Ого, как нам повезло, Энни! Правда, Элис?

Я обернулась на глуповато улыбающегося Билла. И что в нем нашла Джулия? Заставив себя тоже улыбнуться, чтобы не пугать ничего не подозревающего Пресли, я обратилась к «портье»:

– Мира, мы вам признательны, но, боюсь, уже поздно для ночных приключений.

– Ой, не слушайте ее, с удовольствием примем участие!

Мы с Джулией одновременно посмотрели на Уильяма. От алкоголя его щеки раскраснелись, клетчатую рубашку «украсили» влажные круги в области подмышек, а руку, которую он уже высвободил из ладони Джулии, он переместил своей вновь обретенной девушке на талию.

– Мира, можно вас на минутку? – С трудом сохраняя самообладание, я почти вплотную подошла к администратору. Портье удостоила меня кивком и позволила увести себя в сторону, где влюбленная парочка не могла нас услышать.

– Как ты здесь оказалась? Разве ты можешь покидать свой отель? – прошипела я.

– Нет, но особые обстоятельства, которые должны были свершиться еще на моей территории, позволили мне проследовать за вами. – Ее привычный оскал не предвещал ничего хорошего.

– Какие обстоятельства?

– Разве ты могла забыть того мужчину, что преследовал этих несчастных девушек?

– И ты пришла сюда за ним?

Мира не смотрела на меня, лишь задумчиво поглядывала на оставленных нами Джулию и Билла.

– Элис, честно признаюсь, на светские беседы времени нет. Ты прервала гибель подруги, но ее преследователь всюду идет за

ней, даже если вашему взгляду он недоступен. Твоя задача исполнить свою работу – привести его ко мне.

– Мою работу?! С каких пор я работаю на тебя? – С едва слышного шепота мой голос повысился едва не до крика.

– У вас все в порядке? – громко осведомилась обеспокоенная Джулия.

– Вполне! – рявкнула я не оборачиваясь.

– Как я уже говорила, времени нет. – Давая понять, что разговор окончен, Мира вернулась к моим спутникам.

– Простите, если мы с Уильямом не постояльцы, разве нам можно участвовать в квесте? – зазвенел сталью голос Сэлотто.

– О, друг мистера Пресли, Винсент Флорес, попросил меня включить вас обоих в игру.

Хладнокровная стерва.

– Вам предстоит увлекательное приключение. В распоряжение вашей группы мы отвели первый этаж. Квест закончится в пять утра. Наш актер – черноволосый мужчина с искусно выполненным гримом на лице – будет главным антагонистом. Ваша задача – заманить его в лифт. Неважно, кто из вас это сделает, но лучше выберите лидера команды. – Произнеся слово «лидер», портье многозначительно посмотрела на меня, пронзая взглядом почти бесцветных глаз.

– И что делать дальше? После того, как актер окажется в лифте?

– Вы нажмете на большую круглую кнопку, и наши организаторы поздравят вас с победой, миссис Андерсон. – Невинно, если такое определение вообще можно было применить к сумасшедшей портье, заулыбалась Мира.

– Какой Винни молодец! Надо будет его потом поблагодарить! – Пресли был весьма воодушевлен. А Джулия только с отчаянием взглянула на меня. Я не выдержала ее взгляд и отвела глаза.

– Погодите, а у этого персонажа есть какая-нибудь вымышленная биография? Как нам его ловить-то? – Опьяненные белым вином мозги Билли пытались включиться. Мира с невозмутимым видом открыла было рот, но я не дала ей вставить и слова.

– Я что-то припоминаю, кажется, мне при заселении пришло письмо на почту, в котором содержалось досье на некоего Фрэнка. Подумала, спам, но, видимо, это часть квеста, я правильно предполагаю? – Надеялась, импровизация сработает и Билли лишней информации не услышит. Уголки тонких губ администратора чуть приподнялись.

– Конечно. Приятной игры. Можете начать поиски с холла.

Удачи.

– Она нам понадобится, – сделала я невеселое заключение.

– И что нам делать? – шепнула Сэлотто, воспользовавшись моментом, пока Билл с умным видом изучал рекламные брошюры, оставленные на стойке.

– Надо твоего драгоценного отчима загнать в лифт, после я нажму кнопочку, он отправится в преисподнюю, где ему самое место, и мы все дружно пойдем пить кофе, потому что после всего этого дерьма я не усну.

– Ну что за выражения, Элис! Ты же девушка!

Этот Уильям меня начинал конкретно раздражать.

– Предлагаю разделиться.

– Нет! – хором воскликнули мы с Джулией.

– Нам нужно выбрать лидера, предлагаю Элис, кто «за»? – Вновь мы с Сэлотто сработали синхронно. Билл озадаченно созерцал наши вскинутые вверх руки.

– Ладно, ладно. Но в фойе я никаких подсказок не вижу, может, пройдем в другое место?

Я не могла с ним не согласиться. Мы вернулись к почему-то оставшемуся незапертым ресторану.

– Ну правильно! Если Винни нас включил в игру, то логично начать с его заведения, – Пресли продолжал поражать нас логическими выводами.

Пока Уильям искал одному ему известные пасхалки, я пыталась составить действующий план по выманиваю неупокоенной души мистера Сэлотто.

– Может, нам пойти в мой номер? Он всегда нападал на тебя, когда ты спала. – Больше ничего придумать я не могла. Джулия нахмурилась и покосилась на Билла.

– А с ним что делать? Ему нельзя ничего говорить.

– Он ничего и не узнает. Я сейчас. – Уверенной походкой я направилась к Уильяму, который, сделав сложное лицо, сосредоточенно изучал меню. На французском. Хотя, может, он и изучал французский.

– Кхм. Как успехи?

– Ничего не понимаю! Винни должен был оставить нам хоть какие-то подсказки. – Мне его стало даже немного жаль. Он, в конце концов, ни в чем не провинился.

– Билл, я уверена, что Винсент как твой лучший друг обязательно оставил знак, который понятен только тебе. Поэтому от нас с Джулией, прости, с Анной, толку будет ноль. Так что мы пока с ней зайдем ко мне в номер, примем обезболивающее, а то думать сложно после вина, и вернемся к тебе. Идет? – Не дожидаясь его ответа, я звучно хлопнула приятеля Сэлотто по

плечу и направилась к Джулии.

– Пошли наверх. С ним все будет в порядке.

– Ты уверена, что стоит его оставлять здесь одного?

– А лучше взять Билла с собой ловить твоего маньяка из прошлого?

Губы подруги дрогнули.

– Прости. Я волнуюсь за тебя, Уильяму ничего не угрожает.

На всякий случай поднимались мы по лестнице. Номер хранил темноту и тишину. Джулия, решив приступить сразу к основной части действия, выкинула в мусорку цветы и, улегшись в мою постель с освободившейся вазой, принялась ждать убийцу. Больше обороняться было нечем. Я по заранее обговоренному на лестнице плану спряталась в ванной. Неизвестно, сколько придется ждать. Сидеть на холодном полу в темноте под неустанное капание воды из крана в ожидании, когда на Джулию нападут, было тем еще испытанием. Не представляю, каково было ей. В том, что мистер Сэлотто будет в нашей программе, сомнений не было. Не зря же Мира решила устроить засаду. Не удержавшись, я вытащила мобильный – время два часа ночи. В начале третьего за дверью раздались неясные шорохи. Я напрягла слух. Может, это просто Сэлотто перевернулась в кровати и зашуршала одеялом? Но раздавшиеся после этого приглушенные вскрики явно свидетельствовали о прибытии нашего гостя. Руки задрожали от страха, я заставила себя выбежать из ванной. Как и в прошлые разы, Фрэнк пытался перекрыть доступ кислорода падчерице. На этот раз не руками, а подушкой. Ваза, целая и невредимая, лежала на полу.

– Фрэнк. – Невзирая на дрожь, мой голос оставался ровным и спокойным. Отчим Джулии повернул ко мне свое изуродованное лицо. Воспользовавшись паузой, Джулия, отбросив от себя подушку, подбежала к окну. К слову, за окном царила непроглядная тьма.

– Тебе никогда не добраться до нее, пока я жива. Сначала придется разобраться со мной, ублюдок, – выплюнула я чудовищу угрозу, в которую сама не верила. Какой-то неясный звук, похожий на рык разозленного зверя, вырвался из груди Фрэнка. Инфернальный отчим поднялся с постели и, выбрав новую цель, двинулся на меня.

– Черт! – Я побежала к лифту. Лишь бы не запнуться и не упасть. Ткнула пальцем в кнопку вызова.

– Ну же! Быстрее! – Я отчаянно заколотила по стальным дверям. Позади меня послышалось хриплое дыхание. Отчим Джулии приближался. Двери раскрылись вовремя. Я влетела внутрь кабины, ища взглядом ту самую кнопку. Положив на нее

ладонь, повернулась к Фрэнку. Мои заготовленные слова застряли в глотке: вместе с отчимом в лифт вбежала и Джулия. Они сцепились. Двери кабины захлопнулись.

– Нажимай!

Я не могла послушать подругу. Если я нажму сейчас, когда она тоже внутри, – мы все окажемся внизу. Скорее всего, для Сэлотто это будет необратимо. Для них обоих.

– Чего стои… – Огромные ладони Фрэнка в который раз сомкнулись на горле Джулии. Вот дерьмо. Я пнула что есть силы оживший кошмар подруги в колено. Но это никак не отразилось на мистере Сэлотто. То, как судорожно пыталась поймать воздух Джулия, вызывало у меня панику и чувство бессилия. Мне показалось, в лифте начало светлеть. Под спиной старшей Сэлотто, которой она упиралась в стену, расходилось пламя. Огонь словно зарождался в самой Джулии. Фрэнк в ужасе отступил от своей жертвы, но Сэлотто держала его. Сжигая и его, и себя. Я нажала на кнопку. Было слишком поздно. Кабина падала с невероятной скоростью. Все еще соединенные огнем, Фрэнк и Джулия превратились в единственный источник света. Лампы в лифте давно погасли. Сквозь слезы я видела, как моя подруга с истошным воплем цепляется за отчима, а ее противник с надрывом хрипло рычит. Двери раскрылись. Тьма мгновенно поглотила их страшный свет, заглушив все звуки за одну секунду. Всхлипнув в последний раз, я закрыла глаза и не заметила никакой разницы. Тьма забрала и меня.

Глава 6
Дорогой Уильям

Завернутая в предложенный спасателями плед, я смотрела невидящим взглядом на бушующее пламя, что поглотило отель. Рядом стоял Билл.

– Ее точно нельзя было спасти?

Я отрицательно покачала головой и выдала ложь за правду.

– Точно. Она попала в самый эпицентр. Прости. – Прости, что вовремя не нажала на ту чертову кнопку и не спасла мою Джулию. Твою Анну. Только потому, что испугалась брать ответственность за ее жизнь на себя. В груди больно кольнуло. Словно в сердце появился меч. Сколько умерло по моей вине? Гарольд, бабушка, мистер Миллиган, Марта… и теперь еще и Джулия. Сколько должно было еще людей погибнуть, чтобы я наконец осознала – обернись моя попытка суицида удачей – жизнь без меня стала бы только лучше. Я приносила лишь боль и страдания.

– Хорошие новости! Пожар затронул только нижние этажи, постояльцы, пользуясь лестницей, могут вернуться в номера и забрать вещи.

Разве это хорошая новость? Билл подошел к пожарному и о чем-то его спросил. Наверное, про тело Джулии. Избегая внимания убитого горем Уильяма, я стыдливо побежала ко входу в гостиницу. Внутри стоял невероятный запах гари. Перешагивая через обгоревшие остатки ковра, около едва тронутого недавним огнем ресторана я увидела Миру. Как это возможно? Я стремительно направилась к ней.

– Что ты тут делаешь?

– Пришла попрощаться, вряд ли мы еще увидимся.

– И слава вселенной. Мне наши встречи никогда не нравились. Тебе не кажется, что за поимку Фрэнка цена слишком велика? А? – Злые слезы полились из моих глаз. Чертова портье неопределенно хмыкнула.

– С чего ты взяла, что это была цена? Твоя подруга прожила немного дольше благодаря тебе, но и только. Я бы забрала их двоих еще в Новый год. – Серьезный взгляд Миры пугал. Все было зря?

– Ты чудовище. Ты просто чудовище, Мира.

Мне оставалось только забрать свои вещи из нетронутого пламенем номера и покинуть это место как можно скорее. Сборы не заняли более десяти минут. Мне на глаза попался черный

спортивный рюкзак. Похоже, журналистка его оставила, когда легла в кровать, и после было уже не до него. Я медленно провела рукой по шероховатой поверхности рюкзака.

Передать его Биллу? Станет ли ему от этого лучше? Или я только все усугублю? Хотя куда уж. Недолго поторговавшись с собственной совестью, я все же заглянула внутрь. Среди вещей лежал ноутбук. Вытащив его и усевшись на пол, я поместила лэптоп перед собой. Пароль не требовался. Я пробежалась взглядом по пестрящему файлами, ярлыками и прочим мусором рабочему столу. «*Огненные земли*». С трепетом открыла документ. Услужливый текстовый редактор отправил меня к последней записи.

«Осень. Ад, который, по мнению Анны, или, как ее называл Билл, Энни, находился, несомненно, в ее городе, если это поселение с жителями в две тысячи человек можно было назвать городом. Она угрюмо брела с территории старшей школы домой. В ушах все еще звенел недавно отгремевший звонок, означавший освобождение от одной каторги и переход к другой. В связи с недавними событиями сверстники ее сторонились. „Так даже лучше, не будут донимать“, – пронеслась в голове старшеклассницы злая мысль. И только Билли не терял надежды заполучить ее внимание. Его не пугали ни полицейские, отводившие через день несчастную школьницу в сторонку, задавая одни и те же вопросы по кругу, ни одноклассники, что перешептывались по углам и считали по-своему привлекательную, но ничем особо не выделяющуюся девушку чуть ли не убийцей.

Лишь один Уильям свято веровал в то, что сможет спасти Анну от злых языков и сбежать с ней подальше из этого проклятого города М. Но спасать девушку нужно было не от общества, не от полицейских, даже не от Билла, а лишь от себя самой, ибо единственную опасность для своей жизни представляла одна Анна. К такому выводу она пришла еще в день пожара. Она не могла допустить, чтобы из-за нее пострадал кто-то еще. Особенно Уильям. И поэтому она старалась вести себя с ним как можно холоднее, чтобы уберечь от той неуправляемой силы, что таилась в ней где-то глубоко внутри. Причины, по которым она пробуждалась, были Анне не известны.

Уже с самого порога мать Анны дала понять, что дома ее дочери легче не станет.

– Так, – грозно начала Хелен. Выражение лица женщины не сулило ничего хорошего. – Мне вновь звонила из школы миссис Линн. Скажи мне, пожалуйста, чем тебе так не угодила

математика? – Собственно, кроме несправедливо выставляемых оценок миссис Линн, Анну все в этой науке устраивало. – Опять F, ты хотя бы иногда задумываешься о будущем? О колледже?

– А что? У нас разве есть на него деньги?

Мать едва не задохнулась от той возмутительной дерзости, которую с равнодушным лицом выдала Анна. Дочь быстро поднялась к себе в комнату, не став дожидаться реакции матери.

Почти все мысли Анны сводились к Биллу, к размышлению о правильности ее решения. Может, и не случится ничего? Уильям для Анны был единственным человеком за исключением сестры, благодаря которому жизнь казалась чуть менее невыносимой. Она открыла одну из школьных тетрадей и вырвала оттуда листок.

„Мой дорогой Уильям. Прости меня за то, что так отдалилась от тебя. Я не могу назвать причин или дать разумных объяснений моему поведению, но, как ни банально это прозвучит – дело не в тебе. В мире так много странного и необъяснимого, я не хочу, чтобы ты счел меня сумасшедшей. Прошу, поверь мне, наш с тобой маленький мир – самое важное для меня сейчас. Я осознала, пусть и недавно, что я тоже тебя люблю. Приходи ночью, когда все уснут. Анна“.

На следующий день, после занятий, Анна передала записку Биллу, приложив при этом указательный палец к своим губам в знак молчания. Недоумевающий Пресли посмотрел на сложенный листок, вложенный ему в руку, а когда захотел что-то спросить, одноклассница уже устремилась к выходу из школы.

Сидя у себя в спальне, Анна отсчитывала минуты до прихода Билла, хоть и не до конца была уверена, что он примет ее приглашение. Мать и сестра уже давно спали. Спустя полчаса ожидания она начала терять надежду на его появление. Но знакомый звук удара камешков о стекло заставил сердце биться быстрей. Выглянув в окно, девушка с облегчением увидела Уильяма, правда, без мотоцикла.

– Поднимешься?

– Конечно. – Билла не нужно было просить дважды.

– Где твой мотоцикл? – полюбопытствовала Анна, приблизившись к Пресли и убрав с его лба непослушную прядку.

– Спрятал, подальше от глаз миссис Сэлотто. – Билл с улыбкой поймал ладонь одноклассницы и прижался к ней щекой.

– Прости меня, – прошептала Анна, несмело касаясь губ Уильяма своими губами.

– Разве я могу на тебя обижаться, – отстранившись после короткого поцелуя, так же тихо ответил Уильям.

Та ночь стала для них прекрасным началом нового, светлого будущего, что ждало их двоих. И никакая сила не смогла бы их разлучить».

На глаза навернулись слезы. От меня нужно спасать людей. Джулия действительно любила Билла. А я не смогла предотвратить ее смерть. Зайдя напоследок в ванную и умывшись, я убрала ноутбук обратно в рюкзак. Подхватив свою сумку, поспешила покинуть отель. Пожарные собирались уезжать, а Пресли все еще стоял неподалеку от входа в отель. На его впалых щеках виднелись дорожки от еще не высохших слез.

– Эй, – я осторожно тронула Уильяма за руку, – мне кажется, это должно быть у тебя, – едва слышно проговорила я, вручая ему рюкзак Джулии. Он машинально забрал его.

– Что мне с ним делать? – От звучавшей в его голосе скорби хотелось бежать, закрывая уши руками.

– Отдай матери, оставь себе, как хочешь. – Я пожала плечами. Очень хотелось покинуть и это место, и самого Билла.

– А что мне сказать Хелен?

– Можешь передать лично от меня, что о детях нужно заботиться лучше.

Оставив ошарашенного Пресли наедине со своим горем и вещами Джулии, я пошла прочь.

Квартира Джулии вызывала смешанные чувства тоски, пустоты и отчаяния. В ней царил тот же беспорядок, что и перед нашим с ней скорым отъездом в Техас. Спонтанная поездка обернулась очередным кошмаром. Не зная зачем, я принялась наводить порядок. Касаясь одежды Сэлотто, я ощущала вину, и вскоре сдерживать слезы стало невозможно. Я просто осела на пол и, уткнувшись носом в пахнувший горьковатыми духами свитер Джулии, зарыдала. Звонок, наверное, и правда был сломан, в дверь кто-то стучал. У меня не было сил подняться и отпереть дверь.

– Это Джакомо. – Голос итальянца проник в сознание, отрезвляя и приводя в себя. Я вытерла лицо свитером и, поднявшись с ламината, направилась открыть соседу дверь.

– Привет, извини, сейчас не лучшее время.

– Что случилось? Где Джулия? Ее маленький поросенок совсем истосковался по хозяйке. – Из-за влаги на моих глазах лицо Сарто выглядело расплывчато. Утерев руками уже начавшие болеть глаза, я взглянула на обеспокоенного соседа. Моджо, о боже. Похоже, настоящая владелица решила его не забирать.

– Ты не мог бы пока придержать поросенка у себя? Мне нужно

тебе кое-что сообщить. Проходи. – Я впустила Джакомо в хаос квартиры. Мои попытки справиться с гейзерной кофеваркой нельзя было назвать успешными. Руки дрожали, казалось, я ничего не видела перед собой. Джакомо приблизился ко мне. Мягко отодвинув меня в сторону, он предложил:

– Давай помогу, присядь пока.

Определенно, с приготовлением кофе сосед справлялся лучше. Поставив на стол две белые кружки с ароматным напитком, он тоже сел за стол.

– Итак, что ты хотела мне рассказать? – Его терпению могла бы позавидовать сама королева.

– В холодильнике молоко, передай, если несложно.

Джакомо выполнил мою просьбу. А я чувствовала, что не должна радовать себя кофе с молоком, когда Джулия мертва.

– Прости. Были тяжелые выходные. Мы с Джулией решили навестить ее мать в Техасе…

Рассказ вышел сумбурным, я опустила детали, касающиеся отчима Сэлотто и событий в лифте отеля. Для Джакомо смерть соседки оказалась ударом.

– Но как? Просто сгорела в пожаре? Джулия? Я не могу в это поверить. – Он отвернулся от меня, спрятав лицо за волосами. Не хотел, чтобы я видела его слезы. Звонок моего мобильного почти заставил меня подскочить на месте.

– Извини, я сейчас. – Торопливо принялась искать телефон. – Да? – Вновь не взглянула на номер входящего.

– Элис, привет, прости, но я не могу больше напоминать, что ты должна приехать в Лондон. – Только мужа мне сейчас не хватало.

– Так не напоминай. – Усталость не позволяла вступить в новую перепалку с Джо.

– Придется тебе сообщать подобное по телефону, иначе ты так и не вернешься. Дорогая, тебе нужно успеть попрощаться с Элизабет.

– Она что, умирает? – Я хмыкнула.

– К сожалению, да, Элис. Постарайся успеть. – Из динамика раздались короткие гудки.

– Элис? – Сарто подошел ко мне. – Ты в порядке? Кто звонил? На тебе лица нет.

Я истерично расхохоталась:

– В порядке? В порядке?! Мне муж только что сообщил о том, что моя мать при смерти, а ты говоришь, в порядке. – Вцепившись руками в свои волосы, я плюхнулась на стул.

– Ты замужем? – удивился Джакомо. Я сообщила ему о смерти Джулии, о том, что моя мать умирает. А его волнует мое

семейное положение?

– Поверь, это сейчас наименьшая проблема.

Нужно было собираться в Лондон.

Часть VIII
Прощение

Глава 1
Багровая стена

Я лежала в постели Джулии и тупо пялилась в стену. Трещина, возникшая не так давно, струилась вниз от потолка и простиралась, по всей видимости, до самого пола. Из-за придвинутой вплотную к стене кровати судить было сложно. Я чуть поддела острым ногтем кусок краски, отходящий от стены. Как скорлупка вареного яйца, она легко отвалилась и осела на простыню. На этом я не остановилась. Мне показалось, что под краской стена влажная на ощупь. Наверное, дом сыреет, начались дожди. Зажгла свет. Всю трещину заполняла жидкость вишневого цвета, стекавшая в свободный от штукатурки участок стены. Взглянула на свою руку – под ногтями обозначился бордовый ободок, а подушечки пальцев окрасились в красный. «Это кровь Джулии», – пронеслась в голове мысль, и я проснулась.

Остатки кошмара слетели с меня за пять минут до сигнала будильника. Сегодня я возвращалась в Лондон. Вещи были собраны, квартира убрана. Вчера состоялась встреча с владельцем апартаментов. Мои последние средства ушли на переоформление контракта – студию я решила оставить за собой. У меня на удивление наконец-то была работа, на которую, к слову, я должна была скоро отправиться. Не знаю, захотят ли меня сохранить в штате. Мой неизбежный отъезд, да еще и на неопределенный срок, вряд ли сыграет мне на руку. Может, получится работать удаленно? В любом случае возвращение в Англию неотвратимо. Благодаря нагревателю, не желавшему функционировать должным образом, холодный душ быстро помог мне окончательно проснуться. Обтерев пушистым полотенцем свое тело, что успело продрогнуть, я с наслаждением нырнула в любимый голубой свитер, неплохо сочетавшийся со светлыми джинсами. Свитер был немного великоват, но я чувствовала себя в нем настолько уютно и защищенно, словно его кашемировое тепло могло спрятать меня от всего мира, который стал так немилостив в последнее время.

Когда я спускалась по лестнице, мое внимание привлекла газета, оставленная кем-то на подоконнике. Взяв издание в руки, я с ужасом обнаружила, что для первой полосы выбрали новость о пожаре в далласском отеле.

В статье не было ни слова о погибшей в огне журналистке. Только упомянули о жертвах и сокрушались по поводу зря потраченных денег на недавний ремонт гостиницы. Лицемеры.

Вернув газету на место, я быстрым шагом направилась к ожидавшему меня такси. Не думала, что сегодняшнее утро может стать еще хуже.

Ливень застиг меня врасплох. На неделе случались небольшие кратковременные дожди, а тут лило как из ведра. Свитер вымок в одно мгновение.

– Ну и погодка, – я вымученно улыбнулась водителю в зеркало заднего вида. Он угрюмо что-то пробурчал, и до самой редакции мы ехали в полном молчании.

Роксана стояла с мрачным видом у входа в здание. Пропуск принадлежал Джулии, но найти белый прямоугольник в вещах погибшей подруги я не смогла. Рокси пришлось спуститься, чтобы лично встретить меня. Теперь мы предстали перед стеклянными дверьми с табличкой Medicine: Beyond Tradition, и я, переминаясь с ноги на ногу, ждала, когда Роксана наконец позволит мне войти.

– Вам нужно сделать свою карту, – недовольно пробурчала секретарь, прикладывая белый магнитный ключ к считывателю.

– Спасибо, что встретили. Займусь этим в первую очередь. – Я умолчала о том, что в ближайшее время ключ мне вряд ли понадобится. Новость о смерти Сэлотто я сообщила Роксане еще в день прибытия из Далласа. Она приняла это спокойно. Даже слишком.

– Вас ждет мистер Падоян в своем кабинете, – будничным тоном известила меня секретарь. Ну да, жизнь продолжается, мир не рухнул. По крайней мере, для Роксаны.

Когда мы вошли в редакцию, внутри царила вполне обычная рабочая атмосфера. Девушка, которую я запомнила как Джанет, так же, как и в прошлый раз, была целиком сосредоточена на работе. Я подошла к ней.

– Привет, Джанет, помните меня?

Журналистка оторвала взгляд от монитора.

– Доброе утро, да, конечно. Элис? Верно?

Я кивнула и спросила:

– Слышали про Джулию?

– Роксана нам рассказала еще в понедельник, по крайней мере, тем, кто приходит сюда каждый день. Грустно, конечно. Примите мои соболезнования. – Особо печальной Джанет не казалась. Я нахмурилась.

– Вы не были подругами?

– Мы могли поболтать в офисе, но приятельницами нас назвать сложно. *Было сложно*. Извините, мне нужно заняться статьей, выпуск на носу. – Тряхнув кудрявой головой, журналистка вновь сосредоточилась на экране. Ясно. Репутация

Сэлотто, похоже, была далека от идеала. Я направилась в приемную Артура. Роксана, окинув меня безразличным взглядом, равнодушно уведомила:

– Мистер Падоян про вас уже спрашивал. Проходите.

Войдя в прохладное помещение, я удивилась разительным переменам, что произошли с кабинетом главного редактора. Преобладавшие ранее темные тона и массивная мебель уступили место хорошо освещенному пространству, обставленному в лаконичном скандинавском стиле. Да и сам сын Дэвида, одетый в светлый льняной костюм, вполне соответствовал обстановке.

– Миссис Андерсон, садитесь, – властно велел мне новый глава журнала, указывая крупной ладонью на кресло перед его столом.

– Можно просто Элис, – я старалась выглядеть милой. Дверь со скрипом отворилась.

– Я предпочту прежнее обращение.

В кабинет заглянула невозмутимая Роксана.

– Мистер Падоян, я принесла договор, систему обещали установить к следующей среде. – Она заботливо сложила документы перед Артуром ровной стопочкой.

– Благодарю, миссис Трэверс.

А как же «Рокси»?

– Итак. Мы, конечно, все очень огорчены трагической гибелью мисс Сэлотто, – продолжил мистер Падоян. Услышав эти слова, Роксана неопределенно хмыкнула и в мгновение ока ретировалась. Это еще что значит?

– Но мы должны двигаться вперед. Вы принесли последние материалы, над которыми работали совместно с мисс Сэлотто?

Я протянула Артуру флешку, которую все это время крутила в руках.

– Мистер Падоян, – неуверенно начала я, – у меня тяжело заболела мать. Она живет в Лондоне, и мне важно успеть проститься с ней. Понимаю, что я только устроилась, и неудобно вас об этом просить. Но мне действительно нужно уехать. – Артур внимательно изучал мое лицо. Его круглые карие глаза сузились.

– Сочувствую. Когда планируете вернуться?

Вот в этом-то и вопрос.

– Я не знаю.

– Не знаете? – Редактор вскинул брови.

– Мистер Падоян, я не прошу вас об отпуске. У меня есть возможность работать удаленно, я вернусь, как только все семейные дела будут улажены. – Мои глаза с мольбой заглядывали в такое знакомое лицо. Артур был молодой копией Дэвида. Но только внешне. Ни тени того добряка.

– Миссис Андерсон, я прекрасно понимаю, как сильно могут затянуть подобные… обстоятельства, но как вы будете писать про Лос-Анджелес из Лондона?

Об этом я не задумывалась. Только если брать интервью по телефону и интернету. Или просто делать обзоры на заданные темы. У меня возникла идея.

– А что, если я буду писать о Лондоне? Поскольку журнал специализируется на нетрадиционной медицине, рубрика о подобных методах в Великобритании могла бы разнообразить ваше издание.

Артур заинтересованно подался вперед.

– Ладно, пойду вам навстречу. Изложите свои идеи по прибытии домой.

– Большое спасибо. Обязательно. – Я поднялась со стула.

– Элис.

Изумленная, я обернулась, услышав свое имя, а не официальное обращение.

– Мне правда жаль.

– Мне тоже, спасибо.

Попрощавшись с редактором, я покинула кабинет.

Глава 2
Возвращение блудной дочери

Зима в Англии была не такая суровая, как в Петербурге, но контраст с калифорнийской погодой ощущался явно. В Барселону я улетела до Нового года, захватив с собой лишь темно-серое кашемировое пальто. Ветер усилился, испытывая мою верхнюю одежду на прочность. Подняв воротник, я подбежала к вызванному заранее кебу. Тепло салона автомобиля казалось спасением. Белые хлопья снега прилипли к моим плечам. Стряхнув их кожаными перчатками, пока снежинки не начали таять, я подтвердила адрес поездки, и мы отправились в родовое гнездо семейства Андерсон. Через пятнадцать минут колеса кеба громко зашуршали по белому гравию подъездной аллеи, распугав этим звуком стаю голубей, мирно гулявших на дорожке. Водитель остановил машину у кованых высоких ворот. Не хотелось лишний раз объяснять охране что-либо, и я, расплатившись с таксистом, вышла из машины. Пройдусь немного, пусть и с чемоданом.

Увядающая красота фамильной усадьбы впечатляла. Штат работников Андерсон Мэнор трудился на славу. Фонтан, даже выключенный на зиму, придавал ухоженному двору некое подобие величия. Опавшие листья, по всей видимости, были собраны еще до первого снега, а саму дорожку садовники расчистили от оного. У массивных дверей главного входа меня встретил Джозеф, видимо, помня, что никому из работников я не отдам свои вещи. Не из снобизма, конечно. Только из тех соображений, что я такого отношения недостойна и в доме по-прежнему чувствовала себя чужой.

– Рад, что ты наконец вернулась. Давай чемодан.

Устав тащить за собой донельзя набитого вещами дорожного мамонта, я без препираний вручила его мужу. Пусть помогает, если ему так хочется. Я стащила с себя успевшее намокнуть пальто. Джо не стал проявлять галантность и помогать мне освободиться от верхней одежды. И правильно, хоть чему-то научился за эти годы.

– Устала?

Очень хотелось поверить, что его забота неподдельна.

– Немного, – кивнула я. Мы начали восхождение по лестнице на второй этаж. В доме стояла подозрительная тишина, и никто из работавших в особняке людей нам с мужем так и не встретился.

– Как мама? – осмелилась задать я вопрос.

– Увидишь скоро сама, – хмуро пообещал супруг. – Отдохни пока, разбери вещи. – Хорошо, что решила остаться здесь, а не в квартире.

Вкатив свой чемодан в нашу с мужем прежнюю спальню, я окинула Джозефа почти безразличным взглядом. Я не собиралась делить с ним комнату. Даже для поддержания видимости наших хороших отношений. Ведь я прибыла сюда в том числе и для того, чтобы разрубить наконец этот узел. Разводимся, не разводимся – пора поставить в этом деле жирную точку. В нашей нелепой игре уже не имелось никакого смысла.

– Не волнуйся, тебе явно будет не до меня в ближайшие дни, я буду спать в гостевой комнате. К тому же у меня накопилась куча дел в Лондоне. Пришлось все бросить, чтобы ухаживать за мамой.

Меня одолевали смешанные чувства. С одной стороны, я была рада, что нам с Джо не придется делить спальню, а с другой – эта выставленная напоказ жертвенность злила меня до зубовного скрежета.

– Спасибо за понимание. Пожалуй, я приму ванну. – Джозеф улыбнулся и, сказав, что в таком случае не будет мне мешать, поспешно покинул спальню, любезно притворив за собой дверь. Может, и правда полежать немного в горячей воде?

Пока я отмокала, укрытая белоснежной пеной, пахнущей ванилью, даже, скорее, ванилином, в голову лезли весьма нерадостные мысли. Были они отнюдь не о состоянии дражайшей матушки. Все сводились к Джулии. Я ощущала острую нехватку ее общения, поддержки, даже невыносимого буквально еще две недели назад сарказма. Пусть не все было между нами гладко, но с ней чувство одиночества на время притуплялось. Тоска охватила мою душу и терзала ее подобно озлобленному волку. Я погрузилась с головой под воду. Хватит страдать.

После горячей ванны мне значительно полегчало. Теперь мой главный страх – встреча с матерью. И ужас заключался, конечно, не в самой встрече, а в том, что, если она действительно больна и я увижу это собственными глазами, моя мама правда умрет. Окончательно. Надев нарочито яркое платье, чтобы не выглядеть, как на преждевременных похоронах, я направилась в комнату Елизаветы Андреевны.

В ее спальне стоял сухой воздух, в котором витали резкие запахи лекарств, смешанные с ароматом лилий, торчащих из фарфоровой вазы на прикроватной тумбе. Эти чертовы лилии Елизавета Андреевна впихивала всегда и везде. Мать полулежала в кровати, ее голова покоилась на трех больших атласных подушках, а она сама была укрыта одеялом вплоть до

подбородка, несмотря на духоту. Так и перегреться можно.

– Здравствуй, Алиса. Ты пришла, – на русском, но с некоторым акцентом из-за редкой необходимости обращаться к родной речи поприветствовала меня мать. Я медленно приблизилась к ее постели. От страха мои ладони взмокли.

– Привет. – Осторожно присев на краешек кровати, я вытерла о платье руки. Мама завозилась в постели, стараясь подняться повыше. На нее было больно смотреть. Еще совсем недавно, каких-то полгода назад, я видела женщину с прямой спиной и властным взглядом. А сейчас передо мной предстала почти старушка, стоящая на краю смерти. Горько. Такие перемены стали для меня неожиданностью. Как я и боялась – она действительно скоро умрет. Я неосознанно взяла мать за руку.

– Алиса, – ее голос шелестел подобно сухой листве под ногами. Звучал надломленно, каждое слово давалось ей с трудом. Я нервно сглотнула и молча сжала ладонь Елизаветы Андреевны. – Признаюсь, я потеряла надежду, что ты придешь. Рада видеть тебя. – Она растянула потрескавшиеся губы в улыбке. Трещинки на нижней губе закровоточили. Я судорожно вздохнула, едва сдерживая слезы. Кто за ней ухаживает? Вряд ли сам Джозеф.

– Возможно, я и была тебе плохой матерью. Даже и вовсе ей не была. Не прошу тебя меня понять, но перед своим… – мама замялась, стараясь подобрать нужное слово, – уходом, – она остановилась на менее трагичном варианте, – хотелось бы получить твое прощение, чтобы уйти достойно.

Я хранила молчание, не отнимая руки, и несмело глядела на мать. Елизавета Андреевна первая отвела глаза.

– В Чарльза я влюбилась по-настоящему. Пусть это меня и не оправдывает, но мне важно объяснить, почему я тебя оставила с бабушкой. Я была напугана и совершенно не верила, что из меня получится хоть сколько-то приличная мать. Наш брак с твоим отцом – глупая ошибка. Только когда мой покойный второй муж забрал в наш дом осиротевшего Джозефа, я наконец-то поняла, что такое быть матерью. И вот в один прекрасный день мой сын приводит тебя в нашу семью. Подумать не могла, что Джозеф встретит мою родную дочь и женится на ней. Но как я могла разрушить его счастье, сказав, что он выбрал в жены мою дочь? О которой, к слову, он и не подозревал. О твоем существовании знал только Чарльз. – Мама замолчала. А я почувствовала, как меня трясет от гнева. Я убрала руку.

– Ты имеешь право злиться, но в тот момент для меня ребенком был только Джозеф. Милый Джо. Чувство вины подтачивало мое сердце, как могильный червь. Чарльз еще при

жизни разделил наследство между детьми. У Джо достаточно денег и имущества. Я наследовала после смерти мужа особняк. Конечно, я осознавала, что этого не хватит, чтобы искупить мои грехи перед тобой, но в тот же день, когда нотариус озвучил последнюю волю сэра Чарльза, я переписала завещание, и моей наследницей стала ты. Теперь Андерсон Мэнор по праву принадлежит тебе, Алиса. Надеюсь, ты все-таки станешь счастливой.

Несколько опешив, я в замешательстве посмотрела на мать. Думала, удивить меня это семейство уже не в силах. Странно, Елизавету Андреевну я к своей семье не относила. Совсем.

– Я очень признательна… Но как же Джозеф? Не примет ли он подобное решение как предательство?

Мама неожиданно рассмеялась. Слабо, хрипло и как-то придушенно.

– Джо, разумеется, может быть иногда непредсказуем, спонтанен, но сердце у него доброе. Он любит тебя, не сомневаюсь.

Еле сдерживая негодование на такое откровенное нежелание Елизаветы Андреевны замечать очевидные вещи, я принялась разглядывать собственные ногти, которые уже успели оставить отпечатки в виде полумесяцев на ладонях. Когда я разжала кулаки, следы от ногтей налились кровью. Я вытащила салфетку из коробки, что стояла на прикроватной тумбе, и промокнула выступившие алые капли.

– Ты была очень прозорлива в своем решении покинуть нашу квартиру и отправиться в Лондон за богатым мужем, но вот в отношении приемного сына ты совершенно слепа. – Я поднялась с постели, сжимая салфетку в руках и с вызовом глядя на мать. Та приподняла тонкие брови.

– И чего же я, по-твоему, не замечаю?

Прикрыв веки, я сосчитала про себя до трех.

– Джозеф давно утратил все чувства ко мне. Все, кроме раздражения и неопределенности.

За окном начался снегопад, и белые хлопья липли к кристально чистым стеклам. Хотелось распахнуть настежь закрытые окна и впустить свежий воздух вместе с кружившимися в танце снежинками в затхлую комнату. Мне становилось нечем дышать.

– А что ты чувствуешь, дочка?

Услышав такое простое, но настолько неправильно прозвучавшее из уст Елизаветы Андреевны слово, я отвлеклась от созерцания белой пелены и вновь обратила свой взор на матушку.

– Прости, мама, но, кажется, я сейчас не способна что-либо

испытывать к мужчинам. Я слишком устала.

Уголки рта матери дрогнули. Улыбка на лице мамы смотрелась так же неуместно, как клоун на похоронах. Снова мысли о смерти. Мне оставалось лишь печально вздохнуть и решиться на один отчаянный поступок. Я подошла к изголовью кровати и, наклонившись, оставила невесомый поцелуй на щеке мамы. Это жест вышел столь же неловким, как и все наше с ней общение. Быстро сделав шаг назад, я отметила, как Елизавета Андреевна медленно дотронулась чуть дрогнувшими пальцами до того места, где только что были мои губы. Не давая ей возможности прокомментировать случившееся, я стремительно удалилась из покоев матери.

Глава 3
Старый друг

Лилии. Белыми цветами, запах которых вызывал головную боль, украшали и свадьбы, и дни рождения, и похороны. Я тщетно пыталась стряхнуть с лацкана черного пиджака оранжевую пыльцу, намертво прилипшую к ткани. *Намертво*. Мы с Джозефом сидели в первом ряду, откуда был хорошо виден открытый гроб. Организацию похорон родной матери мне не доверили, и потому мой муж полностью взвалил эту ответственность на свои плечи. Местная церковь до неприличия обрадовалась возможности провести панихиду. Для церкви Святого Варфоломея, стремительно терявшей прихожан в последнее время, поминальная служба известной персоны могла увеличить паству. Я не имела права их винить, скорее, чувствовала облегчение, что эта неотвратимая трагедия хоть кому-то принесла пользу.

Сегодня многие жители небольшого городка осмелились присоединиться к нашему трауру. Зал, заставленный треклятыми лилиями, пропахший ладаном, который буквально въелся в стены церкви, был полон. Полон людей, которых я ни разу в жизни не видела, за исключением моей золовки Виктории и ее семьи. Не в силах смотреть на мать, что выглядела такой живой благодаря стараниям гримеров, я переводила взгляд со священника на горевшие свечи и обратно. Чуть повернув голову вправо, мы встретились взглядами с мужем Виктории. Он тупо пялился на меня, и его без того малосимпатичную физиономию уродовала улыбка умственно отсталого. Блестевшую на свету лысину покрывала испарина. Я содрогнулась от омерзения и поспешила отвернуться. Слова священника были неразличимы для меня. Их смысл ускользал, подобно речи на незнакомом языке. В гробу вместо мамы я упорно видела Джулию. Ногти вновь впились в едва зажившие ранки на ладонях. С моих губ сорвался тихий стон.

– Дорогая, тебе нехорошо? – Джо тронул меня за колено. Нужно было надеть брюки, а не юбку. Я невольно дернула ногой.

– Все в порядке, просто голова от запахов разболелась, – шепотом врала я нелюбимому супругу прямо на похоронах матери. Хотелось встать и уйти. Но я боялась не выдержать любопытных взглядов, которые неизбежно провожали бы меня до самых дверей. Я осталась сидеть на своем месте. Не успев опомниться, мы покинули тесную церковь и направились на кладбище. Я замыкала шествие. Джо, забыв о своей роли верного

мужа, спешил отыграть до конца образ преданного и любящего сына, помогая нести гроб четверым неизвестным мне мужчинам. Пальто не справлялось со своей задачей уберечь меня от холода, поэтому я, подняв воротник и обхватив себя за плечи, дрожала, как лист на ветру. Кто-то накинул поверх моего пальто какую-то тяжелую ткань. Вздрогнув, я завертела головой по сторонам. Никого рядом не обнаружила. Знакомый успокаивающий запах лаванды заполнил мои ноздри. Я медленно перевела взгляд на обретенный предмет. Моя любимая шаль, принадлежащая когда-то бабушке, согревала меня сейчас. Все же определенно стоит заглянуть к доктору Белл.

Звуки, доносившиеся от толпы людей, одетой, точно назло белизне снега, сплошь в черное, стихли. Силуэты превратились в едва различимые точки, мелькавшие где-то вдали. Разве можно было за это короткое время так отдалиться от них? Я прибавила шаг. Но чем больше я стремилась к ускользающим от моего взора точкам, тем дальше они уходили. Остановилась. Обернулась вокруг своей оси. Место казалось смутно знакомым. В окружении каменных надгробий я почувствовала себя весьма неуютно. На кладбище это было вполне объяснимо. Вот только погост, на котором я оказалась, находился от нашей церкви в нескольких десятках миль. *Тоттенем*. Мое больное воображение рисовало густые тени, скрывавшие в своем мраке голые ветви деревьев. Из звуков – только мое сбившееся дыхание да громкий стук сердца. Понимая, что догнать ушедшую вдаль процессию мне не удастся, я развернулась и направилась в обратную сторону. С каждым моим шагом темнота подступала все ближе, пока, вопреки всем законам природы, не наступила ночь.

Снег скрипел под моими подошвами, запах лаванды, исходивший от шали, успокаивал. Я чувствовала себя лишенной всякого выбора и безвольно следующей указаниям невидимой руки. Пройдя кладбище, я очутилась на пустой дороге, по моим предположениям, ведущей в никуда. Как и в прошлый раз, когда я провожала в последний путь мистера Миллигана, перейдя шоссе, я оказалась в лесу. Совершенно не понимая, в какую сторону мне следует идти, я все равно была уверена в том, что сегодня в трамвае выпью чаю со старым другом. Луна освещала обнаженный лес неестественно ярко, и, кроме моих собственных неспешных шагов, других звуков я не слышала. Вскоре вдалеке замерцали желтые огоньки окошек старого трамвая. К своему удивлению, я была почти этому рада. Впрочем, если выбирать между бесцельным блужданием в темном лесу и теплым чаем в компании знакомого лесника, определенно второй вариант импонировал мне куда больше. Ускорившись, я заспешила к

трамваю. Едва я достигла цели своего пути, как остановилась и замерла, не дойдя до хижины и пары ярдов. В груди будто разлили свинец. Забыв, как дышать, я уставилась в горевшие окна. Рассеянный мягкий свет освещал силуэты двух женщин. Очень знакомых женщин. Моя мама и бабушка собирались пить чай. Кажется, я вовремя.

Не успела я постучать, как дверца трамвая со скрипом отворилась и передо мной предстала бабушка. Алевтина Анатольевна тепло улыбнулась мне и, поправив свою же шаль на моих плечах, тихонько произнесла:

– Ох, Алисочка. Вся в снегу. Заходи скорее, мы тебя заждались.

Потеряв дар речи, я проследовала за бабушкой внутрь хижины. Пахло как в родном доме, в Петербурге. Аромат бергамота и свежей выпечки витал в воздухе. Мама, вполне живая, с румянцем на щеках, сидела за круглым столом и медленно размешивала сахар в чашке. Выглядела она лет на десять моложе, чем во время нашего с ней последнего разговора.

– Мама? – Я сглотнула слюну. Во рту от волнения пересохло. Алевтина Анатольевна обошла маму со спины и положила руки ей на плечи. Моя семья снова со мной. Только вот почему?

– Алиса, не стой, садись за стол, – мама все так же разговаривала с легким акцентом. Да, ласкового тона от нее не дождешься даже после смерти. Дрожа всем телом, я опустилась на стул, не удосужившись снять с себя пальто. Бабушка, погремев посудой в кухонном шкафчике, вытащила на свет забавную чашку с нарисованным котенком в розовой юбке. Мою любимую. Твердой рукой Алевтина Анатольевна налила мне чай.

– А где Эйч? – только и смогла спросить я.

– Ты про Гарольда, моя дорогая? Он ушел. То есть совсем ушел, навсегда. Хороший парень. Как Лизочку привел, так и попрощался с нами. Вернулись мы с ней из белого света и не видали его больше. – Бабушка от переполнявшей ее горечи поджала губы и отвернулась к тумбе, чтобы забрать вазочку с вафлями. Хотя от меня не утаилось, как украдкой Алевтина Анатольевна смахнула выступившие слезы.

– Ты все это время была с Эйчем? – Потеря Харона для меня стала не меньшим горем, чем гибель Джулии и мамы. Но мама-то сейчас была рядом со мной.

– Да. Всегда боялась смерти, и он предложил мне остаться и занять его место. Стать проводником. Я с радостью согласилась. Ведь теперь я смогу помогать тебе. – Бабушка присоединилась к чаепитию.

– Помогать? То есть тебя не удивляет, что твоя внучка тоже здесь? – подала голос Елизавета Андреевна. Хороший вопрос. Бабушка подула и осторожно отхлебнула из чашки. Мы с мамой терпеливо ждали ответа.

– Признаюсь, нет, не удивлена. Алисочка давно мне рассказала о своих приключениях, и когда я сама познакомилась с милым Гарольдом, то окончательно убедилась в правдивости ее слов. Хоть и поверила тебе не сразу, дорогая, – Алевтина Анатольевна коснулась теплой и сухой ладонью моей руки. Мама нахмурилась.

– Этот садовник вовлек мою дочь в столь темную историю, а теперь и ты, мама, вместо того, чтобы Алиса забыла все эти загробные глупости и жила нормальной жизнью, поощряешь ее появление?

Я почувствовала, как рука Алевтины Анатольевны дрогнула. Теперь мы для Елизаветы Андреевны мать и дочь. Ну надо же.

– Лизавета, – сердито окликнула дочь бабушка. Школьная учительница проснулась в ней в мгновение ока. – Алиса не может это контролировать. Я только почувствовала, что она должна скоро появиться. – Мама ледяным взглядом продолжала пристально смотреть на Алевтину Анатольевну. По всей видимости, преодолевая внутреннее сражение, Елизавета Андреевна сдалась.

– Алисе все равно придется разобраться с тем, что происходит в реальном мире и…

– Вообще-то я еще здесь, можно обращаться напрямую ко мне, – не выдержав, прервала я обсуждение моей скромной персоны. Чашки зазвенели, ударяясь о блюдца. Трамвай пришел в движение. Нет, еще рано, я была не готова прощаться.

– Мне пора, правда, мама?

Бабушка с тоской взглянула на Елизавету Андреевну.

– Это не я решаю, дорогая.

За окнами начало понемногу светлеть.

– Алиса, – почти шепотом обратилась ко мне мама, – я правда люблю Джозефа и всегда считала его хорошим человеком… Знаешь, не стоит недооценивать моего сына.

Я поежилась, услышав то, как мама назвала моего мужа своим сыном.

– Он не знает о нашем с тобой разговоре. Не могу представить, как он отреагирует на завещание. Береги себя.

Мне показалось, что белый свет слишком скоро заполнил наш трамвай и поспешно вернул меня на дорожку близ церкви.

Я стояла посреди пустой дороги, заметенной снегом, и

цеплялась руками за свои плечи, на которых больше не было бабушкиной шали. Сдержать непрошеные слезы я не смогла. Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

– Вот ты где, я всюду тебя ищу, пойдем скорее в машину. Не думал, что ты не захочешь проводить маму в последний путь, – раздался баритон мужа почти у самого моего покрасневшего от мороза уха. Джо возник точно из воздуха. Он довольно крепко ухватил меня чуть повыше локтя и потащил к стоянке.

– А вот тут ты ошибаешься, я как раз ее и провожала, – горько шепнула я куда-то вниз.

– Ты что-то сказала? – остановившись и чересчур серьезно на меня посмотрев, сказал Джозеф. В его пронзительных голубых глазах я заметила искру безумия, что некогда скрывалась в зелени глаз Евы. Прогнав наваждение, я смогла выдавить из себя улыбку.

– Ничего, мне просто все еще нехорошо. Идем.

Удовлетворившись этим ответом, муж отвернулся, и я почувствовала облегчение от того, что он больше не смотрел на меня.

Глава 4
Наследство

Прошла ровно неделя после похорон леди Элизабет Андерсон. Елизаветы Андреевны. Моей мамы. В большом кабинете, заставленном книжными шкафами, за массивным столом из красного дерева восседал маленький невзрачный мужчина. В огромном кожаном кресле он смотрелся едва ли не карликом. Его выпуклую лысину обрамляли редкие седые волоски, а сам семейный нотариус Питер Николас Копленд нервно промокал карманным носовым платком блестящий от пота лоб. Нельзя сказать, что в комнате было жарко. Отнюдь. Для оглашения завещания были приглашены мы с Джозефом, моя золовка Виктория, бледная как смерть экономка да кухарка, которая из-за приливов жара обмахивала себя газетой. Повариха и нотариус переглядывались и сочувственно улыбались друг другу. Пока эти двое обливались потом, остальные дрожали от холода.

Мое внимание привлекла незнакомая темнокожая женщина, чьи кудрявые черные волосы были собраны в высокий пучок, украшенный фиолетовым платком. Ее тоже пригласили? Но кто она? Пока эти вопросы крутились у меня в голове, я разглядывала гостью. Женщина стояла, прислонившись к шкафу, набитому снизу доверху книгами в одинаковых переплетах с золотым тиснением. Я отметила ее стройную широкоплечую фигуру и высокий рост. Не меньше шести футов[23]. Тонкие запястья украшали золотые браслеты. Сливовый брючный костюм выглядел дорого. Незнакомка словно почувствовала мой взгляд и повернулась ко мне. Обсидиановые глаза смотрели прямо на меня. Я не стала разрывать зрительный контакт и едва приподняла уголки губ, не уверенная до конца, стоит ли улыбаться. Женщина одобрительно кивнула, и ее полные губы расплылись в широкой белозубой улыбке. Нервное покашливание мистера Копленда возвестило о готовности нотариуса огласить завещание. Собственно, зачем все здесь и собрались.

– Кхм. Так. Все указанные в завещании покойной леди Элизабет Андерсон лица присутствуют, – он быстро окинул собравшихся взглядом маленьких глазок, – думаю, стоит начать с наименьшей части состояния и скорее отпустить мисс Мелтон и миссис Торп.

Молодая экономка чуть вздернула вверх острый подборок.

– Согласно последней воле леди Андерсон, мисс Мелтон

завещается коллекция антикварных таблетниц.

Я заметила гримасу недовольства на лице экономки, но та быстро справилась с эмоциями, вернув себе равнодушный вид.

– Миссис Торп полагается выплата пособия в размере двух тысяч фунтов стерлингов после выхода на пенсию вплоть до самой смерти. Леди Андерсон выражает благодарность за ваш многолетний труд.

Миссис Торп что-то прошептала, по всей видимости, обращение к всевышнему, сложив полные руки в молитвенном жесте. Я все-таки улыбнулась. Те трапезы, что выпадали на мою долю за время проживания в особняке, были выше всяких похвал.

– А теперь я попрошу остаться только членов семьи и миссис Картер. – Когда мистер Копленд назвал знакомую фамилию, я вздрогнула. Картер.

– Миссис Картер как единственной родственнице покойного Гарольда Картера леди Андерсон оставила, – нотариус запнулся и поднес документ ближе к лицу, вчитываясь, – домик садовника с дальнейшим правом наследования. – Мистер Копленд выглядел удивленным. Разве не он заверял завещание? Я украдкой поглядела на миссис Картер. На ее губах играла усмешка, и, вновь заметив мой взгляд, она склонила голову набок. По телу пробежала дрожь. Создавалось впечатление, что миссис Картер что-то знала. Что-то определенно связанное с Эйчем и со мной.

– Кхм, раз с кузиной Гарольда Картера мы уладили вопрос… – нотариус вскинул брови, глядя на миссис Картер. Так она сестра Эйча. Так-так… – то мы можем с вами перейти непосредственно к распределению наследства среди членов семьи Андерсон.

Мистер Копленд продолжал сверлить кузину садовника многозначительным взглядом, явно намекая на приватность дальнейшей беседы, но миссис Картер делала вид, что совершенно не замечает намеков.

– При всем уважении, мистер Копленд, – Джозеф подал голос со своего места рядом со мной, – разве это законно?

Питер вперился взглядом в моего мужа.

– Все правила наследования были соблюдены, уверяю. Так, кхм. На чем я остановился?

Спустя добрых полчаса я пыталась прийти в себя после громогласных воплей Джо, едва не начавшего драку с несчастным нотариусом. На помощь, как ни странно, пришла Чалис. Именно так представилась кузина Эйча, шепнув мне свое имя на ухо, будто бы посвящая в некую тайну. Она схватила моего мужа поперек талии и оттащила от мистера Копленда, в страхе

прижимавшего завещание к груди. Чалис сопротивление Джозефа никак не помешало выставить его за дверь кабинета и, захлопнув за ним дверь, повернуть торчавший в замке ключ. Прислонившись к двери и не замечая Джо, что барабанил по ту сторону двери, Чалис одарила меня ободряющей улыбкой. Сильная женщина. Как и предостерегала меня мать, Джо весьма остро отреагировал на ее решение оставить мне особняк со всей прилегающей территорией, за исключением домика садовника.

А тем временем мне очень хотелось разодрать ногтями себе горло, настолько было невозможно дышать. Голова кружилась, и ноги становились ватными. Цепляясь непослушными пальцами за стену, я добралась до кресла. Андерсон Мэнор и правда теперь принадлежал мне.

Глава 5
Чалис

Мы разошлись наполовину,
Страшно сделать шаг.
Идти ли нам навстречу
Или повернуть назад.

Застряли мы на перепутье,
Зовет другая сторона.
Подобно хлестким прутьям,
Огнем горят слова.

Выжжено на сердце:
«Тебя я больше не люблю».
Но я, подобно иноверцу,
Упрямо верю, что смогу.

Я сидела в небольшой кофейне напротив салона Чалис, набираясь смелости наконец-то покинуть свое убежище и навестить сестру Эйча. Рождественские украшения еще не убрали, хотя прошел почти месяц, как праздник закончился. Отложив в сторону погрызенный карандаш, я пробежалась взглядом по написанным строчкам. Мой блокнот был почти весь исписан. Такой тонкий и аккуратный при покупке, без всяких рисунков на светлой обложке, сейчас он словно разбух, его срез утратил гладкость, а переплет приобрел украшения в виде неведомых символов, неосознанно выведенных моей рукой. Внутри еще хуже. Каждые пять страниц – разный почерк. Менялся и нажим, и высота букв, и наклон. Некоторые слова я даже не могла разобрать. Побарабанив пальцами по блокноту, я все-таки убрала его в сумку и проверила себя на предмет оплаты счета. Проглотив остатки горького кофе, я решительно поднялась с места и, облачившись в пальто, направилась к гадальному салону «Мистерия».

Снег обрушился на головы лондонцев столь внезапно, город, казалось, был совершенно к этому не готов. На тротуарах образовались сугробы, дороги замело, что повлекло образование пробок. Я переходила на другую сторону улицы под недовольный хор гневных гудков раздраженных водителей. А снег все шел, прилипая к моим ресницам и ослепляя. Порыв ледяного ветра

поднял в воздух мой клетчатый шарф и, набросив его мне на лицо, на мгновение лишил способности видеть. Понадобилось не более двух секунд на то, чтобы убрать с глаз ткань. В это самое мгновение я ощутила удар, упала лицом вниз на холодный асфальт. Голова звенела. Другие звуки, кроме этого проклятого звона, были для меня недосягаемы. Кто-то перевернул меня. Надо мной нависла Чалис. Даже целых две. Но вскоре сестры Эйча слились в одну, и я смогла сквозь звенящую завесу услышать ее хриплый голос:

– Иисус Христос! Элис, ты в порядке? Как себя чувствуешь? – На шее гадалки в такт ее словам покачивался золотой аккуратный крестик на тонкой цепочке. Нас окружало плотное кольцо из любопытных зевак. Болел правый бок и ныло бедро. Я поморщилась.

– Чувствую себя так, словно меня только что сбил автомобиль. А ты что здесь делаешь?

Чалис обхватила прохладными ладонями мою голову и сосредоточенно всмотрелась мне в глаза. Я попробовала пошевелить ногой. Та поддалась. Хорошо. Отняв руки Картер от своего лица, я оперлась на них и попыталась подняться. Думаю, жить буду.

– Подожди, не вставай, вдруг у тебя перелом. – Сильные пальцы Картер впились в мое запястье. Я упрямо продолжила вставать. Толпа чуть разомкнула круг, отступая.

– Вышла покурить и увидела тебя. Едва двинулась навстречу, как появился этот чертов «Порш», словно из ниоткуда. – Чалис нахмурилась, поддерживая меня одной рукой за талию. – Может, «скорую» вызвать?

Я отрицательно мотнула головой. Надоели мне врачи.

Осторожно, шаг за шагом, мы с Картер преодолели расстояние до ее салона и оказались в теплом небольшом помещении, где царил полумрак. В воздухе остро ощущался запах благовоний. Цитрусы и жасмин. Плотные фиолетовые шторы закрывали окна, не пропуская в салон дневной свет, что казался ярким из-за белизны снега. У стены находился прилавок из темного дерева, забитый различными травами, амулетами, рунами и одна вселенная знает, чем еще. Центр комнаты занимал большой круглый стол, укрытый бархатной тканью черного цвета. Вопреки моим ожиданиям, хрустального шара на нем не было. Чалис подвела меня к креслу рядом со столом.

– Сделать чаю? У меня есть обезболивающие, остались после моего падения с лестницы.

Я приподняла брови.

– Буду благодарна и чаю, и таблеткам. Как это произошло? –

Сидеть в мягком кресле было определенно удобней, чем лежать на асфальте. Чалис включила электрический чайник.

– Заварю прямо в чашке, ладно? Несколько раз подогревала, пока ждала тебя. – В ее голосе слышался упрек. За временем я следила и опоздала лишь по вине непутевого водителя. Я только пожала плечами и кивнула.

– Это случилось примерно за две недели до оглашения завещания. Мне позвонила леди Андерсон и настойчиво попросила приехать. Я уже бывала в особняке, когда умер кузен, забирала вещи. Звонок твоей матери меня весьма удивил. И насторожил. Но отказать я Элизабет не могла. Разговор состоялся в ее спальне. Не в гостиной, не в кабинете.

Раздался характерный щелчок. Чайник вскипел. Чалис разлила кипяток по чашкам. Я почувствовала аромат чабреца, который смешался с запахом благовоний, дополняя его.

– Предлогом для встречи послужила завещанная мне книга, каким-то образом миновавшая основную коробку с вещами покойного брата, но истинная причина моего визита была в другом. Она просила меня приглядеть за тобой после ее смерти, а взамен завещала домик садовника. – Картер отпила чаю и быстро отдернула чашку от губ, поморщившись. Чай, разумеется, остыть не успел. – А еще велела остерегаться ее сына, поскольку об изменении в завещании он ничего не знал.

Мне сказать на эти новости было нечего. И зачем за мной нужно было просить приглядывать совершенно незнакомого человека? Да еще и в обмен на наследство.

– У тебя наверняка есть вопросы. – Чалис выжидающе смотрела на меня. Я набрала побольше воздуха и закашлялась от въевшегося в него едкого запаха жасмина и цитрусов. Чихнула.

– Надеюсь, ты не заболела?

Представляю, какое впечатление я произвела на Картер. Мало того что меня едва не сбил какой-то маньяк по пути в салон, так еще и вирусы липли со скоростью света. Я мотнула головой. Уж лучше бы простыла.

– Благовония. Слишком много запахов. Да и головная боль подступает, – пожаловалась я, поднося еще холодные после улицы пальцы к ноющим вискам. Сделав подушечками массажное круговое движение, я прикрыла на мгновение глаза. К нагрянувшей мигрени присоединилась легкая тошнота. Как всегда, полный набор. Медленно выдохнув и постаравшись не обращать внимания на то, что меня начало мутить, я спросила гадалку:

– Но зачем? Почему именно ты? Должна же быть причина такого странного и, что уж таить, совершенно нехарактерного для

моей матери поступка? – Слова мне давались с трудом. Я потянулась за чаем. Выпитая горячая жидкость почти сразу попросилась обратно.

– А причина в забытой книге. Под обложкой «Божественной комедии» скрывалась твоя фотография. Вы с Гарольдом сидите за столом, пьете чай. А на обратной стороне фото подпись: «Моей смелой девочке». – Чалис обхватила свою чашку ладонями.

– Фото, чудесно. Мы действительно сделали селфи с Эйчем… в трамвае. Но повторюсь, при чем здесь ты? – Головная боль, тошнота и нетерпение были весьма плохими спутниками светской беседы. Картер хмыкнула:

– Во-первых, фото датировалось девятнадцатым годом, мой кузен почил гораздо раньше. А во-вторых, я получила письмо от него. В нем он прощался со мной, писал, что уходит. Теперь навсегда. Алисе нужна помощь. – Темные глаза Чалис гипнотизировали. Я на некоторое время даже забыла, что не все в курсе моих загробных путешествий. Но Картер не выглядела озадаченной, напуганной или вовсе скептически настроенной и, как любой нормальный человек на ее месте, отрицающей всю эту мистику. Нет, напротив. Она пребывала в спокойном, даже несколько умиротворенном состоянии, что заставляло меня нервничать. Я судорожно сглотнула скопившуюся во рту слюну. Запила чаем. Желудок выдержал.

– Тебе это не кажется… ну хоть немного странным?

Гадалка улыбнулась:

– Я гаитянка. Странность – у меня в крови.

Я недоуменно захлопала ресницами:

– А при чем здесь национальность?

Заметив мое непонимание, Чалис пояснила:

– Магия вуду. Моя прабабушка родилась на острове Гаити, в одной из деревень, где культ вуду особенно почитался. Вместе со своим мужем и сестрой они перебрались в Новый Орлеан, что весьма предсказуемо. А моя мать, в свою очередь, в Нью-Йорк. Сама я выросла в Бруклине.

Я слушала Картер не перебивая. Хотя понять, к чему она ведет, было сложно.

– Мы с Гарольдом только кузены, но росли под одной крышей и делили одну фамилию. Он был мне невероятно дорог. И разница в возрасте не помешала нам стать лучшими друзьями. Нашу семью вполне можно было назвать обычной и даже счастливой, пока мой брат не умер. А вот странности начались потом. Поэтому придется начать издалека. Я закурю? – Не дожидаясь моего ответа, Чалис зажала губами тонкую коричневую сигарету, и через секунду пламя зажигалки «Зиппо»

озарило ее лицо.

– Так о чем это я? Родная религия была оставлена прабабушкой за океаном. Но ее сестра не торопилась терять знания, впитанные с молоком матери. Прабабушку звали Алида, а ее сестру – Эме. Они вдвоем были как олицетворение *Рада* и *Петра*[24]. Мои предки поклонялись *лоа* – духам, которые могли помочь связаться с высшим божеством. Одержимость считалась нормой жизни. – Картер стряхнула пепел в опустевшую чашку. Клубы дыма туманом повисли в воздухе.

– Один из таких лоа, наиболее доброжелательный – *Легба*. Или как его еще принято называть – Папа Легба. Вот ему в основном моя дорогая прабабушка Алида и поклонялась. Ее сестра тоже разделяла любовь к лоа – правда, к его темному двойнику *Кальфу*. Этих лоа объединяет одно – они своеобразные проводники между смертным и божественным. Между смертью и жизнью позволяют проникать в другие миры.

Я почувствовала ускорившееся сердцебиение, что неприятно напомнило ритм барабанов в ритуалах вуду. В ушах зашумело. А Чалис, смотря куда-то за мою спину, продолжила свой рассказ:

– Пусть от корней отрекаться нельзя, но я никогда не слышала от матери и намека на вуду, кроме упоминания об истории иммиграции в Америку. Мы были из тех семей, для которых поход в церковь каждое воскресенье не просто для галочки. Вера – неотъемлемая часть нашей жизни. Неважно, во что. Только она придает нашему духу силу, а разуму ясность. – Картер подцепила изящными пальцами золотую цепочку с крестиком. – Но после смерти брата моя вера пошатнулась. Я начала глушить боль алкоголем, потеряла из-за этого работу и воровала у матери деньги из кошелька на очередную бутыль с зельем. Это продолжалось довольно долго, пока я не увидела *его*. Будучи в пьяном бреду, я забрела в один из паршивых нью-йоркских переулков, насквозь пропитанный запахами мочи и блевотины. Тот самый закоулок, куда уходят извергнуть из себя отравляющий организм алкоголь и перепихнуться неизвестно с кем, пока этого хочет осквернённое ядом тело. Пока я цеплялась за решетку забора и мой желудок выворачивало наизнанку, сзади кто-то подошел. Я помню, как страх сковал меня, когда я почувствовала холод стали на своей шее. «Не двигайся» – все, что я услышала от незнакомца. Всплеск адреналина включил инстинкт, и я поступила наперекор приказу. А дальше последовала вспышка боли и темнота. Очнулась я, лежа на земле, у чьей-то могилы на кладбище, похоже, местном. Передо мной стоял, как я тогда подумала, Легба или его двойник. Найдя в себе силы встать с мокрой травы, я подошла к лоа. Передо мной был

не Легба и даже не Кальфу. Гарольд, собственной персоной. Кузен курил и с привычной усмешкой произнес:

– Чали, моя милая Чали. До чего ты себя довела. – Чалис вытерла скопившуюся в уголках глаз влагу. – Так я и узнала, что смерть – это еще не конец.

Глава 6
Луна, Башня, Смерть

Я хранила молчание. Еще в Калифорнии мне удалось убедить себя в собственном психическом здравии, но окончательное подтверждение реальности пережитых событий получила только сейчас. Если раньше и закрадывались в голову сомнения, а внутренний голос несмело шептал: «Может, все же стоило пить таблетки?», то теперь этот голос затаился и, по всей видимости, выжидал удобного момента, чтобы вновь дать о себе знать.

Чалис по-прежнему смотрела расфокусированным взглядом. Правой рукой она стала перебирать браслеты, что отозвались немелодичным позвякиванием. Я сделала последний глоток чая и с громким стуком отставила чашку в сторону. Резкий звук вывел Картер из транса.

– Может, еще налить чаю? – медленно протянула Чалис. Я отрицательно помотала головой и скривилась.

– Только если чего покрепче, – не подумав, брякнула я и тут же прикусила язык. – Прости, нет, ничего не нужно, спасибо.

Гадалка улыбнулась:

– Меня это не задело, мой дух сильнее, чем кажется. – Она грациозно поднялась из-за стола. У меня так никогда не получилось бы. Картер подошла к прилавку и выдвинула один из множества ящиков. На свет божий была вытащена деревянная шкатулка. С ней в руках Чалис вернулась на место, положив свою добычу на стол.

– Что это? – полюбопытствовала я. Картер вновь обнажила белые зубы в улыбке и открыла шкатулку. В ней хранилась колода карт, немного потрепанных, старых на вид.

– Гадать будем? – Я тоже не смогла сдержать улыбки. Чалис взяла колоду в руки и начала ее медленно тасовать.

– Почему бы и нет? Это гадальный салон, нам нужно немного отвлечься, не так ли? Ты позволишь взглянуть на твое прошлое, настоящее и будущее?

Несмотря на явный сверхъестественный характер недавних событий, в душе я все еще оставалась скептиком. Уж, по крайней мере, насчет всяких гаданий.

– Ну, попробуй.

Получив разрешение, Картер сосредоточилась на картах. Я вновь не удержалась от комментария:

– А мне подержать колоду в руках или посидеть на ней не нужно?

Гадалка мотнула головой, не отвлекаясь от процесса. Колода шелестела, картинки мелькали как в ускоренной съемке. Чалис наконец остановилась. Вытянула первую карту.

– Прошлое, – с мрачным торжеством в голосе объявила она, выложив карту на скатерть рубашкой вверх, и снова зашуршала колодой. Я обратила внимание на рисунок. Узоры в фиолетовом пламени, по углам картон был чуть порван. – Настоящее, – вторая карта легла рядом с первой. Вновь шорох. – Будущее, – вытянув третью карту, Чалис перевела взгляд на меня. – Готова?

Какая театральность, наверное, издержки профессии. Я кивнула, подавив смешок. Картер стала переворачивать карты. На первой были изображены два волка на темном фоне, воющих на луну. На второй – разрушенная башня. На третьей – смерть.

– Что весь этот ужас означает? Может, мне вовсе не стоит выходить из твоего салона? А то и до дома-то не доеду.

Чалис не оценила шутку. Ее черные брови сдвинулись к переносице, а кончики пальцев прошлись по разложенным картам. Дошли до смерти и вновь вернулись к волкам.

– Луна, – начала она, сохраняя серьезность в голосе, – говорит о печали в прошлом, обмане, предательстве. Черной полосе. – На меня Картер не смотрела, говорила исключительно с картами. – Башня – символ радикальных перемен, возможно, неожиданных, это твое настоящее. Ну а будущее…

– В будущем я умру, после печали и перемен, да? Не выдержу метаморфоз? – перебила я неспешное толкование Чалис. Она все же перевела взгляд на меня.

– Это не в буквальном смысле. Смерть – символизирует перерождение, трансформацию. Переход.

На слове «переход» я поежилась.

– Да глупости все это, давай я попробую. Спорим, там будет совсем другой расклад? – Я почти вырвала колоду из рук гадалки и вернула три злосчастных карты обратно к остальным. Моя вежливость оставляла желать лучшего. Картер лишь спокойно сказала:

– Пробуй, Элис.

Я остервенело начала мешать карты. Что же, сейчас мы, как на одном популярном шоу, выведем шарлатанку на чистую воду. Я повторила те же действия, что и Чалис минутами ранее. Три случайно вытянутые карты лежали передо мной причудливыми рубашками вверх. Рука, непроизвольно слегка задрожавшая, приоткрыла первую. Луна. Я отдернула руку, словно обжегшись. Перевернула вторую. Башня. Третью. Смерть. Заморгала, часто-часто, словно старалась развидеть три проклятые карты.

– Убедилась? – тихо спросила меня Картер.

Нет.

– Я просто плохо перетасовала колоду. – Собрала. С еще большим рвением перемешала карты. А потом еще раз. Результат порадовал стабильностью. Луна, Башня, Смерть.

– Этого не может быть. Какой-то фокус? Да? Ты меня разыгрываешь?

Чалис поглядела на меня с сочувствием, с каким обычно смотрят на душевнобольных.

– Я не занимаюсь дешевыми фокусами.

Вздохнув, я попытала счастья еще раз. Меня вновь ждали Луна, Башня и Смерть. Что за бред?

– И это предсказание обязательно сбудется? – прошептала я, возвращая колоду хозяйке. Моя бесцеремонность осталась безнаказанной. Хотя если верить картам, может, это и стало наказанием.

– Кто знает, повторюсь, главное лишь то, во что ты сама веришь.

Чалис убрала карты в шкатулку. Запах благовоний стал слышаться отчетливей. Луна, Башня, Смерть.

Часть IX
Грезы

Глава 1
Бедный Джозеф

Ненависть – это слишком сильное и разрушительное чувство. Удостаивать им своего мужа я не хотела. Хотя было за что.

Во-первых, сейчас я находилась в запертой палате больницы, где работает Джо. А главное, в отделении для пациентов с психическими расстройствами. В психушке. Я, конечно, предполагала, что судьба может меня привести в эту обитель больных душ, но, чтобы меня туда отправил собственный муж – скажи мне кто, не поверила бы. Решетки на окнах и поворот ключа в замке железной двери определенно укрепили мою веру в происходящее.

Во-вторых, это случилось после того, как супруг узнал о моих походах к адвокату для подготовки документов к разводу. А это значит, после расторжения брака дома он лишался почти наверняка. Поскольку моя матушка позаботилась и о печальном исходе нашего брака, Андерсон Мэнор оставался моим даже в случае развода, Джозеф никак не мог претендовать на особняк. Решение о разводе созрело еще в Барселоне, в Калифорнии окрепло, а по возвращении домой стало непоколебимым.

Я раздраженно мерила шагами небольшую светлую комнату. Узкая кровать с белым постельным бельем, стол и стул у стены. Имелась крохотная ванная комната. Палата больше напоминала скромный номер в хостеле. Если бы не эти чертовы решетки. Телефон у меня отобрали, что делать и как мне быть, я не знала. Подойдя к кровати, я опустилась на тонкий матрас. Уж слишком тонкий. И как я позволила этому случиться?

Судьба моя была предрешена где-то неделю назад, по возвращении домой после встречи с Чалис. К своему адвокату – Дэвиду Гарсии – я наведывалась после прилета в Лондон довольно часто. Гарсия был опытным и осторожным юристом, но его кабинет, увы, не был застрахован от проникновения посторонних лиц, а именно такое лицо и нанял мой благоверный. Один из коллег Джозефа пользовался услугами мистера Гарсии и заметил меня в коридоре, направляющуюся в кабинет адвоката.

– Что это? А? Совсем умом тронулась? Я был с тобой мил, проявлял понимание и уважение! А ты? – Вены на шее Джо вздулись, лицо покраснело. Так инсульт разобьет. – Никто не будет тебя уважать, если ты не будешь уважать в ответ! Чокнутая! – кричал обезумевший супруг, тыча бумагами мне в лицо. Совершенно нелогичные обвинения летели в мою сторону,

как брошенные снаряды с военных самолетов. Бум. Тронулась. Бум. Чокнутая. А вот чокнутой ему меня называть явно не стоило. Вырвав из рук Джо украденные документы, я сдула со своего лба выбившуюся прядь и прошипела:

– Мы с тобой разведемся, пусть хоть год процесс будет идти. Но тебя, ублюдка, в моей жизни больше не будет. – Это и стало моей фатальной ошибкой.

На следующий день пришли с дружеским визитом два приятеля мужа, но почему-то их внимание было сосредоточено на мне, а не на друге, собственно, к которому они и явились. Джозеф изображал из себя радостного и довольного жизнью супруга, недоумевающего, почему его женушка притворяется снежной королевой. Я лишь закатывала глаза и старалась держаться от супруга и его вездесущих друзей подальше. Места в особняке для этого более чем хватало. В связи со всей этой бумажной волокитой выставить Джозефа из дома было нельзя. А хотелось. Загадочные друзья остались с ночевкой. У меня иссякли силы на споры.

Ночью я проснулась от звука льющейся воды. Подумав, что, наверное, перед сном плохо закрутила кран, прошлепала босыми ногами в ванную. Из крана не текло. Пожав плечами, я вернулась в еще теплую постель. Сон вновь подкрался ко мне на мягких лапах. Едва почувствовав, как меня захватывает дрема, я услышала женский голос, могильным червем проникающий в сознание:

– Элис? Элис… Элис! – Хриплый шепот превратился в визг, я подскочила в кровати. Приснилось? Но голос, отдаленно знакомый, продолжал звучать в комнате: – Почему ты позволила мне умереть? Элис? Почему из-за тебя я мертва?

Я ущипнула себя. Больно. Повертела головой. В темной спальне я определенно находилась одна. Чтобы окончательно в этом удостовериться, я включила лампу на прикроватной тумбе. Мягкий желтый свет озарил пустую комнату.

– Разве это справедливо? Я сгорела, а ты жива.

Прошло то время, когда я бы с криком выбежала из комнаты. Может, даже стала бы просить помощи у Джозефа. Но его величество дьявол не заслуживал моего внимания, а потому я спросила себя, звучит ли этот голос у меня в голове или раздается извне. Разговаривать с невидимым обвинителем я не стала. Лишь спокойно села в постели и прислушалась.

– Элис, ты оставила меня, оставила в отеле. Я смешалась с пылью сожженных ковров. Элис…

Джулия? Голос Джулии? Она стала озлобленным привидением, что хранило обиду на меня? Я усмехнулась. Такие

пафосные речи. Она бы не стала. Не стала бы? Потрясла головой, будто пыталась выкинуть этот треклятый шепот из головы. Взяв себя в руки, я еще раз прошла в ванную и умылась прохладной водой, хотя и без того моя кожа была почти ледяной. Особняк плохо отапливался, и кафель в ванной комнате под разутыми ногами ощущался как снежный покров за окном. Я вернулась в спальню и надела поверх шелковой ночной рубашки теплый халат. Спущусь вниз, сделаю чай. Голос смолк.

Утром у меня не было желания спускаться в общие комнаты, даже в кухню, и лицезреть непрошеных гостей во главе с мужем, который никак не желал становиться бывшим. Я позвонила по внутреннему телефону и попросила экономку принести мне кофе и что-нибудь на завтрак. Просьба была воспринята без какой-либо эмоции. Мисс Мэлтон вежливо, но абсолютно равнодушно поинтересовалась моими вкусовыми предпочтениями и, когда я определилась с выбором, отключилась. Впервые за пять лет брака и «членства» в этой семье я позволила себе такую роскошь. Именно позволила, хоть это и было моим неотъемлемым правом.

Я успела принять душ, когда раздался звук открываемой двери. Подумав, что это мисс Мэлтон, я вышла из ванной в одном полотенце. Каково было мое удивление, когда я увидела вместо гордой ирландки широко улыбающегося мужа, который держал в руках серебряный поднос. Особенно позабавила белая роза, явно искусственная, вставленная в прозрачную вазочку. Фу.

– Что ты здесь делаешь? Где Эйслинг? Ты ее убил и украл мой завтрак? – зло пошутила я, на всякий случай придерживая полотенце одной рукой. Джозеф картинно рассмеялся:

– Ну что ты, дорогая. Хотел порадовать с утра. Слышал, как ты спускалась ночью, все в порядке? – По-прежнему улыбаясь во все тридцать два, Джо двинулся в мою сторону. Я инстинктивно отступила.

– Поставь уже этот чертов поднос на стол и убирайся из моей спальни. И когда уже твои гости уедут домой? Хочешь, чтобы я выставила их? – Мое терпение подходило к концу. Супруг в недоумении изогнул бровь.

– Почему ты кричишь на меня? У нас же вроде все налаживается? Что за перепады настроения? Хочешь, можно вновь обратиться к доктору Белл, если тебе стало хуже.

Пока я закипала от ярости, Джо спокойно водрузил свою ношу на кофейный столик и повернулся ко мне. Я взревела:

– Джозеф, а может, это тебе стоит сходить к ней на прием? Возможно, у тебя биполярное расстройство? С амнезией?! Мы разводимся! И точка. – У меня было огромное желание запустить в мужа чем-нибудь тяжелым, чтобы стереть это выражение

безмятежного спокойствия с его холеного лица.

– Успокойся, все будет хорошо, я зайду к тебе попозже, и мы все обсудим. – С милой улыбкой супруг направился к выходу из комнаты. Я не удержалась и запустила в него подушкой. Полотенце соскользнуло к бедрам. Заметив мое позорное обнажение, Джо загадочно ухмыльнулся и вышел за дверь.

– И пусть твои друзья выметаются, понял?! – отчаянно крикнула я ему вслед. Дьявол.

Остаток дня прошел вполне спокойно, но из спальни выходить я не рискнула. Ну Джозефа к черту. Ночью меня разбудил все тот же загробный шепот:

– Элис… Элис… Поговори со мной, почему ты так жестока? – Хриплое контральто меня не пугало.

– И о чем же ты хочешь поговорить? – Я лежала в постели с закрытыми глазами.

– Мне так жарко, Элис, это жар не проходит, я продолжаю гореть. – Театральные нотки стали раздражать. Голос был похож на тембр Джулии, но не принадлежал ей. За то недолгое время, что мы жили вместе, ее голос стал родным. Я бы узнала его из тысячи. И эта манера речи. Сэлотто так не разговаривала.

– Кто ты, о неведомый странник? – с карикатурным завыванием обратилась я к невидимому собеседнику.

– Твой друг… Джулия.

Мой смех из-за того, что я лежала на спине, перешел в кашель. Какой-то фарс. Не было здесь никакой Джулии, она умерла.

– Ну это вряд ли.

С кровати пришлось встать. Все еще прислушиваясь, я прислонила ухо к стене. Голос молчал.

– Джулия, не молчи, поговори со мной. – Я сама себе стала напоминать сумасшедшую, но источник этого ловкого розыгрыша надо было отыскать. Продолжать гореть Джулия никак не могла, уж я-то знала, что происходило на той стороне. А вот обычному человеку эта идея с вечным пламенем, пожирающим тело после смерти, вполне могла показаться логичной. Ну, Джозеф, ты и скотина. Лже-Джулия больше не хотела со мной разговаривать. Ага. Разберусь с этим утром, нужно выспаться.

Утренние лучи солнца пробивались сквозь неплотно задернутые портьеры. Я потянулась в постели. Но не успела я порадоваться светлому утру, как дверь в мою спальню распахнулась и два приятеля Джозефа, по всей видимости, так и не покинувшие особняк, вторглись в комнату. Я натянула одеяло по шею.

– Что вы себе позволяете? Покиньте мою спальню

немедленно!

Утро было испорчено. Муж проследовал за своими друзьями, виновато улыбаясь, и посмотрел на меня.

– Доброе утро, Элис. Не думал, что до этого дойдет, но увы, по-другому нельзя.

– О чем ты, черт подери, говоришь? – Я поняла, что меня трясет, и явно не от холода. Приятели супруга переглянулись.

– Миссис Андерсон, вы представляете угрозу и для себя, и для окружающих, боюсь, мы вынуждены забрать вас в клинику, – высокий мужчина с темными волосами произнес заученную фразу без улыбки, глядя мне прямо в глаза. Второй, чуть пониже и пополнее, добавил:

– Мистер Андерсон попросил нас понаблюдать за вами, и результаты, к сожалению, неутешительны. Вы напали на мистера Андерсона вчера, после вашего удара осталась гематома. Записи ночного видеонаблюдения тоже подтверждают опасения вашего мужа.

– Какая гематома?! От подушки? Вы серьезно? – У меня просто не было слов, я лишь повторяла услышанное. – Ночное видеонаблюдение? Это вообще законно?! Да он изводит меня! Нанял актрису, записал нелепые реплики, которые должны были заставить меня усомниться в собственном рассудке! Это он псих и опасен для окружающих, но никак не я! – Едва не задохнувшись, я ощутила, как горячие дорожки слез обожгли щеки.

– Все как вы и говорили, – кивнул Джозефу «длинный», – нужно срочно госпитализировать.

И вот спустя каких-то четыре часа я оказалась взаперти, в крохотной палате. Свернувшись в позу эмбриона и чувствуя, как моим костям больно на этом тонком матрасе, я пыталась уснуть.

– Элис… Элис… Элис! – Крик почти в самое ухо заставил меня подскочить в кровати. В палате густела темнота, я решила, что меня разбудил кошмар. Потерев глаза, я всмотрелась в сумрак комнаты и вздрогнула. Около моей постели стоял Майк.

Глава 2
Майк

– Ты? – Я пораженно охнула и свесила ноги с кровати, подаваясь вперед. Силуэт парамедика во мраке вырисовывался нечетко, но был вполне узнаваем. – Ты! – Мой словарный запас ограничился одним словом. Я схватила подушку и метнула ее в Майка, попав прямо в голову. Надеюсь, что хоть у него от такого «удара» не проступят синяки.

– Элис, да я это, я, ауч! – Майк негромко вскрикнул, когда я, подорвавшись с места, начала яростно колотить кулаками его спину.

– Бросил меня! Оставил одну разгребать этот хтонический кошмар! Я думала, что спятила! И вот, погляди на меня. – Я остановилась, запыхавшись. Глаза парамедика поблескивали в темноте, как у кота. – Оказалась в психушке, – мрачно я закончила свою мысль. Майк выставил ладони вперед.

– Ладно, ладно. Я виноват, признаю. Могу все объяснить, но, возможно, правда тебе придется не по вкусу.

– О, что еще может быть хуже? Мы все умерли и теперь горим в аду?

Шея и грудь зачесались, после моих ногтей явно останутся красные полосы. Зуд не проходил. Отчаянно царапая свербящую кожу, я отошла от парамедика на несколько шагов. Майк включил лампочку над кроватью. Тусклый свет упал на немного уставшее, но все такое же привлекательное лицо парамедика. Фиолетовые тени залегли под его глазами, кожа была бледной, светлые волосы немного отросли. А легкая небритость ему шла. Создавалось впечатление, что он сутками пропадал на работе без выходных. И без сна. Одет он был в свою зеленую форму. Как он вообще очутился у меня в палате?

– Я, конечно, рада тебя видеть, но что ты, черт возьми, здесь делаешь? Как ты вошел в палату?

Майк подошел ко мне, смахнул с моего лица прилипшие ко лбу волосы и прошествовал к двери, небрежно бросив:

– Пойдем со мной, и все узнаешь. У нас не так много времени.

Немного оторопев, я пялилась на открытую дверь. Может, это всего лишь сон?.. Стоит перешагнуть порог палаты, и я тут же проснусь. Ну уж дудки. Я крикнула:

– Подожди!

Парамедик спокойно шел по коридору в сторону лестницы.

Чуть пробежав, я догнала Майка и схватила его за руку. Тут же отдернула. Меня словно ударило током. Столько времени в прямом и переносном смысле сходила с ума, гадала, реален ли этот человек, и теперь он обрушился как снег на голову. Парамедик развернулся ко мне и улыбнулся.

– Пойдем. Прошу.

Сглотнув комок в горле, я кивнула и покорно проследовала за Майком. В отделении было тихо и безлюдно. Из звуков только потрескивание горящих ламп и наши с Майком шаги, гулким эхом отражающиеся от стен. Двери, ведущие на лестницу, оказались незапертыми, и мы без проблем спустились на первый этаж в отделение неотложной помощи. Не помню, чтобы эта клиника считалась скоропомощной. На первом этаже было холодней, чем в палате, и мне в толстовке и джинсах стало прохладно. Майк провел меня к стеклянной двери с надписью *Cloud*[25] *M.R. AAP*[26].

– Твоя фамилия Клауд? – Я глупо хихикнула. – А второе имя какое? – Хоть парамедик и стоял спиной ко мне, пока открывал дверь, я была уверена, что он закатил глаза.

– Роберт, – сухо ответил Майк.

– О, мистер Майк Бобби Клауд, – подавляя свои ребяческие смешки, я прошла за парамедиком внутрь кабинета. Не могу сказать, что встречала раньше отдельные кабинеты для парамедиков, но в каждой больнице могли быть свои порядки. На какую-то долю секунды я словно зависла.

– Майк, а где все сотрудники? Почему в госпитале, кроме нас, никого нет? – Свои же собственные слова прошлись морозом по коже. От осознания знакомой до боли обстановки хотелось просто выть. Майк включил электрический чайник, стоящий на небольшом белом столике в углу кабинета.

– Ты наверняка уже догадалась. Не бойся высказать свои мысли вслух. От этого уже ничего не изменится, – с печальной улыбкой парамедик достал две кружки. Одну с эмблемой медицинского университета, а другую самую простую, белую.

– Хочешь сказать, ты мертв? – глухо спросила я, медленно опускаясь на кожаный диван рядом со столиком. Майк насыпал молотый кофе в кружки и залил кипятком. Аромат, поднявшийся с паром, перебил висевший в воздухе больничный запах.

– Кофемашины нет, уж извини. Помнишь, я писал тебе о происшествии в больнице?

Я молча кивнула, не отводя взгляд от лица парамедика.

– Был последний вызов. Мы везли одного пациента, с абстинентным синдромом. Пять лет на игле, нас вызвали родители паренька. В машине он отключился, а пришел в себя,

когда мы его передавали в приемное отделение. Вот тут-то все и произошло. Он стал страшно кричать, напал на моего напарника, искал ампулы с морфием, я хотел оттащить парня, – Майк сделал паузу и прикрыл глаза, – но тот набросился на меня. Такая всепоглощающая ярость… Помню только, как осколок стекла впился мне в шею. Я ничего не мог сказать, дальше темнота. Вскоре я очнулся в трамвае. В лесу. Дальнейший исход событий тебе известен наверняка.

В повисшей тишине я услышала тиканье старых часов на запястье Майка.

– И ты остался? Не пошел дальше? – Подобные беседы становились для меня своеобразной нормой. Парамедик покачал головой:

– Я не мог тебя бросить. Да и было такое чувство, что еще не все кончено. Хорошо, когда есть выбор. Теперь привыкаю к новой жизни. *Нежизни*. – Майк спрятал лицо в ладонях. Я поднялась с дивана и подошла к парамедику. Прижавшись к его груди щекой, обняла. Почему все дорогие мне люди умирают? Если верить картам, то вечная луна воцарилась над головой, проливая свой яркий, но мертвый свет на мою жизнь. Майк обнял меня в ответ. В кольце его рук я ощутила умиротворение, а спокойный ритм его сердца усмирил участившееся биение моего.

– Не жалей меня, Элис. Смерть – это еще не конец. Я хочу помочь тебе. Поделись со мной, расскажи мне, как ты оказалась здесь. – Майк неспешно поглаживал мою спину. От этой нежности у меня защипало в глазах.

– Придется начать издалека. Моя подруга… – Рассказ занял добрых два часа. Мы давно уже переместились с парамедиком на диван и допили кофе. Майк длинными пальцами обрисовывал эмблему на своей кружке.

– То есть Джозеф тебя просто закрыл, чтобы помешать разводу и сохранить дом? И какие его дальнейшие действия? Держать тебя в психушке? Из-за особняка? Дороже выйдет.

Я не могла с ним не согласиться.

– Может, это временное решение? Вдруг осмелится на шантаж, чтобы я переписала дом на него, или даже спланирует убийство… Экономия, – я невесело усмехнулась. Брови парамедика сдвинулись к переносице.

– Так, возможно, это вовсе не Ева хотела тебя убить. Точнее, попытка была сделана ее руками, но идея принадлежала твоему мужу. Ты уверена, что он ничего не знал о завещании?

Я нахмурилась и покачала головой.

– Только если он гениальный актер. Такую сцену разыграл при оглашении последней воли Элизабет.

– А если причина не в наследстве? Если все дело в твоей матери? Он же ее и своей считал.

Я перевела взгляд с его кружки и посмотрела Майку прямо в глаза. Увидела в них неподдельное беспокойство.

– У тебя остался хоть кто-то, кому ты можешь доверять? Кто сможет тебе помочь?

– Хочешь сказать, остался ли у меня кто-то среди живых? – Улыбка против воли появилась на моих губах. О Чалис я ему не говорила, но как раз она-то и могла мне помочь. – Есть.

– Тогда тебе стоит поспешить. – Майк опустил руку в карман формы и вытащил на свет… мой сотовый. – Держи, пригодится.

Я забрала телефон.

– Как?.. А впрочем, неважно. – Смысл задавать вопросы, на которые ты все равно не получишь ответ. Парамедик встал с дивана.

– Пора возвращаться. – Он протянул мне руку, помогая подняться.

– Мы еще увидимся?

– Не хочу показаться невежливым, и поверь, я бы хотел всей душой, но только не так. Поэтому надеюсь, что нет. – По моему лицу вновь потекли слезы. Майк приблизился ко мне, стирая большим пальцем каплю с моей щеки.

– Элис… Я всегда с тобой. – Он наклонился, и его губы нашли мои. Наш поцелуй вышел соленым от слез. Белая вспышка света разлучила меня с Майком. Возможно, уже навсегда.

Глава 3
Безумная Ева

Белые стены осточертели, как и белые кровать, стол, стул, кафель в ванной. Днем двери в палатах были открыты, и моя в том числе, видимо, меня зачислили в список тех, кто «прошел адаптацию». Правда, выходить я не хотела. Пробуждение настигло меня утром, и потому звонок Чалис я решила отложить на ночь, спрятав выключенный телефон в одной из свернутых кофт. Сегодня зимнее солнце светило по-особенному ярко. Я лежала на кровати с закрытыми глазами, пряча лицо от ослепляющих лучей. Штор не было. Действительно, зачем, ведь психически больные люди совершенно нечувствительны к дневному свету.

Нехотя поднявшись с постели, я решила посидеть немного в общей комнате. Там даже стоял телевизор, вызывавший ажиотаж среди пациентов. Я надела спортивные штаны и натянула длинную вязаную кофту поверх футболки. Комфорт предпочтительней стиля, особенно в сложившихся обстоятельствах. Зато впишусь в обстановку. Зевая, я вышла из своей палаты. Меня заметила пухлая медсестра. Сузив свои бесцветные глазки, она уверенно направилась ко мне. Я цокнула языком от досады.

– Миссис Андерсон? Как вы себя чувствуете? – Ее тон был любезен, даже слишком. Не думаю, что в этом месте ко всем такое отношение.

– Солнце яркое сегодня, не находите? – Я мило улыбнулась медсестре. Она, по-прежнему не сводя с меня внимательного взгляда, продолжила:

– Пройдемте со мной на медицинский пост, вам нужно принять лекарства. Не стали вас будить.

О, это невероятно. Сколько Джозеф заплатил? Изображал заботливого мужа? Впрочем – его любимая роль.

– Конечно. – Даже спорить не стала. У меня больше не было прав. Пока что. Мы прошли к посту. У сестры на бэйдже я прочитала: *R. N. Frost Sophie*[27].

– Софи, скажите, когда я смогу поговорить с врачом? И, собственно, кто мой лечащий врач? – Очень надеюсь, что мой вопрос звучал столь же любезно, сколь и обращение ко мне миз[28] Фрост.

– Ваш лечащий врач – доктор Дибелл.

Я не сдержала смешок и неумело замаскировала его

приступом кашля. Дибелл. Сестра, нисколько не смутившись, протянула мне картонный стаканчик. В нем была одна крупная розовая таблетка и одна поменьше, белая. Не задумываясь, я положила их в рот. Софи протянула мне прозрачный пластиковый стакан, уже с водой. Я покорно запила таблетки и открыла рот, доказав, что я не обманываю. Миз Фрост кивнула.

– Очень хорошо, спасибо. Действительно, забавно получилось. У вас в карте указана доктор Белл как ваш психотерапевт, а теперь психиатр доктор Дибелл.

Я с некоторым сочувствием воззрилась на медсестру. Мой смех был вызван не созвучием фамилий, а, скорее, схожестью с очень характерным русским словом. Но объяснять случившийся каламбур я вовсе не собиралась.

Как только я вернулась в палату, сразу же зашла в ванную комнату. Спустя несколько секунд розовая и белая таблетки плавали на дне унитаза. Никаких препаратов, так действительно можно сойти с ума.

Слушая зашумевший бачок, я горестно вздохнула, задумавшись о своих нерадужных перспективах. Повернула краны, ополоснула лицо прохладной водой, теплая шла еле-еле. Настроение присоединиться к местному контингенту за просмотром унылой телепередачи улетучилось, словно его смыло в унитаз вместе с лекарствами. Чем же заняться?

В палате по-прежнему свирепствовало солнце, от которого так и хотелось жмуриться. Ладно, будем бороться с социофобией. Мое возвращение в общий зал вновь приковало ко мне внимание сестры Фрост.

– Миссис Андерсон? Все в порядке?

– Да, в моей комнате некуда деться от солнца, – пожаловалась я, и внезапно на ум пришла идея, как себя занять. – Миз Фрост, могу я попросить у вас листок бумаги и ручку?

Софи нахмурилась.

– Ручку? – Миз Фрост подошла к своему посту и, выдвинув ящичек, вытащила из него шариковую ручку с защитным колпачком у низа корпуса. Видимо, чтобы пациенты не проткнули себе глаз или сонную артерию. А может, и не только себе. Она протянула мне ручку.

– Держите, и вот пара листков. Хотите написать письмо?

– Нет, – отрицательно покачала головой я, – надо применить один метод, которому научила меня доктор Белл.

Медсестра улыбнулась.

– Если вам понадобится помощь, я на посту.

Поблагодарив Софи, я направилась к синему кожаному креслу в углу комнаты. Искусственный материал заскрипел подо

мной. Я согнула листки пополам и приготовилась излить бумаге все свои душевные переживания. Приступив к этому нелегкому делу, я с удивлением обнаружила, что ручка тоже гнется.

В глазах твоих я вижу тьму,
Пустота так неизбежна.
Открыть сердце простаку,
Столь быстро и небрежно.

Среди нарциссов места нет,
Сорняку там не пробиться.
Гвоздик паршивый цвет,
Не суждено им зародиться.

Цветите, желтые цветы,
Не подавитесь желчью.
Ослепнут все от красоты,
Оглохнут от злой речи.

Последние строки вышли особенно жирными, от нажима едва не порвала бумагу. Но мне полегчало. Я откинулась в кресле и, прикрыв веки, стала разминать затекшую шею.

– Элис? – Знакомый голос, робко позвавший меня, заставил встрепенуться. Я открыла глаза и увидела перед собой… Еву. Забравшись в кресло с ногами, я тихо предупредила некогда лучшую подругу:

– Не приближайся. Лучше уйди.

Вид у Евы был жалкий, истощенный. Прошедший год состарил ее лет на десять. Мешки под глазами, взгляд потух, между бровями заломы. Как она вообще оказалась здесь? Разве она не должна быть в тюрьме, где ей самое место?

Ева Блум уходить не спешила, она медленно подошла к соседнему креслу, опустилась в него. Ее руки свободно свисали с подлокотников, спутанные медные волосы скрывали от меня лицо, а длинные ноги она вытянула в проход. Поза сломленного, безучастного к жизни человека. Или мне просто хотелось видеть это в ней – раскаяние.

– Почему ты в лечебнице? – спросила я и обхватила поджатые к груди колени руками. Ева повернула ко мне голову, откинула назад непослушные кудри, обнажая шею. На молочной коже виднелись начавшие сходить синяки, похожие на отпечатки пальцев. Я вздрогнула. Заметив мой взгляд, Блум едва слышно хмыкнула.

– Ты хотела спросить, а почему не в тюрьме? Адвокат настоял

на экспертизе, а прокурор и судья сдались под напором отца. Последнее нападение поспособствовало их вердикту. – Она провела рукой без всяких следов маникюра по оставленным на своей шее гематомам. – Так что теперь я пациентка этого чудесного заведения. – Ева хрипло и невесело рассмеялась.

Мне смеяться не хотелось. Почему я должна была находиться в одном помещении с преступницей, которая к тому же пыталась меня убить? От праведного гнева мои ногти впились в колени. Убийцы, переведенные на освидетельствование, явно не могут находиться среди обычных пациентов. Не думаю, что Блум вернут в тюрьму. Только не ее.

– Как ты, Элис? – Вопрос, который мог бы спровоцировать ядерную реакцию с моей стороны, был задан таким полным скорби голосом, а слова были произнесены почти шепотом. Да, она сломлена. Тяжелый вздох вырвался из моей груди, но из-за позы раздался лишь судорожный хрип.

– Лучшая подруга влюбилась в моего мужа, попыталась подтолкнуть меня к самоубийству, а когда ничего не вышло, вонзила мне в живот нож. Как я после этого? Как я, находясь теперь с ней в одной комнате? – Злые слезы покатились у меня из глаз. Опять становлюсь плаксивой. Сердито вытерев рукавом кофты соленые капли, я устремила яростный взгляд на Еву. Она тоже плакала.

– Ты никогда меня не простишь, – сказала Ева, обращаясь сама к себе.

– Это верно, вряд ли я когда-нибудь смогу, – согласилась я с заклятой подругой. Ева утратила свой шарм, потеряв приличное количество килограммов. Кожа да кости, замотанные в растянутый свитер и джинсы, подвернутые до лодыжек. Лоферы с мехом «дополняли» образ. Блум сменила позу, закинув ногу на ногу. Один из лоферов, свободно покачивающийся на мыске, соскочил с ноги. Я поморщилась при виде изувеченной кожи на ступне. Рваный шрам, который я оставила Еве в награду за смелую попытку избавиться от меня. Смотреть на него сейчас было неприятно.

– Джозеф попросил тебя? – тихо проговорила я, отводя взгляд от рубца. Ева изогнула бровь, как она делала в уже прошлой жизни.

– Попросил что?

– Убить меня.

Блум расхохоталась. Жестким и злым смехом. Я ему была даже рада. Он делал Еву снова живой, хоть немного похожей на себя прежнюю.

– Он? Попросил? – Казалось, она сейчас задохнется. – Ему

никогда не нужно было ни о чем просить. О, Джо. Хватало одной надежды, намеков, что, не будь тебя, мы с ним могли бы обрести счастье. – Она покачала головой.

– То есть ты просто решила прикончить меня и думала, тебе это сойдет с рук? Станешь счастливой? И как? Стала? – Я резко поднялась с кресла. «Стала» прозвучало несколько громче, чем я хотела, что неизбежно привлекло к нам внимание персонала и пациентов. Одна седовласая женщина указала на меня кривоватым пальцем, что-то пробормотав. Я поспешно отвернулась и снова села в кресло. Ни к чему поднимать шум.

– Да я и не хотела тебя убивать, конечно. Но сколько про тебя рассказывал Джозеф. Как ты его унижаешь, изводишь день ото дня, изменяешь, в конце концов. И не счесть, по его словам, литров грязи, что ты лила на меня. Я просто не выдержала в тот вечер, когда после всего он тебя снова обнимал и вы вместе принимали гостей. Не знала, как мне быть и что делать. – Ева замолчала. Мой пульс участился. Джозеф навешал лапшу на уши любовнице, обвинил меня во всех смертных грехах и, по сути, подвел Блум к покушению на убийство. Чужими руками да жар загребать, а, Джозеф?

– Тебя это не оправдывает, – горько процедила я. Ева и не думала возражать.

– Я не жду прощения. Ничто не исправит содеянного. Но, возможно, я могу тебе помочь остаться в живых. Джо близко к сердцу принял известие о твоем родстве с его матерью, мачехой, если точнее. Есть некоторые подозрения, что это не последняя тайна в семье Андерсон, но что еще за скелеты у них в шкафу пылятся, не могу сказать. Копать нужно в сторону Чарльза. Не в буквальном смысле, конечно. – Блум сама посмеялась своей шутке. Ага, очень весело. Обхохочешься. Что же такого мог скрыть покойный Чарльз?

За нашей увлекательной беседой я не заметила, как стемнело за окном. Зима, солнце садилось рано. И хорошо.

– Ужин! – громко объявила Софи Фрост. Повод отделаться от Евы меня весьма обрадовал, я едва не подорвалась с места.

– Элис, – Блум вновь вернулась к тону скорбящей вдовы.

– Ну, что? – Я теряла терпение и была готова сорваться в любую минуту.

– Дело не только в сэре Чарльзе, но и в его первой супруге. Больше ничем помочь не могу.

– Спасибо, – поблагодарила я Еву, собрав крупицы спокойствия на это сухое слово.

– Будь осторожна. – Она поджала искусанные губы, копна ее волос вновь скрыла от меня лицо Евы. Решительным шагом я

направилась в столовую. Главное, когда все уснут, не забыть позвонить Чалис. Я выберусь, чего бы мне это ни стоило.

Глава 4
Миру – Мира

В отделении воцарились покой и тишина. Свет не горел, время за полночь, но мне было не до сна. Сбросив с себя одеяло, я свесила ноги с кровати и ступила на пол. Холод дешевого ламината заставил меня поджать пальцы на ногах. Я осторожно приблизилась к выходу и приложила ухо к двери. Звуки по ту сторону не раздавались. А это означало, что пора звонить Чалис Картер.

Телефон, хвала всевышнему, был заряжен, быстро включился. Оставалось только набрать Чалис. После трех долгих гудков на другом конце провода раздался немного сиплый голос, видимо, гадалку я разбудила.

– Да? Элис? – В ее голосе слышалось беспокойство. И ведь не беспричинное. Она прокашлялась.

– Чалис? Ты не представляешь, что со мной произошло. Если коротко, муж отправил меня в психушку, и мне нужно выбраться отсюда. Больше не к кому обратиться. – Стало противно от себя самой. Шаблонные фразы, жалобный тон. У меня и правда никого не осталось. Только Мария. В Москве.

– Подожди, подожди. В каком смысле отправил? – серьезно спросила Картер. Вздохнув, я в двух словах описала события последних дней.

– Понятно, – протянула Чалис, – это объясняет, почему ты пропала, я писала тебе и звонила, – укоризненно заметила гадалка. Отняв телефон от уха, я пролистнула меню в поисках списка входящих звонков. Да, семь пропущенных. Два из них пришлись на то злополучное утро, в которое меня привели в эту богадельню. Ладно.

– Прости, я уже не имела возможности ответить.

– А откуда у тебя телефон?

О призрачном молодом человеке, передавшем мне мобильный, я умолчала. Пока с доверием у меня были проблемы.

– Это неважно, я потом расскажу. Ты мне поможешь?

Картер вздохнула:

– Как можно оставить тебя в этой ситуации? Разумеется, я помогу. У тебя есть адвокат?

Как я сама не догадалась. Гарсия бы уже рвал и метал. За время нашей с ним совместной работы над бракоразводным процессом у него вырос на Джозефа здоровенный зуб. Он даже как-то в шутку, я надеюсь, предложил нанять киллера, потому что

убийство обойдется дешевле развода, пусть юристу это и невыгодно. Я в тот момент юмора не оценила. Хотя сейчас его очень хорошо понимала. Каким бы Джозеф ни был, смерти я ему не желала.

– Да. Дэвид Гарсия, адвокат по семейным делам. Я тебе пришлю его номер и адрес. Если будешь звонить в офис, Тамми, его секретарь, скорее всего, тебя долго будет морозить.

– Элис, я вытащу тебя, слышишь? Джо ответит за все, рано или поздно. Если судебная система не сможет восстановить справедливость, то уж, по крайней мере, карма его настигнет.

Я поверила Чалис. Да, судьба Джозефа Андерсона не минует. Повесив трубку, не теряя драгоценного времени, я быстро отправила контакты юриста Картер. Может, и его предупредить? Только мои пальцы перенеслись к «Контактам», как экран погас. Я безуспешно потыкала в образовавшийся квадрат Малевича. Ну хоть Чалис позвонить успела. За спиной раздался скрип. Содрогнувшись всем телом, я обернулась на звук. Еще минут двадцать назад дверь была надежно заперта. Теперь она отворилась. Белая полоска света, струящегося из больничного коридора, легла на мою кровать. Ох, не к добру это все. Сбегать из отделения и наживать себе проблем я не собиралась, но разведать обстановку посчитала необходимым.

Я вновь убрала ставший бесполезным телефон в кофту и вышла из палаты. Коридор встретил меня безмолвием. Лампы мерцали, персонала и пациентов в отделении не было. От снизившейся температуры я поежилась. На коже проступили мурашки. Почему в больнице такой холод? Чтобы мы сразу из психиатрии перебрались в пульмонологию? Натянув рукава до самых пальцев, я двинулась в сторону сестринского поста. Издалека я увидела высокую женскую фигуру. Наверное, пришла на смену Софи. Но каждый шаг, что приближал меня к неизвестной медсестре, увеличивал мой пульс на удар. Когда я достигла своей цели и незнакомка повернулась ко мне, обнажив в неприязненной улыбке свои мелкие зубы, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Потому что я увидела, *кто* передо мной. Ну почему не Майк? Я не сдержала болезненного стона, точно у меня вдруг заныл зуб.

– Скучала? – Улыбка Миры превратилась в оскал. Самый жуткий ночной портье. Медицинская сестра из фильма ужасов, а у меня в нем главная роль. К слову, белая форма ей не шла. Стала вся как сплошной белый лист. Даже цветной бэйдж не спасал.

– Мира, не обижайся, но я скорее напугана, чем рада.

Бесцветные глаза медсестры загорелись недобрым огоньком. Она сделала сложное лицо, будто принимала важное решение.

Мира нахмурила тонкие брови и закусила нижнюю губу. Спустя несколько секунд внутренняя борьба медицинской сестры закончилась, но кто в ней победил, оставалось неясным.

– Жаль, у меня не было цели тебя пугать… в очередной раз. Я здесь, скорее, для того, чтобы помочь тебе. – Уголки губ Миры вновь поднялись.

– Твой альтруизм поражает.

Мне надоело стоять рядом с бывшей портье, и я опустилась в кресло. Мира процокала следом. Мира без шпилек – не Мира. Она заняла соседнее.

– Как ты попала сюда? – полюбопытствовала Мира.

Я скривилась.

– История стара как мир. Муж возжелал заполучить дом, завещанный мне матерью и его мачехой волею судьбы. Чтобы не допустить развода и раздела имущества, он запихнул меня в психиатрическую лечебницу. Очень удобно. Может, еще и на недееспособность уповать мою будет. – Я запустила пальцы в свои волосы. Мира неопределенно хмыкнула. Еле слышно скрипнула кожаная обивка кресла, а затем раздался стук шпилек – медсестра, тот образ, что представляла собой Мира, направилась к посту. Щелкнула мышкой. Вот кто уж точно с техникой на «ты».

– Подойдешь? – нетерпеливо бросила мне Мира, на секунду оторвав пристальный взгляд от монитора. Я нехотя поднялась. И зачем только садились?

– Ну? – недовольно буркнула я. Ровно так же, как и когда-то в «Золотой Лилии», Мира развернула ко мне экран. Она явно жаждала мне что-то показать. Монитор бесстрастно отобразил… мою спальню. Только меня в комнате не было, зато там находился Джозеф с худощавым и незнакомым мне парнем в очках. Они обошли спальню, зачем-то приподняли тяжелое зеркало, что висело над комодом, и, опустив его обратно, переглянулись. Колонок у компьютера не было, и звук был не слышен. Но я совершенно отчетливо видела, как плечи обоих мужчин подрагивали от смеха. Ну да, мое зеркало просто уморительное. Затем приятель благоверного удалился, оставив Джозефа в спальне одного. Тот, пользуясь случаем, оперся руками о несчастный лакированный антикварный комод и уставился на себя в зеркало. Если бы Нарцисс оставил после себя хоть какое-нибудь потомство, возможно, кто-то из этих красавцев вполне мог оказаться предком моего благоверного. Тем временем друг Джозефа вернулся с небольшой коробкой и ноутбуком, разместил это все на многострадальном комоде, явно поцарапав гладкую поверхность. От досады я прикусила губу. Ноутбук включили, зеркало вновь приподняли и на его заднюю поверхность

прикрепили небольшой черный кругляшок.

– Можно увеличить? Твое потустороннее оборудование впечатляет.

Мира ощерилась и клацнула когтистым пальцем по клавише. В новом масштабе я смогла разглядеть, как на экране ноутбука запустилась программа с аудиодорожкой. Додумывать более не было необходимости. Я выдохнула. Медленно, стараясь совладать с эмоциями.

– И что же там за музыка звучала?

От вида мелких зубов Миры уже начинало мутить.

– Ты же сама прекрасно знаешь. Они узнали про пожар, про Джулию, наняли актрису и сделали эту чудесную запись, чтобы выставить меня сумасшедшей. А потом муж показал ночную съемку, предварительно стерев с нее запись включенного аудио, своим дружкам-психиатрам и упек сюда.

– Надо же, – непритворно восхитилась Мира, – растешь. Ни истерики, ни отрицания, спокойное логическое рассуждение.

От похвалы этого лишенного красок создания мне легче не стало, но я была ей благодарна за подтверждение собственной гипотезы.

– Спасибо, – кивнула я. Медсестра продолжала молча смотреть на меня, правда, уже не улыбаясь.

– Где Майк? Это же не твоя территория!

Мои запоздалые возмущения лишь рассмешили Миру. Ее колкий, отрывистый смех наполнил пустое отделение. Ядом.

– Ты думаешь, мы, словно медики, работаем по территориальному признаку? Я пришла, потому что ты нуждалась во мне. И это так, даже не думай отрицать. – Смех оборвался. – У Майка тут полно работы, а я могу вывести тебя отсюда, только попроси.

– Нет, я сделаю все как надо. Разберусь с этим бардаком раз и навсегда. – Я улыбнулась и расправила плечи.

– Да, девочка на самом деле выросла. Как прекрасно. – Она провела длинным ногтем по моей щеке. – Ты знаешь, где меня искать, если что. – Я отбросила ее руку, вызвав у фальшивой медсестры мерзкую ухмылку. Мой взгляд невольно зацепился за надпись на бэйдже. *R. N. Frost Sophie* – равнодушно гласил кусок ламинированного картона. В голове вспыхнуло первое впечатление о Софи. Бесцветные глаза.

– Ты?! – Я отступила, указывая пальцем на все еще ухмыляющуюся Миру.

– Я. Тебе пора просыпаться, а то завтрак пропустишь. – Прежде чем очнуться у себя в палате, последнее, что я увидела, как меняется лицо медсестры, расширяется, теряет острые черты,

превращаясь в щекастую физиономию миз Фрост.

Глава 5
Дэвид Гарсия

Серые, подобно грязной вате, облака застлали небо, надежно укрыв от жителей Лондона солнце. Принято считать, что наше настроение и общее самочувствие зависят от количества солнечных дней в году. В Лондоне их восемьдесят пять. Как жительница Санкт-Петербурга, в котором всего семьдесят пять дней, когда царит ясная погода, я могла смело заверить – мне солнца хватало. Пусть многие со мной и не согласились бы. Зато в глаза не светили лучи и отпадала необходимость щуриться или надевать темные очки. А может, у меня просто высокая светочувствительность.

Я поднялась с постели в куда лучшем расположении духа, чем, скажем, вчера. И никакие метаморфозы Миры не могли мне испортить сегодня настроение. Прошло уже два дня с тех пор, как любезная миз Фрост оказалась бывшим ночным портье, сумасшедшим проводником. Из палаты я и носу не казала. Был в отделении и другой персонал, исправно снабжавший меня лекарствами, которые я потом честно отправляла в унитаз. Эдакий круговорот таблеток в природе. Так что с миз «бесцветные глаза» мы не сталкивались.

Нещадное зевание громко заявляло о нехватке кислорода, и я, преодолевая желание забраться обратно в теплую постель, прошла к небольшому шкафу. Сегодня должен прийти мой адвокат, и мне не хотелось бы выглядеть как типичная пациентка психиатрической лечебницы. Мой выбор пал на светлые джинсы и серый свитер крупной вязки. По крайней мере, это не треники с футболкой. Уже неплохо.

Я оделась и вышла в коридор, едва при этом не столкнувшись с пожилой дамой, что несколько дней назад указывала на меня пальцем в общей комнате. Ее сопровождала тощая медсестра, которая была выше своей пациентки почти на целую голову. Вести под руку женщину настолько ниже себя наверняка было непросто, если судить по тому, как склонилась к ней сестра. Взгляд старухи, устремленный до этого в пол, теперь был переведен на меня. Глаза ее, ясные, небесно-голубые, по всей вероятности, сохранили цвет с молодости. Узловатый палец женщины поднялся вверх, слегка подрагивая, и указал в мою сторону. Медсестра тоже посмотрела на меня, удивленная жестом пациентки.

– Норма, что такое? Зачем вы показываете на девушку? –

Сестра осторожно коснулась вытянутой руки женщины. Старуха отпрянула от нее, приблизилась ко мне, а я, в свою очередь, прижалась к стене.

– Золото тебя погубит, дорога приведет к воде.

Мы с медсестрой обменялись сочувствующими взглядами. Ну что можно ожидать от пациенток психиатрической клиники? Правильно, подобного бреда. А женщина все не унималась:

– Путь твой ложен, свет обманчив. Она придет, и будет сделан выбор… – Закончить Норме не дали.

– Ну, хватит пугать людей, пойдемте уже в палату, – сестра вновь взяла женщину под руку и обратилась ко мне: – Извините, с Нормой такое нечасто. – Они продолжили свой путь в конец отделения. Я смотрела им вслед. Старуха внезапно обернулась и поглядела на меня, приложив к ниточке рта указательный палец. Можете быть спокойны, Норма, о таком я точно распространяться не намерена.

А день так хорошо начинался. Не стоило забивать свою голову словами безумной пациентки, поэтому я, словно ничего не произошло, направилась к сестринскому посту, как и планировала изначально.

Напряженная атмосфера чувствовалась издалека. Персонал сновал туда-сюда, папки небрежно летели на стойку поста, а недовольные сестры ругались на докторов, которые, по их словам, не могли ничего нормально заполнить. И можно было подумать, что все это вполне характерно для больниц. Но я точно знала, что цепкий взгляд бесцветных глаз зорко следил за происходящим хаосом. Миз Фрост улыбалась, ее зубы были столь же мелкими, как и у настоящего облика Миры. Она наслаждалась этим маленьким адом, устроенном на медицинском посту. Глянув с опаской на раздраженных сестер, я смело направилась к Мире. Ну или к Софи. Как той будет угодно.

– Ты так завтракаешь? Негативными эмоциями несчастных людей? – без обиняков напала я на Миру. Та отвлеклась от созерцания упавшего медбрата, на которого обрушилась сверху стопка папок, сваленная ранее на стойке. Бедолага.

– А? И тебе доброго утра, Элис. Нет-нет, я просто наблюдаю, с живыми теперь редко общаюсь, знаешь ли. Стала забывать, какие вы забавные.

Мои ладони сжались в кулаки. Забавные мы, значит?

– Ты наверняка в курсе, высокий темноволосый мужчина не появлялся? С безумным взглядом?

Мира еще раз сверкнула глазами в сторону поста и после целиком сосредоточилась на мне.

– Адвоката потеряла? Он скоро будет, на лифте поднимается,

ему пропуск не хотели выписывать без разрешения твоего мужа. Но, как он доходчиво объяснил охране, за эти действия лечебницу ждет судебный иск. – «Миз Фрост» удовлетворенно хмыкнула. Если будет необходимо, Гарсия и с самим дьяволом договорится. Не успела я подивиться осведомленности Миры, как двери отделения распахнулись с пронзительным писком от приложенного к замку магнитного ключа. Дэвид Гарсия собственной персоной влетел в отделение, и полы его пальто, что он позабыл или попросту не захотел снять, развевались позади него подобно мантии. Еще несколько секунд назад царивший вокруг нас крик вперемешку с руганью стих. Несколько пар глаз уставились на чужака.

– Мистер! Сэр, подождите, вам сюда нельзя! – Молоденькая бойкая сестра смело выдвинулась вперед, преграждая Дэвиду путь. Юрист всегда мне напоминал лицом смесь черепахи и змеи. Узкий череп, впалые щеки и черные, подобно двум пылающим яростью углям, глаза. Едкая усмешка искривила его тонкие губы, и он с некоторой жалостью поглядел на уже отступившую медсестру. Картинно поправив упавшую ему на глаза челку, Гарсия прошипел:

– Мисс… как вас там, – Дэвид бегло взглянул на бэйдж побледневшей девушки, – мисс Кирк. У меня есть пропуск посетителя, и я адвокат одной из ваших пациенток, – пластиковый прямоугольник был почти ткнут в лицо несчастной миз Кирк, – так что вам лучше отойти и не мешать мне делать свою работу. – Гарсия, миновав стушевавшуюся медсестру, которая не нашлась что возразить, направился прямиком ко мне.

– Элис! – рявкнул Дэвид, не утруждая себя приветствием и не обращая на стоявшую рядом со мной Миру никакого внимания. Та же, напротив, не отводила от жилистой фигуры Дэвида взгляда. Хм.

– Доброе утро, я София Фрост, присматриваю за миссис Андерсон, – блеснув улыбкой, которая все же отдаленно напоминала мне ее привычный оскал, «медсестра» кокетливо заправила прядку волос за ухо. Что происходит? Я с недоумением взглянула на Миру. Бывшей портье надоело изображать добродушную медсестру, и она предстала в своем обычном виде. Насколько он был настоящим, я не имела ни малейшего представления, равно как и когда успели произойти изменения. Мрачное лицо Гарсии просияло, он тоже выдавил из себя улыбку и уже гораздо спокойней произнес:

– Приятно познакомиться. Дэвид Гарсия. Нам назначена встреча с доктором Дибелл, и она должна состояться уже через пять минут. – Юрист сохранял строгость, но его тон был

безукоризненно вежлив. Мира еще раз одарила адвоката улыбкой и кивнула.

– Да, доктор Дибелл ожидает вас в своем кабинете.

Гарсия обернулся ко мне.

– Пошли, – сухо бросил мне он. Я пожала плечами и поспешила за юристом, который уже устремился в кабинет врача, не дожидаясь меня.

В кабинете, предоставленном одному из ведущих психиатров клиники, царили идеальная чистота и педантичный порядок на грани обсессивно-компульсивного расстройства[29], что в принципе было неудивительно. На сверкающих белизной стенах пестрели ряды дипломов и сертификатов. Тоскливо-серого цвета стол, придвинутый к окну, поражал стерильностью. Все бумаги были сложены ровной стопкой в накопителе около монитора. Стационарный телефон играл роль сомнительного украшения края письменного стола. Ну и одинокая ручка лежала рядом с бумагами идеальной параллелью. Ни кружки, ни личных вещей, ни фото семьи в рамке. Ничего. Словно доктор Дибелл участвовал в программе по защите свидетелей.

– Миссис Андерсон, мистер Гарсия, – обратился к нам владелец кабинета Джордж Лесли Дибелл, – доброе утро, прошу, садитесь. – Грузный мужчина с таким же серым лицом, как и оттенок его письменного стола, указал нам чуть дрожащей рукой на два кожаных кресла напротив. Не удержавшись, я покосилась на Дэвида, тот кивнул. Глубоко вздохнув, я заняла кресло справа, Гарсия, в свою очередь, слева. Лысоватый психиатр снял круглые очки и устало потер переносицу. Держитесь, доктор, день только начался. Его склеры были красноватыми, под глазами залегли синеватые тени.

– Итак, господа, почему вы так настойчиво просили о встрече? – Дибелл сложил перед собой руки и сцепил пальцы в замок. Я вновь посмотрела на адвоката. Взгляд Дэвида оставался непроницаемым.

– Спасибо, доктор Дибелл, что согласились на беседу. Моя клиентка, миссис Андерсон, оказалась здесь не из-за ментальных расстройств, а вследствие ложных обвинений со стороны доктора Андерсона. Вместе со своими коллегами он лжесвидетельствовал о насилии со стороны миссис Андерсон и о ее ухудшившемся душевном состоянии.

Ни один мускул не дрогнул на худом лице Гарсии. Доктор Дибелл выдержал паузу, давая возможность Дэвиду закончить. Похоже, заготовленный монолог был коротким. Я нахмурилась, разочарованная таким подходом Гарсии. У адвоката не было никаких доказательств против моего мужа.

– Мистер Гарсия, я лично знаком с доктором Андерсоном. И с докторами Стивеном и Парсоном тоже. Они весьма обеспокоены вашим состоянием, Элис. Я ведь могу обращаться к вам по имени? – Красные глазки врача уставились на меня. Конечно, неплохо, что он, соблюдая этику, не вел разговоры с юристом обо мне в третьем лице. Но я прекрасно понимала – расположения от психиатра ждать не придется.

– Разумеется. Правда, причин для волнений нет никаких. Мое состояние стабильно уже довольно давно. – Подражая Дэвиду, я столь же непроницаемым взглядом смело глядела доктору Дибелл в глаза. Он вежливо улыбнулся и мягко проговорил:

– Вам как медицинской сестре в прошлом должно быть известно, что такое понятие, как «довольно давно», имеет весьма размытые границы в психиатрии. В августе две тысячи девятнадцатого года вы в день своего рождения совершили попытку суицида. Терапия, проведенная доктором Белл, имела положительные результаты, несмотря на такое потрясение, трагедию, покушение на вашу жизнь. Наверное, вам тяжело дались последние месяцы? Да еще под пристальным вниманием прессы. Впрочем, Джозеф взял удар на себя, пока вы прятались в другой стране.

От растерянности я только открывала и закрывала рот. Мало того, что он напоминает мне о кошмарных событиях, ставших худшими в моей жизни, так еще и назвал моего мужа Джозефом, проявил к нему сочувствие, упрекая меня, – верх непрофессионализма. Я почти задохнулась от возмущения. Дэвид, сохраняя спокойствие, осторожно поинтересовался:

– Эти факты известны нам троим, к чему лишнее напоминание? А ваши домыслы о ее временном отсутствии в стране совершенно неуместны. Как они относятся к делу?

Слова Гарсии ни капли не смутили врача. Он лишь неприятно хрустнул костяшками и продолжил:

– Что вы чувствуете после смерти вашей мамы, Элис? Леди Андерсон ушла скоропостижно, так внезапно. Вы даже не успели подготовиться. Новый удар для вас. – Психиатр чуть склонил голову, по-прежнему внимательно смотря на меня. А я начала осознавать, какую игру затеял доктор Дибелл, не без участия дорогого Джо, само собой. За время пребывания в клинике со мной ни разу не разговаривал психиатр. Ни бесед, ни осмотра. Только препараты горстями от персонала. Все это нарушало любые протоколы ведения пациентов, но кому какое дело, если цель вовсе не лечение, а избавление от моего присутствия в доме. Спасибо, хоть не на Земле в этот раз. Забывшись, я фыркнула и тут же пожалела об этом, почувствовав на себе неодобрительный

взгляд Дэвида. Упс. Не дав врачу снова начать говорить, Гарсия небрежно осведомился:

– Доктор Дибелл, вы проверяли сегодня электронную почту?

Внимание психиатра переключилось на адвоката. На лице врача читалось недоумение, он кашлянул и полюбопытствовал:

– А при чем, позвольте спросить, тут моя почта, мистер Гарсия?

Дэвид улыбнулся:

– Все ваши нелепые доводы и напрасные попытки вывести из себя мою клиентку не будут иметь никакого значения после того, как вы ознакомитесь с содержанием письма от меня. Мой электронный адрес вы узнаете, не беспокойтесь.

Психиатр озадаченно сморщил лоб, но развернулся к монитору и кликнул мышкой. Через какое-то время начавшие седеть брови врача полезли как раз на этот самый сморщенный лоб.

– Что? Как, простите, мне это понимать?! – удивленно воскликнул пораженный увиденным врач. Гарсия одарил меня улыбкой, впервые за все время нашего с ним знакомства, и снисходительно пояснил психиатру:

– Перед вами неоспоримое доказательство вменяемости моей клиентки, миссис Андерсон, а также виновности в преступном сговоре докторов Андерсона, Стивена и Парсона. Иск против данных лиц будет подан немедленно после выписки моей клиентки из стационара. Миссис Андерсон сегодня же покинет стены этой клиники.

Я в замешательстве смотрела на Дэвида. Либо он сам псих, либо гений. Понятно, какой из вариантов наиболее вероятен.

– Откуда мне знать, что это все не фальсификация? Как это вообще возможно? – Врач окончательно потерял самообладание, что, как ни странно, вызвало у меня тихую радость.

– Доктор Дибелл, – привычно зашипел Гарсия, перестав изображать хладнокровие, – либо вы сейчас же оформляете выписку миссис Андерсон, и мы закрываем глаза на вашу халатность и явную ятрогению[30], либо подаем против вас иск. И уж поверьте, я приложу все усилия, чтобы вашу лицензию психиатра аннулировали и лишили вас практики до конца жизни, – едко закончил Дэвид. Врач взвился:

– Вы мне угрожаете, мистер Гарсия?

– Лишь ставлю вас в известность и предлагаю выбор. Ну, так какое решение вы примете?

– Господи, вселенная, все, в кого только можно верить, Дэвид, ты невероятен! – Я не могла унять нервозную болтливость,

нещадно осыпая адвоката благодарностями, пока собирала вещи в палате. Он только отмахивался от меня, но уголки его тонких губ дрогнули. Торопливо кидая одежду как попало, я услышала, как к нам в комнату зашел кто-то еще.

– Ох, Элис, жаль прощаться с тобой. Моя любимая пациентка, – въедливый голос Миры заставил меня обернуться.

– О, ну да, как же без тебя, – сердито буркнула я, едва взглянув на «медсестру», и продолжила складывать вещи. Бывшая портье притворно возмутилась:

– И это вся твоя благодарность? Горбатого могила исправит, хотя и это не твой случай.

Оборачиваться к Мире я не стала, но ее слова меня насторожили. Неужели то письмо связано с тем, что она мне недавно показала? До моего уха донесся звук поцелуя и хихиканье. Здесь я сдержаться уже не смогла и поглядела на стоявшую в дверном проеме парочку. Дэвид ласково провел ладонью по предплечью Миры, и она, подмигнув ему на прощание, удалилась в коридор.

– А как же доктор Белл? – напомнила я Гарсии о недавнем романе с моим психотерапевтом.

– Она решила вернуться к бывшему мужу, ничему ее не учат ошибки других. – Адвокат ухмыльнулся. И правда, что тут скажешь.

Часть X
Возвращение

Глава 1
Приют

– Элис, у вас есть возможность остановиться где-то еще, кроме как в Андерсон Мэнор? – с несвойственной заботой в голосе спросил меня Дэвид. Мы вышли с ним из стеклянных дверей лечебницы, и сейчас я действительно была рада солнцу. Его яркому, ослепляющему свету, что заставлял плясать солнечных зайчиков в моих глазах. Я прищурилась и сделала руку козырьком, стараясь уловить взглядом знакомое лицо.

– О, ни за что больше не сунусь в это осиное гнездо, необходимые вещи у меня с собой, поживу у подруги, – ответила я и несколько нервно улыбнулась адвокату.

– У подруги? У кого? – продолжал любопытничать Гарсия. Видимо, успех вскружил ему голову и вызвал столь нехарактерную для него болтливость.

– Чалис, Чалис Картер. Сестра Эйча… то есть Гарольда, нашего покойного садовника, – поспешно исправила я свою оплошность. Дэвид удивленно приподнял брови:

– И давно вы стали с ней подругами?

– После похорон матери ей достался домик Гарольда в наследство от Элизабет, так что у нас было на чем сойтись, не беспокойтесь, – заверила я адвоката, чуть ли не подпрыгивая на месте. С одной стороны, меня заставлял двигаться мороз, с другой – нетерпение. Мы спустились к парковке, и теперь я переминалась с ноги на ногу, выглядывая среди подъезжающих машин ее старенький «Мерседес» семьдесят пятого года выпуска. Громкое «бип» раздалось где-то справа от меня, скорее всего, ближе к концу стоянки.

Я заметила подъезжающий серебристый седан. По телефону Чалис заверила меня в том, что приедет на «Мерседесе» и мне совершенно ни к чему тратиться на такси. Лондонский кеб – недешевое удовольствие.

– Хочу поблагодарить вас, Дэвид. Вы оказали мне неоценимую услугу, – несколько патетически обратилась я к юристу и мгновенно почувствовала себя глупо. Гарсия только дернул плечом и сухо ответил:

– Не стоит, эта услуга очень хорошо вами оплачивается. Удачи, – он кивнул на выходящую из «Мерседеса» Чалис и, как всегда, не тратя драгоценного времени на прощание, направился к своей машине.

– Привет, это был твой адвокат? – слегка запыхавшись,

поинтересовалась Чалис. Она стояла ко мне столь близко, что до меня донеслись нотки пачули ее масляных духов. Я обняла ее и подтвердила:

– Да, он самый. Всегда уходит по-английски, – покачала я головой. Картер не поняла и с искренним удивлением переспросила:

– Что?

– Не прощаясь, не бери в голову, – я мягко улыбнулась Чалис, отстраняясь. Мне всегда удавалось быстро сходиться с людьми, но… В последнее время я потеряла стольких близких, даже тех, знакомство с которыми длилось отнюдь не долго.

– Прости… не спала всю ночь, вот и не оценила идиому.

Из-за темного цвета кожи фиолетовые тени, залегшие под глазами Чалис, были не так сильно видны. Правда, теперь, когда она сама рассказала о бессонной ночи, я не смогла оторвать от синяков взгляд.

– По тебе и не скажешь, – зачем-то покривила я душой. Хотя она и впрямь, несмотря на круги под глазами, выглядела отлично.

– Да брось, – отмахнулась Картер, – давай сумку и пошли к машине. Ехать, кстати, не так долго.

Горячие, несмотря на минусовую температуру воздуха, пальцы Чалис перехватили ручки спортивной сумки. Гадалка не стала дожидаться моего согласия, и пока я подобно выброшенной на берег рыбе открывала и закрывала в изумлении рот, широкоплечая фигура Картер направилась к «Мерседесу». Ну да, кому вообще интересно мое мнение?

В салоне старенького седана запах пачули усилился. На зеркале заднего вида висели деревянные четки. Их лакированные бусины блестели на свету. Я проводила взглядом трещину на лобовом стекле, делившую его пополам. Поерзав на кожаном сиденье в попытках устроиться поудобней, я чуть отодвинула кресло назад. Судя по всему, Картер подвозила в последний раз кого-то не слишком высокого роста. Чалис опустила солнцезащитный козырек, повернула ключ зажигания. Гул мотора заглушила полившая из динамиков песня, на которую еще с лета у меня открылась стойкая аллергия:

Ah, ha, ha, ha, stayin’ alive, stayin’ alive
Ah, ha, ha, ha, stayin’ alive…

– О боже, переключи, прошу, – взмолилась я. Картер бросила серьезный взгляд из-под длинных ресниц и, выруливая с

парковки, хмыкнула:

– Не любишь диско? Или семидесятые?

Я покачала головой:

– Только эту песню. Лишь ее.

– Все плохое заканчивается. И песня тоже.

Гадалка не стала менять радиостанцию, а я не осмелилась настаивать. Под хит Stayin' Alive мы взяли курс на салон Чалис.

«Мистерия» встретила нас сияющей вывеской, включенной даже днем. Задернутые шторы создавали в витринах темно-фиолетовый фон. Бронзовые подсвечники, выставленные за стеклом, производили впечатление атрибутов скорее антикварной лавки, нежели гадального салона. Или оккультного магазина, как угодно. Было уже за полдень, и лондонцы сновали по улице взад и вперед. Обеденный перерыв. Совсем забыла, что такое работа. Пора исправлять. Пока мы шли от машины к входу в магазин, я, погрузившись с головой в пучину воспоминаний о редакции в Лос-Анджелесе, вынырнула оттуда, когда едва не врезалась в деревянную дверь со стеклянным окошком. Колокольчик жалобно звякнул, стоило мне споткнуться о порог. Стараясь удержаться на ногах, я ухватилась за дверную ручку. Горизонтальное положение мне сейчас было совершенно ни к чему.

– Иисус Христос! Элис, тебя хоть на секунду вообще можно оставить одну? – воскликнула вернувшаяся Картер, хватая меня за локоть.

– Нежелательно, – прокряхтела я, с благодарностью принимая помощь. Происшествие было, разумеется, чистой случайностью, но оставаться одной я и правда не хотела. Чалис втянула меня в темное пространство салона, мгновенно окутавшее меня ароматами грейпфрута, уже привычного для этого зала жасмина и еще чего-то пряного, терпкого. Третий запах мой нос никак не мог распознать. Круглый стол сегодня украшала изумрудная скатерть, покрытая золотистыми символами. Может быть, рунами, одной вселенной известно. Я огляделась. Обстановка, не считая новых запахов и другой скатерти, не изменилась. Разве что в комнате стало еще темней, хотя так могло казаться после пребывания на солнце. Надо было привыкнуть. Чалис кивнула на кресло:

– Располагайся. Чаю?

Не успела я ответить, как кто-то раздвинул занавески из разноцветных пластиковых бусин, что укрывали вход в подсобное помещение. Я обернулась на характерный звук и обнаружила… Еву?! В полутьме ступившая в комнату девушка показалась мне копией моей заклятой подруги. Присмотревшись к незнакомке, я

заметила, что огонь ее рыжих волос пылал не столь ярко, как медные пряди Блум, да и завитки локонов были крупней. Рост гостьи составлял около пяти футов[31], платье в пол с длинными рукавами позволяло ей выглядеть выше. Я растерянно моргнула. Картер, обратив внимание на мое замешательство, мягко улыбнулась:

– Это Ника, совладелица. «Мистерия» принадлежит нам обеим. Никки, выйди на свет, не пугай Элис, – позвала подругу гадалка. Ника шагнула к нам, и даже столь тусклого света хватило, чтобы чары образа Евы развеялись. Передо мной стояла хоть и довольно похожая, но совершенно другая гризетка. На вид ей можно было дать не больше двадцати. Ее дымчато-серые глаза обрамляли черные от густо нанесенной туши ресницы. Небольшой рот уступал полноте губ Блум. Светлую кожу покрывали веснушки. Тонкую шею украшала серебряная цепочка с медальоном в виде сердца, разделенного на две части, и вторая его половина была словно наполнена кровью. Я едва не вздрогнула от такой ассоциации. Поскольку я находилась в постоянном стрессе, порой даже самые невинные вещи заставляли меня напрягаться. Нервно сглотнув, я поздоровалась первой:

– Здравствуй, Ника, приятно познакомиться. Не видела тебя в прошлый раз.

– Я спала, наверное, – с некоторым акцентом ответила Ника и, широко улыбнувшись, продемонстрировала диастему. – Никой меня зовет только Чалис. Я предпочитаю обращение по фамилии – Корса. Некоторые даже не догадываются, что Корса – это не имя, и сокращают до Коры, – пояснила подруга Картер.

Голос Корсы звучал высоко, слова произносились почти нараспев. Корса так Корса.

– Значит, буду звать тебя Кора. Мне нравится, – заверила я Нику. Та рассмеялась. Смех подобно сорванным с нитки жемчужинам рассыпался по салону.

– Так это твой mąż[32] хотел выставить тебя сумасшедшей?

В серой бездне глаз Ники читался неподдельный интерес.

– Муж? – на русском переспросила я.

– Mąż, – подтвердила Корса. Чалис переводила ленивый взгляд с меня на Нику.

– Да, он самый, захотел прибрать к рукам дом ее матери, которая была, в свою очередь, его мачехой. Очень удобно, когда жена спятила и можно засунуть ее в психушку! – не вытерпела Картер. Уже спокойней она повторила предложение: – Так чай пить будем?

Не сговариваясь, наши одновременно произнесенные с Никой

«да» слились в единое согласие.

Глава 2
Ника

Чалис выставила на стол три черные чашки, матовые снаружи и глянцевые внутри. Чай на этот раз был с чабрецом. Я всматривалась в чаинки, что ложились на дно, они напоминали мне облетевшие листья деревьев. Ника и Картер о чем-то тихо переговаривались, я не вслушивалась в их разговор. Мои мысли возвращались к неразрешенной проблеме с Джозефом. Сколько можно давать человеку шансов? А если этот человек – твой муж? Я не психиатр, да и в целом у меня сложились не самые простые отношения с этими специалистами. Но такая смена настроений… Наши с Джо эмоциональные качели давно прокрутили «солнышко», и я зависла где-то наверху, забыв вернуться на землю. Правда, уровень «качелей» пройден, мы пересели на смертельно опасные американские горки, которые грозились меня скинуть уже который раз. Муж почти подвел мою некогда лучшую подругу к убийству. Моему убийству.

Каждый раз, когда ты надеешься, что вот, вот оно, счастье, сейчас уж точно все будет хорошо! Нет. Вселенная дает тебе пощечину как раз в тот момент, когда ты наиболее уязвим. Почему он не мог сразу сказать: «Вместе мы быть не можем из-за неоднозначной семейной ситуации?» То люблю, то не могу… То ты сумасшедшая и тебе самое место в психиатрическом отделении. Наследство? Джозеф рос в достатке, можно даже смело заявить, в богатстве. Так почему было просто не уступить дом да переехать в другой? Вариантов у супруга более чем достаточно.

– Элис!

Я встрепенулась и поглядела на Чалис. Ее черные как ночь глаза с тревогой смотрели на меня.

– Третий раз тебя спрашиваю. Твой чай остыл, ты будешь допивать? Или налить новый, горячий? Могу еще раз чайник поставить.

Мне было не до чая. Не хотелось ничего. Только упасть и умереть.

– Нет, спасибо. Ты говорила, что есть комната, где я могу остановиться.

Картер вздохнула и поднялась с места.

– Комната принадлежит Нике, но есть вторая кровать. И если пани Корса соизволит убрать с нее свое барахло, то ты там вполне можешь разместиться. Верно, дорогая? – несколько строго

обратилась Картер к подруге. Та кивнула и тоже встала с кресла.

– Разумеется. Пойдем, я покажу твою новую обитель. Добро пожаловать домой.

Корса вновь улыбнулась, и я нашла ее диастему очаровательной. Будем соседками, значит.

Я подхватила сумку с пола и проследовала за удалившейся Никой. Проходя через шторы из бусин, я зацепилась за одну из свисающих нитей, рискуя оставить занавески без оной. Да что же это такое. Едва себя сдерживая, чтобы не разрыдаться, я осторожно поставила сумку на пол, высвободила пояс своего пальто от приставучих бусин и вновь подхватила свою ношу. Нужно было взять себя в руки, я в гостях.

Мы прошли через плохо освещенный коридор, доски пола жалобно скрипели под нашими подошвами. Корса остановилась напротив второй двери, вошла в комнату первой.

– Правда, здесь мило? – Она раскинула руки в стороны и чуть крутанулась на месте. Я не разделяла ее энтузиазма, окинула недоверчивым взглядом пространство. Спальня была небольшой, и воздух стоял затхлый. Пахло книжной пылью, что неудивительно – книги виднелись повсюду. Веяло тем же ароматом, что и в салоне. Возможно, некая пряность. Плотные шторы были задернуты, в углу горел торшер с бордовым абажуром. Одна двуспальная кровать стояла у стены, слева от входа. Другая, рассчитанная на одного человека, была придвинута к окну, и ее железная спинка, чьи прутья украшали красные атласные ленты, прижимала собой портьеры к подоконнику. Выцветший ковер с цветочным узором прикрывал старые доски. Полы нуждались в циклевке. Пока я старалась примириться с мыслью, что мне предстоит остаться в этой комнате на неопределенный срок, Ника все еще ждала от меня ответа.

– Конечно, Ник… Корса, – исправилась я. Корса просияла и указала изящным движением руки на кровать у окна.

– Как видишь, «барахло» я уже убрала. Хоть и в самый последний момент.

– А ленты на прутьях для чего? – полюбопытствовала я. Ника растерялась.

– Для уюта, – неуверенно проговорила Корса. Скорее всего, она и сама не знала, для чего развесила подобные украшения.

– А ванная?..

Корса неопределенно махнула рукой в сторону выкрашенный в белый цвет двери. Чтобы попасть в ванную, нужно было миновать кровать соседки.

Я, не выпуская из рук дорожную сумку, медленно приблизилась к отведенной мне кровати. Скромных размеров тумбочка стояла рядом с изголовьем, очень удобно. Поставив на пол сумку, я осторожно присела на краешек кровати. От гобеленового покрывала поднялась пыль. Будь у меня астма, я бы уже задохнулась.

– Ты не возражаешь, если я открою окно, проветрить? – обратилась я к замершей Корсе. Она оставалась столь неподвижной, что в это самое мгновение ее можно было принять за очень реалистичную статую.

– А? Открыть окно? Зачем? – настороженно ответила вопросом на вопрос Ника, словно я просила ее впустить к нам маньяка.

– Проветрить. Пыльно, душно, – терпеливо пояснила я, лелея надежду, что это не заденет чувств владелицы магазина. Корса моргнула и, вернув на губы привычную улыбку, сказала:

– Хорошо, но дождись, пока я уйду. Боюсь… сквозняков, – все с той же неуверенностью в голосе произнесла она. Странные эти рыжеволосые. Корса вскоре поспешила вернуться за прилавок, а я с несвойственной мне прытью бросилась к окну. Распахнула стеклопакеты, и свежий морозный воздух ворвался в спальню. Я с наслаждением вдохнула полной грудью, перед тем как приняться за сумку с вещами.

Рядом с дверью добрую часть стены занимал двустворчатый дубовый шкаф. Открыв створки, я почувствовала знакомый запах сушеной лаванды. Такой родной до боли аромат, навевавший мысли о доме, питерской квартире. О бабушке. При одном воспоминании об Алевтине Анатольевне сердце защемило, наполняясь тоской. Как же мне ее не хватало. Как мало надо человеку для счастья. Лишь близкие рядом да крыша над головой. Я сдержала слезы. Не хватало еще расклеиться и начать вытирать сопли рукавом. Доктор Белл со мной бы не согласилась, уверяя, что боль и утрату нужно оплакать. А плакать я как раз устала, глаза из-за слез болели, словно от кислоты. Погрязнув в тягостных думах, я машинально раскладывала одежду. И едва последняя кофточка заняла свое место на полке, в комнату постучалась Ника:

– Элис?.. Закрой окно, пожалуйста.

Как она только поняла, что окно я еще не прикрыла? Наверное, из-под двери тянет. Я прикрыла окно и вернула шторы в исходное положение.

– Входи, закрыла.

Дверь с противным скрипом отворилась, и Корса переступила порог комнаты.

– Обустроилась? Все в порядке? – проявила учтивость Ника. У меня складывалось впечатление, что подобное поведение владелице не свойственно. А может, у меня просто разыгралось воображение.

– Да, я уже разложила вещи.

Корса по-птичьи наклонила голову. Прядь цвета корицы закрыла ее левый глаз. Она убрала локон пальцами, украшенными множеством серебряных колец. На изящных кистях виднелись веснушки.

– Всегда хотела быть рыжей, нравятся твои веснушки, – отметила я, стараясь быть милой. Владелица немного зарделась:

– Мама называла их «поцелуями солнца», благословением богов… – на последнем слове ее взгляд стал расфокусированным, а тело приобрело недавнюю статичность. По моей коже пробежался морозец, и он никак не был связан с холодом на улице, пусть в комнате и стало довольно зябко.

– Пойдем обедать? – отмерла Ника. Я растерялась:

– Мы куда-то поедем?

Вновь послышался жемчужный смех Корсы:

– Не-е-ет, у нас есть кухонька. Idziemy?[33]

Прекрасно поняв Нику, я кивнула:

– Пошли.

Чалис накрыла длинный прямоугольный стол без скатерти на троих. Кухонька оказалась вполне просторной, с современным гарнитуром и не слишком вписывающимся в обстановку обеденным столом, будто украденным из средневековой таверны. Рядом с тарелками горели свечи в старомодных подсвечниках с причудливой резьбой. Пахло… лавром?

– Лавр! Так вот что это за аромат! Вы пельмени на обед сварили? – забывшись, ехидно поинтересовалась я. Однако Ника в очередной раз удостоила нас звучанием запоминающегося смеха:

– А-а-х… нет, это свечи. Мы их делали с использованием толченого лавра. Для защиты.

Я с недоверием покосилась на Картер и, не удержавшись, спросила:

– И как? Помогает?

Чалис на полном серьезе уведомила:

– Если брать в расчет недавние ограбления магазинов на нашей улице, когда пострадали почти все лавки… почти все, за исключением нашей.

Мои брови приподнялись.

– То есть все дело в лавре?

Владелицы переглянулись. Корса, словно объясняя очень

отстающей студентке высшую математику, пояснила:

– Разумеется, нет. У нас хорошая охранная сигнализация.

Я снова посмотрела на Чалис. Та прыснула, я подхватила. Ну а Корсе и повода особого для смеха не требовалось. На этот раз смеялись мы втроем.

С учетом позднего времени (оказывается, я потратила около двух с половиной часов на складывание своей одежды), наш обед плавно перетекал в ужин. Паста с морепродуктами кончилась, и вместо опустевших тарелок гадалка водрузила на стол большое блюдо с фруктами и сыром. Корса поднялась со своего стула и, пройдя к кухонным шкафчикам, выудила из нижнего темную бутылку.

– Тогда я достану бокалы, – заявила Картер и уже из верхнего шкафчика вытащила три бокала для красного вина. Я перевела взгляд на поставленную на стол бутылку. На стекле была заметна пыль, этикетка стерта, и разобрать надпись не представлялось возможным. С характерным звуком Ника откупорила бутылку. Вино омыло стенки прозрачных фужеров, наполняя их жидкостью вишневого цвета. «Цвета венозной крови», – мрачно подумала я и сама себя одернула. Что за странные сравнения?

Мы чокнулись. Сделав глоток, я ощутила непривычную сладость на языке. Обычно я пила белое полусухое, и столь плотное насыщенное вино вызвало противоречивые чувства. Да и привкус странный, точно пару медяков подложили в бокал. Не давая фантазии разойтись, я переключила внимание на разговор владелиц.

– Он правда просил кроличью лапку? – недоумевала Чалис.

Корса скривилась:

– К чему мне лукавить? Заявился, ключи в руках от машины вертит, одет с иголочки. А от вида лица его смазливого так в горле запершило, уж больно был он слащав. Да и тон такой сахарный. Причем лапка ему нужна была настоящая!

– Двадцать первый век, а эти щеголи все лапки на удачу ищут, – неодобрительно покачала головой Картер.

Я вмешалась, ядовито заметив:

– Сказала гадалка.

Тотчас прикусила язык. Может, не стоило язвить людям, которые предоставили тебе кров? Чалис отвечать колкостью не стала:

– Верно, но мои карты мертвых лапок не требуют, только живых рук.

Картер улыбнулась уголками чуть вялого рта. Усталость отпечатывалась на Чалис все больше. Изнеможение сказывалось и на мимике, и на позе, которую приняла гадалка. Она подпирала

волевой квадратный подбородок рукой, а ее веки были слегка прикрыты, будто бы свет доставлял ей неудобство. Корса провела кончиком указательного пальца по ножке бокала и внимательно посмотрела на меня, изучая. Под столь цепким взглядом я почувствовала себя неуютно и заерзала на месте. Она обратилась ко мне:

– У тебя есть предположения, что движет твоим мужем? Он жаждет мести? Ты разбила ему сердце?

От последнего вопроса я опешила. Разбила ему сердце? Как можно разбить то, чего нет?

– Поверь, его шелковое сердце набито опилками[34], не разобьется.

– Тогда в чем проблема?

Я невесело усмехнулась и отвела взгляд. Кто бы знал, кто бы знал…

Остаток вечера прошел спокойно, владелицы вернулись к обсуждению покупателей и клиентов. Я зевнула, дрема наполнила голову туманом. Меня стало клонить в сон. Мне оставалось только пожелать хозяйкам хорошего вечера, да и доброй ночи, на всякий случай.

Войдя в спальню, я с облегчением стянула с себя джинсы и, захватив из шкафа полотенце, направилась в душ. А вот ванная и правда была скромных размеров. Синяя плитка с восточным орнаментом кое-где откололась. Зеркало выглядело так, точно в него не очень-то и любили смотреться. Мне захотелось его протереть. Вода в душе текла неохотно, а о горячих струях, что были моим ежедневным ритуалом перед сном, и мечтать не приходилось. После ледяного душа кожа покрылась мурашками, я поспешила завернуться в полотенце. В тот момент я пожалела, что проветрила комнату: воздух в спальне прогреться не успел. В Лондоне и так с отоплением проблематично. Комнату освещал лишь торшер, что отбрасывал жутковатые тени. Стараясь не думать о них, я прошлепала босыми ногами к шкафу, облачилась в растянутую футболку до колен и, стащив тяжелое покрывало со своей кровати, забралась в холодную постель.

Туманный рассвет ощущался влажным прикосновением ветра к коже. Роса каплями блестела в траве. От небольшого озера веяло тиной. Я стояла одна у воды, и мое тело продрогло в утренней сырости. Гул приближающейся толпы привлек мое внимание, я обернулась. По широкой каменистой дороге шли одиннадцать девушек, подталкиваемые в спины разъяренными мужчинами. Несчастные, облаченные в пышные платья, они

медленно направлялись к озеру, склонив головы, будто покорились своей судьбе. Руки у дев были связаны за спиной. Меня парализовало, и я не могла ступить и шагу в сторону. Оставалось только быть молчаливым свидетелем столь очевидной расправы. Моего присутствия никто не заметил. Неразборчивые возгласы перерастали в более связную речь. Язык угадать было сложно, но шипящие звуки и знакомые слова наводили на мысли о польском.

Девушек посадили в лодки, причаленные у берега. Когда лодки достигли центра озера, я смогла разглядеть только как белые точки падают в воду, явно не по своей воле. На глаза наворачивались слезы, дышать становилось трудно. Запах тины вызывал головную боль. Некоторых жертв, чудом не утонувших – возможно, их воздушные юбки спасли им жизнь, вернули в лодки, и на берег их прибыло всего пять. Лицо одной из них мне показалось смутно знакомым, и, когда я встретилась с ней взглядом, по моему телу прошли мурашки. Казалось, она смотрела прямо на меня.

Проснулась я в холодном поту, не осознавая толком, где нахожусь. От чьего-то прикосновения я негромко вскрикнула и села в постели. Корса сидела возле меня.

– Кошмар приснился? – с неподдельным беспокойством в голосе спросила она меня тихо. Я кивнула и тут же нахмурила брови. Сон. Выжившая девушка из ночного кошмара была похожа… на Корсу. Ника наклонилась ко мне, поправляя одеяло. Серебряная оправа ее кулона заблестела в свете торшера. Обе половины стеклянного сердца были наполнены алым доверху.

Глава 3
Тревожный звонок

I thought you died alone
A long, long time ago.

Я сидела на кухне и наблюдала за тем, как ловко под ножом Чалис огурец превращался в ровные ломтики. Губы Картер двигались, вторя словам Боуи:

Oh no, not me
I never lost control[35].

– Любишь Боуи? – миролюбиво поинтересовалась я, украдкой стащив кусочек огурца. Чалис, разумеется, заметила пропажу и, отложив нож, хитро прищурила глаза:

– Только эту песню.

Саркастический ответ, копировавший мое недавнее высказывание, невольно вызвал у меня улыбку:

– Засчитано.

Я смотрела на Чалис, и мне становилось страшно. Страшно, что, успев привыкнуть к ней, Картер я тоже потеряю. Ниточка, что связывала меня с Эйчем, оборвется, и мой мир окончательно рухнет. Сгорит дотла, как отель в Далласе, где Джулия пожертвовала собой, чтобы спасти. Спасти ее возлюбленного, спасти ее мать. Спасти меня. Все, к чему я прикасалась, сгорало. Пусть внутреннего огня, каким обладала Сэлотто, у меня и не было. Выдохнув сквозь сжатые зубы, я спросила:

– Ника за прилавком? В обед, наверное, к вам часто заглядывают?

Гадалка вновь схватилась за нож и продолжила нарезать овощи для салата. Не отрывая взгляда от разделочной доски, она вымолвила:

– Когда как. Сейчас Ника отдыхает, а у нас перерыв. График работы салона висит у входа. Не беспокойся.

Я с недоверием уточнила:

– Отдыхает?

Заточенная сталь зависла в воздухе. Чалис взглянула на меня, и от этого я вздрогнула. Что-то было странное в том, как на меня смотрела Картер. Наконец она заговорила:

– Да. Днем ей нужен отдых, она работает в основном вечером

и ночью. Мы поделили смены со дня открытия магазина.

Нож вновь засверкал в воздухе, Чалис принялась нарезать овощи еще быстрей. Я помялась и снова задала вопрос:

– Так она спит? Или я все же могу вернуться в комнату?

С того момента, как я поднялась с постели, приняла душ и позавтракала с Картер, Нику я не видела. И если она спала и набиралась сил к вечеру, будить ее не хотелось.

– Да зайди, это и твоя комната тоже. Тем более что к обеду Никки встанет. Пока раскачается, ей как раз уже будет пора за прилавок.

Я кивнула, но моего согласия Чалис не заметила, ее внимание было сосредоточено на готовке. Складывалось впечатление, что она запасалась едой впрок или ожидала гостей. На троих салата явно было многовато.

Оставив гадалку кромсать редис, я вышла в коридор. Тишину салона нарушали только звуки негромко играющего радио и стука ножа о доску. Я осторожно отворила дверь в спальню, но та все равно предательски скрипнула. С опаской заглянув в комнату, я с облегчением обнаружила, что Корса не проснулась. По крайней мере, виду не подала. Она лежала на левом боку, и ее медные волосы разметались по подушке. Я на цыпочках прокралась к своей кровати, и тут громкая мелодия моего телефона, оповещавшая о входящем звонке, пустила весь мой план по тихому пребыванию в спальне коту под хвост.

Настойчивая трель мобильного, так бесцеремонно разбившая тишину в спальне, заставила меня подпрыгнуть на месте и пулей устремиться на поиски телефона. Да где же он?! Залившись стыдливым румянцем по причине того, что именно мой смартфон, скорее всего, разбудил мирно спавшую Нику, я шарила по кровати, где в складках покрывала залег орущий телефон. Когда наконец мои пальцы вцепились в находку, я прекратила мольбы Blondie *don't leave me hanging on the telephone*[36].

– Алло, – прошептала я, с ужасом поглядев в сторону Корсы. Та и не шелохнулась. Может, в берушах спит?

Облегченно выдохнув, я направилась к выходу из комнаты.

– У меня есть важная информация о докторе Андерсоне. Нужно увидеться, – без лишних церемоний сразу перешел к делу Гарсия. Он звонил с другого номера.

– Могу приехать к вам в офис, – предложила я, закрыв за собой дверь, и теперь в растерянности стояла в коридоре, не зная, куда мне следует пройти. Решив, что я не хочу возвращаться на кухню, подошла к последней двери, что вела на склад. Рука машинально легла на латунную ручку.

– …потому что могут заметить. Вы меня поняли? Элис?

– Что? – переспросила я, прослушав половину из того, что сказал мне Дэвид. Ручку повернуть не удалось, дверь была заперта. Я и сама не понимала, зачем мне понадобилось заходить в кладовую.

– В офис нельзя, я приеду к вам, назовите адрес, – обычно адвокат терял со мной терпение довольно быстро, и едва я услышала, как замедлилась его речь, быстро ответила:

– Да, эзотерический магазин «Мистерия».

Я продиктовала Гарсии адрес салона, и он, следуя своему принципу, положил трубку не попрощавшись. Наверное, если Дэвид когда-нибудь скажет «до свидания», наступит конец света.

В кухню все-таки пришлось вернуться, правда, Чалис я там не обнаружила. Стол был подготовлен точно не к скромному обеду и накрыт Картер на четверых. Посередине поблескивал серебряный канделябр с зажженными тонкими белыми свечами, пламя которых отражалось в стеклянных бокалах. Так. Возможно, Гарсия предупредил гадалку еще с утра, не особо надеясь на мою память. Тогда почему она меня не оповестила? Раздумывая над этим вопросом, я вышла в зал, где за прилавком стояла Чалис. Она выглядела изнуренной. Покупательница, весьма неряшливого вида, трясла перед равнодушной Картер помятым бумажным пакетом и практически кричала:

– Шарлатаны! Я буду жаловаться! Просила же амулет на удачу! А что в итоге? Только его надела, как у соседей прорвало трубу, и вся моя квартира теперь затоплена! Хотите сказать, здесь нет вашей вины, миз?!

Ни один мускул не дрогнул на лице гадалки. Сохраняя спокойный тон, она подчеркнуто вежливо заметила:

– Так и трубу прорвало не в вашей квартире.

Покупательница багровела от злости прямо на глазах. Я не выдержала и подошла к Чалис, тронула ее за руку. Кожа была прохладной. Холода в магазине я не ощущала. Возможно, стоило подкрутить термостат, может, я стала морозоустойчивой или моему организму уже было все равно. С терморегуляцией всегда замечала проблемы. Я повернулась к недовольной покупательнице.

– Мэм, позвольте взглянуть на ваш амулет, – попросила я клиентку и удостоилась удивленного взгляда Чалис.

Женщина, поджав тонкие губы, заглянула в пакет. Потом она недоверчиво сощурила блеклые, как у рыбы, глаза и протянула мне амулет, прямо в пакете.

– Держите. Что вы там хотите рассмотреть? – недовольно пробурчала покупательница. Широко улыбаясь, я забрала вещь из подрагивающих рук клиентки. Вытащила небольшой серебряный

кулон-тотем и с удивлением осмотрела знакомую вещицу: полукруг в виде рогов с камнем в центре.

– Вы купили «рога буйвола». Очень мощный талисман. Он уберегает от опасности. Мне кажется, Чалис права. Амулет отвел от вас беду, все могло быть гораздо хуже.

Незнакомка слушала меня, и краснота на ее рыхлых щеках постепенно начала спадать.

– Да? Ну что же, поверю вам на этот раз.

Она протянула раскрытую ладонь за амулетом. Я вложила ей в руку талисман. Покупательница кивнула нам с Картер и вылетела прочь из магазина, хлопнув дверью. Колокольчик звякнул.

– Молодец, она меня уже порядком измотала, приходит уже второй раз. В первый у нее подгорели панкейки, – посетовала гадалка.

Я покачала головой, усмехнувшись:

– Ей не амулет нужен, а хороший психотерапевт.

Чалис рассмеялась:

– А ведь это даже не наш талисман, но твоя находчивость пришлась весьма кстати.

Я уставилась на подругу:

– Но почему было ей просто не сказать, что она купила его не у тебя?

– Ты полагаешь, я не пыталась? – устало отозвалась Чалис. – Иногда проще сдаться, чем пытаться что-то объяснить. Да и жаль Лайлу. Видела бы ты ее еще лет шесть назад… Красавица была… а как погиб муж, она и жить больше не хотела.

Мы помолчали. Что бы я почувствовала на месте Лайлы? Будь моим супругом по-прежнему Джо, сложно сказать. Какая-то частичка моего сердца откликалась на эту мысль болью. Я тряхнула волосами, отгоняя столь печальные размышления прочь.

– Дэвид скоро придет, адвокат.

Чалис кивнула:

– Помню, любитель сбегать не попрощавшись.

В темноте глаз Картер блеснул лукавый огонек. Не совсем понимая перемену настроения гадалки, я пожала плечами, поскольку объяснить нелюбезность Гарсии мне было неподвластно.

– На кухне такая внушительная порция салата. Ты словно знала, что у нас планируются гости, – я произнесла эти слова с укором, точно Чалис и правда могла предугадать внезапный визит Дэвида. Гадалка, невинно поглядев на меня, ответила:

– Просто дорезала овощи, все равно собиралась заказывать продукты. Вот и решила освободить место в холодильнике.

Объяснение звучало убедительно, но оно меня не устроило. Душа желала чудес. Раздался шорох занавесок. В салон вошла Ника, протирая заспанные глаза.

– Что я пропустила? – захлопала ресницами Корса и заразительно зевнула. Мы с Чалис, не сговариваясь, выпалили:

– Ничего!

Корса отпрянула и, с недоумением поглядев на нас, поинтересовалась:

– Мы кого-то ждем?

– С чего ты взяла? – слегка опешила я и покосилась на Картер. Та скрестила руки на груди, явно не собираясь вступать в беседу.

Ника неопределенно махнула рукой в сторону коридора, что скрывался за шторами из бусин:

– Так на кухне накрыто на четверых, вот и спрашиваю. Кто же наш гость?

Звон колокольчика заставил нас троих обернуться к выходу. Дверь распахнулась, впуская февральский воздух в салон. Гарсия влетел в зал и стряхнул снег с черного пальто перчатками из мягкой замши. Наконец он заметил наши изумленные лица.

– Добрый день, дамы, – сдержанно поприветствовал нас адвокат и подошел к прилавку. Я зачем-то протянула ему руку. Гарсия чуть приподнял брови, но руку пожал. Его ладонь была теплой и сухой, а рукопожатие коротким. Мои щеки заалели. Совсем теряю самообладание.

– Где мы можем поговорить? – деловито осведомился Гарсия. Ожившая Чалис ответила адвокату за меня:

– Мистер Гарсия, рады вас видеть у нас в магазине. Можете повесить ваше пальто на вешалку, и прошу за мной, – чересчур официально обратилась к Дэвиду гадалка. Мы с Никой проследовали за ними. Уже в кухне Гарсия с недоверием обвел взглядом присутствующих.

– Разговор планировался быть конфиденциальным, – осторожно намекнул адвокат. Голос его был ровным, а тон практически дружелюбным. Но меня ему было не обмануть. Нотки нетерпения звенели в произнесенных словах, подобно металлу. Я вмешалась.

– Разумеется, Чалис… – начала я и прикусила язык, заметив, как на меня посмотрела Картер. Волоски на моем теле поднялись, чуя опасность. Я сглотнула. – Вообще-то можем обсудить новую информацию все вместе. Владелицы магазина все равно в курсе ситуации, так будет даже безопасней, – завершила я фразу, избегая пытливого взгляда Гарсии. Чалис удовлетворенно кивнула. Лед в ее глазах растаял.

– Как скажете, Элис, – не стал спорить Дэвид. Собираясь усесться за стол без приглашения, он резко отодвинул стул, и тот чиркнул деревянными ножками по полу.

Я села напротив адвоката, Чалис заняла место рядом со мной, а Ника устроилась во главе стола. Прекрасно осознавая, что на столе лежала чистая посуда, да и скатерть тоже не выглядела грязной, Гарсия молча отставил тарелки в сторону и водрузил свой кейс перед собой. Под молчаливые осуждающие взгляды владелиц салона он вытащил из него увесистую папку с призывно торчащими из нее листами. Я вытянула шею от любопытства.

– Итак, что мы имеем, – адвокат раскрыл документы, и мне тоже пришлось убрать свою посуду. Я увидела медицинскую карту с надписью: «Больница Кейн Хилл»[37], напечатанную синими буквами. Следующий файл, который достал Дэвид, представлял из себя досье с приклеенной в углу небольшой фотографией светловолосой женщины, чем-то отдаленно похожей на меня. Я машинально потянулась к документу, но Гарсия проворно отложил досье в сторону.

– Нет уж, давайте по порядку. – Адвокат начал свой рассказ. И чем больше он говорил, тем сильнее у меня потели ладони.

Глава 5
Жасмин

– Ваш муж явно нечасто упоминал родную мать? Когда она умерла, ему было всего шесть, все верно? – по-прежнему держа досье в руках, спросил меня Гарсия.

Я подтвердила его слова кивком. Адвокат продолжил:

– Как вы считаете, почему доктор Андерсон, – произнеся имя моего мужа, адвокат скривился, – избегал любых упоминаний о родной матери?

Я удивилась:

– Почему избегал? Я сама не интересовалась…

Гарсия возразил:

– Потерять мать в столь нежном возрасте, такая травма для ребенка. И он сам не хотел говорить о маме? Хоть иногда?

Дэвид пристально глядел мне в глаза. Я отвернулась и, смотря куда-то в пол, нехотя согласилась:

– Ну… да. Он совсем не говорил о… как ее зовут?

– Жасмин. Жасмин Андерсон.

Во мне проснулось любопытство:

– А в девичестве? Она, наверное, тоже была из непростой семьи.

Гарсия ухмыльнулся и подтвердил:

– Более чем. Жасмин Джозефин Андерсон была представителем той же семьи, что и ваш муж. И, само собой, ее фамилия в девичестве была Андерсон. Очень удобно.

Чалис и Ника обменялись многозначительными взглядами. Не заметила ни тени изумления на их серьезных лицах. Я оторопело посмотрела на Гарсию и не смогла вымолвить ни слова. Дэвид моего молчания не нарушал. Наконец я заговорила:

– Они же не могли быть кровными родственниками?

Дэвид нахмурился, его глаза потемнели и цветом теперь напоминали черные угольки.

– Отнюдь. Доныне я и сам пребывал в сомнении. Полагал, что они лишь однофамильцы или Жасмин приходилась ему дальней родственницей. Она приходилась покойному Чарльзу двоюродной сестрой, и определенно произошло кровосмешение.

Я вновь перевела взгляд на Чалис, затем посмотрела на Корсу. Негласное понимание ситуации читалось в их глазах. Ну к черту. Дэвид не дал мне сделать ошибку и вытрясти правду из владелиц салона:

– Но главного вы точно не можете знать… Начну, пожалуй, с

самого начала. Подходящей невесты для Чарльза долго не могли найти, пока он не завел роман с девушкой, представившейся ему под другой фамилией, Уинтер, и она не забеременела. Вскоре тайна имени была раскрыта, представители почтенного рода Андерсон находились на грани истерики. В семье религия занимала особое место, и потому речи о прерывании беременности не шло. Так родился Джозеф. Бракосочетанию суждено было свершиться. Молодожены счастливы. С годами у Жасмин начали проявляться признаки параноидной шизофрении. Голоса, тени, преследования. Чарльз, укрывая правду от прессы, поместил жену в психиатрическую лечебницу – Кейн Хилл, где в скором времени при загадочных обстоятельствах та скончалась.

– При загадочных обстоятельствах? – переспросила я, подаваясь вперед. – Как это понимать?

– Слышали про пожар в этой больнице? – ответил вопросом на вопрос Дэвид. Выглядел он расслабленным и спокойным.

– Нет, – честно призналась я, – и про лечебницу тоже не знала.

Гарсия удовлетворенно кивнул. Похоже, мой ответ его устроил, словно наша беседа проходила по запланированному адвокатом сценарию.

– Пожар разгорелся в две тысячи десятом году, из-за него рухнула башня с часами. Можно сказать, она и делала Кейн Хилл узнаваемой. Так вот, официальная версия пожара не считалась криминальной и в целом не казалась подозрительной. Поджог в ходе расследования исключили. Однако… мой очень хороший знакомый, юрист по семейным делам на заслуженной пенсии, имел несчастье поработать с сэром Чарльзом Уолтоном Андерсоном. Его несчастье и недовольство деловым союзом были столь велики, что он осмелился нарушить этику, да что там, закон по своей сути, и поведал вашему покорному слуге некоторые щепетильные моменты.

Дэвид с торжествующей улыбкой посмотрел мне прямо в глаза. Я не издала ни звука, эта напускная театральность стала меня утомлять. Что случилось с холодным и резким адвокатом? К чему такая драма? Гарсия запустил длинные кривоватые пальцы в портфель. Он извлек из него фотографию, на которой было изображено охваченное огнем здание, похожее на особняк.

– Это и есть Кейн Хилл? – спросила я, не находя в фотографии никакого повода для гордости. Гарсия, вернувшись к своей привычной манере, нетерпеливо стукнул указательным пальцем по серому пятну в нижнем углу фото.

– Присмотритесь хорошенько, – холодно велел Дэвид. Я постаралась всмотреться в «пятно». Им оказался человек в серой

толстовке, чей капюшон был натянут на голову, полностью скрывая лицо незнакомца.

– Свидетель? – наивно предположила я. – Но какое отношение пожар вообще имеет к делу?

Гарсия вновь полез в дипломат. Теперь передо мной лежало еще одно фото, явно увеличенное, и внимание автора снимка было нацелено на человека в серой толстовке.

– Узнаете? – поинтересовался адвокат. Я отрицательно помотала головой. Фото серое, лицо молодого человека юное, а выражение лица довольно агрессивное. Смутная догадка пронзила сознание, и озвучить ее я не решилась.

– Около полыхающего здания, прямо перед приездом пожарных, видеорегистратор стоявшего неподалеку автомобиля засек вашего будущего мужа. Молодой Джозеф так некстати прогуливался около уже закрытого с две тысячи восьмого года Кейн Хилла, как раз во время пожара. Не находите это совпадение интересным?

Я непроизвольно выдохнула сквозь крепко стиснутые зубы. Мои руки, оказывается, все это время были сжаты в кулаки, и теперь отпечатки ногтей в виде полумесяцев начали саднить. Пора заканчивать самовредительство. Негодование, что так яростно пыталось вырваться из меня наружу, утихать не желало.

– Так что все это значит? Хотите сказать, что это Джо поджег здание? Но зачем? Потому что там лежала сто лет назад его матушка? – прошептала я, и если бы мой голос звучал чуть громче, то он бы уже сорвался на крик. Адвокат снова проигнорировал мой вопрос:

– А что вы знаете о навязчивых идеях, или, как еще их называют, обсессиях?

– Мы с вами в викторину играем?! – вот я и закричала. Просто отлично, Алиса, молодец. Дэвид оставался хладнокровным. Он лишь с легкой улыбкой еще раз вкрадчиво осведомился:

– Так что вы о них знаете?

Поразительная настойчивость. Я сердито фыркнула и откинулась на стуле. Ника рассмеялась, прикрыв рот ладошкой. Уморительная ситуация.

– Какая-то навязчивая идея, зацикленность. Иногда связано с обсессивно-компульсивным расстройством, но для чего вы об этом меня спрашиваете?

Гарсия в первый раз за этот вечер не сдержал усталого вздоха и почти с мольбой посетовал:

– И правда, для чего… Разве в вашей прелестной светлой головушке не складывается очевидная картина? Мать Джозефа –

двоюродная сестра его отца, вы сводная сестра самого доктора Андерсона. Ах да, я вам не сказал самого главного. Будучи уже взрослым, Джозеф разгадал тайну своего происхождения, повинуясь внезапному порыву узнать о своей матери больше. И надо же, какое совпадение, в том же возрасте он появляется возле горящей психиатрической лечебницы, где скончалась его мать, – победоносно закончил адвокат. Я почувствовала, как возросло напряжение в кухне, и посмотрела на блестевший пустой бокал, не желая поднимать глаз на Дэвида. Тем временем Гарсия обратился к Чалис:

– Миз Картер, будьте так любезны, включите новостной канал.

Чалис молча потянулась за пультом от телевизора, лежащим на кухонной тумбе, и лениво щелкнула кнопкой.

Вспыхнувший экран отразил тощую корреспондентку с зализанными волосами, быстро тараторившую новость, которая меня привела в замешательство. Одна вселенная знает, в какой раз.

«*Сегодняшний несчастный случай, произошедший в больнице имени святого Рафаила, поверг в ужас как сотрудников и пациентов госпиталя, так и местных жителей. Пожар в отделении для пациентов с психическими расстройствами был вовремя замечен, и, к счастью, никто не пострадал. Но отделению нанесен серьезный ущерб…*»

Мороз пробежался по спине. Я ощутила, как проступила гусиная кожа. Сгорело отделение, где стараниями мужа я проходила принудительное лечение. Далее я уже не вслушивалась в речь журналистки.

– Это не совпадение, верно? Сколько еще фокусов вы подготовили, мистер Гарсия? – будничным тоном обратилась я к адвокату. Дэвид поднял на меня взгляд, глаза его отравляли темнотой. Я поежилась. Гарсия выставил раскрытые ладони вперед и проникновенным голосом заверил:

– Ну что вы, какие фокусы! Но момент я подгадал, верно. Это повтор утренних новостей, только и всего.

Он показал включенный смартфон, беззвучно транслировавший новости. Все рассчитал.

– И все же, к чему это? – настойчиво торопила я адвоката. Гарсия устало выдохнул и запустил пятерню в черные как смоль волосы. Этот жест напомнил мне о Джозефе, и меня передернуло от внезапно нахлынувшего отвращения. Моя неприязнь отразилась в глазах адвоката.

– Ваш муж устроил поджог.

Очередное фото упало передо мной на стол. Ох, бедный, мой

бедный Джозеф.

После короткого предостережения о грозящей мне опасности, что и так было очевидно, Гарсия поспешил удалиться, разумеется, не тратя ни секунды драгоценного времени на прощания. Ника вызвалась проводить Дэвида, и мы остались с Чалис в хрустальной тишине. Казалось, стукни кто в воздухе ложкой, раздастся пронзительный звон.

– Ты знала? – тихо спросила я Картер, словно и правда боялась разбить воцарившееся молчание.

– О чем? – столь же негромко уточнила гадалка. Чаша терпения оказалась переполнена.

– О визите Гарсии, о том, что у Джозефа снесло чердак из-за повторившейся семейной драмы, да, мать его, обо всем! – Мой ор не смог стереть непроницаемое выражение лица Чалис. Она с некоторой жалостью посмотрела на меня, ее ладони неспешно скользнули по гладкости дерева стола.

– Знала ли я? Не-е-ет, – протянула Картер, – я могла лишь предполагать. И, увы, мои догадки оказались верны.

Я недоверчиво хмыкнула:

– Тебе снова поведали карты?

Чалис не оценила моего сарказма и, глядя куда-то сквозь меня, ответила:

– Просто мне дано видеть чуть больше, чем другим. Как и тебе, как и Нике. Все определяется только плоскостью, в которой нам дозволено наблюдать.

От загадок и отсутствия ответов у меня заболела голова. Я обхватила руками виски, будто хотела предотвратить раскол собственного черепа.

– Не могу высказать, как я устала от всего происходящего… – в отчаянии прошептала я и прикрыла веки. До меня донеслись звуки отодвигаемого стула, шаги Чалис, и я почувствовала, как ее прохладные ладони накрывают мои. Почти над самым ухом раздалось уверенное:

– Мы справимся, поверь мне. Скоро все закончится, нужно еще немного потерпеть.

Укрывшая город ночь не принесла мне сон. Головная боль только начала меня отпускать, на сердце становилось немного легче. Я ворочалась, постоянно перекатываясь с одного бока на другой. Все время казалось, что из коридора доносился неясный шорох. Корсы в комнате не было, она, как и всегда, должна была прийти спать под утро. Ночная смена – ее прерогатива.

Я избегала смотреть на торшер, на его зловещий красный

свет. Тени, что отбрасывал светильник, были точно живые. Стоило отвернуться, и они подобно змеям ползли ко мне. Я прекрасно понимала, что это всего лишь иллюзии. Но когда ты один, да и время уж за полночь, страхи имеют гадкое свойство оживать. Из коридора раздался характерный скрип открываемой двери. Едва слышный, но вполне различимый. Чтобы успокоиться, я решила выйти из спальни. Возможно, Ника решила что-то проверить. Выскользнув за дверь, я чуть не хлопнула себя по лбу: после нашей с Корсой комнаты в конце коридора только вечно запертая дверь. Я вгляделась в плохо освещенное пространство, латунная ручка запертой двери дернулась. Или мне показалось. Разум в последние дни пытался оправдать мое пребывание в лечебнице, играл со мной недобрые шутки. Звук повторился, блеснул металл. Определенно ручка дергалась. Я оглянулась в сторону выхода в зал. Занавески из бусин висели неподвижно. Негромко я окликнула Нику:

– Корса! Корса, ты тут? – В ответ только пробирающие нутро щелчки треклятой дверной ручки. Вопреки здравому смыслу я двинулась прямо к этой чертовой двери. Все внутренние инстинкты вопили, кричали, стараясь меня остановить: «Алиса, Алиса, дьявол тебя раздери, куда ты идешь?!» С упрямством слабоумного я слепо направлялась к опасности. В груди даже что-то радостно затрепетало, возможно, проснулось то самое чувство, когда стоишь на краю пропасти, и от смерти отделяет всего один шаг. Стоит переступить черту, и дороги назад уже не будет. Моя нога давно уже свесилась с края. Я приблизилась к двери и поймала бьющуюся в агонии латунную ручку. Движение сразу прекратилось. Я медленно повернула ее, ощущая, как легко поддался замок. Прежде чем открыть, я еще раз окинула дверь из темного дерева пристальным взглядом. На ней засияли странные знаки, все заключенные в круги.

В некоторых были нарисованы слова на неизвестном мне языке. Я смогла различить изображение креста, полукругов, месяца и, полагаю, косы. Проведя рукой по светившимся символам, я заставила этим жестом их исчезнуть. Они медленно погасли, вновь погружая коридор в сумрак. Решительно распахнув дверь, увидела за ней лишь темноту. Протяни руку и пальцы – ни на что не наткнешься. Настоящая тьма. Будто вглядываешься в бездну. Я невольно отступила, справедливо предположив, что таинственную комнату лучше закрыть. Не успела я совершить это нехитрое действие, как меня охватил ужас, а из горла вырвался леденящий душу крик. Разъяренная Ника с искаженным от ярости лицом летела на меня, выставив паучьи пальцы с длинными ногтями, что напоминали когти

хищной птицы. Платье в пол было порвано, в местах, где виднелась кожа, молочный цвет перекрыл алый. Кровь с молоком. Я закрыла глаза, готовая смириться с уготованной мне судьбой.

Проснувшись от своего полного страха вопля, я подскочила в постели. Дверь спальни распахнулась, я увидела в проеме Корсу в совершенно целом платье, а вместо ярости ее лицо выражало беспокойство, но искренним оно мне не показалось:

– Элис, тебе приснился кошмар? Снова?

Я все еще с опаской поглядывала на подругу Чалис и, отодвинувшись к спинке кровати, невесело усмехнулась:

– Вся моя жизнь – кошмар, но было бы славно, если хотя бы ночью морок меня отпускал.

Ника улыбнулась. Неприятной, скользкой улыбкой. Жемчужного смеха за ней не последовало. Я услышала скрежет, точно кто-то царапал дерево. Вглядевшись в дверной проем, заметила, как сильно пальцы Ники вцепились в дверь. Сглотнув, постаралась отогнать от себя бредовые мысли. Правда, я могла поклясться себе, что утром увижу на темном дереве свежие борозды, оставленные когтями Корсы. Осталось дожить до восхода.

Глава 6
Кейн Хилл

Утро встретило меня холодным рассветом и не менее холодным воздухом. В ванной комнате я пожалела, что прошла в нее босиком. У меня складывалось впечатление, что я шла по снегу, а не по старой, потрескавшейся плитке.

В комнате я натянула на себя кашемировый пуловер и черные джинсы. К слову, пуловер тоже был черным. Настроения для других цветов у меня сегодня не имелось.

Войдя в кухню, я вдохнула аромат свежесваренного кофе, и сделанного не в кофемашине, нет. Напиток был сварен в старой медной турке, над которой поднимался дымок.

– Доброе утро, – поприветствовала меня Чалис и улыбнулась. Она выглядела куда лучше, чем в последние несколько дней. Фиолетовые тени под глазами исчезли, вид у гадалки был отдохнувший. Я же, поглядев на себя в зеркало, когда умывалась, едва не решила, что с зеркальной поверхности меня рассматривал призрак.

– Не сказала бы, что оно такое уж и доброе, – недовольно пробурчала я и потянулась за кружкой. Кофе хотелось до одурения.

– Давай налью, – предложила Картер. Она ловко перехватила мою белую кружку с нарисованной на ней забавной ведьмочкой на метле и аккуратно влила в нее кофе из турки. Я поблагодарила Чалис, забирая из ее рук кружку.

– Есть молоко? – поинтересовалась я чисто формально, уже заглянув в холодильник. Пачку молока не нашла. Чалис поставила передо мной миниатюрный молочник.

– Держи, любительница портить кофе, – съехидничала гадалка и поправила яркий шелковый платок, которым она подвязала волосы. Фуксия отлично контрастировала с темными мелкими кудрями Чалис.

– Тебе идет этот цвет, – подметила я, кивнув на платок в ее волосах.

– А тебе этот свитер, красивый, – словно нехотя вымолвила гадалка, а я, в свою очередь, смущенно потянула рукав пуловера. Знала бы она, сколько он стоит. Мне всегда было неловко демонстрировать, что у меня, вернее сказать, у моего мужа водились деньги. Если бы мы жили на родине и на моем месте была девушка, стремившаяся выйти замуж за богатенького, то она вела бы совсем другой образ жизни. Я представила себе «другую»

жену Джозефа. Погрязшую в лейблах, менявшую машины как перчатки, вообразила ее маникюр, равнявшийся по стоимости прожиточному минимуму. Но я никогда не мечтала о роскоши. Просто в ней не нуждалась. Хотя легко так рассуждать, когда есть возможность безбедно жить и даже не работать. Правда, мы с бабушкой никогда не сетовали на жизнь. Всего хватало. Для нас, по крайней мере, было достаточно того, что имели.

Я влюбилась. Неудачно. Неудачница… или нет? Кому еще выпадал шанс скататься туда-обратно на трамвае «смерти»? Той воображаемой богатой дамочке вряд ли бы подобное удалось.

– Не засыпай, Элис. Нам предстоит долгий день, – загадочно пообещала Чалис, прикоснувшись рукой к моему запястью. Кончики ее пальцев казались такими теплыми. Словно за вчерашний день я обменяла свое тепло на ее холод. Моя кожа была едва ли выше температуры мрамора. Ну просто ходячий труп. Наверное, я не выспалась да замерзла. А это весьма способствовало развитию нездорового воображения. Зачесался сгиб локтя. Почесав его и выразив своим лицом все недовольство мира, я уточнила:

– Тебе нужна помощь в магазине?

Картер пристально поглядела на меня. В ее глазах загорелся недобрый огонек, не сулящий, собственно, ничего хорошего.

– Только если тебе больше нечем заняться. Вечером, когда меня сменит Ника, мы с тобой отправимся в Кейн Хилл, – твердо сказала Чалис голосом, не терпящим возражений.

– В сгоревшую психушку? Что нам там делать? – недоуменно поинтересовалась я, и моя рука, державшая молочник, дрогнула над кружкой с кофе. Белые капли пролились на столешницу. Черт. Картер проследила за несчастьем ленивым взглядом. Затем снова посмотрела на меня. Встретившись с ней взглядом, я почувствовала себя не в своей тарелке.

– Доверься мне. Напоминаю, твоему взору не все открыто. Зато когда мы туда приедем, то ты уже сможешь увидеть недоступное мне, – полушепотом поведала Чалис, и тайная улыбка отнюдь не украсила лицо гадалки. Загадки с утра, психбольница вечером. Добро пожаловать в Англию.

– Лепестки розы, розовый кварц, лавр… что там еще?

– Корень валерианы, цветы лаванды, базилик, – Чалис терпеливо повторила инструкцию.

– Так себе саше, – скривилась я, завязывая мешочек красной нитью. Саму ткань розового цвета украшал странный символ, напоминающий рунический. Но со скандинавскими рунами у него было мало что общего. И он совсем не был похож на те

знаки, что горели на запертой двери в моем сне. *Сон.*

– Слушай… – неловко начала я, приступая к наполнению синего мешочка сушеными листьями эвкалипта, – что у вас там за секретная дверь в конце коридора? Держите в ней дракона? – Выступать в стендапе меня точно не пригласят. Картер смешивала имбирь, корицу и гвоздику. – Ты глинтвейн варить собралась? У нас апельсинов нет, – моя вторая шутка не оказалась удачнее первой. Уголки губ гадалки чуть дернулись вверх.

– Талисман для привлечения денег, – пояснила Чалис и засыпала получившуюся смесь в мешочек из зеленого бархата. Я фыркнула:

– Такой уже существует, работа называется. Так ты расскажешь, что у вас за чудовища в тайной комнате? – напомнила я о своем вопросе. Картер опустила в мешочек черный гладкий камушек и так же завязала ткань нитью.

– Ты про кладовую? В ней нет ничего особенного, почти в каждом эзотерическом магазине есть подобная. Хранятся травы, инструменты, свечи, камни и прочее, необходимое для ритуалов.

– Ритуалов? Барашков на заклание приводите? – Пора заканчивать с шутками. Ну или сделать их смешней.

– Если ты про жертвоприношения, то такое под строгим запретом. Понимаю, сложно отнестись к магии серьезно. Но раз уж ты вызвалась мне помочь, то давай ты не будешь защищаться от меня с помощью юмора. Это несколько… По-детски. Не находишь? – вполне мирно попросила меня Чалис, чем мгновенно подняла во мне волну жгучего стыда. Я почувствовала, как щеки заалели. По крайней мере, я теперь не буду выглядеть такой бледной.

– Прости, это привычка с детства. Трудно от нее избавиться, – раскаялась я и взяла в руки белый хлопковый мешочек. Гадалка ободряюще улыбнулась:

– Ничего, все в порядке. Сейчас закончим с талисманами, и можно будет ехать. Ника завершит с ними работу, когда встанет.

– Разве это еще не все? – удивилась я, наполняя мешочек сухими цветами ромашки. Ответом мне послужило лишь короткое «нет». Ну и ладно.

Корса проснулась сегодня раньше обычного. В два часа дня она, облаченная в длинное светлое платье, уже вышла к нам в зал.

– Всем доброго дня… О, вы уже наполнили мешочки? Как чудесно! – Рыжеволосая владелица салона рассыпала по залу свой гребаный жемчужный смех. После нескольких ночей, проведенных с ней в одной спальне, королева моих ночных

кошмаров вызывала во мне стойкое ощущение ужаса. Ужаса и чувства, что с ней явно что-то было не так. Переночую, пожалуй, сегодня в салоне. На диване мне будет вполне комфортно, главное, подальше от Ники.

– Все ради тебя, дорогая, да и покупатели сегодня не особо спешили к нам в магазин. Тогда мы поехали? – деловито спросила подругу Чалис. Та кивнула:

– *Udanej podróży*[38], – помахала ручкой и скрылась за шторами из бусин.

– Ну… пойду собираться? – неуверенно осведомилась я.

– Да, через пятнадцать минут жду в машине. Я уже готова ехать.

Мне оставалось только вернуться в спальню и положить в сумку все необходимое. Все необходимое, чтобы отправиться в проклятую сгоревшую психушку. Надеюсь, хотя бы на месте я пойму зачем.

Когда я плюхнулась на переднее сиденье «Мерседеса» Чалис, то была неприятно удивлена звучавшей в салоне музыкой. Песни Боуи теперь напрямую у меня будут ассоциироваться с гадалкой.

> And I smelt the burning pit of fear,
> we crashed a thousand yards below[39].

– Вселенная, ну за что! Ты современную музыку не признаешь?

Картер добродушно усмехнулась и передала мне диск. На обложке под надписью The man who sold the world был нарисован мужчина в шляпе, державший под мышкой ружье.

– Ну диск, ну Боуи. И? – Я вопросительно выгнула бровь. Чалис стукнула ногтем, покрытым черным лаком, по нарисованному сзади мужчины зданию, похожему на монастырь.

– Это Кейн Хилл.

– А, – только и смогла выдать я. Правильно, атмосфера должна быть соответствующей.

– Мы же не всю дорогу будем слушать его? – с надеждой спросила я, молясь, чтобы либо поездка завершилась быстрее, либо песен на альбоме было не так много.

– Нам ехать чуть больше часа. Я переключу потом, не волнуйся. А ты знала, что Кейн Хилл изображен только на американской версии альбома? В британском релизе просто использовали фото Боуи…

Я слушала Картер и молилась. Молилась о том, чтобы магнитола выплюнула этот чертов диск, желательно ровнехонько в приоткрытое окно. А проезжающий мимо автомобиль

размолотил бы его к дьяволу. О, да. Эти разрушительные мысли меня успокоили, и я закрыла глаза, больше не вникая ни в речь Картер, ни в слова песен Зигги Стардаста.

Оказывается, я задремала. И дрема не была легкой дымкой, скорее, тяжелым маревом, в котором смешались образы Ники, Джулии и Майка. Больница во власти огненной стихии, а мы четверо стояли возле Кейн Хилл. Я взбила волосы, чтобы убрать помятость после сна и прекратить крутящийся в голове калейдоскоп образов. Чалис сделала остановку на заправке и, заметив, что я проснулась, собралась выйти из машины.

– Эй! – Я почти вцепилась в рукав ее зимней куртки. Она непонимающе обернулась ко мне. – Я с тобой. Хочу посмотреть, что там в магазине есть.

– Ничего полезного, – хмыкнула гадалка и открыла дверцу «Мерседеса». А я за «здоровыми» продуктами и не гналась. Жутко хотелось колы, хоть Чалис в этом и права, полезного в ней точно ничего нет.

В магазине за прилавком стоял хмурый паренек, который не счел нужным поприветствовать посетителей. Стоило отъехать от Лондона каких-то пятнадцать миль[40]. Кола была куплена, бензин оплачен, машина заправлена. Впрочем, мы уже находились в Колсдоне. Оставалось только добраться до того, что осталось от бывшей психиатрической лечебницы.

– Скоро будем на месте, – оповестила меня Картер. Я одарила гадалку мрачным взглядом и не удержалась от иронии:

– Сгораю от нетерпения.

Чалис ничего не ответила, только повернула ключ зажигания. Магнитола сразу же включилась, и из динамиков полилась песня группы Ace of Base. Уж лучше так. Поближе к современности.

Ехали мы, не проронив ни слова. За окном мелькали серые из-за зимы пейзажи. Однообразные домики, расчищенные от снега дорожки да голые деревья. Сердце жаждало весны.

– Унылое зрелище, правда? Не люблю выезжать за пределы Лондона, – будто прочитав мои мысли, высказалась Картер.

– В теплое время года здесь, должно быть, красиво… – откликнулась я, хотя и не особо в это верила. Красочней, бесспорно. Но красоты в таких городках я отыскать не могла. Возможно, тому виной горькие воспоминания о поездке в родной город Джулии. Как же я по ней скучала.

– Вот мы и на месте, – объявила гадалка, притормозив у башни. Кто-то из смельчаков на нее взбирался, подобно скалолазам. Зимой. Это законно? Но вслух я лишь произнесла:

– Ты шутишь?

Чалис покачала головой:

– Вовсе нет. Выходи, – она кивнула на дверь с моей стороны. Нет уж.

– Да что происходит? Почему мы должны выходить именно здесь? – взвилась я, практически подпрыгивая на сиденье, как резиновый мячик, отскочивший от пола.

– Не мы, а ты, – поправила меня Чалис. – Водонапорная башня, – она указала пальцем на квадратное строение из серо-коричневого кирпича, – то немногое, что осталось от больницы на Тростниковом холме. Поэтому тебе нужно прогуляться возле нее. Но можешь выбрать и другое направление, – милостиво «разрешила» мне Картер. Я молчала, поджав губы. Выждав пару секунд, я недовольно цыкнула. Решив не сдаваться без боя, все же уточнила:

– То, что башня уцелела после пожара, не объясняет, почему мне нужно гулять вокруг нее.

Чалис откинулась в кресле, выдохнула и повторила:

– Иди. Просто доверься мне. Я скоро за тобой приеду.

Ничего не ответив, я вышла из машины. Да к черту. Прогуляюсь, хоть снега пока нет. Никогда не любила февраль. Он словно нарочно оттягивал приход весны, не давая перейти из затяжной зимней хандры в весеннюю депрессию.

Я хмыкнула, подивившись собственным мыслям, лишенным всякого оптимизма. Погода сегодня стояла облачная, но лучи солнца мало-помалу пробивались сквозь тучи, падая как раз на башню. Знак свыше, не иначе. Именно так бы и трактовала подобное знамение гадалка. Я прошла по широкой дорожке к местной достопримечательности.

И что я здесь делаю? Чем ближе я подходила к водонапорной башне, тем дальше мне хотелось от нее быть. Я остановилась, наверное, в ярдах одиннадцати[41] от пункта назначения и запрокинула голову, глядя наверх. Башня, словно недружелюбный великан, возвышалась надо мной, грозясь вот-вот обрушиться и похоронить меня в своих разломанных стенах. Несмотря на солнце, я чувствовала себя неуютно. Как в гробу. Откуда в голове появлялись столь безрадостные ассоциации, осознать не смогла. Меня попеременно бросало то в жар, то в холод. Нервно сглотнув, я огляделась. Ни на дорожке, ни около самой башни, ни на улочках никого не было. Даже «скалолазы» исчезли. Солнечные лучи тускнели на глазах. Тени сгущались. Отличная прогулка, спасибо, Чалис. Я развернулась и направилась прочь от башни, перейдя вскоре на бег. Ноги работали подобно поршням.

Я слышала участившееся биение сердца, слышала, с какой

силой подошвы моих ботинок ударяются о землю. В боку закололо, а дорожка, которая должна была вернуть к круговому движению, где меня и высадила гадалка, все не заканчивалась. В глазах начало темнеть, я была вынуждена остановиться. Стараясь отдышаться, оглянулась. Треклятая водонапорная башня, казалось, находилась на том же расстоянии, что и пять минут назад. Ни на йоту я от нее не отдалилась. Не выдержав, я издала раздосадованный рык. Моей шеи коснулось легкое дуновение ветра, скользнувшего по разгоряченной от бега коже. Я медленно обернулась, словно опасалась обнаружить за спиной чудовище. Позади меня в зеленой униформе стоял Майк.

– Это и в самом деле ты?.. – едва слышно произнесла я, касаясь ладонью его груди. Зимняя куртка с надписью *Ambulance*[42] была распахнута. Не веря своим глазам, я осмелилась встретиться с парамедиком взглядом. Его светлые волосы были взъерошены, красиво очерченные губы изогнуты в улыбке.

– Кейн Хилл тоже больница, я почувствовал тебя и сразу пришел, – прошептал Майк и провел костяшками пальцев по моей щеке. – Я и сам думал, что не свидимся больше. Что ты здесь делаешь? – спросил меня парамедик, взгляд его посуровел. Мою невеселую улыбку и молчание Майк не счел за ответ.

– Элис?..

– Джозеф когда-то учинил здесь пожар. Как он умудрился пробраться в подвал больницы, не попасться никому на глаза и не оставить следов поджога – загадка. Психиатрическое отделение, где я не так давно находилась по его инициативе, тоже сгорело, как раз после появления мужа. – При слове «муж» лицо парамедика потемнело. Не став обращать внимание на его реакцию, я продолжила: – А сюда меня отправила подруга, заверив, что прогуляться здесь просто необходимо. Может, я должна была увидеться с тобой? – наивно предположила я. Майк внимательно выслушал, а когда я закончила говорить, просто обнял меня. Так крепко, сильно и в то же время нежно. Мне хотелось навсегда остаться в этих объятиях, вдыхая аромат свежести, исходивший от его выстиранной формы. Раствориться, соединиться на молекулярном уровне и слиться каждым атомом. Как жаль, что ты мертв. Черт побери всю эту жизнь, как же жаль.

– Поверь, я бы очень хотел, чтобы так и было, но весьма сомневаюсь. Ты уверена, что у тебя нет догадок?

Я покачала головой, все же разомкнув кольцо рук парамедика и отступив. Украдкой я вытерла выступившие слезы, отвернулась к ненавистной башне. Когда я заметила белый силуэт, мелькнувший у подножия здания, мое сердце сделало кульбит.

– Майк… Смотри, – некрасиво указала я дрожащим пальцем на фигуру, что скрылась за углом водонапорной башни.

– Видел. А это не может быть твоей причиной? – спокойно, даже слишком спокойно предположил парамедик. Я вновь повернулась к нему:

– Тебя это не удивляет?

– Что именно? Женщина? Иногда люди сопротивляются переходу, предпочитая остаться на месте своей гибели. Странный выбор, как мне кажется. Вроде мы нестрашные, – со слабой улыбкой вымолвил парамедик, намекая на себя и других проводников.

– Ты сказал, женщина? О… Теперь я, похоже, начинаю понимать, почему я здесь. И не ты, мой милый, увы, тому виной.

Неосознанно сделав пару шагов навстречу уже не такой грозной башне, я, не оглядываясь на Майка, начала рассказывать ему о последних событиях. Я поведала ему о том, как покинула лечебницу, о визите адвоката, о перипетиях жизни, подведших меня к алтарю с Джозефом, который, по сути, повторил судьбу своего отца. Парамедик слушал меня не перебивая. Отчего-то я боялась его осуждения, страшилась разочаровать Майка. Закончив повествование, мы остались в неестественной тишине. Ни ветра, ни снега, ни чьих-то шагов. Только дыхание в унисон. Синхронные вдохи и выдохи успокаивали, но все же мне хотелось услышать ответ, каков бы он ни был.

– Та женщина… Жасмин? Она могла почувствовать наше присутствие? Как ты ощутил мое? – тихо спросила я и, обернувшись к парамедику, посмотрела ему прямо в глаза. Я не нашла в них ожидаемого презрения, отвращения или даже жалости. Взгляд его был серьезен, и в нем угадывалось беспокойство. Он неопределенно пожал плечами и запустил пальцы в соломенные волосы.

– Вероятно, почему нет. Это объясняет и ее испуг. Столь стремительно скрылась, – Майк хмыкнул. Обилие букв «с» в последних словах навевало мысли о змеях. Тут я заметила в нем некоторые перемены. Взгляд холодных глаз стал хищным, а его ухмылка заставила подняться волоски на моем теле.

– Ма-а-йк?.. – заикаясь, осторожно позвала его я. Он отвлекся от созерцания точки, где ранее мелькнул силуэт Жасмин, и снова посмотрел на меня. Его лицо утратило те незнакомые недобрые черты. Парамедик вновь тепло улыбался и потянулся рукой к моим волосам. Я невольно отпрянула, не дав ему убрать с моего лба непослушную прядь волос. Он приподнял брови.

– Все нормально? – Майк задал простой вопрос, на который у меня был такой же простой ответ. «Нет», – хотела было я

произнести, но в последний миг прикусила язык и выдала ложь.

– Да, но обычно мои визиты не такие долгие, так что, думаю, мне стоит поторопиться, – заверила я обманчивыми речами парамедика и устремилась к башне, стараясь выкинуть тревожные мысли о Майке. Но тот проворно схватил меня за левый локоть.

– Элис, погоди.

Я не стала вырываться и, храня молчание, дожидалась, что будет дальше.

– Не стоит бояться тьмы, самое темное время – перед рассветом. Иногда, чтобы найти путь к свету, нужно полностью погрузиться во мрак. Даю подсказку, – шепнул мне на ухо парамедик, скользя свободной рукой по моему правому предплечью. Его прохладные пальцы обернули мою кисть, направив ее в сторону темного пространства, сочившегося из-за угла, за которым скрылась Жасмин. – Прыгай прямо в кроличью нору, Элис.

Я задрожала и мягко высвободила свои руки. Не удостоив Майка и словом, кивнула, больше самой себе. Пора прыгать, в погоне за «белой» Жасмин.

Часть XI
Машина в лесу

Глава 1
Nec sibi, nec altĕri [43]

Когда кричали птицы вдалеке,
Не слышала их крика.
Когда гремел гром в небе,
Его не слышала раскатов.

Когда земля разверзлась,
Устояла на ногах.
Когда лава разлилась,
Не застыла пеплом.

Когда я встретила тебя,
То пала в эту бездну.
Тогда остановилось время,
И лезвие твое нанесло порезы.

Последнюю букву нескладного стиха размыла моя слеза. Думала, эта привычка жалеть себя и плакать уже в прошлом. Но нет. Одна мысль о разговоре с Джозефом вызывала дрожь. Мне всегда казалось, что я недостаточно умная, недостаточно светлая, недостаточная добрая…

А уж о красоте и вовсе молчу, хоть я и беспокоилась о ней в последнюю очередь. Это извечное «недостаточно» порой отравляет жизнь, не давая насладиться простыми радостями: тихим уютным вечером, цветом яблонь или запахом сирени после дождя. В дремучем лесу ожиданий от самих себя мы порой пропускаем важные моменты, из которых и складываются наши дни. Размышляя об этом, я начинала осознавать, что претензии и завышенные планки к самой себе были вызваны чувством одиночества. Вот окончу школу на одни пятерки, и мама обо мне вспомнит, а потом и вернется за мной. Она же непременно узнает о моих успехах. Кому нужна дочь-неудачница? В аттестате, правда, преобладали четверки. Но, к слову, это не помешало мне поставить новую цель. Высшее образование, подтвержденное красным дипломом, маму мне тоже не вернуло.

Вот и с мужем вышла та же история. Когда в наших с Джозефом отношениях появилась первая трещина, я твердо решила – все дело во мне. Внимания не уделяю, лицу моему улыбки не хватает, а может, и вовсе дело во внешности. В

ведении хозяйства нужды не было, робкие предложения о моем выходе на работу вызывали недоумение. Тщетные попытки налепить на трещину пластырь завершились полным провалом. И появилась вторая трещина. Расселины разрастались до тех пор, пока наш брак не рассыпался, подняв вокруг облако пыли из обид и недопонимания. Если не учитывать старания мужа избавится от меня, то ситуацию можно было бы назвать весьма распространенной и обыденной. Но только не в моем случае.

Когда я узнала, что движет Джозефом, кто была его мать и кем она на самом деле приходилась Чарльзу, мои гнев и жажда справедливости уступили место такому примитивному чувству, как жалость. Мне стало жаль того бедного шестилетнего мальчика, лишившегося самого дорогого на свете человека – матери. Жаль юношу, которому открылась столь пугающая и неудобная истина. Жаль мужчину, волею судьбы выбравшего себе в жены родную дочь мачехи. Мне действительно было его очень жаль.

Я сидела на кровати в своей комнате в Андерсон Мэнор, сжав руками закрытый блокнот. Пусть Дэвид и запретил мне приближаться к особняку, но я была его законной владелицей. Да и привыкла уже поступать вопреки здравому смыслу. После того случая на Тростниковом холме просто не могла больше оставаться в магазине Чалис и Ники. Я должна была поговорить с Джозефом. Мой взгляд устремился в одну точку, погружаясь в воспоминания.

Я бежала по выцветшей плитке, готовая нырнуть в окружавшую водонапорную башню тьму. Пусть хоть она приведет меня в страну Амелета[44]. Теперь башня, напротив, словно приближалась ко мне. Когда я остановилась, чтобы взглянуть на Майка, возможно, в последний раз, увидеть его не смогла. Подобно растворяющейся черной акварели в прозрачной воде, все заволокло сотканным из теней туманом. Вдох-выдох. «Иногда, чтобы найти путь к свету, нужно полностью погрузиться во мрак», – пронеслась в голове фраза, недавно сказанная парамедиком. Я уверенно шагнула вперед. До угла башни, за которым исчезла мать Джозефа, оставалось всего несколько ярдов. Достигнув своей цели, я не понимала, куда идти дальше. Прекрасно помнила, что была на улице. А теперь очутилась в тускло освещенном помещении с зияющей темнотой в конце узкого коридора. И тут я заметила *ее*. Страх стальными пальцами сжал мое горло. Мимо, подобно бледному призраку, проскользнула Жасмин. Я услышала, как складки ее длинного белого платья зашуршали, точно игла патефона по пластинке.

– Стой! – крикнула я ей вслед. Рассмеявшись безумным, пробирающим до самых костей смехом, мать Джо скрылась во тьме.

– Черт! – выругалась я. А на что я рассчитывала? Что она остановится, едва услышит мое громогласное «стой»? Коридор сужался по мере того, как я подступалась к влекущему своей непроглядной бездной концу. А может, это было началом. Или укрытием. Одна вселенная знала. Мой четкий шаг сбил попавшийся под ноги предмет. Я вскрикнула от неожиданности, пошатнулась, но сумела удержаться на ногах. Подняла с грязного, пахнувшего гарью пола пыльную штуковину, жалобно звякнувшую в моих руках. Старая музыкальная шкатулка с треснувшим стеклом на крышке и облупившимся лаком по бокам. Стоило завести механизм, как пустой коридор наполнился звуками полонеза Огинского. Мрачно-торжественная мелодия гулко отражалась от стен.

– Хватит, – ледяным тоном велел мне высокий женский голос. Я вздрогнула и выронила шкатулку. Полонез смолк, превратившись в звон разбитого стекла. Слишком громкий для маленького музыкального механизма.

Передо мной стояла Жасмин. Ее длинное платье с красивым вырезом, что открывал взгляду выступающие ключицы, было вымазано в золе. Подол истерся, ткань, будто причудливо окрашенная в серые оттенки, книзу переходила в угольно-черный цвет, сливаясь со сгоревшим полом. Пепельно-русые волосы, доходившие женщине, нет, девушке, до плеч, – спутаны. Лицо красивое, подбородок волевой. Острые скулы, ярко выраженные углы челюсти. Я думала, у Джозефа невероятные глаза, голубые льдинки. Но у его матери – аквамариновые, и в полумраке мне показалось, что они светились, как у кошки.

– Я тебя не боюсь, – зачем-то соврала я, отодвигая ногой осколки ни в чем не повинной шкатулки в сторону. Жасмин осклабилась, обнажая крупноватые зубы.

– Ложь. Чувствую, как ты трясешься. Словно дворняга на морозе.

Вот кто я для нее. Дворняга.

– Да, – согласилась я, – соврала. Но я не дворняга. Скорее, чертовски уставшая загнанная лошадь. А вот ты, – перешла я в наступление, обходя хрупкую фигуру Жасмин. Адреналин затмил мой разум, призвав неуместную смелость, что могло привести к плачевному исходу. – Ты сама трусиха. Прячешься в тени. Сколько уже лет прошло? Совсем не хочется покинуть это кошмарное место и отправиться дальше, к свету?

Мать Джозефа сердито зашипела, и это только усилило ее

схожесть с кошкой. Обиженной, напуганной, брошенной кошкой.

– И куда я попаду? Ты там была?

Распространенный вопрос.

– Никто не ответит на это, потому что из белого света никто возвращался. Сидеть в темноте, дыша пылью сожженной краски, лучше?

Жасмин фыркнула и отошла от меня. Мыском грязной туфли она провела по остаткам плитки, прочертив полукруг в слое пепла.

– Тогда зачем мне туда? Здесь я хотя бы знаю, что меня ждет.

– Да… Тоска, одиночество и гарь. Чудесная компа-ания, – протянула я. Заразилась манерностью от Чалис. Ох и влетит ей. Если я выберусь. Если.

– А неизвестность предпочтительней? Сама бы отправилась в никуда?

Я с удивлением поглядела на Жасмин. Для меня ответ был очевиден.

– Разумеется. Я не страшусь идти вперед. Нет ничего хуже, чем застрять на одном месте. Одной, – произнесла я, нисколько не солгав.

– И поэтому ты решила остаться после смерти проводником. – Заметив отобразившееся на моем лице изумление, она удовлетворенно кивнула и продолжила: – Да, я знаю, кто ты. Уже столько ваших тут побывало. И ни одному не удалось меня уговорить. Вы же не можете силой затащить меня на тот свет, – самодовольно ухмыльнулась Жасмин.

Я смотрела на нее со смесью сожаления и недоумения. Неужели она не понимает?

– У меня не было выбора. Да и не всем он дается. Тогда ты бы уже давно им стала и не торчала бы на пепелище. Я такой, наверное, родилась, не знаю. И я еще жива. Искала тебя вовсе не из-за желания увести на другую сторону. Приятно познакомиться, миссис Андерсон. Или леди? Не разбираюсь в таких тонкостях.

Жасмин отшатнулась и, глядя на меня с недоверием, поинтересовалась:

– Тогда кто ты и что тебе от меня нужно?

– Я твоя невестка, жена Джозефа.

В аквамариновых глазах мелькнуло понимание.

– Джозеф? Мой Джозеф?.. Как он?

Правда – не всегда лучший вариант. Но сегодня я была острее ножа.

– Плохо, Жасмин. Очень плохо. Вторит твоему покойному супругу. Сначала пытался подстрекать свою любовницу к моему убийству, а после очередного неудавшегося нашего с ним

примирения решил засунуть меня в психушку. А потом… – я выдержала театральную паузу, – отделение после моей выписки сгорело. Вот так совпадение? Ты же знаешь, что твое пристанище отреченных поджег любимый сын? – выпалила я, прекрасно осознавая, что мои слова сочились ядом. Вечно копить его в себе я не могла, так и отравиться недолго.

– Не могу поверить, – печально прошептала Жасмин, – конечно, я знала. Из-за него и попала в Кейн Хилл.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила я, начиная осознавать угрозу сложившейся в моей голове картине. Выстроенный карточный домик вот-вот разлетится. Над моей головой что-то щелкнуло. Я посмотрела наверх. Всего-навсего заработал потолочный вентилятор. Вентиляторы – иллюзия движения воздуха. Мне помогало, когда чувствовала, что не хватает кислорода. Правда, выглядела Жасмин так, словно этот самый кислород ей был и не нужен вовсе.

– Мой милый Джо был необычным ребенком. Когда ему исполнился всего годик, я достала его из загоревшейся колыбельки. Получила ожоги, а сын, слава богу, остался невредим, – она согнула руки в локтях, демонстрируя следы огня на предплечьях, змеившиеся до самых запястий. – Думали с Чарльзом, что случилось самовозгорание, перенесли детскую в другую комнату. Через год ситуация повторилась, на этот раз он воспламенил ящик с игрушками.

Я заикнулась о необходимости визита священника. Чарльз не был религиозным… А потом, уже через три года, случился настоящий пожар, сгорело левое крыло особняка… И конечно, пламя зародилось в детской, – хмуро сдвинув брови, негромко сказала Жасмин. Невероятный цвет ее глаз потемнел. На лице застыла болезненная гримаса скорби. Я не стала прерывать ее комментариями и вопросами. Хотя и тех и других у меня накопилось много. Почему у Джулии и Джозефа, диаметрально противоположных личностей, столько общего? Как я могла с ними сойтись в жизни, в разных уголках земли, можно сказать, почти в одно время? Разве такое возможно? И то, что он так яростно пытался из меня изгнать, оказалось в нем самом. Отрицание? Что бы сказала доктор Белл, если бы она верила во все происходящее? Тем временем Жасмин негромко добавила:

– После пожара я испугалась по-настоящему и умоляла мужа прислушаться ко мне. Джозеф был светлым ребенком, но свою силу он не умел контролировать. А крыло сгорело как раз в одну из наших с Чарльзом ссор… Он решил, что я свихнулась. Особенными детьми могут быть лишь гении, но никак не «поглотители огня», как он тогда выразился. Будто бы его сын –

диковинка в цирке. Меня очень быстро отправили в Кейн Хилл. В лечебницу Чарльз привел сына лишь однажды. Когда время визита подошло к концу, он цеплялся за мою руку своими маленькими пальчиками, пока мой муж тянул его от меня прочь. Больше Джозефа я не видела.

Жасмин замолчала. Только потрескивание потолочного вентилятора нарушало тишину. Я поняла, что плачу, только когда поднесла ладони к лицу.

– Как ты умерла? – спросила я, сглатывая подступивший к горлу комок.

– Давай отвечу так. Не хватало сил больше бороться.

Более ничего говорить и не требовалось. Никаких официальных подтверждений ее словам в личном деле, оставленным Гарсией, я не помнила. Но почему-то я ей сразу поверила. Не было никакой смерти во сне. Только отчаяние и безысходность.

– И это того стоило? Застряла здесь на десятки лет… Ты как рыба на суше.

Я не могла оставить Жасмин здесь. Не после услышанного. Ее смех прозвучал горько, словно вот-вот грозил перейти в плач.

– Ха-ах, нет… Я не знаю. Что будет дальше? Ты мне не ответишь… – В голосе женщины звучало смирение. Но ответ у меня был наготове.

– Освобождение. Тебе пора покинуть Кейн Хилл.

Едва я произнесла эти слова, как тьма в конце коридора понемногу начала рассеиваться, а сумрак, что царил вокруг нас, уступил место дневному свету. Вскоре наши фигуры с Жасмин окутал ослепительный белый свет, отправивший ее дальше, а меня обратно на дорожку у водонапорной башни.

Я вынырнула из закоулков памяти, возвращаясь к настоящему. Судя по шагам, что слышались за дверью моей спальни, оно сейчас должно было нагрянуть. Дверь бесшумно отворилась. Петли все же смазали.

– Элис?.. Ты вернулась? – спокойно задал ненужный вопрос Джо, ступая в комнату. Он был одет в свитер кобальтового цвета и простые серые брюки. Волосы его немного отросли, и теперь челка падала ему на глаза. Обычно он не пропускал визиты к парикмахеру.

– Ты же знаешь, что меня выписали. Один-один, дорогой. Не думаю, что у тебя снова получится упрятать меня в психушку. Как вышло у твоего покойного отца, например, – мстительно проговорила я. Видит вселенная, я не хотела, чтобы разговор принял такой оборот. Но умирать еще раз совершенно не желала.

Я не сдамся, как сдалась Жасмин. Буду идти до конца. И, сколь иронично это ни звучало, надеюсь, мое упорство не приведет меня к собственной гибели. Ведь именно этого я и хочу избежать.

Я посмотрела в эти осточертевшие мне голубые глаза. Лед, таящий в своих глубинах опасность, которым наградила природа радужку глаз Джозефа, вызывал страх. Страх и желание убраться от мужа подальше. Скажи мне кто о такой реакции пять лет назад – не поверила бы. Ни за что.

Джо подошел к кровати, медленно, словно шаги давались ему с трудом, и без моего разрешения опустился на мягкий матрас.

– Ты должна понимать, что я сделал это ради тебя… Ведь ты мне не чужая, пусть у нас и были трудности…

Тут я его прервала и рассмеялась в голос, понимая, что нахожусь на грани истерики.

– Да-а, трудности. Натравил на меня любовницу, свалил все на нее, потом сошелся со мной, затем изменил, обвинив во всем меня, между прочим, а потом и вовсе – сдал в приют для душевнобольных. Ничего не перепутала? – уточнила я сквозь смех. Успокоившись, тихо, но твердо заявила: – Я тебе ничего не должна.

– Мне жаль, что ты так думаешь. Я никогда не хотел тебя убивать, как можно было вообще о таком подумать… Ева восприняла все слишком буквально… помешалась…

И здесь я снова оборвала поток лжи:

– У тебя все помешанные, сумасшедшие. А как насчет тебя? Воспламеняющий взглядом?[45]

Плечи Джозефа дернулись, руки скомкали покрывало. Дорогое, глаженое. Некрасивые складки, собравшиеся под его пальцами, потянулись ко мне. Я подавила желание их расправить.

– Что ты хочешь этим сказать? – ровным голосом осведомился супруг. Его руки разжались, отпуская покрывало. Но прежний вид уже было не вернуть. С людьми точно так же.

– О, повелитель огня. Зачем же скромничать? Сначала колыбелька, хотя вряд ли ты помнишь, затем ящик с игрушками и… барабанная дробь, – я даже постучала по спинке кровати для убедительности, – пожар, охвативший целое крыло особняка. Ну чем тебе так дом не угодил? Или ты все старые здания не любишь? В том числе Кейн Хилл и больницу, куда меня отправил? Ну что за атефобия[46]?

Джо оторопело смотрел на меня. Его взгляд остекленел, а лицо застыло безжизненной маской, как у манекена.

– *Как скажу я вам «замрите», вы, не двигаясь, молчите. Лишь промолвлю «отомрите» – громко имя назовите*[47], – пропела я, слегка тряхнув мужа. Страх перед Джозефом рассеялся утренним

туманом.

– Что? – растерянно спросил супруг. Я громко хлопнула в ладоши и крикнула:

– Отомри!

Джо вздрогнул.

– Откуда ты знаешь? Даже мама не знала.

Я поняла, что Жасмин он матерью не называл. Только Элизабет стала для него той, кого он потерял в детстве, решив более не воскрешать смутный образ Жасмин в своем сознании.

– Ну, я тоже… необычная? Давай назовем это так.

Не люблю я слово «особенный». Очень быстро привыкаешь к этому определению. Обычно у таких людей потом и самомнение раздуто сильнее, чем у остальных. Оно и закономерно, ведь, по их собственному нескромному мнению, им дано больше, чем другим.

– Все равно не понимаю… – вымолвил Джозеф. Язык у него немного заплетался, будто он перебрал скотча.

– Спешу тебя разочаровать, но я не умалишенная, как тебе бы хотелось думать. Я едва не очутилась на том свете и теперь провожаю в последний путь других, – прозвучало как девиз дешевого похоронного агентства. Муж невесело улыбнулся.

– Да, Элис, разумеется. Я, по всей видимости, уже не смогу тебя разубедить, так ведь?

– В этом нет нужды. Я приняла свою действительность, мою сущность. А ты, похоже, нет. И я не смогу тебя убедить, так ведь? – передразнила я Джо. Тот пожал плечами.

– Моя действительность психически здорового человека меня устраивает, – ответил он, вставая с кровати, и направился к выходу из комнаты. В дверях Джозеф обернулся: – Скажи, если тебе что-то понадобится.

– Ты здесь больше не живешь! – сердито напомнила я, но муж спешно удалился. Горбатого могила исправит. Переночую и вернусь в магазин к девочкам. Дэвид был прав, как всегда. В доме мне лучше не появляться. Пока оставлю Джо в мире его иллюзий.

Сердце лежало на золотых весах. Вопреки законам гравитации, пустая чаша опустилась. Мышечный орган продолжал биться, хоть крови поступить было и неоткуда. Предсердия сокращались, правда, диастола затянулась, и я словно наблюдала замедленный цикл работы сердца.

Я оцепенела. Чьи-то руки из темноты потянулись к сердцу на весах. Кровь стекала с пальцев незнакомца, капли оседали на золото. Через мгновение сердце загорелось, не причиняя рукам чужака никакого вреда. Пламя полыхало, усиливаясь с каждой

секундой. Оно стало настолько высоким и ярким, что смогло осветить вора. Огонь выделил скрывающееся в тени лицо, и оно принадлежало Джозефу.

Я проснулась в немом крике, сжимая расцарапанную во сне ладонь, отчего та стала влажной из-за струившейся тоненькими ручейками крови. В воздухе пахло дымом. Не приятным запахом летнего костра, а точно рядом жгли пластик. Вскочив с кровати, я схватила висевший на спинке кресла шелковый халат и выбежала босиком из спальни. Двери других комнат были закрыты. У лестницы вонь чувствовалась острее. Я прикрыла рот и нос длинным рукавом. О вселенная, Джозеф, что ты наделал? Видимо, этот проклятый особняк достанется огню.

Глава 2
Новости из редакции

– Знаешь, мы могли бы последовать опыту моих предков и превратить твоего мужа в полезного обществу человека – зомби. Будет трудиться, а главное, больше не обидит тебя, – покачала головой Чалис.

Я рассказала гадалке обо всем, что со мной случилось в особняке, из которого мне удалось сбежать целой и невредимой. Чего о доме, к сожалению, сказать было нельзя. После моего побега стены Андерсон Мэнор разгорелись так, будто дом захватил огонь из самого ада. Когда здание уже почернело, балки рушились, а окна лопались, приехали пожарные. Никто бы не успел погасить это инфернальное зарево. Никто. Перед глазами застыла картина, как возле полыхавшего особняка стояли я, мисс Мелтон, миссис Торп и мужчина, вероятно, садовник, имя которого мне было неизвестно. Джозефа никто не видел. И никаких соображений о том, что сказать полиции. Мой муж пирокинетик? Когда ему плохо, он поджигает здания внутренним огнем, который сам и создает? Спасибо, в психиатрическом отделении мне не понравилось. Но о том, что мы в процессе развода и произошел конфликт из-за наследства, я все же законникам поведала.

– А как же твои убеждения не причинять вреда? – ухмыльнулась я. – Да и он же врач, так что пользу обществу приносит… Правда, к счастью или сожалению, его услуги не все себе могут позволить, – произнесенное мной «услуги» самой резало слух. Постепенно все превращалось в услуги.

Картер нахмурилась:

– Иногда можно и поступиться принципами. Ради спасения другого.

Я сердито цыкнула:

– Тц. Не надо спасать меня такой ценой. Джозеф успокоится, всему свое время. Да и теперь он осведомлен, что его маленький секрет перестал быть секретом… Подождем.

На лице Чалис отразилось недовольство, но она кивнула, нехотя соглашаясь со мной. Мы с ней стояли на кухне вдвоем, за окном еще властвовала ночь. На часах уже была половина шестого, но темноту на улице утром назвать язык не поворачивался. Со стороны плиты послышалось шипение, гадалка молниеносно успела выключить конфорку и снять турку с запенившимся кофе.

– Ловко, – восхитилась я, – словно у тебя третий глаз… на затылке, – ехидно добавила я и хихикнула. Время для веселья было неподходящее, но, возможно, оно уже таким и не станет.

– Просто кому-то пора купить кофемашину, тогда мне больше не придется обращаться в слух, когда варю кофе и одновременно веду с тобой беседы, – мягко улыбнулась Чалис, разливая ароматный напиток по кружкам.

– А молоко? – Я стукнула ногтем по кружке.

– Дворянские привычки? – приподняла бровь гадалка, но на губах играла улыбка.

– Просто хочу еще раз услышать, что порчу кофе, – хитро сощурившись, ответила я. Картер добавила молока из молочника. Я притворно поразилась: – Кофе в кружках, но молоко из пакета добавлять нельзя? Вы полны противоречий!

Чалис издала негромкий смешок и поставила молочник в холодильник. Кофе она предпочитала пить без сахара и молока. У нее сложились очень непростые отношения с этим напитком.

– Будешь тосты? – предложила гадалка, уже доставая из холодильника хлеб. Я отрицательно помотала головой. Есть не хотелось. Хлеб был убран обратно.

– Не хочешь или еда недостаточна хороша? – В голосе Чалис не слышалось издевки. – Кстати, что подавали на завтрак в твоем дворце?

Теперь я уловила саркастичные нотки, но ответила спокойно:

– О чем договоришься с вечера, или еще раньше, утвердив меню на неделю, то и приготовят. Я этим не занималась, да и пока мы жили в квартире, как-то даже забыли о таких вещах… А в последнее время мне было все равно, что подадут.

Видимо, сказанное вполне удовлетворило любопытство подруги, и она уже более участливо поинтересовалась:

– Куда весь штат особняка денется? Они потеряли работу?

Я закусила губу. С этим вопросом мне еще предстояло разобраться, но без денег работники Андерсон Мэнор не останутся.

– Нетронутым остался только домик садовника и часть ранее сгоревшего крыла… Его давно отремонтировали, так что пока бедняги поживут там. Дом придется продать.

– Не станешь заниматься восстановлением? – скорее утвердительно произнесла Чалис.

– У меня нет на это средств. После выплаты страховки и продажи особняка будут деньги. Развод окупится, и, скорее всего, я поделюсь вырученными деньгами с Джозефом… если, конечно, он вновь не вытворит глупость.

Картер неожиданно разозлилась и с грохотом поставила

кружку на стол, чудом не расплескав содержимое.

– Ты называешь глупостью попытки сжить тебя со свету. Господь, неужели ты так слепа?

Я опешила, наблюдая за несвойственной Чалис экспрессией. На кухню заглянула Ника. Она, как всегда, работала в это время, проводя таинственные ритуалы с постоянными клиентами салона. Думать о том, что именно происходило во время таких ритуалов, я совершенно не хотела.

– Девочки, у вас все хорошо? – миролюбиво осведомилась Корса. Чалис вернула себе самообладание и кивнула:

– Разумеется, прости, если помешали.

Ника по-птичьи склонила рыжеволосую голову. Мне показалось, или радужки ее глаз чуть покраснели. Скорее всего, игра света.

– Да я уже закончила… сегодня не было ничего сложного. Элис, расскажешь, что произошло? На тебе лица нет.

Я обреченно вздохнула и повторила свою историю. Картер в то время, пока я делилась событиями последних двенадцати часов, молча смотрела в окно. Что она хотела разглядеть в этой черноте, я не имела ни малейшего представления.

– Ладно, совсем не выспалась, ужасная ночь, – угрюмо подвела я итог, – пойду немного отдохну, если получится, – и я направилась к выходу из кухни.

– Разумеется, я тоже скоро приду, – пообещала Ника, что напомнило мне о еще одной причине моего отъезда. Ну, из двух зол выбирают меньшее. Чалис по-прежнему избегала встречаться со мной взглядом. Я же слишком устала, чтобы убеждаться в том, что на меня никто не обиделся.

В комнате все так же царил полумрак, и неприятный красноватый свет торшера меня по-прежнему нервировал. Стараясь не обращать на него внимание, я скинула джинсы, которые надела, уже приехав в магазин, и осталась в бельевом топе. Приехала я в халате и накинутом сверху пальто. И даже это не поразило Чалис.

Я забралась под холодное одеяло с блокнотом в руках. Что-то я стала часто к нему обращаться. Возможно, когда ситуация, если так можно выразиться, разрешится, возобновлю визиты к доктору Белл. Можно будет опустить некоторые подробности. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стараясь привести мысли в порядок. В воздухе висел уже знакомый тонкий аромат лавра. Ника решила зажечь свечи в спальне, полагаю, для защиты. Но вряд ли он меня защитит, особенно от нее самой. Я глядела на высокое пламя толстой белой свечи, и образ горящего особняка никак не выходил из головы. Я открыла блокнот, решив излить

душу старому другу:

Свеча горела, тлел фитиль.
Огонь пылал гневом полный.
И с треском разваливался мир,
Безумной яростью плененный.

Тушили люди ливнем слез,
Дым поднимался в небо.
Ветер пепел твой разнес
Частичками былого света.

Все померкло в темноте,
Живое обратилось в пыль.
И я в бреду, в страшном сне,
Свеча горела, тлел фитиль.

Как только дрогнувшая рука вывела последнюю букву, я поняла, что моя печаль не связана ни с особняком, ни с Джозефом. В памяти упорно всплывало лицо Джулии, ее губы, застывшие в крике, и тело, охваченное огнем. Она пожертвовала собой, чтобы спасти других, в том числе и меня. Джозеф жертвовал другими неизвестно ради чего. Отомстить? Справиться с непринятием себя самого? Или брак со мной повредил его разум? Мечется, как лосось на нересте. Я усмехнулась сравнению. Внезапный звонок телефона вывел меня из раздумий. На дисплее высветилось: «Артур Падоян». Совсем забыла, что я работаю в издательстве. И ведь обещала подготовить материал. Но, вероятно, журнал не дождется от меня статей. Я взяла трубку:

– Мистер Падоян, доброе утро…

– Добрый вечер. У вас утро, у нас уже дело к ночи. Когда вы планируете вернуться в Лос-Анджелес и планируете ли вообще?

Я кашлянула, не зная, как ответить главному редактору.

– Кхм… Разумеется, планирую. В скором времени, – уверенно начала я, – готовлю материал о траволечении, а также использовании магии в целительстве. Есть настоящие профессионалы, может быть, даже удастся взять интервью у их клиентов. Получится довольно большая статья с достаточным количеством источников, – на одном дыхании протараторила я, сама не понимая, откуда взялись слова. Солгав однажды…

– Замечательно, но хотелось бы уточнить даты прилета. Спешу вас обрадовать, что у нас освободилось место в штате, я готов взять вас, но вы должны жить в Лос-Анджелесе, работа требует пребывания в редакции. Я могу на вас рассчитывать?

Мое сердце забилось быстрей. Готова ли я вернуться? В Лондоне мне точно делать было нечего.

– Да, мистер Падоян. Вы можете на меня рассчитывать. Я вам перезвоню скоро, видите ли, мой дом сгорел…

Я витиевато пояснила произошедшее, стараясь не касаться острых углов. Но Артура, похоже, ответ устроил, его тон в дальнейшем приобрел сочувствующий оттенок:

– Жаль это слышать. В любом случае жду от вас ответа с конкретными датами прибытия в Лос-Анджелес.

– Спасибо, – ответила я, собираясь прощаться.

– И еще… Элис, вас искала какая-то девушка. Представилась Сарой, но фамилию Роксана записала неразборчиво, могу понять только первые две буквы. «Л» и «Е». Контактов она не оставила, всего доброго.

В трубке раздались противные гудки. Попрощаться с Артуром я так и не успела. Кому я могла бы понадобиться в Лос-Анджелесе?

В спальне или стало холодней, или меня охватил озноб из-за переживаний. Я отправилась в душ, чтобы согреться под горячими струями. Сил стоять у меня не было, и я опустилась. Посмотрела на невысокий бортик. Плитка на нем тоже покрылась паутинкой трещинок. Скользнула пальцами, повторяя узор трещин, остановившись на крупном сколе. Свет в ванной не отличался яркостью, но я заметила, как вода под моими пальцами начала меняться. Капли, попавшие на бортик, медленно темнели и вишневым цветом стекали мне на руку. Дежавю. Я вздрогнула, отдергивая руку. Из скола хлынул багровый ручей, заливая меня кровью.

– Ты там жива? У тебя телефон звонит! – словно издалека раздался встревоженный голос Ники. Я взглянула на бортик. Никакой крови не было. Похоже, я задремала в душе.

– Иду! – крикнула я, поднимаясь. Надо смыть с себя остатки повторяющегося кошмара.

Наспех я обтерлась не слишком мягким полотенцем и, надев свой топ, вернулась обратно в комнату. Корса, странно на меня посмотрев, прошмыгнула в ванную. Ее движения были почти неуловимы, как шлейф негромких духов. Телефон снова привлек к себе внимание назойливым рингтоном, и я, подбежав к кровати, схватила смартфон. На этот раз звонил неизвестный номер, но первая цифра: +1. Вновь кто-то из LA? Я ответила:

– Алло?..

– *Oh, mio Dio!*[48] До королевы Великобритании дозвониться проще! – возмущался Джакомо. Звонок Сарто одновременно и

обрадовал меня, и озадачил.

– А ты пробовал? – едко поинтересовалась я.

На том конце провода шумно вздохнули:

– Фух… Элис, ты собираешься возвращаться? Твой арендодатель неправильно записал номер, и даже после того, как я ему дал верный контакт, все равно не может связаться с тобой… Еще некая Сара про тебя спрашивала, но изначально она хотела попасть в квартиру Джулии, – печально изрек Джакомо. И тут же себя одернул: – В твою квартиру, но ей нужна была Джулия. Кто она и зачем, говорить не стала, взяла у меня адрес редакции. На этом все, – резюмировал Сарто.

– Вы с главным редактором как сговорились. Звоните в один вечер, – я покачала головой, улыбаясь. Жаль, он меня не видит. В трубке раздалось веселое похрюкивание. Издавал его явно не Джакомо.

– Я слышу Моджо! Как он там? Безобразничает?

Джакомо рассмеялся:

– О, сеньор Моджо в своем репертуаре. Ты не поверишь, вчера он стащил у соседки нижнее белье, пока та спала, ну а двери в нашем доме, конечно, закрывать не нужно. Это камень и в мой огород. Наливаю себе кофе на кухне и слышу, как визжит Моджо. Выхожу в коридор, а на полу небольшой кучкой сложены, простите, трусы и бюстгальтер. Рядом не менее громко визжала соседка, умолявшая меня угомонить сеньора Моджо…

Я захохотала, представив эту картину. Джулия бы оценила. Мы еще немного поговорили с Джакомо, и спать я легла уже в куда лучшем настроении. Рассвет подарил мне сон без сновидений, за что ему большое спасибо.

Глава 3
Пророчество

Прошло две недели после пожара. Моим официальным представителем по вопросам страховки и продажи дома стал Дэвид. Он был недоволен, когда я сообщила о своем решении уехать, не доведя бракоразводный процесс до конца. Джозеф не явился на первое слушание, на второе… и на следующие, я думаю, тоже не придет. Вероятно, развестись не судьба. Отложу этот вопрос пока что, вернусь в Англию через год. Нужно отдохнуть от столь долгого кошмара.

– Все собрала? – тихо спросила незаметно вошедшая в комнату Чалис. Я поглядела на незастегнутую сумку, чемодан и смятую постель с выпотрошенной на ней косметичкой.

– Почти, – глухим голосом ответила я. Чувствовала себя измотанной.

Гадалка прошлась ладонью между моих лопаток в утешительном жесте и села на краешек незаправленной кровати.

– Всегда так рано едешь в аэропорт? – поинтересовалась она, не глядя мне в глаза и сосредоточившись на стряхивании невидимых пылинок с черных вельветовых брюк. Ее шелковая фиолетовая блузка очень к ним подходила. Я же невольно одернула рукава старого серого свитера, ворот которого был до неприличия растянут. Бабушка подарила мне его на Новый год в две тысячи шестнадцатом. О браке и жизни в Лондоне хотелось забыть, а новая одежда об этом только напоминала.

– Если честно, то хочу побыстрее убраться из города. Мне будет в Гатвике куда спокойней. Вперед, в новую жизнь, – с грустной улыбкой сказала я. Ох, по Чалис точно буду скучать.

– Не забывай звонить, мне будет не хватать тебя, – словно прочла мои мысли гадалка. Я не выдержала и, бросив мятую футболку в дорожную сумку, обняла подругу. Картер стала мне настоящим другом, она мне нравилась, и потому я желала оставить ее как можно скорей. Не выживают люди рядом со мной.

– Я отвезу тебя в аэропорт, если ты не возражаешь, – предложила Чалис, отстраняясь первой. Ее глаза наполнились влагой, и она спешно отвернулась. Я вскинула брови:

– А Ника? Останется в магазине за старшую?

Картер издала смешок:

– Она и есть старшая… Ладно, не буду мешать. Время у нас еще есть.

Чалис так же неслышно покинула спальню. Сейчас был вечер,

Корса за прилавком. Я осталась в комнате одна.

Через десять минут сборы были успешно завершены, и я вкатила в зал чемодан, объявив:

– Вроде все.

Ника отошла от прилавка и, подойдя ко мне, потянулась обнять. Ее волосы пропитались терпким запахом благовоний. Я не почувствовала былой тревоги, когда угодила в ее прощальные объятия.

– *Powodzenia!*[49] – пожелала мне Корса и отступила. Она окинула меня взглядом, каким мать смотрит на свое чадо, отправляя его в школу. Хотя мне-то откуда знать.

– Я вам очень благодарна, девочки, правда.

Ника улыбнулась, Чалис поправила мои волосы и сказала:

– Если ты хочешь попасть в Гатвик пораньше, то поехали. По пробкам не хочется тащиться.

В этом я была полностью солидарна с Картер.

– Что там по навигатору? Сколько ехать? – поинтересовалась я, силясь заглянуть в телефон Чалис.

– Около часа, может, полтора. С трафиком в Лондоне никогда нельзя быть уверенным, едем почти в час пик, – отозвалась гадалка и завела двигатель. На этот раз в салоне звучали Pink Floyd. Песня началась где-то с середины, и я вопросительно поглядела на подругу.

– Я пришлю тебе сборник нормальной музыки для магнитолы. Ты застряла в прошлом веке, – пообещала я.

Чалис фыркнула:

– Пф. Просто у меня есть вкус.

Картер как ни в чем не бывало выехала на дорогу. А я столь возмутительное замечание оставила без комментариев.

Open your heart, I’m coming home.

– Надеюсь, это не альбом? Мы же не будем слушать их всю дорогу?

Чалис ругнулась сквозь зубы на наглого водителя, перестроившегося из другого ряда прямо перед ее «Мерседесом», не включив при этом поворотник.

– Что?.. И чего все такие агрессивные сегодня?

Картер меня не расслышала, оно и к лучшему. Незачем раздражать ее дурацкими вопросами, когда на шоссе и так полно джентльменов и леди, вполне способных на это.

Together we stand, divided we fall[50].

Я поглядела на Чалис, внимательно следящую за дорогой. *Вместе мы выстоим, порознь – падем*. Когда вся пыль минувших дней уляжется, мы обязательно встретимся с Чалис. Кажется, у девочек были планы переехать в Калифорнию и открыть магазин там. Это было бы чудесно.

Движение на шоссе стало свободней спустя минут двадцать мельтешения в пробках. Небо заволокло серыми тучами, и вскоре их разрезала вспышка молнии. Гром был едва различим, музыка в машине заглушила раскаты. На стекла медленно ложились капли. Отпразднуем конец февраля проливным дождем.

– Гроза, март еще даже не наступил, – проворчала гадалка. Я закивала, соглашаясь с капризным поведением погоды.

Машин на шоссе становилось все меньше, правда, до аэропорта было еще далеко. Спустя еще пять минут неспешной езды автомобили пропали из поля зрения вовсе. Я заерзала на сиденье.

– Тебе не показалось странным, что дорога подозрительно опустела в такое время, – обратилась я к Чалис, отвернувшись от окна. Я взглянула на Картер и заметила, как сильно она впилась пальцами в руль, даже побелели костяшки.

– Чалис?

Подруга не отрывала взгляда от дороги. И я посмотрела вперед. Неплотной дымкой на шоссе скользнул туман, словно перетекая из окружавшего дорогу леса. Путь явно не был похож на тот, каким обычно я отправлялась в Гатвик.

– Что происходит? – повысив голос, спросила я вновь. Картер что-то произнесла на незнакомом мне языке. Потом она ответила чересчур спокойным тоном:

– Думаю, *тебе* видней. Но мы точно *не едем* в аэропорт, – мрачно уведомила меня Чалис. В считаные секунды дорогу озарила вспышка золотого света, я почувствовала удар от столкновения автомобилей, и мир в громком треске погрузился во мрак, поглотив собой все это чертово ослепляющее золото.

Пробуждение было вязким, как густой кисель. Я застонала от головной боли. Открыла глаза и поняла, что мы попали в крупную аварию. Чалис на первый взгляд не пострадала, ее голова была откинута на подголовник, подушки безопасности не сработали. Я осмотрела себя: цела. Когда мир перестал вертеться перед глазами, а двоившаяся в глазах дверь «Мерседеса» вновь слилась в одну, я вышла из машины. На шоссе, словно столкнувшиеся бильярдные шары, стояли знакомый «Порш»,

«Мерседес» Чалис и чей-то старый «Сааб». На пустой дороге только наши автомобили. Я посмотрела по сторонам. В *лунном* свете поблескивало озеро, спрятанное в высокой траве, о существовании или несуществовании которого я так хотела забыть. События, произошедшие со мной летом, вновь ожили в памяти.

Я тряхнула волосами, сбрасывая оцепенение. Нужно было убедиться, что больше никто не пострадал, где бы мы ни находились. Я подошла к «Саабу». За рулем сидела девушка, ее длинные волосы скрывали лицо темным полотном. Голова незнакомки покоилась на руле, и задействованной подушки безопасности тоже не наблюдалось. Я подергала ручку двери «Сааба» – заблокировано. Ладно, буду надеяться, что автомобилистка в порядке. Оставив ручку в покое, я прошла к родному «Поршу». Джозеф находился в сознании и расфокусированно смотрел через лобовое стекло. Он был все еще пристегнут. Я устремилась к нему. В окно автомобиля я постучала слишком сильно. Муж вздрогнул и, повернувшись в мою сторону, опустил окно.

– Живой? – выпалила я, не понимая, почему только мы с ним в сознании. Он кивнул и заторможенно попытался отворить дверцу. Со второй попытки ему это удалось. Его короткое пальто распахнулось, рубашка выглядела мятой. Он запустил пальцы во взлохмаченные волосы и пожаловался:

– Голова раскалывается.

Не сдержав порыва, я стукнула его в плечо.

– А сердце у тебя не болит? Что ты наделал? Зачем сжег особняк! Дом, где ты вырос? Лишь бы он мне не достался? – прокричала я и отошла от него. Хотелось убраться подальше и орать во всю глотку.

– Элис, – мягко позвал меня Джо.

– Если у тебя нет ответа на мой вопрос, то лучше молчи, – огрызнулась я, все еще бредущая в никуда.

– Элис… там девушка…

Я обернулась. Из «Сааба», потирая лоб, вышла хозяйка автомобиля. Без куртки, черное платье с цветочным, как мне показалось, орнаментом развевалось на ветру. Туман доходил ей до самых колен, и длину платья я разглядеть не сумела. Я направилась в ее сторону, проигнорировав что-то спросившего меня супруга. Губы незнакомки двигались, но слова были неразличимы. Когда между нами оставался с десяток шагов, я услышала негромкое:

– Элис… Это ты?

Я остановилась и так же тихо ответила:

– Да.

Девушка улыбнулась, похоже, с облегчением. Она пошла ко мне навстречу, и мир вокруг нас начал светлеть. Казалось, золотое свечение источает сама незнакомка.

«*Золото тебя погубит, дорога приведет к воде. Путь твой ложен, свет обманчив. Она придет, и будет сделан выбор…*» – пронеслось в голове изречение Нормы, пациентки лечебницы. Не успела я опомниться, как все исчезло в золотом свете, ослепившем меня.

Глава 4
Странник

Когда моим глазам вернулась возможность видеть, я, немного поморгав, поняла, что мы стоим в чаще леса. Щербатая луна освещала голые ветви деревьев, заставляя их отбрасывать причудливые тени. Кто-то бы назвал обстановку пугающей или даже зловещей, но я себя почувствовала так, словно вернулась домой. Рядом дрожала обескураженная владелица «Сааба» и переминался с ноги на ногу потерянный Джозеф.

– Где мы?.. Были же на дороге, – заозирался по сторонам ошеломленный муж. Происходящее никак не вписывалось в уютную картину его мира.

– Мы на другой стороне. И думаю, нет, знаю, куда нам нужно идти, – уверенно сказала я и обратилась к девушке:

– А вы?..

– Сара… я вас искала. Вы были подругой Джулии, я ее сестра, – приятным меццо-сопрано, отличным от хрипловатого контральто Сэлотто, представилась девушка. Меня словно окатили холодной водой. Я в недоумении глядела на нее и только и могла произнести:

– Но ее сестра умерла… в отеле. Марта…

Сара покачала головой и откинула спутанные волосы назад, обнажив тонкую шею.

– Долгая история. Я и сама до недавнего времени не знала, что у меня есть… была сестра, – характерный акцент выдал в ней русскую. Точно, Джулия – соотечественница. Я перешла на родной язык:

– Так ты из Москвы, верно? Насколько помню, Юля там родилась.

Сара улыбнулась и ответила:

– Все так… Я появилась на свет позже, уже после того, как Юлю увезли в Техас. Так что у меня фамилия матери – Леонова… Как и у сестры когда-то…

Джозеф в нетерпении прервал нашу беседу:

– Вы меня поражаете! Буднично обсуждаете непонятно что на русском, а на происходящую вокруг чертовщину вам совершенно наплевать!

Его британское произношение, которое я так раньше любила, стало меня раздражать до жути.

– Добро пожаловать в мою жизнь, – саркастически ответила я. Приблизившись к Джо, я тихо, так, чтобы было слышно только

ему, добавила: – Не спали лес своим праведным гневом и огнем.

Муж открыл было рот, готовясь разразиться тирадой, но я выставила ладонь вперед.

– Нет, идем. Выход здесь только один, – проинформировала я Джозефа, смутно догадываясь о причине нашего прибытия. Но верить в это не очень хотелось. Смерти я никому не желала. Даже Джо и уж тем более незнакомому человеку. Мы направились вперед, и я старалась в темноте увидеть горящие окна трамвая. В голове крутилось множество вопросов: Марта сияла золотом, когда ее поглотила бездна, связано ли это как-то с Сарой? Я ничего о ней не знаю. А как мои спутники вообще здесь оказались? Они оба погибли? И я тоже? Чалис вроде жива… по крайней мере, я рада, что с нами ее нет. Меня тронули за руку, оборвав мои размышления.

– Куда мы идем? – обеспокоенно осведомился Джозеф. Я, не глядя на него, сухо ответила:

– К трамваю, там бабушка ждет нас, наверное.

Сказанное мной не пришлось мужу по вкусу.

– Бабушка? Какая бабушка, какой к дьяволу трамвай?! – кричал супруг, вспугнув стайку птиц, резко вспорхнувших с ветвей в черное небо. Я, к своему стыду, едва удержалась, чтобы не рассмеяться. Нервы. Неожиданно на помощь пришла Сара, все это время молча следовавшая за мной:

– Давайте успокоимся, полагаю, мы все скоро поймем.

Джо попытался что-то ей возразить, но вслушиваться я не захотела, и о чем дальше шла речь, мне было неизвестно. Через сотню шагов, несколько недовольных возгласов Джозефа и полученных мною пары царапин от веток я наконец-то заметила освещенные желтоватым светом окна трамвая. Даже не знала, надеялась ли я увидеть бабушку или же кого-то другого. Алевтина Анатольевна заслуживала пройти дальше. И если она осталась из-за меня или чтобы помочь Эйчу, я готова занять ее место. В конце концов, если я окончательно стану проводником, это тоже будет новая жизнь. Предназначение. Многие так отчаянно ищут свой путь, а за меня уже все давно решили.

Мы замерли у трамвая, спрятавшегося в ночной тени деревьев. К моему величайшему удивлению, нас встретила не моя бабушка, а другая пожилая женщина, отдаленно похожая на Алевтину Анатольевну. Седые волосы, стянутые в низкий пучок, серый твидовый костюм, на руках кружевные перчатки. Около меня, почти над самым ухом, с содроганием выдохнул Джо:

– Это не твоя бабушка.

– А я и не заметила, – саркастически ответила я и пробежалась рукой по растрепавшимся волосам.

– Дорогая, здравствуй, – с долей кокетства поприветствовала меня старушка, спускаясь со ступенек, при этом совершенно не обращая внимания на моих спутников. Она казалась мне смутно знакомой. Я изучала взглядом ее лицо, стараясь отыскать в закоулках памяти, где же мы могли раньше повстречаться.

– Добрый вечер, мы с вами знакомы, я полагаю? – Мои слова прозвучали скорее утвердительно. Женщина поманила меня рукой в перчатке, украшенной жемчужным браслетом. – Я не одна, – указала я на Сару и замершего Джозефа.

– Так заходите все вместе, сейчас подумаем, что можно сделать, – старушка хихикнула. Мне этот смешок не понравился. Я повернулась к мужу и пристально глядящей на пожилую женщину Саре:

– Идемте, нет других вариантов, поверьте.

Сара только кивнула и направилась к трамваю. Супруг стоял, не отводя холодного взгляда от горящих окон.

– Джо? – негромко позвала я мужа. Но супруг не отозвался, так и продолжив в оцепенении созерцать железную, покрытую ржавчиной дверь. Я встала перед ним и, обхватив его голову руками, строго сказала:

– Тебе придется туда зайти. Твоя мать избегала своей судьбы почти двадцать пять лет. Не повторяй ошибок Жасмин.

Услышав запретное имя, Джо вздрогнул и уже осмысленно посмотрел на меня.

– О чем ты?

Я убрала руки и, отступив, велела:

– Заходи.

Если понадобится, я просто затащу его в трамвай. Вероятно, муж уловил мое настроение, не став спорить, он последовал за Сарой. Посмотрев напоследок на черный лес, я тоже присоединилась к остальным.

В хижине, как я привыкла называть это место, висел тонкий аромат бергамота и свежей выпечки. Но далеко не такой сильный, как в мой последний визит. Едва уловимый, словно кто-то оставил шлейф духов после себя. И я почти уверена, этим «кто-то» была моя бабушка. «Новая» бабушка, слишком радостно и неестественно улыбаясь, пригласила меня жестом за стол. За ним уже расселись Сара и Джо. Я с опаской, словно его могли выдернуть из-под меня в последний момент, опустилась на стул.

– Итак, вы забыли представиться, – обратилась я к старушке, пытаясь не выдавать волнения. Голос предательски задрожал.

– Ох, милочка, так неудобно вышло… Я Глория, мы с тобой виделись в отеле «Золотая Лилия», если не запамятовала… Подруга у нас общая, – хитро намекнула Глория, растянув сухие

губы в странной улыбке. Так могут улыбаться люди во сне, беззаботно, бездумно. Я нахмурилась и предположила:

– Джулия?

Старушка рассмеялась, смех ее был высок и иногда прерывался кашлем.

– Нет, детка. Мира, разумеется.

Я опешила.

– То есть как… Вы… Я вспомнила, вы предостерегали меня, говорили, что мы с Джулией зря остались в отеле!

Глория быстро закивала, точно китайский болванчик. В ее влажных глазах мелькнул безумный огонек.

– Да, милочка, верно. И вы с ней попытались сбежать… Жаль, неудачно, – проговорила она, поглядев на меня с притворной грустью. Не было ей никого жаль. Муж решил в беседе участия не принимать, и его расфокусированный взор был направлен в окно. Сару все еще трясло. Без верхней одежды, в одном платье, холод, должно быть, пробрал девушку до костей. Я поднялась с места, сняла с себя пальто и накинула его ей на плечи.

– Какая забота! – восхитилась Глория. За стол она с нами так и не села. Я тоже осталась стоять.

– Пустяки. Вы откроете тайну нашего прибытия сюда? Нам всем очень любопытно, – хладнокровно осведомилась я у Глории. В груди возле сердца неприятно завибрировало. Меня замутило. Ни Мира, ни Эйч и уж тем более Майк таких чувств не вызывали. Словно передо мной открыли окно в январе и впустили студеный питерский воздух с улицы. Но окна были наглухо закрыты, да и весна на носу, не так уж и морозно сейчас в Лондоне. Неровным строем по моей коже прошлись мурашки. Старушка обвела окружающих игривым взглядом, будто она что-то затеяла.

– Давайте выпьем по чашечке чая! Я уверена, беседа выйдет гораздо приятней.

Я лишь хмуро наблюдала, как Глория хлопочет на скромной кухне, и мое сердце защемило от тоски. Старушка точно и впрямь издевалась, подражая Алевтине Анатольевне.

– Глория, а где моя бабушка? – полушепотом спросила я пожилую женщину, если, конечно, она вообще таковой являлась.

– Она уже не здесь, милочка. Ты опоздала во-от на столечко, – с деланым сочувствием ответила Глория, оставив между большим и указательным пальцем крохотное расстояние. Джозеф, устав, по всей видимости, хранить молчание, гневно ей приказал:

– Прекратите над ней издеваться! Немедленно!

Он вскочил со стула и приблизился к старушке. Я мешать ему не стала, умереть второй раз не получится. А в том, что мы мертвы, я уже не сомневалась.

– Благородный… и глупый. Больше, чем ты, ей вреда никто не причинял, разве не так? – медовым голоском поинтересовалась Глория у моего мужа. Тот обескураженно поглядел на нее и отпрянул.

– Тот-то же, – погрозила ему пальцем старушка и, проигнорировав заплакавшую Сару, вновь сосредоточилась на мне.

– Ты… детка, с тобой не все так просто. Сядешь? – Глория кивнула на стул. Я резко вдохнула. Оказывается, я задержала дыхание, наблюдая за ними.

Старушка поставила передо мной чашку с изображенным на ней котенком в юбке. Закипел чайник. Мы сидели за столом, как немые куклы у ребенка, устроившего чаепитие с игрушками. Глория что-то мурлыкала себе под нос, разливая чай по чашкам, а затем наконец решилась сесть вместе с нами. Четвертый стул взялся будто из ниоткуда. Усевшись напротив меня, она добавила себе в чай молока и насыпала две чайные ложки сахара, просыпав несколько крупинок. Не спеша размешала сахар и, позвенев ложечкой о край чашки, сделала небольшой глоток, шумно причмокнув. Мы втроем, как загипнотизированные, наблюдали за ней. Я слышала, как у нас громко бились сердца. Вот парадокс, мы мертвы, а кровь по-прежнему течет по венам и артериям.

– Ты не такая, как остальные проводники, – насладившись приторным чаем, начала старушка. Тон ее был серьезен, игривость и кокетство исчезли. – Когда люди умирают, как правило, не своей смертью, то, впитав древнюю сущность, становятся проводниками, теряя со временем частички души. Не все выдерживают долго и пребывают в ожидании следующего проводника, чтобы им помогли переправиться на тот свет. Но ты, – она указала на меня пальцем, – ты другая. Можешь беспрепятственно перемещаться от нашего мира к другому. Тонкому, астральному… какие названия люди только не придумывают. Подобных тебе называют… «странниками» или «кочевниками». И лишь одна была такая у тебя в роду… О-о-очень давно, – протянула Глория. Ее глаза потемнели, почти сливаясь со зрачком. Мне нечего было сказать старушке, пугающей до чертиков. Ощущение было, точно язык прилип к небу.

– Так вы тоже странни… странница? – Я еле ворочала языком. Во рту пересохло, и я осторожно отпила из чашки. Глория прищурилась.

– Нет, нет, милочка. Хотя я так стара… что уже и сама не помню…

Я все еще не до конца понимала ситуацию.

– Мне нужно проводить вас?.. – предположила я. Старушка

засмеялась и тут же закашлялась:

– Кха… нет, нет… Я никуда пока не собираюсь. А вот трамвай не может оставаться пустым, место дорогой Алевтины кто-то должен занять, – ласково проговорила Глория, но глаза ее оставались ледяными. Она показывала на каждого из нас пальцем, произнося при этом детскую считалочку, жутким образом ее исказив: – Первый умрет, второй родится, – обезумевшая старуха начала отсчет с Сары, та сидела по правую сторону от нее, и Глория двигала пальцем против часовой стрелки, – третий по ветру разлетится, четвертый светится, пятый загорится, шестой в воде хочет утопиться, пока седьмой веселится, с восьмым беда случится, девятый с десятым ни туда ни сюда, зато одиннадцатый не уйдет никуда! – победно воскликнула старушка, остановившись на мне. Я испытала облегчение, главное, это не Джозеф и не Сара. Глория определенно ожидала другой реакции, и мое спокойствие ей было не по душе.

– Ты готова принять свою участь? – задала вопрос старуха, вставая. Я почувствовала, как трамвай приходит в движение. Дело плохо. Если Джо и Сара правда погибли… Я собиралась обменять свое согласие на их жизни, не особо надеясь на благополучный исход, но просто так сдаться не могла. Слова не успели вылететь из моего рта, как справа от меня раздалось громогласное:

– Нет! – закричал Джозеф. Его руки вцепились в край стола, весь его вид говорил о том, что он был готов напасть на старуху. – Ты не тронешь ее. Я могу остаться. Они пусть уходят.

Глория снова рисковала задохнуться от смеха. А я же смотрела на мужа и не узнавала его. Не было более разрушительной силы, чем несчастье, которое отразилось в его глазах.

– Не нужно жертвовать собой из-за чувства вины или страха. Везде смогу жить. И в нашем мире, и в другом. Не надо, – прошептала я Джо, тронув его за руку. Глория, успокоившись, вмешалась:

– Я вас всех заберу… такой веселой компании у меня давно не было.

Джозеф взглянул на меня, будто спрашивая разрешения. Я не отвела взгляд. Муж быстро коснулся своими губами моих. Разорвав поцелуй, он стремительно вскочил на ноги и подбежал к старухе. Заключив Глорию в стальные объятия, он заорал:

– Бегите!

До меня дошло, что должно было сейчас произойти.

– Не делай этого, – мне оставалось лишь просить. Только не снова, только не снова… Джозеф невесело усмехнулся, и

трепыхающаяся старуха в его руках вспыхнула как спичка.

– Джо! – истошно завопила я, бросаясь к мужу. Неожиданно Сара взяла себя в руки и, поднявшись, с недюжинной силой стала тянуть меня к выходу. Она уже отворила дверцу трамвая, собираясь прыгнуть на ходу вместе со мной. Последнее, что я увидела, как Джо улыбается мне, сгорая в огне.

– Джо-о-о-о! – закричала я, открыв глаза. Почувствовала теплые руки на щеках. Сфокусировавшись, смогла разглядеть встревоженное лицо Чалис.

– Что произошло, что случилось?.. – сквозь слезы бормотала я, отворачиваясь от подруги. Ожившее шоссе наполнил свет красно-синих мигалок и людской шум.

– Мы попали в аварию… очень серьезную… – тихо проговорила Картер, и я заметила, что мы были больше не в «Мерседесе», а теперь сидели в машине «скорой помощи». Рядом возились парамедики, пытающиеся измерить мне давление. Я отдернула руку.

– Со мной все в порядке. Что с остальными? Девушка выжила? А мой муж?.. Джозеф жив?

– Откуда вы знаете? – изумился темноволосый полноватый парамедик. На его форме было вышито «Ноэль». Напарник Майка, невероятно. – Вы находились без сознания!

Оттолкнув навязчивого парамедика, я сумела вернуться в вертикальное положение и, немного пошатываясь, вышла на дорогу. Три столкнувшиеся в «поцелуях» машины остались на месте. «Мерседес» был зажат между «Саабом» и «Поршем», бампер смят, капот разбит вдребезги. Как мы с Чалис не пострадали, для меня загадка. Сзади в нас въехал «Сааб», а спереди… врезался «Порш». Сейчас спортивный автомобиль полыхал, пламя тушили пожарные. Зевак, покинувших свои машины, предусмотрительно держали за кордоном. Не веря своим глазам, я отошла в сторону. Желудок скрутил спазм, меня вырвало.

– Элис, ты как?..

Вытерев рот одеялом, в которое меня закутали парамедики, я взглянула на подошедшую Сару. Она не выглядела напуганной, ее глаза покраснели, но были сухими.

– Что с Джо? Где Глория?

Сара вздрогнула.

– Значит, мне не почудилось… я думала, сон.

Мне захотелось вцепиться ей в плечи и потрясти как следует.

– Джозеф жив? – теряя остатки терпения, повторила я.

Та кивнула на покрытый пеной «Порш».

– А ты как думаешь? Он нас спас…

Чувствуя, как почва уходит из-под ног, я осела на асфальт. Лучше бы мне это все привиделось. Я посмотрела на Чалис, оставшуюся в машине «скорой помощи». Рядом с ней мелькнул Майк. Робко помахала ему рукой, и, как мне показалось, он заметил и улыбнулся. Я выдавила из себя улыбку в ответ и, к сожалению, это попалось на глаза Ноэлю. Ну и черт с ним. Мне уже все равно, кто что может подумать. Майка больше не было. Точно растворился в воздухе, как дым. Телефон в кармане пальто завибрировал. Я непослушными пальцами вытащила орущий мобильный:

– Да?

– *Bella*, когда ты прилетаешь? Хочу встретить тебя в аэропорту, – Джакомо тоже приобрел привычку не здороваться. А стоит ли мне сейчас ехать… Кто-то должен похоронить… его.

– Я…

Меня оборвал чей-то удивленный возглас:

– В машине никого нет! Никого за рулем? Это невозможно!

Сердце пропустило удар… Значит?..

– Элис, у тебя там все в порядке? Что за шум? – В голосе Сарто слышалось волнение. Я поспешила его успокоить:

– Да, все в порядке… точнее, далеко не в порядке, но я жива, моя подруга тоже…

Джакомо такие слова совершенно не успокоили:

– *Mio Dio!* Элис, что у тебя там происходит?!

– Я все расскажу при встрече, отправлю тебе время прилета, чтобы не забыл, – торопливо сказала я. Решение было принято. Меня ждет новая жизнь, и, наверное, я не буду скучать по старой.

Эпилог

Лос-Анджелес, месяц спустя

Кофемашина мучительно медленно цедила кофе. На первую полученную зарплату я купила в редакцию целую коробку кофе в капсулах. Нечего их использовать по два раза, как привыкла делать Роксана. Уж на чем-чем, а на кофе экономить нельзя. Я принюхалась: от дымящейся чашки исходил аромат миндаля. Глянула на упаковку. Ну, разумеется, для чего мне глаза. Красным по бежевому: изысканный «Амаретто». Хоть я и не питала особой любви к ароматизированному кофе, переделывать напиток не стала. Сегодня в МВТ уже с самого утра царил хаос. Штат с момента моего отъезда решили расширить, так как после смерти Дэвида Падояна уволилось несколько штатных журналистов. Но одно место, не считая того, что уже заняла я, было еще свободно. В приемную вернулась секретарша.

– Проходите, Сара. Думаю, Элис вас угостит кофе, – противным елейным голоском обратилась к соискательнице на вакантную должность журналистки Роксана. Пришлось оторваться от созерцания кофемашины. Можно подумать, если я буду испепелять аппарат взглядом, он смилостивиться надо мной и исправит мою оплошность.

Я мило улыбнулась секретарше, что далось мне с трудом. Будучи полноватой блондинкой, Роксана почему-то решила, что каре с челкой до середины лба – отличная идея.

– Рокси… – Меня удостоили в ответ яростным взглядом. Ни капли не смутившись, я продолжила: – Я с удовольствием сделаю Саре кофе. Совсем не хочется, чтобы вы подсунули ей растворимый… Да еще и наверняка с сухим молоком… Брр.

– Я… – на вдохе произнесла Роксана, явно намереваясь разразиться бурной тирадой.

– Да, вы, Рокси, наверное, хотите сообщить мистеру Падояну о прибытии кандидатки? Прошу. – Я указала рукой на дверь кабинета главного редактора. Артур, в отличие от своего покойного отца, симпатии к секретарше не проявлял.

– Просила же миллион раз не звать меня Рокси! Только Роксана! – выпалила в сердцах несчастная блондинка с неудачным каре. Я притворно охнула и прикрыла открытый рот ладонью:

– Ох, да не может быть! А мне казалось, вам нравится… Особенно когда Джулия к вам так обращалась.

При одном только упоминании Джулии по лицу секретарши скользнула тень. Она побледнела и, забыв предварительно постучать, скрылась в кабинете начальника. Поделом. В моей груди утробно замурчало удовлетворение. Теплым котом оно меня согрело. Я не могла Роксане простить того, что после смерти моей подруги имя Джулии Сэлотто избегали произносить. Сара вопросительно посмотрела на меня. Она стояла в дверях приемной и перекатывалась с пятки на носок.

– Да заходи. И правда, кофе будешь?

Сара лишь кивнула. Я вздохнула, выбрав на этот раз капсулу с обычным черным кофе. Наша редакция такая, кого угодно может заставить потерять дар речи.

– Ну что, как там дела со статьей? Какую тему выбрала? – сгорала я от любопытства, заглядывая Саре через плечо. Около нас остановилась Джанет. Ее красивый загар подчеркивала белая блузка, а кудри были собраны в хвост и перевязаны шелковым платком. Взглянув на платок, я почувствовала, как уголки моих губ поползли вверх. Чалис. Как там она? Девочки в нашем последнем телефонном разговоре, вырывая трубку друг у друга, упоминали о возможном переезде в Калифорнию. В Лондоне им надоело, да и спрос на «волшебные» товары постепенно снижался. Я была бы рада, если Чалис и Ника перебрались в LA. Они мне давали испытать такое забытое чувство. Чувство дома… семьи.

– Ничего себе, вампиры? Серьезно? Как связана медицина, пусть и нетрадиционная, с вымышленными древними кровососами? – насмешливо поинтересовалась Джанет. Я сердито шикнула на журналистку.

– Обрати внимание на название. Вампиризм лишь заголовок. Продолжение внизу, – спокойно пояснила Сара. Она была совершенно неконфликтна, что для меня порой граничило с мягкотелостью, но я училась терпению. Слишком много огня вокруг. Вода будет очень даже кстати.

– «Новые вампиры, или Лечение порфирии[51] кровью»… – тихо прочла Джанет, бросив на меня пристыженный взгляд. Я развела руками.

– И как мы сами до сих пор не догадались написать такую статью? Интервью с гематологом станет отличным дополнением к будущей статье, – радостно объявила я, не скрывая торжествующей улыбки. Джанет лишь закатила глаза и отправилась к своему столу. Я шепнула Саре:

– Ты молодец, но нам пора домой. Джакомо ждет у выхода.

Новая подруга и коллега обернулась ко мне. Ее глаза сияли азартным блеском.

– Ты иди, хочу закончить работать над…

– Нет! – в нетерпении я не допустила проявление трудоголизма. – Дома можешь продолжить, тут нечего делать, только если ты не хочешь быть подушечкой для шпилек Джанет. Идем, – я отодвинула Сару от стола вместе со стулом. Она вскочила, смеясь:

– Ладно, ладно… Только сохраню документ и выключу компьютер.

– Я подожду тебя внизу, – ухмыльнулась я. Мой ноутбук давно был убран в рюкзак. В куртке находиться в редакции стало жарковато, и я поспешила на улицу.

Прохладный мартовский воздух остудил мои пылающие щеки. Дышать стало легче.

– Ciao bella, – поприветствовал меня Джакомо бархатным баритоном. Я с улыбкой повернулась к нему и поцеловала его в колючую щеку. Хотелось большего, но привлекать внимание у офисного здания не лучшая идея. От сеньора Сарто пахло свежестью и хвоей. Как «елочкой» в автомобиле, только гораздо приятней. Не сдержавшись, я прыснула. Не поцелуем, так гоготом внимание привлеку. Раздалось радостное похрюкивание. Резко оборвав смех, я испуганно поглядела на Джакомо. Настала его очередь смеяться:

– Не бойся, это не ты. Просто Моджо соскучился.

Я опустила взгляд на ноги. Подросший поросенок, подпрыгивая, натягивал поводок и бешено крутил хвостом. Как только он заметил, что попал в поле моего зрения, сразу же начал тыкаться розовым пятачком мне в голень.

– Ты привел с собой Моджо! – неискренне возмутилась я. По-настоящему злиться, глядя в карие глаза Джакомо, было невозможно. – Ты не перестаешь меня удивлять, – я покачала головой. На что мне тихо ответили:

– И надеюсь, не перестану никогда.

Я в смущении отвернулась, осознав, что он говорит серьезно. Джакомо осторожно обхватил пальцами мой подбородок, вынуждая вновь посмотреть ему в глаза. И все-таки он меня поцеловал, положив руки мне на талию и притянув к себе. Я запустила пальцы ему в волосы, отросшие до плеч. Джакомо не было дело до прохожих. Кажется, мне тоже стало все равно.

Плей-лист

1. Europe – The Final Countdown
2. Bee Gees – Stayin' Alive
3. Агата Кристи – Черная луна
4. Deep Purple – Burn
5. Blondie – Hanging on the Telephone
6. David Bowie – The Man Who Sold the World
7. Ace of Base – Mercy Mercy
8. David Bowie – The Width Of A Circle
9. Blue Foundation – Ricochet
10. Pink Floyd – Hey You
11. Blondie – Living in the Real World

Благодарности

«По другую сторону Алисы» прошла долгий путь, и на этом пути нам с Алисой помогали прекрасные люди, которые поддерживали нас.

Прежде всего благодарю моего чудесного редактора Дарью и всю замечательную команду издательства Like Book. Спасибо, что поверили в меня и мои книги.

Спасибо моей семье: маме, которая читала самый первый вариант романа, оставалась с Алисой до самого конца; сестре, которая помогала нам с Алисой не сбиться с пути, и папе, читавшему финальную версию истории перед изданием. Спасибо подругам Ксении и Маргарите, первым «настоящим» читателям. Другу Максиму, подтолкнувшему меня в нужную сторону. Первому бета-ридеру Натали Ганеш.

Я благодарю моих друзей, талантливых коллег по перу: Светлану Поделинскую, Эйрин Фаррон, Женю Онегину, Татьяну Грац, Майю Винокурову, Александру Райт, Наталию Фишер, Анастасию Романову, которые поддерживали мое творчество почти с самого начала.

Спасибо всем и каждому, кто прочитает историю Алисы. Пусть в вашей жизни будут только светлые дни. Верьте в себя.

notes

Примечания

1

Charon (*англ.*).

2

Bee Gees – Stayin’ Alive.

3

Аэропорт в Лондоне.

4

Мидриаз – расширение зрачка.

5

Девятнадцать метров.

6

Девять метров.

7

Вход (*исп.*).

8

Не понимаю, сеньора, извините (*исп.*).

9

Доброе утро, сеньора (*исп.*).

10

Проклятие. Извините меня (*исп.*).

11

Идите к черту! (*исп.*)

12

Да, конечно (*исп.*).

13

Она сумасшедшая, может, позвать доктора Коста? (*исп.*)

14

Ничего страшного, сеньорита. Все хорошо, извините. Я ее муж, не стоит беспокоиться (*исп.*).

15

Боже мой (*исп.*).

16

Добрый день (*исп.*).

17

LA – сокращение от Los Angeles, Эл Эй.

18

До свидания (*исп.*).

19

Полуночное кафе (кофейня) (*англ.*).

20

Любовь к судьбе (*лат.*).

21

Патологическое влечение к поджогам (пиромания) – код МКБ-10.

22

Альбом группы Deep Purple «Burn».

23

Около ста восьмидесяти сантиметров.

24

Классы религии вуду.

25

Облако (*англ.*).

26

AAP – Associate Ambulance Practitioner – официальное название должности работников «скорой помощи» (парамедиков) в Великобритании.

R.N. – registred nurse – медицинская сестра.

28

Ms (Миз) – нейтральное обращение к женщинам в англоязычных странах.

29

Синдром навязчивости.

30

Ухудшение физического или эмоционального состояния человека, ненамеренно вызванное действиями медицинского работника.

31

Сто пятьдесят два сантиметра.

32

Муж (*польск.*).

33

Пойдем? (*польск.*)

34

Отсылка к «Волшебнику Изумрудного города», Гудвин подарил Железному Дровосеку сердце из шелка, набитое опилками.

35

Я думал, что ты умер в одиночестве, уже очень давно…
О нет, не я! Мы никогда не теряли самообладания.

Отрывок из песни Дэвида Боуи The man who sold the world.

36

Не заставляй меня висеть на телефоне (*англ.*). Blondie – Hanging on the Telephone.

37

Психиатрическая больница Cane Hill находится в лондонском районе Кройдон.

Счастливого пути (*польск.*).

39

Он ударил землю, где появилась пещера,
и я пахнул горящей ямой страха (*англ.*).

Отрывок из песни Дэвида Боуи The Width Of A Circle.

40

Двадцать четыре километра.

41

Десять метров.

Скорая помощь (*англ.*).

43

Ни себе, ни другому (*лат.*).

44

Река в Аиде (мифы Древней Греции).

45

Отсылка к произведению Стивена Кинга «Воспламеняющая взглядом».

46

Боязнь старых зданий и руин.

47

Детская игра «Замри-отомри».

Боже мой (*итал.*).

Удачи (*польск.*).

Открой свое сердце, я возвращаюсь домой. Вместе мы выстоим, порознь – падем.

Песня группы Pink Floyd – Hey You.

51

Порфирии – группа заболеваний, вызывающихся недостатком ферментов, которые принимают участие в синтезе гема (небелковая часть гемоглобина).